ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

ОДЕССКИЙ

39

АЛЬМАНАХ

ОДЕССА ● ПЛАСКЕ ЗАО ● 2009

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

ОДЕССКИЙ

39

АЛЬМАНАХ

ОДЕССА ● ПЛАСКЕ ЗАО ● 2009

ББК 84(4Укр-4Оде-2Од)63-47я430+63.3,014(4Укр-4Оде-2Од)63я430
Д 362
УДК 821.161.2'06=161.1(477.74-21)-92(082.1)+908(477.74-21)(09)"452.2"

Д 362 Дерибасовская — Ришельевская: Одесский альманах (сб.) / кн. 39 Всемирн. клуб одесситов: Сост.: Ф.Д. Кохрихт, Е.М. Голубовский, О.И. Губарь, И.Л. Липтуга. — Одесса: Издательская организация "ПЛАСКЕ" ЗАО, 2009. — 320 с.

ISBN 978-966-8692-19-2

Д $\frac{4702640204}{2004}$ $\frac{0503020902}{2004}$

Редактор Феликс Кохрихт
Редколлегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора)
Олег Губарь
Иван Липтуга

Редакционный совет:
Виталий Амурский (Париж), Андрей Добролюбский, Игорь Коваль, Татьяна Липтуга, Игорь Померанцев (Прага), Аркадий Львов (Нью-Йорк), Александр Мардань, Юрий Стоянов (Санкт-Петербург), Михаил Рашковецкий, Нелли Харченко (Берлин).

Фото:
Вячеслав Теняков, Иван Череватенко, Олег Владимирский.

Editor Felix Kokhrikht
Editorial board: Yevgeniy Golubovsky (deputy editor)
Oleg Gubar
Ivan Liptuga

Editorial council:
Vitaliy Amoursky (Paris), Andrey Dobrolyubskiy, Igor Koval, Tatyana Liptuga, Igor Pomerantsev (Prague), Arkadiy Lvov (New York), Alexander Mardan, Yuriy Stoyanov (St. Petersburg), Mikhail Rashkovetsky, Nelly Kharchenko (Berlin).

Photos by:
Viacheslav Teniakov, Ivan Cherevatenko, Oleg Vladimirskiy

ISBN 978-966-8692-19-2
© Авторство художественных текстов, 2009

От редакции

Одесситов бывших не бывает. В справедливости этого постулата мы, как говорится, лишний раз убедились в октябре нынешнего года. В столице России состоялся вечер памяти Исаака Бабеля, организованный лидерами ОДЕКОЛОНА – Одесской колонии, членами которой являются тысячи наших земляков, живущих нынче в Москве. Место встречи изменить было нельзя, да и зачем – именно зал Театра современной пьесы уже много лет по доброй традиции является местом сбора всех, кто по-прежнему ощущает себя одесситами. Его художественный руководитель народный артист России Иосиф Райхельгауз – один из главных полпредов Одессы в Москве.

На сей раз собравшиеся были объединены благородной задачей – сбором средств на строительство памятника Бабелю в городе, где он родился и написал свои лучшие произведения. Многие наши читатели уже внесли свою лепту в бабелевскую копилку, откликнулись и наши земляки, проживающие в разных странах, но, увы, денег все еще не хватает... Рады сообщить, что в осенний московский вечер их стало больше, хотя проблема еще существует.

Но вернемся в театральный зал, заполненный до отказа. Билеты спрашивали еще у станции метро. Собравшихся приветствовал президент Всемирного клуба одесситов Михаил Жванецкий. Заместитель одесского городского головы Татьяна Федирко вручила Почетный диплом знаменитому скульптору Георгию Франгуляну – победителю Международного конкурса на лучший проект памятника писателю.

Несколько часов – вечер закончился очень поздно – знаменитые артисты, режиссеры, писатели, музыканты, певцы не только показывали свое мастерство, но и отдавали дань любви и уважения нашему великому земляку.

Этот благотворительный вечер принес значительное пополнение средств, необходимых на создание достойного памятника, но, быть может, еще важнее то, что мы убедились в непреходящей привязанности одесситов к своему городу, к тем, кто его прославил.

Ноябрь в Одессе начался с празднования 110-летия Художественного музея, рождение которого неразрывно связано с именем выдающегося гражданина, многолетнего городского головы Григория Маразли. Он и другие меценаты и благотворители оставили потомкам не только великолепные здания, больницы, учебные заведения, музеи, библиотеки, но и высокие нравственные традиции, следовать которым – и высокая честь, и многотрудная обязанность.

Аполлон СКАЛЬКОВСКИЙ

Биография Одесской железной дороги

От редакции. Статья "Геродота Новороссийского края" Аполлона Александровича Скальковского написана вскоре после пуска железнодорожной ветки Одесса – Балта (1863 г.). Тем больший интерес она представляет почти полтора столетия спустя.

Свежо предание, а верится с трудом.
Грибоедов

Что такое Одесская железная дорога? Это животворный путь сообщения Севера с Югом России, Москвы и Петербурга с Черным, то есть "Русским", древних летописцев, морем. Что могло быть желательнее и естественнее этого пути, а между тем более четверти столетия (1836-1864) прошло невозвратно, с огромными потерями для всей империи, прежде чем осуществляется столь важное сооружение, как Одесская, то есть Черноморская железная дорога. Невольно повторишь с Грибоедовым, что хотя предание еще так живо, а уже верится ему с трудом. Вот почему мы решились изложить вкратце историю или, лучше сказать, биографический очерк этой очарованной дороги, в полном убеждении, что теперь в особенности он прочтется всеми с особенным любопытством.

I.

Говорить в 1864 году о пользе железных дорог к главнейшим нашим водоскопищам, к Днепру и Днестру, говорить о значении этого рода сооружений для Одессы и всего южного края империи в особенности, — все равно что говорить "о пользе стекла" или "о значении книгопечатания" для нравственного развития человека. Для Южной и Юго-Западной России, да и для всей империи это первостепенная потребность, удовлетворение которой столь же необходимо, как употребление пищи и воды, вдыхание здорового воздуха и пользование солнечным светом. И эта потреб-

ТРУДЫ
Одесскаго
СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА.
ОДЕССА
въ Типографіи П. Франціова
1865.

ность признана уже нашим правительством и нашими государственными людьми не теперь, а 30 лет назад, то есть прежде нежели явились железные дороги не только в Италии и Германии, но и во Франции. В то самое время, когда французский оратор, а впоследствии первый министр Луи-Филиппа, Тьер, гласно и энергически опровергал на трибуне нужду и пользу железных дорог для Франции, покойный император Николай в ответ на ходатайство кн. М.С. Воронцова с целию улучшения главнейших путей сообщения, преимущественно торговых, в Новороссийском крае, устройством шоссе от Одессы до Елисаветграда и Кременчуга, изволил ответить: "Полагаю, что устройство железной дороги будет и лучше, и полезнее всего: надо определить только, откуда ее начать. (Письмо графа Канкрина от 10 мая 1836 года № 2188.)

Чтобы исполнить волю монарха и устроить хорошие и выгодные для общественного хозяйства пути сообщения, кн. Воронцов вызвал из Бельгии опытного инженера, сделал нужные изыскания, собрал самые подробные статистические данные и на них основал в 1844 году пред главным правительством новое ходатайство о необходимости "принять самые решительные меры к предупреждению важных последствий для нашей торговли от соперничества придунайских портов". Он писал в своем докладе государю, что "от поощрения устройства сети железно-конных дорог в наших степях, которые, сближая расстояния, скоростию, правильностию и дешевизною провоза поставили бы нас в возможность не бояться никакого соперничества на иностранных рынках, зависит будущность торговли нашего южного края". Но когда ходатайство кн. Воронцова было повергнуто бывшим министром фыинансов гр. Канкриным на окончательное рассмотрение государя, император Николай изъявил желание, "чтобы при сооружении просимой железной дороги дать ей такое устройство, чтобы оно могло впоследствии послужить для паровозного сообщения".

Кажется, что таких двух авторитетов весьма довольно. Кн. Воронцов просил сперва только об устройстве обыкновенных дорог или шоссе в степях Новороссии, император считает лучшим сооружение железных дорог, в то время серьезно начатых Стефенсоном только в одной Англии. Кн. Воронцов признает достаточным сперва железно-конные дороги, государь желает, чтобы они были построены с паровыми двигателями. И заметим, что тогда в нашей хлебной торговле не было других соперников, кроме турецких провинций, преимущественно придунайских; а теперь постепенно явились: сперва громадная хлебная торговля Североамериканских штатов, а после, не менее опасная, венгерская конкуренция. Тогда земли наши

были так дешевы (от 5 до 10 рублей за десятину), что выпас для чумацкого скота был даровой, а теперь земля продается по 30 руб. за десятину, а выпас или дорог, или воспрещен владельцами. Если Одесса и другие новороссийские отпускные рынки устояли против столь грозных соперников своей торговли, то это служит лучшим доказательством их действительного промышленного значения и той нужды в хлебе, какую чувствуют некоторые иностранные державы, преимущественно Англия, и будут всегда чувствовать от усиления народонаселения и развития других отраслей хозяйства, особенно скотоводства.

Но если нужда и польза железных дорог для Южной России очевидны, не должно полагать, что они строятся для движения товаров отпускной, а тем более для успеха одной хлебной торговли. Движение столь громадных грузовых поездов, и в сравнении с другими предметами: пассажирами, мануфактурными изделиями и др., столь малоценных*, было бы слишком невыгодно для такого предприятия, как сооружение железной дороги, стоящей десятки миллионов рублей. Нет, они нужны для оживления и развития всех наших промышленных и нравственных или, лучше сказать, общественных сил России, и потому при обсуждении направления, какое должны будут принять линии такой дороги, должно обратить внимание как на пользу оконечных пунктов, между которыми они пройдут, на выгоды отечественной торговли вообще, на влияние этого движения на другие отрасли народного развития, на средства защиты государства против внутренних и внешних опасностей, и наконец, — а это не менее важное условие — финансовые выгоды самого сооружения. Несмотря на трудность столь обширной задачи, мы, руководимые указаниями 35-летнего опыта и тщательным изучением южного края России, решаемся коснуться всех упомянутых нами условий, необходимых при определении направления железных дорог от Одессы к северу нашего великого отечества.

Кн. Воронцов, авторитет которого для нас и для всякого русского экономиста служит хорошею гарантиею, еще в 1844 году, то есть когда Бессарабия не доставляла и 1/10 доли нынешнего количества своих сельских продуктов, приняв за центр южных русских дорог Одессу, а конечною целью Москву как сердце России, советовал начертать следующее направление. Он полагал сперва открыть две линии: одну, которая бы шла от Одессы до Паркан (болгарская колония насупротив кр. Бендер) на Днестре, а другую от Одессы до г. Ольвиополя (при впадении

* На Николаевской железной дороге в 1862 году хлеб платился 15 к., а кожа, олово и пр. от 30 до 40 к. с пуда; пожитки до 1 р. 20 к. с пуда.

р. Синюхи в Буг, Бобринецкого уезда Херсонской губ.), где соединяется большое количество обозов, идущих к этому порту из Киевской и Подольской губерний. Эти две линии представляют протяжение около 300 верст. Дальнейшее протяжение дороги направлено было на Кременчуг, Полтаву и Харьков, дабы со временем достигнуть до Москвы. Но с тем вместе кн. Воронцов полагал устроить еще одну ветвь в 90 верст от Ольвиополя до Балты, которая привлекла бы в Одессу все произведения Волынской губер. и части Подольской, отдаленной от Днестра. На этом основании был составлен и представлен государю в 1850 году, в время пребывания его в Севастополе, новый проект, благосклонно принятый императором и в 1852 году уже рассмотренный вызванным из Англии поверенным знаменитой тогда компании *Фокс и Гендерсон*, инженером Виньельсом-сыном, строителем киевского ценного моста, который, признав дорогу не вполне удовлетворительно проектированною, убеждал правительство избегать Кременчуга, где мост и дамбы на песках поглотили бы многие миллионы, а глубокие овраги, болота и пески по дороге от Кременчуга до Полтавы и за Полтавою до Харькова, представляли бы необходимость строить особые высокие плотины или насыпи, могущие потребовать новых миллионов. Но в Петербурге мысль об Одесской железной дороге в 1852 году была уже забыта, и потому и проект, и сам инженер были приняты весьма холодно, а война 1853-1855 годов обратила все внимание и все капиталы России и правительства к другим делам. Когда война кончилась, кн. Воронцов, несмотря на свою тяжкую болезнь, еще в Москве во время коронации объяснился с новым министром Чевкиным насчет столь капитального и полезного дела империи предприятия, но из этого "объяснения" вполне убедился, что задушевная мысль незабвенного фельдмаршала — соединить Одессу с центром России — еще не скоро осуществится.

Дальнейший ход этого дела известен. Учреждено Главное общество российских железных дорог. Одесса была оставлена в стороне, хотя и считалась неистощимым источником богатства для всей империи. Избрана Московско-Феодосийская линия, несбыточная ни для торговых целей, ни в политическом отношении, по крайней близости этого порта к границам Румелии, то есть английских интересов в Турцию. Между тем, пока мы рыли землю в Феодосии, Молдавия, Турция и наконец Венгрия устроили у себя дороги, очистили каналы, восстановили хлебопашество и основали такую хлебную торговлю, с которою может соперничать лишь неутомимая промышленная деятельность Североамериканских штатов.

В 1858 году образовалось новое общество, в главе которого были: гр.гр. Строгов и Адлерберг, инженер Марченко, Н.А. Новосельский и несколько купцов. Они, с высочайшего соизволения, пожертвовали значительную сумму (до 100 тыс. руб. серебром) на самые точные изыскания, необходимые для проекта Одесской железной дороги, по такому направлению, которое вело и к важным центрам русского промышленного развития и проходило через край, снабжающий наши рынки своими продуктами, и наконец могло, в случае нужды, соединить в самое непродолжительное время средства защиты государства, быстрым транспортом армии и военных заготовлений. Это направление, наиболее удобное, называется Одесско-Киевскою линиею, с ветвью от Одессы к Днестру и, что всего важнее, именно к этой же самой точке, которая была избрана кн. Воронцовым в 1844 году, до колонии Паркан. Департамент путей сообщения требовал бы от этой компании, чтобы Одесско-Киевская дорога была продолжена до Курска или даже до соприкосновения с Московско-Курскою железною дорогою. Но такой надбавки ни одна заграничная компания не одобрила, и от того в течение 5-ти лет не явилось ни одного серьезного предложения для сооружения этого могучего, плодотворного рычага благосостояния Южной, или лучше сказать, Юго-Западной России, будущей житницы, кормилицы и сокровищницы империи, в чем легко убедится правительство и в весьма скором времени.*

Так прошло бесплодно 20 лет, и дело о железных дорогах не продвинулось ни на шаг.

II.

В 1862 году образовалась вторично компания, о которой мы говорили выше, и как оказалось, с большим залогом успеха: учредители принадлежали к богатым и знатным фамилиям в империи. Инженер-генерал-майор Марченко и несколько купцов были их руководителями; высочайшая концессия даровала ей все права самых благоприятствующих компаний, и назначен срок для сбора капитала и открытия работ. Но политические смуты в Америке и на Западе Европы были причиною, что срок прошел, деньги не были собраны, и постройка нашей железной дороги была бы отложена опять на долгое время, если бы правительство не окончило тем,

* Какие громадные суммы вносит одна Одесса посредством отпускной торговли в хозяйство империи, можно судить по таблицам об этой торговле, ежегодно печатаемым в "Одесском вестнике".

чем желательно было и начать, именно: постройкою этой дороги своими средствами, своими инженерами, под руководством ближайшего начальства края и техническим контролем министра путей сообщения.

Что государь император принимал живейшее участие в успехе Одесской железной дороги, можно судить и по тому, что во время последнего пребывания своего на Южном берегу Крыма (в 1859 г.) повелел учредить особый комитет для обсуждения этого вопроса, в котором под его личным председательством участвовали гр. Строгонов и Адлерберг, инженер-генерал Мельников, гр. Бобринский и др. В комитете этом принято было в общем виде направление на Кременчуг, но решение этого дела отложено было до окончательного рассмотрения его в Петербурге.

Между тем гр. Строгонов, ратовавший все время за настоящее направление южной железной дороги, отказался от звания генерал-губернатора; на его место назначен был генерал-адъютант П.Е. Коцебу, с поручением командования и всеми войсками Одесского военного округа. Когда генерал Коцебу прибыл в Одессу, то первые слова, которыми он отвечал на искреннее приветствие всех сословий города, были, что: непременная воля государя императора есть, чтобы Одесская железная дорога была сооружена на казенные даже средства, если компания не состоится, в чем он твердо был уверен. Руководство этим важным делом он принял на себя и надеется, что наконец многолетнее обещание правительства и надежды края будут осуществлены в самом непродолжительном времени.

И в самом деле это уже были не одни только обещания. Вскоре Одесса увидела, что они оправдались на самом деле. Сюда прибыл бывший предводитель дворянства Эстляндской губернии камергер действительный статский советник барон Унгерн-Штернберг, которому с высочайшего соизволения поручено распоряжаться всеми работами. Наконец, в мае того же года одна линия Одесской железной дороги, под названием Одесско-Парканской ветви, была торжественно основана. Так совершилась наконец и на самом деле задушевная мысль покойного фельдмаршала князя Воронцова, задуманная им еще в 1830 годах и которую он преследовал столь горячо до последних дней своей достославной жизни.

С истинным удовольствием должны мы здесь заметить, что эта первая линия железной дороги, соединяющая Одессу с Днестром, да и самое направление на Кременчуг и к Балте было высказано в первый раз еще в 1859 году, в статье под заглавием "Днестровская железная дорога"*. Это

* В газете "Русский дневник", 1859, № 83.

дело до того казалось далеким и даже несбыточным, что даже учредители компании Киевско-Одесской дороги не сочли нужным поручить командированному ими инженеру барону Гану, делавшему изыскания Одесско-Балтской линии, осмотреть этот небольшой участок в 40 верст, который находится между Кучурганом и Днестром. Но генерал Коцебу вполне оценил эти две главнейшие ветви будущей Одесской дороги, полагая их началом вверенного ему сооружения. Подобно князю Воронцову, он считал направление от Балты на Брацлав и Киев делом второстепенным, а находил первейшею потребностию скорейшее соединение Черного моря с Днепром, у Кременчуга, то есть вести железную дорогу от Балты на Ольвиополь, Елисаветград и Кременчуг, дабы, удовлетворя требованиям хлебороднейших местностей Подольской и Киевской губерний, в то же время призвать не только Херсонскую и Полтавскую губернии к высшей экономической жизни, а главнейшему черноморскому порту империи открыть новые рынки снабжения и взаимного обмена продуктов. В этих видах он, между прочим, на счел нужным оконечность Балтской дороги или станцию построить в самом этом городе, а достигнув речки Кодымы, отсюда, по правой стороне этой долины, то есть в Ананьевском уезде Херсонской губернии вести дорогу до переправы на Буг близ Ольвиополя. Таким образом, при быстро и удачно совершавшихся сооружениях Одесса на всяких почти ста верстах приобрела бы новые торговые рынки, и те именно, на которые она наиболее рассчитывает для снабжения своего порта продуктами, нужными для ее отпускной торговли. Генерал Коцебу неуклонно следовал к достижению этой цели и в течение целого почти года подготовлял материалы для ее осуществления, собирал нужные статистические сведения, делал технические изыскания и результат оных подверг обсуждению не только высших властей, но даже экономической литературы и ученых обществ. Благодаря Богу, он достиг столь желанного решения: открыть будущему развитию Южной России широкую дорогу.

Заметим мимоходом, что в течение не более двух лет под его руководством сделано следующее: 1) Исследованы не только две дороги, теперь уже близкие к окончанию, но и две другие: Балтско-Елисаветградская и Елисаветградско-Екатеринославская. 2) Сформированы рабочие роты из штрафованных и притом худшего поведения людей. Они передвигались сюда со всех концов России и из этой массы людей, привыкших к праздности и пороку, требовавших на прежних местах только напрасных издержек на содержание свое и заражавших собою те части войск, среди которых они были рассеяны, организован рабочий отряд, представляющий те-

перь стройную рабочую силу, драгоценную в нашем крае при недостатке рабочих рук. 3) Составлены проекты всех искусственных сооружений и все земляные работы по обеим дорогам окончены, за исключением громадных насыпей и выемок на Кучургане, принадлежащих к значительнейшим сооружениям этого рода в России, и уложены рельсы уже на 200 с лишком верстах. До 4-го мая 1863 года, то есть торжественной закладки Днестровской линии, в Одессе не было ни одного рельса, ни одного вагона, не только локомотива; все надобно было создавать и выписывать, не только материалы, машины и инструменты, но и самих рабочих и производителей работ. И теперь "слово" стало "делом" — Одесса имеет пред собою два главнейшие торговые пути и, при помощи Божией, благодаря мудрости великого монарха, это сооружение, которое соединит Одессу с центром империи, будет вскоре достигнуто наконец после 30 лет ожидания. В декабре 1864 года, то есть через 18 месяцев после первого удара заступом, благословенного преосвященным архиепископом Димитрием, южная железная дорога освящена следующим положительным законом.

Высочайшим указом от 25 декабря 1864 года повелено: "Южную железную дорогу, начатую уже от Москвы до Серпухова и от Одессы до Балты, продолжать строить средствами государственного казначейства, по возможности деятельно, с одной стороны от Серпухова на Тулу, Орел, Курск и Киев, а с другой от Балты на Кременчуг и Харьков, предоставив дальнейшему соображению изыскание средств для соединения сего последнего города с Курском".

Этот достославный закон, призывающий к новой жизни всю южную Россию, вносит еще, благодаря Богу, новый принцип в государственное сооружение — "средства казны" без участия зарубежных капиталистов, то есть плутней чужеземных бирж и их главных агентов. Первые опыты внутреннего займа доказали возможность полагаться на свои собственные силы, как материальные, так и нравственные; и вот первое употребление капиталов, внесенных всею Россиею, будет направлено на дело столь сильно волнующее всю империю — постройку железной дороги от Москвы до Черного, то есть древнего "Русского" моря.

Теперь, когда столь громадное и столь богатое будущностью сооружение сделалось настоящим и неизменимым фактом, когда сам творец его, великий монарх, требует "строить по возможности деятельно", нам, простым экономистам, предстоит священный долг помогать хотя бы словом, если не делом, вящему успеху столь благотворного отечественного начинания.

Одною из первых обязанностей местного статистика есть изложение со всею откровенностию, без страсти и преувеличения, всего экономического, то есть торгового значения предположенной железной дороги, и мы берем на себя нелегкий труд высказать наше мнение о той ее части, которая проходит по городам и степям Новороссийского края, то есть между Днестром, Черным морем и берегами Днепра. Благодаря патриотическому и разумному усердию главного начальника Новороссии, направление, избранное для этой части южной дороги, вполне соответствует всем существенным интересам здешнего края, но мы надеемся доказать, что оно благотворно и для всей Юго-Западной и Северо-Западной России. Мы не раз удивлялись, что на это последнее обстоятельство не было обращено должного внимания в тех многочисленных статьях, которые в конце прошедшего года наполняли нашу периодическую литературу. А между тем изучение этого вопроса могло бы иметь влияние на более точное определение срединной линии, долженствующей соединить наши богатые области с Северною Россиею, с Нижним Новгородом и, следовательно, не менее богатыми приволжскими губерниями. Мы полагаем, что предлагаемое нами изучение дополнит, хотя в части, этот пробел, и мы просим всех добрых русских людей обратить на него свое внимание.

Постройка так называемой "Кременчугской", а в самом деле Днестровско-Черноморско-Днепровской линии железной дороги, будет иметь такое направление, какое наиболее представляет выгод равно проходимому ею краю, как и самому сооружению. Что ближайший распорядитель внутренних сил Новороссии желал преимущественного такого пути сообщения, которое бы вносило или развивало благосостояние в высочайше вверенном его попечению крае, это не только весьма естественно, но и достойно всеобщего одобрения и благодарности. Но выше этого еще он конечно ставил пользы всего нашего отечества.

Мы предполагаем, что в глазах мудрого правительства, ученого статистика и даже простого русского человека сооружение южной железной дороги имело в виду не только соединение действующих уже рынков снабжения с Одессою, то есть портом международной торговли, но и желание посредством быстроты движения грузов и сближения местностей, доселе разделенных целыми пустынями, — удешевление транспорта и, следственно, развитие промышленности там, где самые даже необходимые отрасли хозяйства находятся в совершенном застое. Чтобы вполне убедиться в достоверности нашего заключения, мы укажем прежде всего на те наши действующие уже рынки в пределах Юго-Западной России, которых

внутренняя торговля вращается в полной зависимости от главного центра заграничного сбыта — Одессы.

Ближайшее изучение всего юго-западного и северо-западного края России и долговременный опыт, подкрепленный множеством статистических данных, доказывает, что в настоящее время главнейший рынок для взаимного обмена продуктов Северо-Западной и Южной России есть Кременчуг с Крюковым и другими меньшими днепровскими пристанями: в Крылове, Верхнеднепровске, Екатеринославе, а за порогами: Никополе и Каховке. Для Юго-Западной же России (Киевской, Подольской, части Херсонской, Екатеринославской и Таврической губернии) была и будет главнейшим рынком Одесса, с рынками снабжения в Маяках или на другой точке железной дороги на Днестре, в Балте, Ольвиополе, Елисаветграде и Новой Праге. Мы не говорим уже о Николаеве и Херсоне, так как они не касаются будущей железной дороги. Посредником между обеими частями Западной России и Москвой с одной, а Одессою с другой стороны может служить Киев, если высочайше дарованная ему Московско-Днепровская железная дорога достигнет до Черного моря тем путем, о котором мы скажем сейчас, и который уже не раз был предметом весьма серьезных изучений, хотя наша периодическая литература не сказала о нем ничего в своих бесчисленных полемических статьях.

Северо-Западная Россия, в разных точках этого края, как то: Борисове, Гомеле, Могилеве и Брянске, заготовляет огромное число грузов: лесу строевого и дровяного, лесных и бочарных изделий, смолы и дегтю, пакли, пеньки и изделий из оных и проч., ценою на 7 до 8 миллионов руб. серебром и отправляет их на более чем шести тысячах: берлинок, судов, дубов и плотов вниз по Днепру до Крылова (Новогеоргиевск) и Крюкова, то есть Кременчуга. Часть этих судов в половодье спускается до самых устьев реки, то есть до Херсона и Николаева. На этих же судах большие грузы заводских и фабричных изделий изнутри империи достигают этим путем Крылова и Одессы. Обратно часть судов нагружается в Кременчуге или Крылове скотским салом, крымскою солью, крымским виноградным вином, сахаром киевских фабрик, а также турецким табаком и другими заграничными товарами, добытыми в Одессе и доставленными туда — сухопутно. Ценность этих обратных грузов простирается до 3-х и более миллионов руб. серебром в одну навигацию. Только самая малая часть этого груза остается в Киеве для потребления города и его весьма значительного торгового района. Таким образом, если Одесско-Балтская железная дорога, чрез Ольвиополь и Елисаветград, достигнет Кременчуга, то не толь-

ко Одесса войдет в прямое сношение с промышленностью северо-западной России, но и разовьет сторицею хозяйство и торговлю северных уездов Херсонской и поднепровских, Таврической губернии.

Что касается торговли Юго-Западной России с Одессою, то в настоящее время главнейшими рынками снабжения этого порта суть: Днестровская пристань у Маяк, которую заменит вскоре Парканско-Тираспольская, Балта, Ольвиополь и Елисаветград. При настоящем положении строящейся Одесско-Парканской железной дороги участь первых двух рынков вполне обеспечена, но Ольвиополь, а за сим упомянутая часть Херсонской губернии до Кременчуга ожидают улучшения своей участи единственно от существования этой последней ветки железной дороги. Из сего следует весьма естественный вопрос: как направить железную дорогу, столь желанную во всей России, именно: Киевско-Днепровскую?

Оставляя в стороне вопрос о возможности или трудности постройки этого сооружения в техническом отношении, как дело, в котором мы не можем быть судьями, мы только скажем наше мнение о чисто экономическом значении предположенной железной дороги.

Нам кажется, что Одесская железная дорога имеет две оконечности на Днепре: одну у Киева для удовлетворения той стратегической и национальной потребности, которая для всей России сделалась столь очевидною, и для соединения Черного моря с Московскою дорогою; другую у Кременчуга, как одного из ближайших сборных рынков, соединяющих промышленность Средней и Западной России с торговлею международною, действующею в одесском порте. Она, достигнув Балты, должна идти к Ольвиополю, как рынку или, лучше сказать, сборному пункту транспортов другой части юго-западной России, назначенных в Одессу. Важность этого пункта у слияния рек Синюхи и Буга, вполне оценивал кн. Воронцов и всегда желал направлять туда железную дорогу, как видно из его всеподданнейших рапортов в 1840 и 1850 годах. Отсюда к Киеву возможны две дороги: одна самая прямая, подымаясь по течению р. Синюхи почти до ее вершин и между Звенигородкой, Корсуном и др. местами Киевской губернии, достигнет Киева: другая, от Ольвиополя на сел. Лысую Гору, Ровное и др. места бывших военных поселений, достигнет Елисаветграда как одного из важнейших ярмарочных пунктов Новороссийского края; из этого же города на Новомиргород (Злотополь), Городище и др. части сахароварной области, по избранному инженерами пути, который теперь без особого изучения определить трудно, достигнет Киева. Из Елисаветграда уже пройдет наша дорога в Кременчуг на Алек-

сандрию и Новую-Прагу, и таким образом, с выгодою для всего края и его торговли, соединит Черное море с важнейшими днестровскими и днепровскими пристанями.

В первом проекте Одесско-Киевской железной дороги (Кербедза и Марченко) инженеры направляли ее от Балты на Брацлав и даже Бердичев, прежде нежели поворачивала на Умань и Киев. Они основали свою мысль на уверении некоторых польских помещиков, что этим путем Одесса получает главнейшую часть своих грузов из Юго-Западной России; но это большая ошибка. Этим путем из Южной Волыни и самой малой части Подольской губернии идет в Одессу не более 300,000 четв. хлеба и небольшие грузы фабричных изделий сахарных и шерстяных заводов кн. Сангушки, Головинского и др. На Ольвиополь, напротив, а тем более на Новомиргород, Елисаветград и Вознесенск, спускается более миллиона четвертей киевского, подольского и херсонского хлеба, не считая других товаров более ценных, но менее громоздких. Обратно, тем же путем, отправляются уже большие грузы каменного угля, соли одесских лиманов, машин и земледельческих орудий, табаку, бакалей, напитков и других заграничных продуктов, покупаемых в одесском порте.

По нашему крайнему разумению это разветвление Одесско-Днепровской железной дороги у Елисаветграда или Ольвиополя будет вполне соответствовать экономическим потребностям здешнего края и удовлетворит политическим нуждам империи. Здесь торговля будет значительным подспорьем стратегических целей, связав интересы Средней России с интересами придунайских румынских княжеств. Главное начальство Новороссийского края как ближайший и истинный блюститель хозяйства и будущего благосостояния этой великой колонии русского государства не может не видеть, что от прямых и непосредственных сношений Одессы с одним Киевом ни одна отрасль промышленности этого края не получит развития, тогда как улучшениями своих сношений с Кременчугом облегчит возможное сближение Южной с Юго-Западною и Северо-Западною Россиею.

Теперь да позволено будет нам, личным свидетелям всего того, что происходило в здешнем крае в течение последних 40 лет нашего здесь пребывания, службы и даже землевладения, сказать два слова о предположенном соединении обеих частей столь щедро дарованной для России железной дороги за Днепром. Допустим, что какая-нибудь политическая невзгода — а таких, благодаря врагам — завистникам России, можно ожидать всегда, потребует движения, и в скорое время, целых армий с артиллериею и обозами к берегам Днестра или Черного моря. Каким путем дви-

нется эта масса людей, обозов и лошадей? Их должно будет переправлять сперва, и с величайшею осторожностию и медленностию, по ценному мосту за Днепр — ибо едва ли можно будет пожертвовать новыми миллионами для другого подобного сооружения; отсюда мчаться до Курска, поворотить к югу на Харьков и Кременчуг, опять переходить Днепр, и тогда уже пробежать пространство между Днепром и Черным морем или Днестром, равное нынешнему пространству между Киевом и упомянутыми станциями будущей южной железной дороги. То же самое можно сказать и о экономических затруднениях этой дороги: торговые караваны, промышленные и рабочие люди должны будут пробегать без нужды целые сотни лишних верст и издержать целые десятки лишних рублей прежде, нежели достигнут своего назначения. Правда, судоходство на Днепре деятельно и теперь, и будет развиваться более и более вместе с успехами нашей международной торговли; но в каком положении находится это судоходство? и надобно видеть эти несчастные "берлинки", то есть древние русские лодки и дубы, и эти тысячи напрасно измученных рабочих, теряющих целые месяцы для совершения одного только плавания! Правда, уже десятки пароходов плавают вверх и вниз по Днепру, но они вовсе не приспособлены к буксирному движению и в течение всей навигации они не двигают ни одного товарного груза, ниже одного плота с дровами и лесом. Да и самый Днепр так еще мало исследован научным образом; наши гидрографы и гидротехты не исследовали и не обозначили даже фарватера этой бесценной реки нашей и даже на пароходах лоцмана щупают дно с утра до ночи трехсаженными шестами! А зимою? Как соединить Киев с берегами Черного моря и Бессарабиею, то есть главнейшим и столь легко уязвимым рубежом России? Не лучше ли избрать показанный нами и самою природою начертанный путь? Не лучше ли "предоставить времени", как сказано в высочайшем указе, соединение Кременчуга с Москвою, построить только мост на Днепре и дамбы в Полтавской долине, а миллионы, на эту линию назначенные, употребить на соединение Киева с Черным морем, то есть исполнить жарчайшее желание всей России.

Олег ГУБАРЬ

Пушкинские адреса Одессы: дом Лучича

Перечисляя несохранившиеся пушкинские здания, первый серьезный исследователь этой проблематики В.А. Чарнецкий упоминает и дом Ф.Л. Лучича — ул. Жуковского, № 38, Александровский просп., № 6 (1). Филипп Лукьянович Лучич — довольно значимая фигура в Одессе той поры: коммерции советник, городской голова в 1824-1827, 1830-1833, 1839-1842 гг. (2), с начала 1822 г. вместе с И.С. Ризничем входил в директорат Одесского коммерческого банка (3), член правления Ришельевского лицея и проч. (4), пушкинский знакомый (5).

Общеизвестно, что Пушкин упоминает Лучича в письме к своему приятелю, чиновнику и поэту В.И. Туманскому, из Михайловского от 13 августа 1825 г. Речь идет о том, что за несколько дней до отъезда из Одессы, то есть в 20-х числах июля 1824 г., Пушкин играл в карты в доме Лучича с хозяином и таможенным чиновником А.П. Савеловым, выиграв у первого 900 руб. На следующий день Лучич вернул Пушкину 300 руб. из этого проигрыша, а 600 перевел на своего должника, Савелова, с его, естественно, согласия. Но впоследствии этот последний непорядочно отказался от своего слова (6).

Оный сюжет интересен нам в том отношении, что его контекст явно свидетельствует о неоднократном посещении Пушкиным дома Лучича, о том, что отношения меж игроками были сложившимися, устойчивыми. На сегодняшний день об этом строении мы ровно ничего не знаем, ибо в градостроительной хронике зафиксирован лишь новый дом, построенный на том же участке Лучичем, документы на который он получил 10 декабря 1828 года (7). Возникает несколько вопросов: каким образом предшествующее сооружение оказалось во владении Лучича, когда, у кого оно приобретено и что собой представляло? Ответам на эти вопросы и посвящены наши разыскания.

Интересующий нас участок находится в пределах IV квартала Греческого форштата, под № 29 и смежными (8). Согласно реестру раздачи мест под застройку в сентябре 1794 г., №№ 29-32 в этом квартале отданы штаб-лекарю Миклашевскому (9) — это было не только угольное место по будущей Почтовой улице и Александровскому проспекту, но и почти весь квартал непосредственно по Почтовой. Застроил ли этот фигурант отведенные ему места? Из плана, составленного военным инженером Е.Х. Ферстером около 1802 г. (10) и высочайше утвержденного в 1803 г.,

как будто следует, что не застроил, ибо строения в этом квартале обозначены только со стороны будущей улицы Полицейской. Кто же в таком случае был здесь первостроителем? Ответ находим в одном из дел Одесского строительного комитета. 13 ноября 1818 г. именитый гражданин Ларион (Илларион) Портнов просит узаконить за ним места №№ 29-32 в IV квартале Военного форштата (к тому времени этот квартал, как и вся территория меж Преображенской улицей и Александровским проспектом, фактически откололись от Греческого и примкнули к Военному форштату; впрочем, официального разделения на форштаты тогда уже не существовало, город разделялся по частям, а прежнее разделение бытовало по старинке).

Портнов пишет, что более 20-ти лет назад обзавел на этих пустопорожних местах дом и сад, причем его правоту засвидетельствовало пятеро авторитетных старожилов, в том числе Осип Сапожников, Семен Андросов, Сидор Ширяев (11). 18 ноября прошение обсуждалось в Строительном комитете. Сверились с журналом инженерной команды, занимавшейся отводом участков в конце XVIII ст. Оказалось, что в 1795 г. №№ 29-30 числятся за надворным советником Иваном Боршаниновым (Боряниновым?), а №№ 31-32 за упоминавшимся штаб-лекарем Миклашевским, однако оставались пустопорожними, и более 20 лет назад застроены Портновым. Принимая вышесказанное во внимание, места со всеми обзаведениями Комитет за ним узаконил (12).

Весьма любопытны касающиеся тех же обзаведений архивные данные, фиксирующие статус-кво буквально месяцем ранее. 12 октября 1818 г. по предписанию Строительного комитета городской архитектор титулярный советник А.А. Дигби освидетельствовал "дом именитого гражданина Портнова, состоящий на Греческом рынке" (ареал этого базара был довольно расплывчат), где некоторое время назад произошел пожар, и насчитал в нем более 25 печей! Печные трубы оказались ветхими, без надлежащей изоляции, крайне опасными в отношении возгорания. Архитектор приказал разобрать трубы до потолка, чтобы меж потолком и крышей была "разделка из кирпича". Но хозяин разобрал только 5 труб "в том самом корпусе, где случился пожар", а остальные остались без изменений. Дигби докладывает, что полиция должна обеспечить надзор за исполнением противопожарных мероприятий, причем следует обязать Портнова подпискою. Далее зафиксировано, что строения внутри двора крайне ветхи, безобразны и грозят падением: надо разломать их до основания. "Крыша же покрыта им вновь под главным корпусом двухэтажного дома по боль-

шой улице (то есть по проспекту. — **О. Г.**) из драниц произведена без всякого правила бесподобным и удивительным безобразием, так что и описать нельзя" (13).

Ларион Федорович Портнов — одесский именитый гражданин, известнейший фигурант ранней истории Одессы, солидный купец (торговал русским железом, мануфактурой, лесом и др., отдавал внаем свою недвижимость), крупный подрядчик, владелец одного из старейших домов в историческом центре (14), на углу Дерибасовской и Ришельевской (№ 5, впоследствии на этом месте возведен существующий до сих пор дом Ралли), где находились популярные трактирные заведения, а также лавок с жилыми покоями в так называемом Красном ряду (15), городской голова в 1798-1800 гг. (16). Прибыл в Хаджибей еще в сентябре 1792 г., будучи орловским купцом 2-й гильдии, и построил дом в два с половиной этажа, субсидировал сооружение временной деревянной Николаевской церкви, спонсировал постройку Городового госпиталя, одним из первых ходатайствовал о необходимости строительства кладбищенской церкви, получил два похвальных листа от одесских граждан (17).

Дата устройства интересующего нас комплекса строений ("более 20-ти лет", то есть не позже 1798 г.) хронологически несколько расходится с упоминавшимся планом Ферстера, однако едва ли намного (к слову, датировка этого плана сама по себе достаточно условна: он мог быть составлен и ранее 1802 г.). Почему? Во-первых, недвижимость Портнова в Красных рядах как раз в 1798 г. фиксируется цитировавшимися архивными материалами, собранными А. Орловым. Во-вторых, в журналах Строительного комитета от 19 июля 1806 г. находим прошение именитого гражданина Портнова к герцогу Ришелье о дозволении присоединить к его и соседей местам из 15 саженей улицы "за гостиными рядами, торгующими красным товаром" (располагались по проспекту и занимали два квартала, меж Троицкой и Почтовой улицами), хотя бы 5 саженей, поскольку они испытывают большое стеснение во дворах. Однако Ришелье отказал просителям, поскольку такая прибавка сужала бы главную торговую магистраль и, разумеется, явно нарушала генплан (18). То есть в середине 1800-х комплекс интересующих нас строений представлен как давно сложившийся. Общеизвестно, что Красный (Гостиный) ряд функционировал уже в конце XVIII в. (19). О давности постройки, понятно, свидетельствует и тот же износ кровли, печей и дворовых построек.

В 1818 г. Портнову было 65 лет, и он, судя по всему, подумывал о передаче имущества наследникам — супруге Наталии, сыновьям — Егору, Ва-

силию, Николаю, дочери Анне (20). Недвижимость на Почтовой улице явно становилась обременительной, ее нелегко было реконструировать, в особенности после пожара. Понятно, что она досталась Лучичу, но при каких обстоятельствах? Исчерпывающий ответ находим в журналах Одесского строительного комитета от 14 января 1819 г., где изложено буквально следующее. Херсонская палата гражданского суда оформила купчую крепость: именитый гражданин Ларион Портнов продал одесскому купцу Филиппу Лучичу дом в IV квартале Военного форштата, №№ 29, 30, 31 и 32, со всеми строениями и землею за 28.000 руб. При этом оговаривается, что Портнов должен Комитету 5.000 руб., выданных ему заимообразно в июне 1805 г., и еще 1.000 руб., выданных прежде того. В число погашения долга зачтены выполненные им работы по устройству набережной, 3.066 руб. (21).

О чем здесь идет речь? О том, что Строительный комитет ссужал достойных доверия горожан деньгами на домостроительство под скромные проценты (22), и Портнов тоже получал подобные ссуды. Что касается подряда на устройство набережной, то он надежно фиксируется сохранившимся архивным делом 1810 г. под названием "О покрытии Портновым набережной диким камнем вместо должных Комитету 6 тыс. рублей" (23). И чтобы завершить историю Портновых, прибавим: после кончины главы семейства его наследница, супруга Наталия, не осталась без имущества (24). Правда, объявление Одесского сиротского суда от 1 мая 1837 г. о вызове наследников и должников после ее кончины (25) может означать, что благосостояние семейства к этому времени было, очевидно, подорвано.

Итак, что мы можем сказать о доме, который посещал Пушкин? Из современных планов (26) видно: довольно протяженный одноэтажный "дворовой дом" Лучича (который, по мнению архитектора Дигби, следовало разобрать до основания) стоял параллельно Почтовой и имел форму клюшки, а на проспект выходил недлинный по фасаду "главный двухэтажный корпус" — тот самый, что горел, отчего на нем и латали крышу. Поскольку двухэтажный дом служил продолжением Красных рядов, постольку в нижнем этаже и размещались упоминавшиеся торговые помещения — четыре лавки со сводчатыми подвалами, а наверху — "жилые покои". Именно во втором этаже этого корпуса и проходили карточные бдения, ибо в полуразвалившихся одноэтажных дворовых постройках могла обитать разве что дворня, тут по обыкновению находились конюшни, каретный сарай, дровяной склад, уборные и т. п.

Накануне продажи Портнов частично восстановил эти строения (кое-что, как мы видели, даже в принудительном порядке), однако они оставались ветхими, ибо расчетливый Лучич, конечно, не стал бы их кардинально реконструировать накануне слома и постройки нового здания. Поэтому в первой половине 1820-х владения его поистине поражали "бесподобным и удивительным безобразием, так что и описать нельзя". Вот и выходит, что явно плачевное состояние апартаментов притерпевшегося ко всему в Кишиневе и на прочих задворках Александра Сергеевича нисколько не смущало — была бы игра и интересное общение.

И еще любопытный момент: выходит, поэт посещал экзотические, рельефные, пряные Красные ряды, где торговали мануфактурой, ювелирными изделиями, церковной утварью, "военно-офицерскими вещами", книгами, оптикой, стеклом, табаком, канцелярскими, москательными, колониальными и прочими элитарными товарами. Причем не только известные русские купцы Авчинников, Протасов, Андросов и др., но и греческие, немецкие, еврейские, армянские, караимские, молдавские коммерсанты.

Затем Лучич построил новый роскошный дом (1828 г.), по красной линии Почтовой улицы и отчасти Александровского проспекта, и с 1 октября 1838 г. в этом здании разместилась Херсонская духовная семинария (27). После его кончины наследники продали семинарии дом и подсобные помещения, разумеется, вместе со всей землей (28). Так или иначе, а мемориальный знак тут был бы вполне уместен: Портнов, Лучич, Пушкин, Красные ряды, Духовная семинария — уж очень велика плотность мемориев на этом перекрестке.

Примечания

1. В.А. Чарнецкий. Древних стен негласное звучанье... — Одесса: "Друк", 2001, с. 60.
2. Одесса: 1794-1894. Издание Городского общественного управления. — Одесса, 1894, с. 791.
3. "Новороссийский календарь на 1837 год". — Одесса, 1836, с. 113.
4. Пушкин. Статьи и материалы. Под редакцией М.П. Алексеева. Выпуск III. — Одесса, 1926, с. 66.
5. Л.А. Черейский. Пушкин и его окружение. — Ленинград: "Наука", 1989, с. 243.
6. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. — Ленинград: "Наука", 1991, с. 355, 440, 556.
7. Государственный архив Одесской области (ГАОО), ф. 59, оп. 1, д. 973, 5 л.
8. Согласно генеральному плану, составленному Г.И. Торичелли в интервале 1827-1828 гг. — ОГИКМ, инв. № К-605.

9. Застроение города Гаджибея, теперь Одессы, в 1794 году // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. — Одесса, 1853, с. 593.

10. ОГИКМ, инв. № К-600.

11. ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 127, л. 710-711.

12. Там же, л. 713-714.

13. Там же, л. 611-612.

14. К. Смольянинов. История Одессы. — Одесса, 1853, с. 39.

15. Олег Губарь. Новые вопросы о старой Одессе. — Одесса: "Optimum", 2007, с. 145-146.

16. А. Орлов. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. — Одесса, 1885, с. 50. Одесса: 1794-1894. Издание Городского общественного управления. — Одесса, 1894, с. XVIII, 72, 231, 232, 791. В.А. Чарнецкий. Древних стен негласное звучанье... — Одесса: "Друк", 2001, с. 28.

17. Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XII. — Одесса, 1881, с. 461-462. Одесская старокладбищенская Всех Святых церковь. (Исторический очерк). Составил П. А. Т. — Одесса, 1899, с. 3.

18. ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 18, л. 32.

19. ГАОО, ф. 17, оп. 1, д. 20, 106 л. К. Смольянинов. История Одессы. — Одесса, 1853, с. 60. Красные ряды, разумеется, обозначены и на упоминавшемся плане Ферстера.

20. А. Орлов. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. — Одесса, 1885, с. 106, 123, 132.

21. ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 275, л. 35.

22. Смотри, например, ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 20, 173 л.

23. ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 32, 86 л.

24. Смотри, например, ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 1573, 8 л.; оп. 2, д. 232, 15 л.

25. "Одесский вестник", 1837, 1 мая.

26. План Г. Торичелли, на который я уже ссылался, и план Ф. Фраполли 1814 года.

27. Одесса: 1794-1894. Издание Городского общественного управления. — Одесса, 1894, с. 643.

28. ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 621, 6 л. Одесская старина. — Одесса, 1869, с. 52-53.

Олег ГУБАРЬ

Функции Одесского строительного комитета в контексте истории градостроительства Одессы*

Оценка и налог с недвижимости

Эту сторону деятельности ОСК невозможно рассматривать обособленно, в отрыве от исторического контекста, что вынуждает выйти за рамки одного или нескольких архивных фондов. Уместно подкрепить данным разделом предыдущий, ибо взаимосвязь их слишком очевидна.

Налог с недвижимости всегда играл существенную роль в пополнении городской казны. Так, в росписи доходов и расходов Одессы за 1834 г. полупроцентный сбор с оценки обывательской недвижимой собственности составлял 86.489 руб. 90 коп., поземельный налог с отданных разным лицам городских земель под сады и другие хозяйственные заведения — 14.184 руб., да сбор с мест, отводимых под застройку частным лицам, — 100 руб.[1] Последний налог был, в общем, чисто символическим — 3 копейки за квадратную сажень. Суммарно же все означенные налоги простирались до 100.773 руб. 90 коп.

Основную доходную часть городского бюджета тогда составлял, конечно, таможенный сбор. Расхожее мнение о том, что в эпоху порто-франко будто бы велась "беспошлинная торговля", — блеф. Если бы торговля действительно была беспошлинной, Одесса бы мгновенно обанкротилась. Другое дело, что сбор этот взимался в гораздо меньших объемах, чем в портах с традиционным таможенным режимом, — 1/5 — 2/5. В упомянутом 1834-м пятая часть таможенных пошлин давала 1.061.100 руб., то есть почти вдесятеро против налогов с недвижимости. Десятью годами ранее оценочный и поземельный сбор давали 11,5 тысяч рублей, менее двух процентов городских доходов[2]. Однако и эти суммы компенсировали многие расходные статьи. С ликвидацией порто-франко и последовавшим строительным бумом только один оценочный сбор составлял уже треть городских доходов[3]. Каким же образом формировалась величина оценочного сбора с недвижимости и как эта величина эволюционировала?

В ходе первичной застройки города не могло быть и речи о налогообложении недвижимости. Напротив, потенциальные застройщики всячески поощрялись и даже получали значительные и долгосрочные ссуды на

* Продолжение. Начало в кн. 35.

домостроительство. Однако, по крайней мере, в конце XVIII — начале XIX века были отрегулированы оценка и налогообложение частной недвижимости. Так, в одной из архивных описей Одесской городской Думы мы находим название несохранившегося дела за 1800 г.: "Оценочная книга домам г. Одессы"[4]. 15 июня 1803 г. датируется также несохранившееся дело — "Оценочный список домам, принадлежащим разным жителям города Одессы, для собирания с оных в городовой доход денег"[5]. Красноречивое наименование, впрочем, умалчивает о величине оценочного сбора.

Гораздо более внятную информацию по интересующей нас проблематике находим в делах фонда Одесского строительного комитета эпохи де Ришелье. 25 ноября 1810 г. небезызвестный Осип Россети, карантинный инспектор и член этого комитета, пишет: "По случаю назначения меня в комиссию для раскладки на дворян и разночинцев, имеющих здесь дома, дохода в пользу города, я объявляю сим мое мнение, чтобы оклад положить с оценки домов. В рассуждение же назначения количества суммы, например, половины процента, как обложены дома в Петербурге, или, буде надобность потребует, и больше или меньше, то сие представляю я на общее рассуждение"[6]. Другими словами, в Одессе еще не взимался фиксированный налог с недвижимости, который формировался спонтанно, с учетом текущих городских потребностей.

Члены Строительного комитета согласились с мнением Россети, и во второй декаде января 1811 г. на основании предложения де Ришелье "дворянским домам сею Думою обще с городовым архитектором (Франческо Фраполли. — **О. Г.**) примерная оценка учинена". При этом четко оговорено, что в городской доход следует получить не менее четырех тысяч рублей: "в пособие на содержание полиции — тысячу пятьсот, на наем воинским чинам квартир — тысячу, на освещение города — тысячу, и на наем при случившейся надобности проходящим командам подвод, ибо от дворян натурою подвод получать нет возможности"[7]. Раскладку подписали городской голова Андросов, гласные Крамарев и Томилин — авторитетнейшие негоцианты. Исходя из раскладки, необходимые 4.000 рублей и разделили пропорционально оценке домовладений. Доход сей, как видим, назначался для покрытия конкретных расходных статей: как раз в 1811-м в городе вводилось масляное освещение, оплата полиции и квартирных денег воинским чинам была традиционной, а подводы требовались проходящим воинским командам в связи с боевыми действиями российских войск на юге в 1806-1812 гг.

По раскладке получилось так, что с каждой тысячи оценочных денег взималось по 1 руб. 70 коп. налога, то есть всего-навсего 0,17%. И в этом нет ни-

чего необычного, если учесть, что потребности юного города были еще весьма ограничены. 17 июля 1812 г. по указанию де Ришелье этот "плавающий" оценочный сбор откорректировали: с домов, не приносящих дохода, по-прежнему взимался 1 руб. 70 коп. с тысячи, а с доходных — вдвое, то есть по 3 руб. 40 коп. Впрочем, раскладка приостановилась из-за разразившейся катастрофической чумной эпидемии и была возобновлена лишь 20 октября 1813-го[8].

А кто же, собственно говоря, занимался оценкой домостроений? Для этого существовал общественный институт присяжных оценщиков, напоминавший институцию присяжных окладчиков, назначавших сбор за содержание различных торговых заведений и помещений. Оценщики выбирались в Думе по баллотировке из числа исправных одесских купцов и мещан с безупречной репутацией. Оценка проводилась непременно в присутствии городового архитектора, с учетом качества и количества использованных строительных материалов, их устойчивости в случае пожара, прочности постройки, выгодности местоположения, доходности[9]. Разумеется, оценочная стоимость здания принималась во внимание при обычной маклерской сделке, а равно публичной продаже, отдаче под залог, в опеку по "духовной" и проч. В качестве официального документа магистрат выдавал домовладельцу оценочное свидетельство.

В первой половине 1820-х оценочный сбор, идущий главным образом на квартирную повинность, сокращается до 0,15% за дома, не приносящие дохода, и до 0,3% — за доходные. Архивные дела по раскладке оценочного сбора первой половины XIX столетия служат уникальным источником по истории градостроительства Одессы. Почему? Суть в том, что момент выдачи владельческих документов (так называемых открытых листов) на то или иное строение не всегда надежно фиксируется архивными документами, относящимися непосредственно к отводу мест под застройку и контролю исполнения, многие из которых попросту не сохранились. Наличие же конкретного домостроения в оценочной ведомости свидетельствует не только о самом его наличии в данный момент, но определяет стоимость, доходность, владельцев, фиксирует (хотя и далеко не всегда) примерное местоположение.

Например, из дел, хранящихся в фондах Государственного архива Одесской области, мы узнаем стоимость и доходность домов и магазинов, принадлежавших известнейшим лицам региональной истории: генералов Ферстера, Скаржинского, Сабанеева, князей Жевахова, Кантакузина, Лопухина, Волконского, графа Сабанского, графа Ржевуцкого, графини Потоцкой, графа Сен-При, графа Разумовского, графини Браницкой, "пушкинских домов" — австрийского консула фон Тома, двух домов Феликса

де Рибаса, домов Аркудинских, Ризничей, Бларамбергов, Фундуклея, Румаре, Давыдовых, Кобле, Кошелева, Рено, Россети, Куликовского и др.[10] Из этого реестра, между прочим, видно, что 10-процентный годовой доход с недвижимости в 1823-1824 гг. можно считать довольно успешным даже при тогдашнем остром дефиците элитарного жилья. Сооружения поскромнее давали гораздо меньшую прибыль.

В этих же ведомостях наблюдаем немало вычеркнутых имен. Что это значит? А то, что вычеркнутые лица освобождены от платежа полупроцентного сбора. Это, например, священнослужители местных храмов и их прямые наследники: Федор Швайковский, Сидор Гербановский, Стефан Буряковский, вдова Воронич и др.

Не позднее начала 1830-х оценочный сбор закономерно подрос до универсального полупроцентного, столичного. Величина оценочного сбора множества значимых частных домостроений проставлена в целом ряде архивных документов, хранящихся в разных фондах, в том числе в 59-м. В этом смысле показательно, к примеру, дело "О доставлении в Городовой магистрат и Коммерческий суд требуемых оными сведений о домах и земле, обывателям города Одессы принадлежащим"[11]. Здесь, в частности, находим опись и оценку всей солидной недвижимости видного одесского предпринимателя С.С. Великанова — дома, лавки, магазины в центре города, на Новом и Греческом рынках и др. Суммарная их оценка превышает 80.000 руб., а общий налог — более 400 руб. Здесь же — оценка недвижимости таких известных представителей коммерческой элиты, как Кушниров (Кушнарев), Сомлев, Клёнов.

Одно из дел в фондах Одесского строительного комитета дает представление о домовладельцах, освобожденных от полупроцентного сбора в пользу города. Помимо священнослужителей и их наследников это отдельные неимущие горожане, а равно владельцы "незавершенок" — лица нередко весьма состоятельные, однако еще не достроившие дома и магазины: Гари, Маюров, Тростянский, Ризо и другие. Кроме того, согласно существующим правилам, ряд солидных застройщиков увольнялся от уплаты оценочного сбора на пять лет, ввиду сделанных ими существенных капитальных вложений, что в конечном итоге способствовало развитию и украшению Одессы[12].

Как и сегодня, недвижимость служила наиболее надежным залогом по любому поводу: строительным подрядам, поставкам продовольствия и амуниции в действующую армию, винным и другим откупам, банковским кредитам и проч. В разные годы Одесский строительный комитет и сам ссужал горожан деньгами на постройку домов, устройство садовод-

ческих заведений, сооружение промышленных предприятий — как под залог существующих, так и строящихся зданий и сооружений, с общепринятой ставкой 6% годовых плюс 1% с этих процентов — на улучшение городского пожарного инвентаря[13].

К слову, заемщик, подрядчик, откупщик могли ставить в залог не только свою, но и чужую недвижимость, доверенную им документально. Вверитель же, естественно, получал некие оговоренные дивиденды, поскольку в той или иной степени подвергался риску. Для обеспечения надежности залогов постоянно совершенствовалось и законодательство. Так, регламентирующие документы 1829 г. ужесточали залоги по масштабным питейным откупам. В данном случае присяжные оценщики очень строго разграничивали стоимость находящихся в залоге строений на сгораемые и несгораемые материалы. Посему при заключении откупных условий учитывалась стоимость лишь несгораемых материалов, да и то за вычетом четвертой части[14].

Оценочные ведомости служат одним из основополагающих источников для исследователей истории градостроительства Одессы. Со временем рукописные реестры[15], в том числе не включающие "льготников", сменяются печатными списками, в которых домовладельцы перечисляются по порядку, все без исключения, часть за частью, улица за улицей, с указанием оценочной стоимости домовладения (хотя и в этом случае местоположение отдельных объектов не всегда поддается локализации). Сюда же включены казенные и культовые здания и сооружения, освобожденные от полупроцентного платежа в городской доход[16].

Реестры оценочных сборов предоставляют и крайне любопытные статистические сведения относительно общей динамики городской застройки. Так, из ведомостей 1863 г. мы узнаем, что число домов в Одессе распределяется по частям города следующим образом: в первой — 519, во второй — 968, в третьей — 1.060, в четвертой — 2.013, да еще 161 дача в той же четвертой части[17]. Раскладочная ведомость 1873 г. послужила основой для составления К. Висковским одного из наиболее значимых путеводителей по Одессе[18], по существу — поквартального перечня владельцев недвижимости.

В эти годы величина оценочного сбора возрастает до 0,75% со стоимости и до 7 1/2% с чистого дохода. Как и прежде, не обходится без недоимщиков, почему Дума была вынуждена направлять к ним специальные повестки с напоминанием о необходимости своевременной оплаты городских сборов[19]. В 1875 г. оценочный сбор с чистого дохода снижен до 6%, в 1876-м — до 5%, с 1880-м он возвращается на отметку 7 1/2%. Тогда же переоценивают все недвижимые имущества. В 1886-м оценочный сбор

возрастает до 8 3/4%, а с хуторов, усадеб и участков начинают взимать не поземельный, а оценочный сбор. Доход с недвижимости в городскую казну постоянно возрастает, что обусловливается, возможно, не столько ростом налогов, сколько объективным, однонаправленным увеличением стоимости самой недвижимости[20]. К середине 1900-х сбор с недвижимых имуществ — третья по значимости статья городских доходов: 1.200.000 рублей, то есть около 20% всего прихода[21]. По закону от 6 июля 1910 г., вступившему в силу в 1912-м, с городской недвижимости повсеместно, помимо Царства Польского, взималось 6% с чистой доходности.

Продолжение следует

Примечания

[1] Одесса, 1794-1894: Издание городского общественного управления к столетию города. — Одесса, 1895. С. 784.

[2] Там же, с. 782.

[3] Там же, с. 794.

[4] ГАОО, ф. 4, оп. 1а, д. 6. — 117 л.

[5] Там же, д. 26.

[6] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 52, л. 1.

[7] Там же, л. 2.

[8] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 266, л. 273.

[9] Там же, ф. 4, оп. 1а, д. 291, л. 2-3.

[10] Там же, д. 133, 215; Пушкин: статьи и материалы / Под ред. М.П. Алексеева. — Вып. 3: Материалы для биографического словаря одесских знакомых Пушкина. — Одесса, 1927. — 98 с.; Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина: 1799-1826. / Сост. М.А. Цявловский. — Изд. 2-е, исправл. и доп. — Л., 1991. — 785 с.; Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. — Изд. 2-е, доп. и перераб. — Л., 1989. — 544 с.

[11] ГАОО, ф. 4, оп. 8, д. 84.

[12] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 1445.

[13] Там же, д. 20 и др.

[14] Там же, ф. 4, оп. 8, д. 140.

[15] Там же, д. 942 и др.

[16] Список домам и прочим строениям, состоящим в I-IV частях города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. — Б. м., б. г.; см. также такой же "Список", составленный на 1873 год.

[17] ГАОО, ф. 274, оп. 1, д. 2.

[18] Путеводитель по городу Одессе. / Сост. К. Висковский. — Одесса, 1875.

[19] ГАОО, ф. 4, оп. 1, д. 1982.

[20] Одесса, 1794-1894. С. 134-135.

[21] Путеводитель по Одессе и ее окрестностям. Издание книжного магазина Е.П. Распопова. — Одесса, [1904]. С. 142.

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ

Человек-оркестр

Вспомнилось название этого искрометного французского фильма не случайно, а в связи с семидесятилетним юбилеем нашего давнего, с дней юности, товарища — Феликса Кохрихта. Емкое название картины вполне можно использовать для характеристики Феликса, естественно, совсем не похожего на героя блистательного Луи де Фюнеса. Правда, артистичности моему герою не занимать. И многогранности дарования природа ему выдала сполна.

В той далекой юности Феликс, выпускник медицинского училища, работал медбратом на Слободке, в доме, где обитали страждущие душой люди. Там он подружился с замечательными врачами, среди которых были Полина Георгиевна Великанова и Джон Иосифович Майер. Наверное, незаурядность юного коллеги обратила на себя внимание этих известных в городе людей. Феликс, высокий, худенький, с рыжей копной волос и детскими веснушками, был обречен на постоянное цитирование в его присутствии стихотворения Веры Инбер — "веснушек у Боба ужасно как много, и ясно, что это навек". Как в стихотворении мальчик Боб, так и Феликс встретит свою "девочку Дороти, лучшую в городе" — Таню Вербицкую.

В те годы Феликс писал трагикомические рассказы, где употреблял слова, которые "не знала бабушка". Никаких непристойностей, просто бабушке неведомо было, в частности, слово "презерватив". Эти юношеские рассказы так и остались неопубликованными... Жаль.

В середине шестидесятых, разбуженные хрущевской оттепелью, многие молодые люди круто меняли жизненный маршрут. И Феликс, окончив филфак одесского университета, ушел из медицины в журналистику, где и пребывает до сих пор.

Но кроме журналистики уже в те годы появились у Феликса и другие пристрастия, а точнее, страсти — музыка и коллекционирование. И Таня на равных делила с Феликсом эти увлечения. У Тани музыка — с детских лет, когда ее мама Наталья Сергеевна Вербицкая-Завалишина играла дома в четыре руки со Святославом Рихтером, дружба с которым продолжалась всю ее жизнь. Феликс, как многие мальчики в послевоенной Одессе, учился в школе имени Столярского, и ему прочили судьбу музыканта.

Воспитанные на классической музыке, они, тем не менее, не могли из-

бежать околдовывавшего обаяния джаза — коллекционирование пластинок, джазовые концерты. Наконец, во времена перестройки — джаз-клуб с Николаем Голощаповым, Юрием Затворницким, Михаилом Обуховским в подвальчике на Дерибасовской. Там, где был когда-то летний кинотеатр "Комсомолец", а теперь на его месте нависла "Европа"... Правда, в наши дни вместо джаз-клуба — джазовые фестивали и "Два дня и две ночи" музыки в Одессе!

В жизни Феликса и Тани музыка тесно переплелась с живописью. В начале шестидесятых коллекционирование стало глотком свободы на небольшом пространстве своего дома. Книги, пластинки, открытки, жетоны, графика, наконец, живопись — были утешением и спасением в абсурдистском мире нашего бытия. Тем более что рядом жили, писали, не выставлялись на официальных выставках талантливые художники, молодые, дерзкие, отвергавшие устоявшиеся догмы соцреализма.

Так, на стенах появлялись работы Люсика Межберга и Валика Хруща, Люды Ястреб и Вити Маринюка, Володи Стрельникова и многих других. (Может показаться, что я фамильярно употребляю уменьшительные имена давно ставших знаменитыми художников. Но мы были сверстниками и с юности привыкли к этим ласковым именам.) И конечно же, Саши Ануфриева. Портрет Феликса его работы — с пылающей рыжей шевелюрой на фоне Колизея, который тогда каждый из нас знал только по картинкам да по увиденным кадрам в итальянских фильмах, экспрессия этого портрета была достойна любого европейского музея.

Отдав много лет газетной журналистике, Феликс в последние пятнадцать лет осуществил несколько важных культурологических проектов. Уже давно он ведет на телевидении программу "Собеседник". И в собеседники себе он выбирает людей интересных, часто, как принято говорить, "знаковых" для Одессы. Спокойный доверительный тон этих бесед, на мой взгляд, отличает их выгодно от того состояния журналистики, в которое она погрязла в наше время.

Я могла бы назвать журнал "Одесса", центры современного искусства "Тирс" и Сороса, но из многочисленных проектов Феликса Давидовича мне особенно близок альманах "Дерибасовская — Ришельевская". Меня могут заподозрить в необъективности, но я не жрица Фемиды, чтобы быть беспристрастной. Я читаю каждый номер альманаха, и не было случая, чтобы я отбросила его с мыслью о зря потерянном времени. Мне интересно многое, идет ли речь о новых для меня страницах ис-

Татьяна и Феликс со своими нынешними питомцами Принцессой и Монстриком

тории родного города, или страницах, где впервые подают свой еще ломающийся голос молодые поэты и прозаики. Что уж говорить о зрелых текстах Игоря Божко и Олега Губаря, Анатолия Контуша и Александра Дорошенко, Владимира Каткевича и Алены Яворской. Я могу только пожалеть, что редко встречаю рассказы Сергея Рядченко, но утешаюсь страницами, посвященными старому и современному искусству Одессы... Кто-то может со мной не согласиться — это право каждого. Я говорю об исключительно своем субъективном отношении к этому альманаху и прошу его критиков: "Сделайте лучше!". Как читательница буду признательна.

Есть еще одно свойство у этой супружеской пары, милое моему сердцу, — любовь к братьям нашим меньшим. Особенно к котам и кошкам — рыжим, полосатым, тихим, драным и мохнатым, персиянкам, египтянкам и другим аноластанкам, и простым бездомным муркам — они готовы помогать всегда. А уж их домашние любимцы — Агафья, Глазастик, Апельсин, Лукаша, Мики — на протяжении долгих лет стали легендарными героями рассказов Тани и Феликса, часто превращавшихся в настоящие притчи.

Доцент факультета РГФ одесского университета, создатель собственной фонетической школы, Татьяна и ее супруг много путешествуют, выбирая порой весьма экстремальные маршруты.

На один из дней рождения (а здесь свой знак тоже подала судьба, потому что появление на этот свет Феликса и Тани отделяет всего лишь несколько дней) я позволила себе некую графоманскую безделицу, и заранее выпрашивая прощение за это самоцитирование, хочу привести несколько строф из этих "куплетов":

Феликс с Таней за границу
едут не воды напиться,
а пройтись по тем столицам,
чтобы помощь оказать
европейским кошкам сирым,
и совсем не для блезиру, —
нужно Таню с Филом знать!
То на Кипре для котенка
купят "Вискас"! — хоть в потемках!
То в Голландии дождливой
купят рыбки, купят сливок,
к удивленью парижан —
кошкам — сыр и круассан.
И сосиску (даже с пивом!)
купят им (не по одной!)
в той Баварии хмельной!
В Каталонии прекрасной,
В Андалузии цветастой,
В Югославии несчастной
Даже в нищем Курдистане —
Нет для Феликса и Тани
В той кошачьей жаркой страсти
Ни преграды, ни напасти,
чтоб могла остановить
вечный зов — котов кормить!

А если отставить в сторону ернический тон, то, задумавшись, признаешься себе, что так мало осталось в Одессе семей, фамилий, с такой прекрасной одесской родословной, восходящей к золотому веку нашего города — девятнадцатому. Все меньше людей, чья жизнь тесно переплетена с судьбами города, с судьбой культуры — музыки, живописи, театра, литературы...

Вот почему так хорошо в доме Татьяны Диомидовны Вербицкой и Феликса Давидовича Кохрихта. И пусть длится это блаженство еще долгие-долгие годы!

Фото Ивана Череватенко

Олег ГУБАРЬ

Улица Маразлиевская
Исторический экскурс

Улица эта, близкая к административному и деловому центру, порту, начала формироваться довольно поздно. Одна из главных причин такова. Во второй половине 1790-х — 1810-х годах застраивалась лишь правая, четная сторона Канатной улицы, ибо слева находилась Одесская крепость, эспланаду которой, естественно, застраивать было нельзя из-за военно-тактических соображений. В 1811 году крепость ликвидировали как фортификационное сооружение и передали в ведомство портового карантина. Однако отвод участков за Карантинной балкой официально разрешили лишь в сентябре 1820 года, хотя прошения об отводе подавались еще за два года до этого, причем лицами весьма влиятельными. В числе первых были удовлетворены просители 1818 года — С.Г. Волконский (построился в 1821-м) и А.П. Римский-Корсаков (по невыясненным причинам не стал застраивать участок), позднее — бывший адъютант герцога Ришелье полковник И.А. Стемпковский (построился в 1826-м), шляхтич Иероним Сабанский (построился в 1827-м) и др.

После застройки нечетной стороны Канатной ее тылы как бы сформировали новую улицу, которая так и называлась — Новой, или Михайловской, по прилегающему со стороны Успенской женскому Архангело-Михайловскому монастырю (сооружен в середине 1830-х годов). Топонимический вариант: "Новая улица при Михайловской церкви". 24 ноября 1895 года улица получила имя городского головы, тайного советника, выдающегося благотворителя и мецената Григория Григорьевича Маразли — император уважил

соответствующее ходатайство одесской городской Думы. 30 апреля 1920 года Маразлиевскую переименовали в улицу Фридриха Энгельса, а 20 сентября 1991 года вернули прежнее название (в годы оккупации она также именовалась Маразлиевской).

Топографически Маразлиевская протягивается от Барятинского переулка, поименованного так в честь домовладельцев князей Барятинских, до Базарной улицы, где разрывается кварталом, возникшим на месте стоявшего здесь в давние времена (1820-1830-е годы) протяженного канатного завода калужского купца Ивана Мешкова. Затем эта улица продолжается от Большой Арнаутской до Пантелеймоновской. Ныне Маразлиевская — подлинное созвездие объектов культурного наследия: их здесь три десятка, чуть не каждый дом! Назовем несколько характерных: доходные дома Васcаля (1902-1912, арх. Л.Л. Влодек), Мортона (1880-е, арх. Д.Е. Мазиров; 1905, арх. М.И. Линецкий), Менделевича (1909, арх. В.И. Прохаска), Гринчака (1893, арх. А.И. Бернардацци), Озмидова (1899, арх. Ю.М. Дмитренко), Петрококино (1890-е, арх. А.И. Бернардацци), Наума (1913, арх. Я.С. Гольденберг), Половинских, здания Крестьянского банка (1914, арх. Ю.М. Дмитренко), Мореходного училища (1957, арх. Л.М. Наркевич) и др.

История улицы тесно переплетена с историей Александровского парка, который в значительной мере определил ее элитарность. Действительно, здесь никогда не было, так сказать, случайных людей, случайных домовладельцев: это всегда либо представители коммерческой элиты, либо аристократы или иные социально значимые фигуры. Так, в числе первых застройщиков (1840-е) мы находим здесь, например, домовладения круп-

ного подрядчика Волохова и протоиерея Казанского. В 1870-х — начале 1880-х годов тут обосновались лучшие представители "умственной Одессы" — управляющий конторой Госбанка Тройницкий и инженер-архитектор, в течение многих лет городской техник Озмидов, барон Мейендорф, представители известного дворянского рода Гижицких, авторитетнейшие негоцианты Маврокордато и Анатра, заводчик и общественный деятель Новиков, основатель солидной коммерческой конторы, устроитель "Пассажа" Менделевич, семейства Лесли, Гальяно и др.

Солидные домостроения стали появляться здесь синхронно с, так сказать, возрастанием степени цивилизованности парка и дороги на дачу Ланжерон. Еще на рубеже 1830-1840-х годов небезызвестным Ф.К. Боффо был составлен план устройства так называемого Крепостного парка, то есть парка на месте прежней крепости. Проект этот и в самом деле осуществился, но только наполовину: статус оной территории на протяжении многих лет не был четко определен, здесь, например, находился пороховой погреб дислоцировавшегося в Одессе Люблинского полка, периодически — артиллерийские батареи, военное ведомство собиралось строить тут свои специальные учебные заведения и т. д. Крепостной парк пребывал в запущенном, заброшенном состоянии, служил прибежищем для разного рода асоциальных персонажей. Четкая его принадлежность определилась лишь после высочайшего визита и официального дозволения (по ходатайству Г.Г. Маразли!) устроить городской Александровский парк (1875). Совершенно очевидно, что именно после этого события, повлекшего интенсивное благоустройство территории, и началось активное домостроительство на Новой улице, именно тогда она обрела особую значимость и лоск.

До середины 1870-х строения здесь были, по сути, единичны.

Позднее, в 1900-1910-е годы, мы находим на Маразлиевской представителей таких известных в старой Одессе фамилий, как Аудерские, Блюмберг, Гаузнер, Вассаль, Ген (Хён), Гойнинген-Гюне, Карузо, Кефала, Котляревские, Кумбари, Либман, Лузановы, Мангуби, Панкеевы, Синадино, Снитовские и др. Роль этой улицы еще рельефнее возросла после устройства так называемого Нового (Александровского) бульвара (1886), протягивавшегося вдоль берегового обрыва от Барятинского переулка до дачи Ланжерон. Александровский бульвар соперничал по многолюдью с Николаевским, здесь соорудили целый городок развлечений: ресторанчики, кафе, кондитерские, площадки для детей, спортплощадки, тиры, эстрады, летние читальни, беседки и т. д., а затем тут появился и первый иллюзион. На бульваре проводилось множество разнообразных общественных мероприятий, в том числе Пушкинский праздник к 100-летию поэта, спортивные и эстрадные шоу, всевозможные "зрелища", благотворительные лотереи в пользу приютов, убежищ, увечных воинов и проч.

Маразлиевская была на совесть вымощена, освещена, дренирована, доходные дома оборудованы по последнему слову техники. Скажем, дом Озмидова вообще устраивался как образцовое элитарное жилье — с консьержами, лифтами, паровым отоплением, прачечными, канализацией, вытяжкой и прочими удобствами, тут предлагались внаем квартиры с видом на море, рассчитанные на любые запросы, от многокомнатных до камерных. Как заведомо аристократическая, "спальная", улица категорически отвергала какие бы то ни было заведения. Единственным, по сути, учреждением тут было Одесское отделение Крестьянского поземельного банка, которое до 1914

года помещалось в Барятинском переулке, № 2, и лишь затем перебралось в специально построенное по проекту известного архитектора Ю.М. Дмитренко здание (впоследствии — Дворец студентов).

Наш лаконичный обзор позволяет сделать некоторые обобщения. Район Александровского парка развивался несколько иначе, нежели другие территории исторической части Одессы. Это было обусловлено, между прочим, сложным рельефом (отрезанностью от центра Карантинной балкой), расположением здесь Одесской крепости и портового Карантина, что до определенной степени затянуло хозяйственное освоение этого микрорайона, обусловило сохранение оного приморского уголка как заповедного, незастроенного. Упразднение крепости, а затем и Карантина, устройство Крепостного сада, а впоследствии — обширного парка и бульвара, создали благоприятные условия для, с одной стороны, формирования здесь мощной индустрии развлечений и активного отдыха, в том числе — развития многих видов спорта, а с другой — стимулировало поэтапное строительство элитарных аристократических особняков и доходных домов, по каковому компоненту с улицей Маразлиевской и прилегающими переулками могли соперничать разве что Николаевский (Приморский) бульвар и, вероятно, улица Надеждинская (Гоголя), Сабанеев мост, Екатерининская площадь. Однако улица Маразлиевская, а равно примыкающие к ней Сабанский и Барятинский переулки имеют перед ними то несомненное преимущество, которое на профессиональном сленге риэлторов называется "тихим центром".

Фото Натальи Евстратовой

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ

Стадион

Лет за десять до войны в парке имени Т.Г. Шевченко еще можно было увидеть два... Черных моря: одно синело за скалами Ланжерона, а другое располагалось на месте нынешнего Зеленого театра. О происхождении этого "второго" Черного моря рассказал Валентин Катаев в воспоминаниях об Эдуарде Багрицком "Встреча": "...Отцы города с педагогической целью ознакомить население с отечественной географией придумали соорудить небольшой пруд в форме Черного моря. В точном соответствии с картой выкопали калошеобразную яму... Хрупкий бюджет муниципалитета... не выдержал дальнейших трат. Черное море так и осталось на вечные времена необлицованным и сухим...". Об этом же написал, вспоминая Багрицкого, и Юрий Олеша в очерке "Личность и творчество": "В... парке, в глухой его части, есть громадная котловина. На языке посетителей парка и жителей того района котловина эта называлась "Черное море". В ней играли в футбол".

Действительно, "Черное море" облюбовали когда-то юные любители новоявленного в России футбола, с завистью и интересом смотревшие, как играют англичане из "Одесского британского атлетического клуба", сокращенно именовавшегося ОБАК. Один из любителей, впоследствии всерьез и небезуспешно променявший мяч на перо, Александр Козачинский, отдавая дань детскому увлечению, спустя много лет напишет в повести "Зеленый фургон", что "Черным морем с незапамятных времен владела команда футболистов, которые именовали себя черноморцами. Черное море было чрезвычайно комфортабельным футбольным полем: окруженное пологими склонами, оно само возвращало игрокам мяч, который вылетал за его пределы. В команде черноморцев играли портовые парни, молодые рыбаки с Ланжерона и жители старой таможни. Они выходили на поле в полосатых матросских тельняшках...".

Катаев и Олеша не случайно связали в своих воспоминаниях "Черное море" с Багрицким. Не играя в футбол, он часами пропадал тут, встречаясь и "болея" за друзей. Более того, юный поэт написал даже "гимн черноморцев", несколько строк которого запомнил старинный приятель Багрицкого С. Березов:

Походим мы на диких горцев,
Наряд незатейлив и прост.

Но важны для нас, черноморцев,
Отвага, осанка и рост...*

Отсюда, с "Черного моря", ушли в большой футбол В. Зинкевич, Т. Коваль, В. Котов, М. Малхасов, И. Типикин... Здесь взошла звезда спортивного счастья Александра Злочевского, неповторимого "Сашки Злота", кумира одесских болельщиков и героя множества легенд, вокруг которого непременно собирались разновозрастные любители футбола, когда он уже в преклонном возрасте появлялся на раскаленном песке Ланжерона...

Традиции "Черного моря" продолжил стадион, построенный там же, в парке, по проекту архитекторов А.И. Дубинина, Н.М. Каневского и Р.А. Владимирской. И здесь футбольным полем служило дно огромной искусственной выемки, но в отличие от "Черного моря", она была правильной эллиптической формы, а на склонах располагались трибуны для двадцати двух тысяч зрителей. Его торжественно открыли 18 мая 1936 года, а потом пять предвоенных лет, как отметила Вера Кетлинская в романе "Мужество", "вся неугомонная и любопытная Одесса сбегалась "болеть" на трибуны стадиона".

Воспоминанием о счастливой мирной жизни возникает стадион в рассказе Валентина Катаева "Отче наш", написанном после приезда в Одессу в 1944 году, когда ему рассказали одну печальную историю: молодая женщина с маленьким сыном, спасаясь от облавы, мечется по зимней оккупированной Одессе, забредает в парк и, не чувствуя ног от усталости, присаживается на скамейку, а утром их находят замерзшими. Проходя мимо стадиона, она вспомнила, как однажды до войны с мужем и друзьями пошла "на футбольный матч Харьков — Одесса. Павловские болели за Одессу. Она с мужем болела за Харьков. Одесса выиграла. Боже мой, что делалось тогда на этом громадном новом стадионе над морем. Крики, вопли, драка, пыль столбом. Они тогда даже чуть не поссорились. Но теперь об этом приятно было вспомнить".

...Одесса встретила освободителей 10 апреля 1944 года, а уже 28 мая открылся стадион. В послевоенные годы футбольные страсти вспыхнули, пожалуй, с еще большей силой. И снова, как о том написал Иван Рядченко в стихотворении "Болельщики",

Лишь гол — и что-то вдруг раздвинуло
за стадионом берега,
и море с гулом в чащу хлынуло
на оглушенного "врага"!

* Беседа с С.Г. Березовым.

...Кроме вставных эпизодов, отдельных описаний, попросту упоминаний в прозе и поэзии стадиону целиком посвящено одно литературное произведение: рассказ "Стадион в Одессе", впервые напечатанный 2 июня 1936 года в газете "Вечерняя Москва". "Стадион над морем. Его не было, — свидетельствовал автор, — это новый стадион в Одессе. На фоне моря. Нельзя представить себе более чудесного зрелища... Зеленая площадка футбола... Он открывается внезапно — его овал, лестницы, каменные вазы на цоколях, — и первая мысль, которая появляется у вас после того, как мы восприняли это зрелище, это мысль о том, что мечты стали действительностью. Этот стадион так похож на мечту — и вместе с тем так реален... Этим видом можно любоваться часами. В сознании рождается чувство эпоса...".

Так написать о стадионе мог только человек, влюбленный в Одессу, нетерпеливо отыскивающий реальные черты будущего и трепетно всматривающийся в них, понимающий толк в футболе и в совершенстве владеющий литературным мастерством. И он был таким, наш земляк, в юности нападающий футбольной команды своей родной Ришельевской гимназии, талантливейший прозаик Юрий Олеша. "Могу сказать, что я видел зарю футбола", — признается уже на склоне лет Олеша в книге "Ни дня без строчки". Многие страницы этой книги посвящены милым для него воспоминаниям о начале футбола: "Я ни на что не хочу жаловаться! Я хочу только вспомнить, как стоял Гриша Богемский в белой одежде "Спортинга" (спортивный клуб в Одессе. — **Р. А.**)... Уже помимо того, что он чемпион бега на сто метров, чемпион прыжков в высоту и прыжков с шестом, он еще на футбольном поле совершает то, что сделалось легендой". "Такой игры я впоследствии не видел", — утверждает Олеша, вспоминая действительно легендарного Григория Богемского, с которым имел счастье играть в гимназической команде. "Я играл вместе с Богемским, — сразу, как к давнему знакомому обратился ко мне Юрий Карлович, — вспоминал свою первую встречу с ним знаменитый в прошлом футболист Андрей Старостин, — при этом он уставился на меня своими серыми глазами, как бы фиксируя мою реакцию, верю я или не верю в то, что он действительно играл "с самим Богемским", да и вообще, знаю ли я, кто такой Богемский"*.

Олеша ревностно относился к этому, в сущности, небольшому эпизоду своей ранней юности. Лев Никулин вспоминал, как он полушутя-полусерьезно вспыхнул в ответ на показавшееся ему ироничным замечание

* Воспоминания о Юрии Олеше. — М., Советский писатель, 1975., с. 58.

о том, что он "играл за форварда", как называли тогда нападающего. "Да, в Одессе играли в футбол в то время, когда ваш папа играл в преферанс. И я играл за форварда. Старостин, скажите ему", — призывал Олеша в защитники непререкаемого во всем, что касалось футбола, подружившегося с ним мастера.*

Но если Старостин подтверждал "футбольное прошлое" Юрия Олеши лишь своим незыблемым авторитетом, то пером очевидца описал его Сергей Бондарин в воспоминаниях "Встречи со сверстником": "В юности мы встречались на футбольной площадке. Маленький и шустрый гимназист Олеша играл за свою Ришельевскую гимназию в пятерке нападения, и я помню день его славы, когда в решающем матче на первенство гимназической лиги Олеша. забил гол в ворота противника. Это был точный красивый мяч с позиции крайнего правого... Маленький и быстрый форвард, пробежав по краю зеленой площадки и ловко обведя противника, точным ударом вбил гол. Аплодисменты...".

Такие или подобные воспоминания еще каких-нибудь пятнадцать-двадцать лет тому назад можно было услышать и на знаменитой одесской футбольной "бирже", что на Соборной площади. Но время в прямом смысле берет свое: уходят свидетели былых футбольных баталий, славы, надежд, разочарований и побед. Уходит... и старый стадион, открытый в 1936 году. Посмотрим, каким будет новый, и кто их поэтов прославит его в своих стихах.

* Воспоминания о Юрии Олеше. — М., Советский писатель, 1975, с. 69.

Александр ЛОЗОВСКИЙ

Формула успеха

От редакции. Предлагаем нашим читателям фрагмент романа Александра Лозовского "www.eretic.ru, или Формула успеха". Герой– молодой одессит 60-70-х годов.

...Первый год — институт насыщенный, но больше развлечениями, чем учебой, — пролетел как миг. Судите сами: после лекций два раза в неделю были тренировки — у меня акробатика, у Семена баскетбол. Два раза мы ходили к его дяде Филе в столярную мастерскую на подработку. Нам там официально выписывали зарплату как подсобным рабочим. (Спустя десять лет это нам очень пригодилось.)

Инициатива подработки была, разумеется, моя, у Сени финансовых проблем пока не было. А мне дома просить денег на личную жизнь не хотелось. "Я девушка гордая", — одобрительно подкалывала меня мама, но явно гордилась моей самостоятельностью. Мы с ней вообще жили душа в душу...

Один-два раза в неделю Сеня убегал на свидание к своей подружке Лере, в которую был откровенно влюблен. Лера, довольно симпатичная девица, хотя, на мой взгляд, с чуть грузноватой фигурой, еще училась в десятом классе, но, по планам Сени, на следующий год должна была поступать к нам в институт. Сеня откровенно боялся, что кто-нибудь ее уведет, и уходил на свидание с Лерой под девизом: "Все на защиту социалистической собственности!". "Где моя берданка?" — спрашивал он каждый раз, и я знал, что сегодня вечером на его общество могу не рассчитывать.

Почти каждую неделю наша новая институтская компания собиралась у кого-нибудь на квартире — чаще у Жени, чьи родители работали на Севере. Это у нас называлось загулом. Компания сложилась изумительная, другого слова не подберу. Если я когда-нибудь по-настоящему осознавал смысл заповеди "возлюби ближнего как самого себя", так именно тогда, в кругу нашей "бражки". "Бражка" — так мы небрежно себя называли. Нас было девять человек. Девять, пока в институт не поступила Лера.

Летом мы с Сеней были в колхозе на помидорах. И каждый вечер, когда мы по очереди присасывались к трехлитровой банке с мутной жидкостью, пахнущей табаком, которая называлась почему-то натуральным виноградным вином, он жалобно пел, подражая Вертинскому: "Как Лера там? Кто ей целует пальцы?..". Но это не помешало ему вместе со мной

сходить налево и провести пару ночей с двумя бойкими девицами с другого факультета. На своем курсе мы предпочитали не шкодничать, возведя это в принцип...

Когда я съехидничал на тему "любви и верности в лирике Альтмана", он ответил не задумываясь:

— Это совсем другое дело, это секс, а там любовь. Лера такой человек... такой человек... Я и обнять-то ее не решаюсь, — неожиданно признался он и печально вздохнул.

Я был ошарашен.

— Ты ли это, Семен Григорьевич? Ущипните меня! И что будет дальше?

— Не знаю, — он вздохнул еще громче и еще печальнее. — Женюсь. А какой может быть выход?

Но вот начался новый учебный год, и все покатилось по заведенному порядку: лекции, тренировки, подработки у дяди Фили и традиционные загулы. Только в нашей "бражке" стало вместо девяти человек десять — Лера действительно, как и рассчитывал Семен, поступила к нам в институт. Напрасно он хлопотал, хлопал крыльями и ерошил в сомнении свои буйные волосы — Лера очень легко и быстро вписалась в наш коллектив и уже через какой-то месяц расхаживала с нашими девочками по коридорам на переменах, как будто делала это всю жизнь.

— Правда, она подросла и похорошела? — спрашивал с гордостью собственника Сеня. — Хотя она не в твоем вкусе. Ты у нас любишь блондинок.

Я охотно соглашался и с тем, и с другим. И с тем, что она действительно стала стройнее и изящнее. И с тем, что это не мой тип женщины. У Леры было оригинальное лицо — слегка выступающие скулы, сочные губы, карие широко расставленные глаза и чуть-чуть волнистые черные волосы. Но это действительно был не мой тип — меня больше привлекали блондинки а-ля Мэрилин Монро. И нет никаких разумных объяснений, почему исподволь и незаметно для себя я мучительно и безнадежно в нее влюбился. Это было какое-то наваждение. Нет, не наваждение. Примерно через месяц после начала учебного года я уже ясно сознавал, что это настоящая и очень сильная любовь.

* * *

Это действительно было самое настоящее наваждение. Я никогда не был слишком впечатлительным, а тем более экзальтированным. Но сейчас при одном ее появлении у меня пересыхало во рту, стучало в висках, и я чувствовал, что меняюсь в лице. Если поблизости оказывалось зеркало, я краем глаза косился на него, чтобы увидеть, не слишком ли явно по-

краснел. И почти всегда убеждался, что слишком, но справиться с собой не мог. Ничего не мог с этим поделать. Все силы уходили на то, чтобы никто не заметил моего дурацкого состояния. Я старался не подходить близко к Лере, хотя тянуло меня к ней как магнитом. Старался не смотреть на нее, но именно этого мне и хотелось больше всего на свете.

Когда собиралась наша "бражка", я, как локатор, вылавливал ее голос из общего хора беседы, а все остальное проходило как-то мимо меня. Все чаще случалось, что я отвечал невпопад или вообще не отвечал на вопрос. Тогда фразы "Юра, ты где?" или "Юра, что с тобой?" пугали меня до полусмерти: догадаются, поймут... Пока мой тайный грех — а я, безусловно, считал позором увлечение девушкой своего ближайшего друга — сходил мне с рук. Пока никто, мне казалось, ничего не замечал. Но долго ли так могло продолжаться? Нужно было кончать с этой недостойной слабостью. Но как? Никаких признаков улучшения я не замечал. Вечером я ложился спать с одним предчувствием, которое выбивало из головы все другие мысли: завтра я ее увижу. Можете не сомневаться, мне было стыдно перед самим собой за это, как я мысленно называл свои охи и вздохи, истеричное слюнтяйство, но вот поделать я ничего не мог. В конце концов я решил: если хочу оставаться порядочным человеком, у меня есть только один выход — жесткие хирургические меры.

К тому же мне стало казаться, что и Лера почувствовала что-то неладное. Она прежде очень тепло и по-дружески ко мне относилась, выделяя меня из числа наших друзей. Еще бы, я знал ее школьницей и был ближайшим другом ее Семена. Но вот однажды я заметил в ее взгляде то ли вопрос, то ли сомнение. И открытость и теплота явно уступили место настороженности. Во всей этой неприглядной и очень тяжелой для меня истории Лерино презрительное отношение оказалось последней каплей. Она стала избегать меня, но — спасибо ей — старалась не привлекать внимания окружающих к постыдной ситуации.

Теперь я был обязан что-то менять не только из-за себя, но и для того чтобы не доставлять Лере лишних неприятностей и не ставить ее в ложное положение. А это значило, что я должен был прежде всего перестать появляться на наших сборищах.

Можете мне поверить, это было очень нелегко. Нелегко, потому что "бражка" стала важной частью моей жизни. Большая Женькина квартира по пятницам, где у каждого уже было любимое местечко, привычные две бутылки "Токая" или "Перлины степу", или "Хереса" на всех, частенько преферанс, к которому допускались и наши девочки, бесконечные не обя-

зывающие ни к чему разговоры — все это стало привычным и необходимым для меня. Но что делать — придется себя исключить.

Я наступил на горло собственной песне и перестал появляться на загулах. Один бог знает, чего мне это стоило. А чтобы объяснить ребятам этот странный поступок, записался в городскую команду КВН, которая репетировала по пятницам во Дворце студентов. Можете мне поверить, этой команде я был точно так же нужен, как и она мне. Когда я туда приходил (если не слонялся вокруг Женькиной квартиры, больше всего боясь попасться кому-то из ребят на глаза), то мрачно сидел в углу и бередил свои душевные раны.

Сеня встретил мою причуду с нескрываемым удивлением и решил, что кем-то там, в КВНе, я безнадежно увлекся. Этой идеей он поделился с остальными, выдав ее (обычное для Семена дело) за нечто достоверное, известное только ему одному. Шуточек от ребят на тему своих страданий я услышал немало, но меня это устраивало. Жаль, что Лера все-таки подозревала правду. А если у нее и были сомнения, то я сам их развеял однажды на перемене, проявив глупую и ничем не оправданную несдержанность.

Мы столкнулись с Лерой и Таней возле моей аудитории. Танечка — моя и Лерина любимая подружка — была доброй чуть полноватой девушкой с немного иксообразными ножками, какие часто встречаются у склонных к полноте женщин. Но ее улыбчивое, очень милое и очень доброе лицо заставляло забыть о любых недостатках фигуры. Танечка мягко и необидно стала пенять мне на то, что я их забросил. Я отшучивался, как мог. Тем более что в присутствии Леры меня опять, как обычно, стало бросать то в жар, то в холод.

— Семен говорит о тебе как о Стеньке Разине. Мол, ты "нас на бабу променял", — Танечка смотрела на меня с сочувствием. — А ты, Юрочка, даже с лица спал. Неужели всерьез зацепило?

— Глупо это все, — неожиданно и очень обидно для меня сказала Лера.

В ее голосе было столько неодобрения и даже презрения, что я потерял выдержку и как с цепи сорвался:

— Не всем быть умными. Такой я круглый идиот. Кто-кто, а ты бы уж помалкивала. И побереги свои советы для тех, кто их просит. А я постараюсь справиться сам.

Я резко повернулся и зашел в аудиторию. Следом за мной тут же вошла Танечка и стала извиняться за свою бестактность. Но я мало что слышал из ее извинений — в висках стучало так, что, казалось, жилы лопнут.

С того дня я стал обходить Леру десятой дорогой. С Сеней мы продол-

жали заниматься общими делами, работали у дяди Фили, иногда ходили вместе в кино. Я избегал с ним всяких разговоров о Лере, хотя порой, особенно после получки в мастерской, за традиционным стаканом вина он пытался завести беседу на эту тему. Обычно он начинал так: "Нет, она, конечно, очень хорошо ко мне относится, очень даже хорошо, но...". И я немедленно и довольно грубо его обрывал. Слушать это все было невыносимо. Но он объяснял мою нетерпимость тем, что между мной и Лерой пробежала кошка, и иногда самодовольно спрашивал меня: "Не пойму, чего вы с ней не поделили?". Самодовольно потому, что он думал — не поделили мы его, Семена. Я не возражал, такой вариант меня устраивал.

Так прошел месяц, за ним другой. Иногда мне казалось, что ситуация потихоньку рассасывается, а иногда заболевание возвращалось с новой силой. Для надежности я стал встречаться с Зинкой Селезневой. Мне, в сущности, было все равно, с кем встречаться. Но Зинка не скрывала, что благосклонна ко мне, а кроме того, она была в контрах с девочками из "бражки", которым не нравилось ее демонстративное легкомыслие. Зинка бравировала своими современными взглядами и современной манерой выражаться. Выражаться в прямом смысле, то есть крепко. Меня это лекарство от романтизма вполне устраивало, но в разумных пределах. Дело в том, что Зинка не скрывала желания затащить меня в постель. Это вполне отвечало ее современным взглядам и сулило наслаждение. Почему бы и нет, если взрослые люди встречаются и нравятся друг другу? Теоретически я был с ней полностью согласен. Но... Все то же "но"... Я искренне завидовал Сене, который мог, как вы помните, разделить любовь и секс. У меня это не получалось. Я не только жалобно вздыхал по Лере, я хотел ее всеми печенками, так хотел, что не мог думать ни о ком другом. Печальная история. Просто напасть какая-то...

Время шло, ничего не менялось, ситуация грозила стать застарелохронической. И очень жалко было, что контакты с "бражкой" могут разорваться навсегда.

Как я впоследствии узнал, на одном из загулов этот вопрос серьезно обсуждался, и было решено принять меры. Лера, к моему удивлению, сама предложила воспользоваться ее днем рождения и пригласить меня.

— Одного, — добавила она, — без этой Зинки.

Раз она, Лера, меня обидела, то и пригласить пострадавшего нужно от ее имени. В этом ее долг. Так примерно это выглядело. Все поддержали благородное предложение и уполномочили решительного и уверенного в себе Женьку быть парламентером.

Я, как мог, барахтался, ссылался на КВН и даже на простуду, чуть ли не справку от врача не совал настырному Женьке, но меня подкупило, что Лера сама протянула мне руку дружбы. Я знал, как тяжело будет вновь увидеть ее и притворяться равнодушным. Но слаб человек, и я согласился.

День рождения Леры — до сих пор помню — был 23 октября, в пятницу. К семи часам вечера я плелся к ее квартире, еле передвигая ноги, как кролик, наносящий дружеский визит удаву. Дурные предчувствия владели мною. Да, собственно говоря, чего я мог ожидать хорошего? Все равно ходить с "бражкой" я бы сейчас не смог — может, когда-нибудь попозже, когда все уляжется... Не такой я благородный, чтобы даже ради дружбы позволить ежедневно поджаривать себя на сковороде ревности. Я не переставал удивляться: откуда у столь уравновешенного человека, каким я казался себе и окружающим, эдакий неожиданный пыл? Наверно, я не до конца себя знаю...

А интересно, мать Леры сегодня дома или опять в командировке? — подумал я, входя во двор.

Был я у Леры всего два раза, но маму ее никогда не видел. Раиса Марковна работала контролером в облпотребсоюзе. Должность хлебная, но приходилось часто ездить в командировки, а так как они жили с дочкой вдвоем, то Лера регулярно оставалась дома одна на хозяйстве и с детских лет была серьезной и самостоятельной.

Все это я в свое время узнал, разумеется, от словоохотливого Семена. Заканчивал разговоры о Лериной семье он стандартным рефреном: "Хорошая жена кому-то достанется!". И хитро подмигивал при этом — мол, мы-то знаем, кому она достанется.

Думал я по дороге о многом, но только у входа в парадную вспомнил о необходимом: в своих сомнениях и колебаниях я забыл купить подарок имениннице. Даже с какой-то радостью я повернул назад и не торопясь направился к центру города в поисках открытого магазина. Я был доволен, что тяжелый визит можно отложить еще на некоторое время.

Когда с бутылкой шампанского и с тремя цветочками в руках я снова подходил к Лериной парадной, было уже часов восемь. Открыл дверь все тот же вездесущий Женя, "бражка" почти в полном составе приветствовала меня одобрительным гулом и различными вариантами сентенции о возвращении блудного сына.

Магнитофон в углу наигрывал какой-то блюз, в другом углу стоял стол с выпивкой, закуской и недавно появившейся в продаже одноразовой посудой (только бокалы были стеклянными). На наших загулах был

в ходу фуршет, а к бумажным тарелкам нас приучил все тот же Женька, не желавший по пятницам мыть за нами посуду.

По громким голосам и блестящим глазам ребят я понял, что состоялся уже не один заход к фуршетному столу. Леры в комнате не было, и я перевел дух. Семен не отреагировал на мое появление, он стоял возле стола и мелкими глотками тянул из бокала что-то светлое. Судя по напряженному выражению лица, отнюдь не вино, а кое-что покрепче. Я достаточно знал своего друга, чтобы понять по состоянию шевелюры и наклону носа — он на радостях уже неплохо поддал.

Но необходимо было соблюдать приличия. И я спросил:

— А где виновница торжества?

— На кухне, — кто-то махнул рукой в сторону открытой двери, отобрал у меня бутылку и подтолкнул в спину. Я поплелся с цветами на кухню.

Лера стояла возле плиты и переворачивала что-то скворчащее на сковороде. Она раскраснелась, волосы выбивались из-под завязанной небрежно косынки. Яркий фартук обтягивал ладную фигурку — смотреть на нее было больно. Каким-то охрипшим и шершавым голосом я проскрипел:

— Поздравляю с днем рождения, желаю быть счастливой и... всегда такой же красивой.

Я привычно протянул ей цветы, привычно потянулся к щечке, чтобы изобразить ритуальный дружеский поцелуй, и... неожиданно для себя встретил мягкие и горячие губы. Губы прижались к моим, я почувствовал поцелуй — не случайный, а настоящий горячий поцелуй. Лерины руки обхватили мою голову, и поцелуй затянулся надолго. Очень надолго. Рядом послышался тихий смешок, — я скосил глаза и только сейчас заметил улыбающуюся Танечку. Я почувствовал, что рот мой тоже раздвинулся в улыбке, какой-то дурацкой улыбке.

— Да, — сказала Лера, и еще раз поцеловала меня.

— Как? — все так же глупо улыбаясь, спросил я. — Как это?

— Да, — повторила Лера, — хватит нам обоим мучиться.

— Обоим?

— Да, — в третий раз подтвердила Лера.

И мы опять поцеловались.

Я не буду подробно описывать свое состояние в тот вечер, это все равно невозможно. Наверняка получится какая-то патока, а мне бы этого не хотелось. Скажу одно: ради таких минут стоит родиться на свет божий, даже в том случае, если больше никогда ничего подобного вас в жизни не ожидает!..

Но о каких-то важных вещах, которые тогда произошли, рассказать нужно, иначе не все будет понятно.

И прежде всего вот о чем. В голливудских фильмах мы часто слышим по любому поводу: "Я люблю тебя!" — "И я люблю тебя!". Это, наверно, в американских традициях. У нас этого нет, наши люди, особенно молодые, во всяком случае, раньше, такими словами дорожили и по пустякам ими не разбрасывались. Но мы с Лерой с первой минуты не употребляли слова "нравишься", "хорошо отношусь" и тому подобные. Нет, с самого начала и до самого конца у нас было только одно объяснение наших отношений: "Я тебя люблю". Только одно слово определяло наши чувства — любовь. С самого начала мы были уверены в том, что это настоящая любовь, та, что дается человеку, может, один раз в жизни, и может, не каждому человеку...

Там же на кухне, пока мы целовались, Таня подсуетилась и ополоснула три бокала, налила нам всем коньяк — им на донышке, а мне целых полфужера.

— Штрафная, — объяснила она такую приличную дозу. — И на счастье.

Я поднял бокал.

— Будь, Лерочка, всегда здоровой и всегда счастливой. Я люблю тебя.

Так приятно было наконец-то вслух это сказать, что я повторил:

— Я люблю тебя!

— И я тебя, — сказала Лера.

— Как в кино, — засмеялась Танечка.

Мы выпили, и, едва выдохнув, я озабоченно сказал:

— А как же Семен?

Таня постучала сначала по спинке стула, потом мне по лбу и сказала со вздохом:

— Сколько соломы у тебя в голове, можно только удивляться.

И вышла из кухни. Я взял бутылку с коньяком, плеснул Лере в бокал, а себе недрогнувшей рукой налил опять штрафных полбокала.

— Я действительно круглый дурак. И очень тебе благодарен. Если бы не ты, я бы мучился до... до конца своих дней, — и я залпом выпил весь коньяк.

Лера заулыбалась — и вдруг резко нахмурилась.

— Я бы ничего и не сказала, если бы не Зина. Зинку я перенести не смогла. Ты почему улыбаешься, как... — она не нашла подходящего сравнения, — как майская роза? Запомни, Зинку я тебе никогда не прощу.

Я чувствовал, что глупая улыбка расползлась еще шире по лицу.

— Ее не за что прощать. Это она тебя должна простить.

— Меня? За что?

— За то, что я из-за тебя ее в упор не видел, — и я придвинулся к ней поближе.

— Все, пошли к ребятам, неудобно, — она выскользнула из угла.

Я не спрашивал ее о Семене, хотя мне очень этого хотелось. И не только в этот вечер. Никогда не спрашивал — эта тема была табу. Я чувствовал, что Лера мне была очень благодарна за это.

Когда мы вошли в гостиную, там был притушен свет и гости уже перешли от выпивки с закуской к танцам. Только Семен стоял на том же месте у стола и, кажется, в той же позе, в какой я его оставил, уходя на кухню. В руке по-прежнему был бокал с белой жидкостью. Только волосы еще больше торчали дыбом, а нос еще круче был направлен в бокал. Я решительно подошел к нему.

— Слушай, Сеня, — начал я.

Семен посмотрел на меня мутным взглядом и сказал:

— Оставь, Юрка. Я все знаю, — он выцедил бокал до дна и продолжил: — Я с самого начала знал, что так будет. Она не любила меня как муж... муж... — это слово ему не давалось, — как мужчину. Не по Сеньке шапка — ха-ха, — он остался верен себе и пытался острить. — Но я не думал, что это окажешься ты.

— Послушай...

— Юрка, не трогай меня сегодня, ладно? — он так на меня посмотрел, что я, ни слова не говоря, отошел в угол и уселся в кресло. Там я сидел тихонько и тоже тянул из бокала коньяк до тех пор, пока Семен не испарился — незаметно, по-английски, не прощаясь.

Остаток вечера я помню смутно. Помню, что мы с Лерой все время танцевали. Все уже давно поняли, что сегодня произошло, но, по-моему, единственным человеком, которого это событие по-настоящему удивило, был я. Я сообразил, что зря так старался. Шило в мешке утаить, очевидно, не удалось...

Когда именины закончились, я ушел вместе со всеми. Но, пройдя квартала три, завернул за угол и задами и огородами, как старый партизан, вернулся к Лериному подъезду. Мы с ней ни о чем не договаривались, но стоило мне подойти к ее двери, как она открылась. Лера была в плаще.

— Пошли!

Мы с ней гуляли до рассвета, потом еще, наверно, целый час стояли в парадной и целовались. Когда она собралась наконец уходить, я неожиданно сообразил: — Постой, а где твоя мама?

— Дошло наконец, — засмеялась Лера. — Она в командировке.

Потом она чмокнула меня в нос и исчезла за дверью.

Какие же мы были глупые! И какие счастливые!

* * *

Если справедливо общепринятое сравнение нашей жизни с зеброй, то тот год я без всякого преувеличения могу назвать своей самой ярко-белой полосой.

Я не считал и не считаю себя неудачником. Обычный нормальный человек, может быть, с непростой и не очень гладкой судьбой. Но чистых и светлых полос в моей жизни было не так уж много. А у кого их было много? Пусть поднимут руку!

Мы с Лерой оказались очень хорошей парой, прежде всего потому, что любили друг друга. Но одной любви в жизни бывает мало, и многие испытали это на своем примере. Были еще не менее важные причины, объясняющие, почему нам всегда было хорошо. Мы могли вместе подолгу молчать, и молчание нас не тяготило. Когда на кого-то из нас нападала охота говорить, второй всегда его с удовольствием слушал, а это, согласитесь, очень редко встречается. Могли говорить оба сразу, не ругаясь и не скандаля, — уникальная способность. Могли заниматься каждый своим делом, не обращая друг на друга внимания, и без всяких обид. Но с одним существенным условием: мы должны были все время находиться в зоне досягаемости, поблизости друг от друга. У меня и сейчас на полке стоит "Солярис" Станислава Лема. Это мой амулет. Слово "Солярис" было нашим паролем. Мы открыто признавали, что подобно героине романа физически не можем находиться далеко друг от друга. Меня иной раз будущее просто пугало — куда это может нас завести?

Солома в моей в голове, как метко назвала Танечка тяжелые последствия воспитания в духе социалистического идеализма, пыталась испортить непрерывный праздник, но до поры до времени это не удавалось. Я поначалу какое-то время усиленно терзался раскаянием из-за Семена, но Лера на корню пресекла эти попытки. Она со мной и с Сеней не церемонилась:

— Он знал, что я его не люблю. Если бы все оставалось так, как раньше, то было бы хуже всем. Не только нам с тобой, но и ему тоже. Я бы все равно послала его к чертям.

— Куда, куда?

— К чертям! Прошу тебя, перестань дурью маяться. Так случилось, и все к лучшему. Может, ты с этим не согласен? Может, ты хотел чего-то другого?

Такое предположение требовало немедленных поцелуев, и тема была исчерпана. Лера могла быть решительной. На слабохарактерную жертву долга она не была похожа.

Женщины вообще разумнее и проще смотрят на многое. Чего больше в этом — реализма или жесткости, — я не знаю. Скорее всего, одного без другого и быть не может. Только сейчас я начал это осознавать, а тогда упорно считал, что счастливый человек обязательно должен ощущать свою вину перед всем человечеством.

В моих отношениях с Семеном совершенно естественно возникло напряжение. А как могло быть иначе? Мы по-прежнему вместе работали у дяди Фили в мастерской, но на этом, пожалуй, общение и заканчивалось. Первое время Семен пытался как ни в чем не бывало приходить к Жене по пятницам, но ребята очень усердно демонстрировали, что ничего не произошло, и выдержать это было невозможно. Семен не выдержал и исчез.

Я попытался намекнуть Лере, что, по совести говоря, это нам, истинным виновникам торжества, следовало бы уступить место на загулах пострадавшему. Лера ответила, что моя страсть к самобичеванию доходит до идиотизма. Она так и сказала — до идиотизма. Я понял, что пора остановиться. И оставил все как есть, предоставив времени лечить раны.

Семен сделал все от него зависящее, чтобы не выглядеть пострадавшим. Уже месяц спустя он появился у Жени с очень симпатичной первокурсницей. Его победительный вид говорил, что он опять бодр и весел, и на коне.

— Ну что я тебе говорила, — шепнула мне Лера. — "Самое главное в профессии святого — вовремя смыться!"

Она отлично знала все поговорки и выкрутасы Семена. Но и я знал его не хуже. Я видел его глаза и не удивился, услышав, что новую подружку зовут Зиной. Это мы уже проходили.

...Я уже говорил, что настоящее счастье — это подарок судьбы. В моем случае именно так и было. Я не завоевывал Леру, не совершал никаких подвигов, не покорял вершин, не брел через пустыни. Мало того, я сделал все, чтобы счастье мне не досталось. В этом смысле — и только в этом — я сражался отчаянно и до последнего. Судьбе пришлось постараться изо всех сил, но она не оплошала. Она подарила мне человека, который, с моей точки зрения, состоял только из достоинств. Я не видел в Лере ни малейшего недостатка, за исключением того, что она не была похожа на Мэрилин Монро. И сейчас, когда прошло столько лет, я по-прежнему считаю, что недостатков у нее не было. Во всяком случае, для меня.

Лерочка была очень женственна и приветлива. Если по нашим разговорам о Сене вам почудилась в ней легкая стервозность, то уверяю вас — ничего похожего. Просто за ее отзывчивостью и добротой чувствовались самостоятельность и характер. Она была, как говорят, вещью в себе. Мне это страшно нравилось, впрочем, как и все остальное. Когда мы с ней были вместе где-нибудь вне дома (а мы всегда вне дома были вместе), то гордость за нее просто распирала меня. Я вслух посмеивался над собой, вспоминал самодовольный вид Семена в аналогичных случаях и говорил, что это заразное. Лера против такой инфекции не возражала.

Я побаивался, что мое восхищение может надоесть, набить оскомину, и не скрывал своих опасений. "Кашу маслом не испортишь", — отвечала она, и я чувствовал, что это правда. Она прямо-таки расцветала в лучах моей любви. Все говорили, что за последние полгода Лера очень похорошела. А я — я временами чувствовал себя Пигмалионом. В моей квартире на Карла Маркса, 4, мы бывали только в качестве гостей, эпизодически. Еще бы — своей комнаты у меня не было, спал я в маленькой детской, которая так до сих пор и называлась, отделенный большим трехстворчатым шкафом. Где уж тут принимать гостей. И хотя мама в Лере души не чаяла, но бытие определяет сознание. Базой нашей была Лерина квартира. Там мы проводили большую часть свободного времени. И со всей неизбежностью встал вопрос денег. Холодильник у них всегда был забит продуктами, Раиса Марковна к своим обязанностям относилась с большой ответственностью. Но не мог же я питаться за их счет, самолюбие не позволяло. И видели бы вы, с какой гордостью я отдавал заработанные у дяди Фили гроши Лере "на расходы", и с какой важностью она их у меня брала. Вот я пытаюсь сейчас иронизировать по этому поводу, а сквозь смех наворачиваются невидимые слезы. На этот раз слезы умиления.

А судьба, начав одаривать, не могла остановиться на полдороге и продолжала рассыпать щедроты, как из рога изобилия.

Мама Лерочки Раиса Марковна была женщиной строгой и сдержанной. Всегда в костюмах мужского покроя, в тонких очках, которые издали смахивали на пенсне, она напоминала мне революционерку-народоволку. Я ее откровенно побаивался, и когда она была дома, мы с Лерой предпочитали обниматься в парадной. Раиса Марковна, правда, добросовестно предлагала нам зайти и "не торчать в подъезде, как беспризорные", но вы понимаете, такая форма приглашения у меня восторга не вызывала. Зато все эти недостатки с лихвой окупали ее командировки и частые поездки на отдых.

Каждую неделю она отсутствовала два-три дня, проверяя отделения потребкооперации на Юге Украины. Кроме того, каждые два месяца она на недельку уезжала в Москву к своему близкому другу, который у нас проходил под кличкой "жених". Это был чиновник высокого ранга, который жил с престарелой мамашей в большущей квартире (мы с Лерой гостили у них на каникулах) и который настойчиво предлагал Раисе Марковне руку, сердце и прописку в Москве. Несмотря на суровую внешность и преклонный возраст (она тогда была на два года моложе, чем я сейчас!), у Раисы Марковны было много друзей, в том числе и мужского пола. Она определенно пользовалась успехом. Мне кажется, что в то время наши интересы совпадали. Раиса Марковна была довольна, что ее Лерочка проводит время не одна, а с человеком серьезным и надежным, каким я не только казался, но и был в действительности. А то, что "дети" могли зайти слишком далеко, насколько я теперь понимаю, ее не очень беспокоило. Она, насколько я теперь понимаю, считала это нормальным, смотрела на эти вещи разумно и здраво, без демагогии. И сама она всегда поступала разумно и здраво.

Но Раиса Марковна допустила одну серьезную ошибку. Она посчитала нужным (я теперь в этом не сомневаюсь — только приличия ради) провести со мной наедине доверительную беседу. Сказала, что видит, как сильно Лерочка привязана ко мне, и уверена, что я как человек серьезный понимаю, какая ответственность на мне лежит. Бедной женщине и в голову не пришло, что этот идиот — я себя имею в виду — настолько серьезно воспримет ее банальные речи. А я сдуру решил, что это ультиматум, призывающий жениться или прекратить наши отношения.

Беседа состоялась очень вовремя — или очень не вовремя, смотря как взглянуть. Мы действительно по-настоящему любили друг друга, и темпераментом бог нас не обидел. И условия у нас были для тех времен просто изумительные. Кто мог похвастаться возможностью хозяйничать почти бесконтрольно в отдельной двухкомнатной квартире? Словом, любовные наши отношения очень бурно приближались к естественному логическому концу. Точнее, к апофеозу.

Этот самый апофеоз был неизбежен. Наши попытки пойти поперек природы человеческой ничего хорошего принести не могли. Особенно страдала от нашей воздержанности Лера, но, к сожалению, я этого не понимал. Ласки без необходимого финала, в конце концов, стали наносить вред ее здоровью. У нее появились головные боли, расстроился сон. Я как мужчина мог достичь разрядки и другим путем. Лере без нормального секса это не удавалось. Я думаю, она сознавала, в чем причина ее проблем,

но мне об этом говорить стеснялась. А я в этих вопросах был настоящим бесчувственным дубом.

Литературу о сексе я не читал, признаюсь в этом с запоздалым сожалением. Мне казалось это чем-то извращенным — все равно что сознаться в собственной слабости, настоящий мужчина не может себе этого позволить. Правда, в те годы взгляды молодежи стали довольно резко меняться, но я оставался косным моралистом и отчасти даже ханжой. Тогда у меня впервые появилась отличная возможность задуматься, почему все, что считалось моральным, как правило, пользы "порядочному человеку" не приносило, зато вреда — сколько угодно. Это мне напоминало отношение к еде: все, что вкусно, вредно, а все, что полезно, удовольствия не доставляет. Действительно так устроен человек — или мы все это придумываем? Но нет, такие мысли тогда мне в голову не приходили.

Летом, в начале июля, Раиса Марковна отбыла на месяц в Москву к "жениху". В тот же день мы решили отметить это событие. Июль выдался жаркий. Даже ночью не становилось прохладнее, и это снижало сопротивляемость соблазнам. Любая, самая тонкая одежда была невыносима. Могу признаться, что нам предлог в этом смысле был уже не нужен, мы проблему одежды давно решили... В честь отбытия мамы в столицу мы распили бутылку "Алиготе". Словом, не буду затягивать эротические описания, не это моя цель, — случилось то, что... не должно было случиться, если бы вместо прописных истин во мне обнаружились хоть проблески здравого смысла.

Где-то посреди ночи Лера, в конце концов, не выдержала этой пытки любовью, она прижалась ко мне и буквально застонала:

— Юрочка, родненький, милый... Я больше так не могу. Давай, Юрочка... Юрочка!

И как поступил этот безмозглый дурак? Как в плохом советском романе. Я вспомнил о своей ответственности, о долге и черт знает еще о чем. Я собрал последние остатки сил и буквально отодрал Леру от себя. Ситуация была нелепой до ужаса: Лера продолжала цепляться за меня, не отпускала шею, обхватила меня ногами. Словом, когда в этой схватке добродетель победила, нам обоим было что вспомнить. Женщины должны понять: такое ни забыть, ни простить нельзя.

Даже я, добродетельный осел, почувствовал, что совершил нечто непоправимое. И все-таки нашел в этот момент способ еще усилить обиду. Я потянул сбившуюся в углу кровати простыню и накрыл ею Леру до подбородка. Этим я дал ей возможность взглянуть на свой вид внезапно протрезвевшими глазами.

По ее щекам заструились слезы. Я наконец понял, что натворил, и испугался отчаянно.

После этого часа два, не останавливаясь, я голосом, вызывавшим у меня самого отвращение, толковал о своей ответственности, о том, что пожениться мы не можем, что ей восемнадцать лет, а мне всего девятнадцать... Что у нас нет ни денег, ни жилья... Что мы должны хорошенько проверить себя... Мне и сейчас не по себе от этих воспоминаний. Как глупо все это звучало! Что я нес! Никто мне руки не предлагал и жить в их квартире не приглашал. Не об этом шла речь, и не в этом было дело. Действительно, если бог захочет наказать, то отнимет прежде разум...

Лера сказала только одно:

— Больно. Что-то во мне оборвалось.

Больше в эту ночь мне от нее не удалось услышать ни слова.

Я вернулся домой напуганный до предела. Земля уходила у меня из-под ног. Я просто не представлял себе, как смогу обходиться без Леры, если что-нибудь... В конце концов я мысленно прикрикнул на себя: "Мужик ты или баба?! Распустил сопли!".

Представьте себе, я по-прежнему был убежден, что поступил как положено. Порядочность должна даваться с болью и потерями, иначе это никакая не порядочность, а один только камуфляж...

Остаток ночи я проворочался за шкафом на своей спартанской койке, и наконец, под утро нашел, как мне казалось, достойный и мужественный выход. Я понимал, что загнал нас с Лерой в тупик: продолжать обниматься как ни в чем не бывало мы больше не сможем, а на повторение вчерашнего в обозримом будущем я могу не рассчитывать.

Утром я еле дождался девяти часов и пришел к Лере. Она встретила меня спокойно, чересчур спокойно. Позволила себя поцеловать, но на поцелуй не ответила. Я сразу перешел к делу. Я сказал, что хочу уехать послезавтра с нашим стройотрядом на целину на полтора месяца. Мы проверим себя, — ведь до сих пор мы не расставались ни на день. Я подзаработаю денег, а по возвращении, если она не отвергнет моей руки и сердца (я так красиво и выразился: "руки и сердца")... Но Лера не дала мне закончить фразу:

— Там видно будет. А я съезжу к маме в Москву.

— Ты так решила?

— Да, так будет лучше.

...Через день я уехал со стройотрядом. Я регулярно звонил Лере домой, но никто трубку не поднимал. Признаюсь, меня все-таки пугало мое

предложение руки и сердца, правда, не до конца прозвучавшее. И эти опасения помогли относительно легко перенести разлуку. Я думал, будет тяжелее...

А по возвращении я узнал, что Лера перевелась в Московский инженерно-строительный институт и переехала жить в Москву. Целых две недели я бодро напевал некогда популярную песенку о том, что "милая покинула меня":

Весел я, теперь смеяться можно,
Весел я, мне стала жизнь дороже.
Я вечерами снова с друзьями,
Некуда спешить мне больше.
Честное слово, счастья такого
Мне бы как можно дольше.
Весел я...

А на третью неделю впал в ужасную депрессию. Я даже не представлял себе, что может быть так больно. Наверное, полгода с раннего утра я ждал — не мог дождаться, когда наступит вечер и можно будет улечься в кровать, чтобы сон принес успокоение. Я не преувеличиваю ни на гран.

Но в Москву не поехал — и проситься не стал. Я знал Лерин характер и знал, что если она не сообщила мне ни слова — значит, это конец. Мучить и унижать ее и себя не было смысла.

Так светлая полоса почти без перехода превратилась в черную.

...Говорят, что человек — творец своего счастья. Или кузнец своего счастья. По-моему, ни то, ни другое не верно. Отковать счастье нельзя. В наших силах при настойчивости и желании добиться успеха, славы, денег, даже удачи. Но не счастья. Счастье — это подарок судьбы. Я в этом уверен. Но зато вполне в силах человека этот дар судьбы разрушить. Что мы слишком часто и с большим успехом делаем.

Роман КАРЦЕВ

Родился я в Одессе
Новые главы

Зиновий Гердт

К сожалению, его уже с нами нет. Мы не слышим его баритональный голос, не восхищаемся его ролями в театре, в кино... но как только произносится его странная редкая фамилия, возникает масса эмоций. Я его обожал! Если только мужчина может обожать мужчину! Фантастическое обаяние, потрясающее чувство юмора, резкий сарказм, влюбленность в талантливых людей. Он всегда при встрече говорил нам теплые слова, а услышать от него похвалу — это многого стоит!

Я познакомился с Гердтом в Одессе в 1963 году, в санатории им. Чкалова. Он был в гостях у А.И. Райкина, в театре которого я был уже семь месяцев. Зная, что ему для спектакля нужны молодые артисты, я привел Милу Гвоздикову, он принял ее моментально! И встретив Витю Ильченко, предложил показаться Райкину. На веранде сидели жена Райкина и Гердт, который читал или делал вид, что читает газету. Витя что-то исполнил, не очень удачно, Райкин посмотрел на Гердта, тот читал! А. И. посоветовал Вите оставаться инженером, и когда мы уходили, у Вити заиграло самолюбие, и он начал показывать импровизацию. Гердт отложил газету, смотрел, потом из-за газеты раздался его баритональный смех, и, видимо, это сыграло на зачисление Ильченко в театр Райкина.

Театр Райкина полгода гастролировал в Москве, и я имел возможность видеть персонажи Гердта в театре кукол! Он был за ширмой, но его талант был шире, чем эта ширма! И он стал сниматься в кино, играл в театре. И публика уже не замечала, что он не сгибает ногу после ранения на фронте! Такой спектакль, как "Костюмер" с Якутом, его персонажи в мюзиклах, а Паниковский в "Золотом теленке"!

Я имел счастье сниматься с ним в Одессе в фильме "Бриндюжник и Король" по Бабелю, вот где было много времени пообщаться. Снимали на Молдаванке, люди собирались, толпами подходили к Зиновию Ефимовичу, жали руки, кормили, рассказывали про свою жизнь, анекдоты! А как он любил Одессу! Думаю, что не меньше, чем свою Татьяну. Как-то он сказал мне: "Пойдем на Дерибасовскую, погуляем!". Я сказал: "Вам не удастся". "Почему — вам нельзя? Тебе можно, а мне нельзя?" — "Погулять не удаст-

ся!" — "Не морочь голову, пошли!" — "Вам нельзя!" — повторил я. И когда мы появились на Дерибасовской, нас окружила толпа в пять колец. Шутки, смех, автографы, фото... И где-то через два часа самая активная одесситка крикнула: "Всё! Отходите! Дайте ему дышать! Ему нет воздуха!". Взяла его под руку и вывела с поля боя! Очнулись мы на Приморском бульваре. "Ну, — сказал я, — Погуляли?" После большой паузы он сказал: "Завтра пойдем опять туда, я хочу, чтобы они узнали и тебя тоже!".

Потом он читал стихи Пастернака, и когда он посмотрел фильм "Биндюжник и Король", сказал: "Это твоя лучшая роль в кино! Я, правда, другие не видел".

А как он горевал, когда не стало Вити Ильченко! Он звонил мне, долго молчал, потом сказал: "Такого друга у тебя не будет! Играй сам!". Он, по возможности, ходил нас слушать, приходил сам, тихо, и когда в паузе все молчали, раздавался его баритональный смех, именно там, где нужно. И я знал: Зяма (его так звали близкие) в зале! Он зашел за кулисы, поцеловал и сказал: "Ты знаешь, что сидишь в гримуборной, где сидел Райкин?" — "Конечно!" — сказал я. "А знаешь, я до сих пор рад, что участвовал каким-то образом в вашей судьбе!"

Последняя встреча была на его юбилее. Он уже был болен, и когда в конце вечера Гердт встал, подошел к рампе и прочитал стихи Самойлова, зал плакал, хлопал, встал. Это был триумф, ради этого он жил, да нет — живет! В сердцах миллионов людей!

Здравствуйте, Зиновий Ефимович!

Искренне Ваш!

Р. Карцев

Правозащитник

Ну что ты молчишь? Что ты держишься за сердце? Валидол у тебя настольная еда! У нас все есть: дети, дом, машина, внуки хорошие. Какое тебе было дело до войны в Ираке? Радуйся, что это не у нас! Живи сегодняшним днем, а завтра гори оно все синим пламенем! У тебя было два инфаркта в связи с Угандой. Они уже помирились, а ты не можешь подняться на третий этаж! Что тебе этот Чавес! Где он, где ты? Я даже не знаю, где он находится, и сплю спокойно! Тебе 52, а ты заработал сахар на нервной почве и язву желудка! Зачем ты голодал в поддержку прожиточного минимума для пенсионеров? Стоял в пикете в дождь за справедливый суд над Ходорковским, ты же русский, а он богач! Что ты заработал?

Воспаление легких! А он до сих пор себе спокойно сидит! Зачем ты звонил Кондолизе Райс? Она уже не работает, а у нас за это отключили телефон и горячую воду! Тебя и осудили на три года условно! Зачем ты пил боржоми на Красной площади? Закусывая шпротами из Эстонии и запивая вином из Молдавии! Подумай о детях! Взял внука на марш несогласных! Он спросил: "Дед! Почему звезды Кремля не горят?". А ты сказал: "Не заплатили за электричество!".

Плохо спал! Ночью кричал: "У нас нет справедливого суда, но есть суд божий! За все ответите! За белорусское молоко, за единый экзамен, за продажу Аляски, за Макдоналдс!". Проснулся в горячем поту с криком: "Кто мне подсунул кока-колу, дайте наш квас!". Ну, нельзя так! В знак протеста пошел в дворники! Кому чего докажешь? Легкие планеты задыхаются! Ядерные отходы — вон из России. "Они" уже забыли! А нам надо делать ремонт, нам надо внутри разобраться! А ты? Зачем ты поехал в Абхазию? Тебя чуть не убили из нашего же автомата Калашникова! Правда, у нас заработал телефон, горячая вода пошла! А ты похудел, осунулся! Молчишь? Что ты еще задумал? Что? Признать Осетию? Да, нас уже будет двое — я и Чавес! Кому назло? Всем! Ты тоже назло всем сидел в Киеве на Майдане, получил воспаление седалищного нерва! Теперь спишь стоя! Ты что — Че Гевара? Миллионы людей молчат! А тебе больше всех надо! "Если не я, то кто?" Есть кому! Они за это деньги получают! "А Че Гевара не получал! Ни гроша!" Слушай! Ты десять дней сидел в СИЗО за право выбора мэра! Объявил сухую голодовку и чуть не загнулся, я тебя кормила через соломинку! Внук подался в глобалисты. Ты обидел милиционера, сказал, что он взяточник! Хорошо, что он взял 1000 баксов и не подал на тебя в суд! Соседи видели тебя ночью, расклеивал листовки: "Вы не рабы, вы хуже!". А ты кто? Молчишь? А при СССР как хорошо было, работа — домой, с работы — домой. 1 Мая, 7 Ноября, Новый год! Какие там глобалисты! Общая баня! Ты и тогда слушал "Голос Америки"! Ночью! Ты ведь всегда был спокойным, ходил в поход, был комсомольцем, слушал "Маяк". У тебя были хорошие друзья, потом связался с этими: "Вы не рабы, вы хуже!". Ты меня в упор не видел! А я еще молода, я хотела любви, внимания! Друзья отвернулись! Смотри, на кладбище, кроме нас, — никого! Только два милиционера с собакой! Ну и что ты добился? Кто тебя вспомнит? Кроме семьи, которую ты так подвел? Гриша! Один в поле не воин, даже два! Конечно, противно так жить! Так жить нельзя! А умереть легче всего! Конечно, нельзя прожить на прожиточный минимум, на эту пенсию, дать детям образование, бабушке лекарства, конечно,

ты был прав, кто был никем, тот стал всем! Деньги решают все! Миллиард людей на земле голодает! Уберите собаку! Я же ему это говорю, имею право! У нас на кладбище свобода слова! Прощай, Гриша! Ты выбрал самый легкий путь, а нам еще жить и жить!

Мама и Аня!

— Аня, скажи — ма-ма! Ну, ма-ма! А теперь ложечку за маму, за птичку, за кошку, за мышку, за репку. Умница, хорошая девочка! А теперь поспи... а-а-а-а! Ну вот, проснулись, теперь будем ходить, иди, иди к мамочке, ну, ну, молодец, вот ты и пошла. Теперь гулять. Стой! Ну, куда, не надо бегать, вспотеешь, простудишься, не трогай кошку, копай песочек, не обижай мальчика, у тебя есть свое ведерко, никогда чужое не бери, иди, я тебе вытру носик, так, пошли домой!

Поздравляю, тебе уже пять лет, скоро в школу! Садись обедать, сядь ровно! Не сутулься! Нож в правую, вилку в левую, подвинь поближе тарелку, чтоб не сорить на пол. Мамочка убирает. Теперь давай читать! Ма-ма мыла раму! Видишь, мама моет раму, мама работает, моет раму, моет посуду, стирает. Куда ты смотришь? Да, все гуляют, а ты, пока не прочитаешь, пока не поиграешь на рояле, пока не решишь задачу, никуда не пойдешь! Ты уже в третьем классе! Так, ладно, перерыв!

Перестань прыгать, не бегай, выпей морковный сок, не чавкай! Вытри рот, да не рукавом, скажи спасибо, садись, решай задачу! "В бочке 40 ведер воды, ежедневно из нее берут утром 3 ведра и 5 ведер вечером; на сколько дней хватит воды в бочке?" Ну, что нужно сделать?

— Не знаю, хочу погулять!

— А нос вытирать рукавом, знаешь? Мама устала, занимается с тобой с утра до вечера! Решай! Думай! Ну!

— Не знаю!

— Иди сюда, вот бочка, наливай сорок ведер воды!

— Это ведро, а это стакан!

— Ну, как будто бочка, наливай в ведро сорок стаканов воды. Не реви! Пока не решишь, будешь сидеть до утра, как проклятая! Куда встала?

— Хочу писать!

— Пока не решишь, никуда не пойдешь!

— Мы это еще не проходили!

— Так! Сколько ежедневно берут из бочки утром?

— Не знаю, хочу писать!

— Написаешь в колготки — убью! Тут написано: три ведра! А вечером?

— Не знаю!

— Дура! Вечером пять!

— Так сейчас же не вечер!

— Анька, иди в туалет, и не выйдешь, пока не решишь!

— Мама, открой, я уже!

— Решила?

— Нет, пописала!

— Вот там и сиди! Не плачь, не поможет. Какое первое действие?

— Вымыть руки!

— Так, иди сюда! Вот ведро — это бочка! Вливай сорок стаканов, выливай три стакана! Вылила? Это утром. Теперь вечер. Выливай пять стаканов, сколько ты вылила всего?

— Не помню!

— Анька, пойдешь в туалет!

— Я еще не хочу!

— Три плюс пять сколько?

— Восемь.

— Ну, на сколько дней хватило ведер воды?

— Где?

— В бочке!

— Это же ведро!

— Нет, это бочка! Сорок разделить на пять — сколько будет?

— Восемь.

— Ну, сорок разделить на восемь — сколько?

— Пять!

— Так на сколько хватит воды в бочке? Стой! Я сама запуталась, идиоты, такую задачу в третьем классе! Давай позвоним папе!

— А он с нами не живет!

— Ничего, пусть хоть чем-нибудь поможет!

— Алло, Вадик, привет, реши Ане задачу! "В бочке сорок ведер воды, ежедневно из нее берут утром три ведра, и пять ведер вечером; на сколько дней хватит воды в бочке?"

— Не знаю, у меня сломан калькулятор!

— А мозги у тебя не сломаны? Так, Аня, садись за рояль!

— Я устала!

— Сядь ровно! Не сутулься! Играй! Не плачь! Закапаешь рояль! Алло!

Нет, Клава, она гулять не пойдет! Что ты играешь? Музыку надо чувствовать, а не играть! Алло, Шурик? Нет, она в кино не пойдет! У нее ангина!

— Мама! У меня нет ангины!

— Ангины нет, но есть две тройки! Ты уже кончаешь школу, надо решить, куда ты будешь поступать!

— Я уже решила!

— Куда?

— В театральный!

— Что? Будешь адвокатом, дурра! Я тебе отдала жизнь, чтобы ты стала человеком!

— Но я люблю театр!

— Театр! Что ты знаешь о театре? Я там работала тридцать лет! Пьянки, измены, предательства, зависть, интриги, постель с режиссером, временный успех, цветы, восторги, потом портвейн, второй состав, третий состав, психушка... и только единицы...

— Мама, не плачь! Я подумаю, но ты ведь пела в оперетте! Красота, костюмы, праздник!

— Я не пела, а подпевала! А твой папа спелся с Сильвой, Марицей, Баядеркой, Принцессой цирка, потом с кордебалетом! Театр — это не храм! Это производство! Это кривляние! Фальшивый крик: "Любите ли вы театр, как люблю его я?!". "Не верю!" — сказал Станиславский и был прав! В пьесе Чехова катаются на коньках! Гамлета играют в цирке, наслаждаясь запахом навоза! Ругаются матом, бегают голые, эстрадники играют Саймона! Дети в восторге от обнаженной Клеопатры! Театр сошел с ума!

— Мама, ты, по-моему, завидуешь. Новая страна, новая жизнь, новый театр! Пойдем с нами!

— Да нет, не новый, это уже все было! Играли в тюрьме, у могилы Хеопса! Но если ты не знаешь, сколько осталось ведер в бочке, то тебе только в театр, а я досмотрю сериал "Не родись красивой". Интересно, чем это у них кончится?

Виктория КОЛТУНОВА

Убить Сталина

Рада Григорьевна встала от стола и тихонечко подошла к дверям. Прислушалась. Ее сердце билось так, что она слышала глухой стук внутри себя. Нет, прошли мимо. Пронесло. Значит, сегодня она и сын Женя останутся дома, лягут спать в своих кроватях. Можно заснуть. До утра.

Сначала она допишет письмо. Она писала уже не первое письмо мужу, но ответа не получала. Этому могли быть две причины: первая, ему не разрешают отвечать. Вторая — ему не передают ее письма. О возможной третьей причине она не хотела и думать.

Назавтра, стоя в длинной очереди к окошку, растянувшейся на квартал, Рада думала о том, что же делать с Женей. О себе она волновалась меньше, ну возьмут, точно возьмут, уже уволили как жену "врага народа", может даже, она попадет в один лагерь с мужем, хотя вряд ли они допустят такую промашку. Но Женя!

Ему 21 год, значит, могут взять и его. А если нет, то в любом случае он, сын "немецкого шпиона", не будет иметь нормальной жизни.

"Сын за отца не отвечает", — провозгласил вождь. Но это ж чистой воды декларация, ложь, думала Рада Григорьевна. Она, проработавшая последние несколько лет в Управлении совнаркома машинисткой, куда ее устроил муж, крупный ученый в области экономики и планирования, арестованный месяц назад "за шпионаж в пользу Германии", не питала никаких иллюзий в отношении того, что происходило вокруг. Ей самой не раз приходилось печатать документы с грифом "Секретно", списки людей, которые исчезали потом неизвестно куда и никогда не возвращались. Если соседи шептались, что надо, мол, написать Ему всю правду, которую он, конечно, не знает, открыть глаза на подлые дела, что творятся, Рада Григорьевна кивала, но потом уходила домой, чтобы наедине, или вдвоем с Женей, предаться слезам по мужу, которого все-таки страстно надеялась когда-нибудь увидеть.

Подошла ее очередь. Рада Григорьевна протянула узелок с передачей, письмо и записку с фамилией арестованного. Хмурый дядька в окошке поискал в списке фамилию и вернул Раде узелок и письмо.

— Нету такого, — буркнул он.

— Как это нет? — распахнула глаза Рада. — Я же не первый раз, вы же должны меня помнить!

— Сказал — нету, проходи!

— Посмотрите хорошо, вы ошиблись! — закричала Рада.

Очередь молча и озлобленно ждала, потом Раду начали вытеснять те, что стояли за нею, стремясь попасть к заветному окну, и наконец, оттеснили ее совсем.

Она побежала в канцелярию. Прождала в коридоре несколько часов на ногах, скамеек не было.

За столом в форме капитана НКВД сидел средних лет мужчина с красными усталыми глазами. Он тоже поискал в списке, потом поднял глаза на Раду Григорьевну, трясшуюся мелкой дрожью.

— Идите домой, гражданка, вам все сообщат извещением. Тут вам уже нечего делать.

Рада стояла, не в силах ни задать вопрос, ни уйти.

— Да идите вы! — рявкнул он. — И еще, слышишь, дамочка, тикай ты со своей квартиры вместе с сыном, поняла? А то сама загудишь. У твоего мужа статья расстрельная. Только если скажешь кому, что я тебе посоветовал, мне самому головы не сносить, поняла? Так что тикай и молчи. Тикай и молчи.

Дома Рада Григорьевна рухнула на кровать и застыла, как каменная. Женя сначала пытался вытянуть из нее два слова, потом понял, что это бесполезно. Он понимал, что единственное, что могло привести мать в такое состояние, — это то, что случилось самое страшное, чего они так боялись, но не мог даже заплакать по отцу, настолько потрясло его состояние матери.

Несколько дней Рада пролежала вот так, без слов и движения. Не ела, не пила, не откликалась на голос Жени. Он гладил ее по голове, по лицу, целовал руки — бесполезно.

На четвертый день принесли извещение: "Ваш муж... Штырев Семен Павлович, за шпионаж в пользу государства Германия и подрывную деятельность против... по ст. ... приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение 17 апреля 1939 года".

Как ни странно, но именно эта бумага, которой они так безумно боялись, вывела Раду из ступора. Она пришла в себя, долго всматривалась в блеклые лиловые строчки на дешевом желтоватом кусочке картона и первый раз за все дни самостоятельно села на кровати.

— Женя, нам надо уходить. Нас убьют, как отца. Надо бежать, Женя.

Решили съехать на квартиру двоюродной сестры Рады, Зины. Зина с мужем уехали на заработки и оставили Раде ключи, поливать цветы и вообще присмотреть за квартирой. Это был спасительный вариант. Их там искать не станут, а из чужого опыта Рада Григорьевна знала, что если

энкаведисты в первый раз не заставали жертву на квартире, то второй раз за ней уже не приходили. Почему, никто не знал, но это был шанс.

Взяли с собой только самые необходимые вещи, все деньги, что были в доме, документы. Фотокарточку, на которой Рада и Семен, молодые, веселые, навсегда застыли с улыбкой на фоне своей альма-матер, которую оба окончили. Он экономический, она филологический.

Квартира Зины была крохотной и бедной по сравнению с квартирой Штыревых, но чем меньше она была, тем уютнее казалась. Словно в берлоге спрятались, мелькало в голове у Жени.

Он старался гнать от себя боль утраты, потому что знал, ему раскисать нельзя, он ответственен за мать. Но эта боль сидела внутри жгучим комом и не хотела уходить. Если бы отец заболел и умер, если бы даже попал под машину, Жене было бы легче. Но кто, по какому праву лишил жизни талантливого ученого, мужа, отца? Зачем? Кому это надо было? Этому кремлевскому зверю? Чтобы вселить страх в многомиллионную страну? Для того чтобы ни один из советских людей не подумал стать на его место, ему понадобилось парализовать всех страхом? Никакой другой ответ Жене в голову не приходил. Его острое аналитическое мышление не могло предложить Жене другого варианта.

Он надеялся, что с переездом на новую квартиру мать придет в себя. Но это было только в первый день, пока ее гнала с прежнего места опасность. Вскоре она снова погрузилась в свои воспоминания, не хотела умываться, расчесываться, есть. Иногда бормотала что-то про себя, раскачиваясь.

Прислушавшись, Женя понял. Мать корила себя за то, что не настояла на отъезде отца, когда первая почувствовала опасность, увидев в секретном списке, который она печатала, ассистента кафедры, на которой работал муж. Она предложила ему тут же уехать к родственникам в деревню, но он настаивал, что ни в чем не виноват, и незачем ему уезжать. Ему ничего не грозит. Вот теперь и бичевала себя Рада Григорьевна, что не проявила настойчивость, не проявила свой резкий характер.

Семен Павлович был человеком легким, жизнерадостным, покладистым. Просьбами с ним можно было сделать что угодно. Рада была намного жестче, сильнее его. А вот поди ж ты, не сумела настоять на своем. В глубине души Рада Григорьевна опасалась, что, возможно, просто не торопилась расстаться с положением профессорской жены, перейти в статус жены изгнанника. Не может быть, разве она такая? Нет, нет, нет! Но эта крохотная подлая мыслишка время от времени давала о себе знать, мучила ее, терзала. Рада каталась головой по подушке и шептала: прости, прости...

Если бы можно было все вернуть назад, на год, на два, на полгода, хотя бы вернуться в тот роковой день накануне ареста, когда еще можно было сбежать, скрыться, он был бы сейчас жив!

Женя слышал ее стоны, ее шепот, но что он мог сделать? Самому тяжело.

Он оделся и вышел на улицу. Воздухом подышать и чуть-чуть побыть одному. Было около 12 часов ночи, улицы были пустынны. Недавно прошел дождь, воздух был чист и свеж, как в ту ночь, когда пришли арестовать отца, а тот растерянно улыбался жене и сыну: милые мои, это какая-то ошибка, я скоро вернусь.

Женя прошел до площади и сел на скамейку. Вокруг ни души. Вся страна замерла в животном страхе. Страх полз серым туманом по улицам и площадям, влезал в закрытые окна, просачивался в щели дверей, в мозг и душу, парализовал руки, ноги, ум. Страх заползал в души, поднимался снизу мутной волной тошноты и вытеснял наружу все, что там было. Сначала уходили порядочность, благородство, потом наверх вылезали тупость, серость, подлость, алчность. Доносом расправлялись с успешным соседом, вызывавшим зависть, любовником жены, просто надоевшей женой. В двадцатом веке за тридцать лет до наступления космической эры в одной отдельно взятой стране наступило средневековье с пытками, доносами, расправами, точь-в-точь то же, что творилось в пятнадцатом веке во времена разгула Инквизиции.

Одна шестая суши, думал Женя, огромная страна, а в одной только ее точке сидит сейчас и не спит небольшого роста человечек с усами, в военном кителе, и решает, кому жить, а кому умереть, кому сегодня, а кому завтра... За что, за что?

На площадь выходило несколько улиц, все они были пусты и немы. Луна освещала булыжник мостовых, а ветер скользил по нему, разгоняя лунные блики, и шлифовал своими ладонями серый камень.

Справа и сзади послышалось еле слышное жужжание. Женя повернул голову. Со стороны бульвара к площади поднималась черная машина с включенными фарами, они светили в темноте, выгоняя прочь лунный свет. Медленно машина подъехала к скамейке, на которой сидел Женя, и остановилась. Это был черный ЗИЛ-не-ЗИЛ, но вроде правительственного, и у него были черные стекла. Женя почувствовал холодок в груди. Надо было сбежать, как только заметил эту машину, подумал он.

Но из нее никто не торопился выходить. Прошло несколько минут. Затем водительская дверца открылась, и из нее медленно и как-то бесшумно вышел человек в длинном черном габардиновом макинтоше. У него было узкое лицо, смоляные волосы и неестественно яркие белки глаз.

Человек сел рядом с Женей, не глядя на него, и вытащил из кармана макинтоша резную трубку. Разжег ее. Дым пошел неестественно для трубки, колечками, и прямо вверх. Женя ощутил странный дурманящий запах.

— Не спится? — послышался металлический голос. Казалось, ему невозможно не ответить. А если ответить, то только правду. Надо что-то придумать, решил Женя. Но неожиданно для себя сказал:

— У меня отца расстреляли. Мать тяжело переживает, а я не могу ей помочь.

— Ну, это как раз дело поправимое, — произнес незнакомец.

Женя опешил. Как поправимое?

— Вы не поняли, — робко произнес он. — Моего отца расстреляли, мы получили извещение. Это было 17 апреля. Он ни в чем не виноват, я знаю, но он мертв, а мертвые не возвращаются.

Незнакомец сделал затяжку, другую. Женя молчал, какая-то сила не давала ему уйти.

— Я могу тебе помочь, — неожиданно сказал незнакомец. — Но тебе придется тяжело. Отдашь жизнь за отца?

Вопрос застал Женю врасплох. Если бы отец был жив, и кто-то задал ему такой вопрос, то он не задумываясь сказал бы — да! Искренне сказал бы. Но тут он чувствовал, что игра эта вовсе не игра, и ему действительно предстоит сделать выбор. И так вот наотмашь решить он не в состоянии. В голове мелькало, ведь он так молод и не успел пожить, не успел жениться и ощутить, что такое счастье, ничего еще не сделал в науке, а отец всегда говорил, что вдохнул жизнь полной грудью и ни о чем не жалеет. Ему через месяц исполнилось бы 50, а Жене только 21. Но это значит, что тогда, когда отец был жив, и он сказал бы, что отдаст за него жизнь, он солгал бы?

Незнакомец терпеливо ждал.

— Я помогу тебе сделать выбор. Слушай, — сказал он. — Я расскажу тебе, что будет. Таких расстрелянных, как твой отец, еще будут миллионы. Других сошлют в лагеря, где они сами умрут от непосильной работы. Те, кто в лагерях, — рабы, за счет их бесплатного рабского труда достигается благополучие страны, которое выдается за достижение социалистического строя. Но это еще не все. Сегодня 22 апреля 1939 года. 1 сентября фашистская Германия нападет на Польшу, и Гитлер со Сталиным разорвут ее пополам. Риббентроп и Молотов подпишут Пакт о ненападении. Со стороны немцев это будет ложь, на которую клюнет мудрейший вождь всех народов. Он не будет готовиться к войне с Германией, считая, что Германия не посмеет напасть на него, а он, в союзе с нацистами начав с Польши

и Прибалтики, отхватит себе пол-Европы. 22 июня 1941 года Германия нападет на Советский Союз, а он готов к войне не будет. Немцы пройдут страшной разрушительной волной до Волги, потом начнут отступать. Советский Союз победит, но война эта унесет еще 30 миллионов человеческих жизней и принесет народам СССР невыразимые страдания. Жизнь человеческая будет весить меньше куриного пера.

Незнакомец замолчал. Женя тоже молчал, ошеломленный. В голосе незнакомца, в его фигуре, жестах было что-то такое, что не позволяло усомниться в его словах.

— Но что же я могу? — горько сказал он.

— Убей Сталина, — коротко ответил незнакомец. — И твой отец останется жив.

— Это невозможно! — вскричал Женя. — Вы смеетесь надо мной! Отец уже мертв.

— Убей его в 1934 году. Я верну тебя назад, в 34-й год, ты убьешь зверя, и развитие страны пойдет по другому пути. Репрессий не будет, никто не будет расстрелян, сослан, твой отец останется жив. В страну вернется Лев Троцкий, он умнее Сталина и уже разгадал планы Гитлера, он утверждает, что Гитлер нападет на СССР через два года. Он выставит на границы страны огромную вооруженную до зубов армию. Гитлер не посмеет напасть на Советский Союз и ограничится странами Европы. Покорив Европу, он нападет на США. Это будет роковой для него ошибкой, и он будет разгромлен. Но СССР избежит войны. Все твои соотечественники останутся живы. И отец, и твоя мать, которая иначе погибнет под бомбежкой на пути в эвакуацию. Это произойдет на станции Великие Луки 10 октября 1941 года в 11.30 утра.

Женя уже совершенно не сомневался, что незнакомец знает все и что говорит правду, и что все может, даже вернуть его в 34-й год.

— Но почему именно я?

— На тебя пал выбор. Ты можешь отказаться, это твое право. Тем более, я должен тебя предупредить, что убив вождя народов, ты сам в живых не останешься, ты погибнешь мучительной смертью. Именно поэтому тебя никто не неволит. Решай.

Сколько времени прошло, Женя не помнил. Казалось, время сгустилось и не бежало, а плелось обреченно, вслед его мыслям.

— Как погиб мой отец?

— Его три дня били. Отбили почки. Выбили зубы. Не давали есть, пить и выйти в туалет. Он лежал на мокром загаженном полу в карцере. Когда

организм не выдержал, и естественные потребности вышли наружу, его потащили к следователю в таком виде. Следователь кричал на него, оскорблял. Потом его снова били, и он подписал все, под чем у него потребовали поставить подпись. Потащили к стенке в подвале. Зачитали приговор тройки и привели в исполнение. До последней минуты он не верил, что его убьют. Думал, что это очередная пытка страхом. Когда услышал треск выстрела, увидел вспышку, изумился... И все!

— Согласен, — выдохнул Женя. — На все согласен.

Незнакомец помолчал. Потом повернул к Жене узкую голову. Блеснули яркие белки глаз.

— У тебя есть время отказаться. До завтра. Потом назад пути не будет. Отправляйся домой, попрощайся с матерью. Можешь рассказать ей все, посоветоваться, я сделаю так, что она сразу же это забудет и не будет мучиться. Завтра я жду тебя на этом самом месте в это же время, в 12 часов ночи. Дам тебе инструкции. Если ты не придешь вовремя, я уйду, и все останется как есть. Навсегда.

Женя глубоко вдохнул прохладный воздух. Спросил:

— Как вас зовут?

— Азриэль. И Сталин мой враг.

Дома он разбудил мать, к его удивлению, она достаточно легко пришла в себя. Сначала кричала, не хотела даже слышать о том, чтобы потерять еще и сына. Когда Женя рассказал ей все, что он узнал от Азриэля о будущем страны, о предстоящей гибели миллионов невинных людей, о войне, о трагической гибели отца, она горько зарыдала и согласилась. Вдвоем, обнявшись, они плакали о разлуке, о Жене. О тяжести выбора, который пал на них обоих.

— Мой сын, мой герой, — плакала Рада. — Ты войдешь в бессмертие. Жертва твоя останется в памяти людей, а у меня она останется в сердце жгучей раной.

Она целовала его руки и обливала их слезами.

На следующий день, боясь опоздать, Женя был на месте без четверти двенадцать. Улицы были так же пустынны, но ровно в двенадцать послышалось еле слышное жужжание. Со стороны бульвара приближалась черная машина, ЗИЛ-не-ЗИЛ, остановилась перед Женей, мягко распахнулась задняя дверца. Он шагнул внутрь.

...Резко затрещал будильник. Женя открыл глаза, сел на кровати. Его форма охраны лежала сложенная на стуле. На стене календарь. Кружочком обведена дата — 22 апреля 1934 года. Женя вскочил, натянул форму. Проверил наличие пропуска в кармане. Без пропуска не только не впустят в Кремль, но за отсутствие пропуска отдадут под военный трибунал. Взял из сейфа табельное оружие.

Пройдя несколько кордонов проверок, Женя вошел в здание, где помещался кабинет Сталина. Табельный револьвер он должен был сдать на стенд на последней проверке. Но у него не только не потребовали сдать оружие, но двое энкаведистов, стоящих на проверке, вообще не обратили на него никакого внимания. Как и обещал Азриэль. Женя направился к кабинету, проходя несколькими пустынными коридорами. Никто не встретился на его пути, никто не мог помешать. У входа в кабинет тоже никого не было.

Женя без стука открыл дверь и вошел внутрь. Сделал несколько шагов по ковровой дорожке.

Из-за массивного дубового стола навстречу ему поднялся небольшого роста плотный человек обыкновенной наружности с рыхлой неровной кожей на лице. Смотрел удивленно. Потом брови его сдвинулись, во взгляде появилась настороженность и вопрос.

Женя шагнул вперед, вытащил револьвер и трижды выстрелил.

Сталин вздрогнул, вытаращил глаза, хотел что-то крикнуть, из горла вырвалось клокотание вместе с пузырящейся кровью, он захрипел и грузно повалился лицом в стол.

Женя бросил револьвер и выскочил в коридор. Его стошнило. Сзади послышался топот и раздались истошные крики.

— А-ааа! Сталина убиили! А-ааа!

Женя бежал коридорами наружу, стремясь к выходу из Кремля. Азриэль сказал, что ему не уйти, но вдруг все-таки может, он только пугал его? Он вдруг вспомнил, как Азриэль сообщил ему, что его отец до последней минуты не верил, что его убьют, надеялся, что его просто пугают.

Он вырвался на площадь только благодаря тому, что на территории Кремля поднялась паника, и все бежали по направлению к кабинету Сталина, не обращая внимания на то, что Женя бежал из кабинета. Он понял, что это было его ошибкой, надо было бежать вместе со всеми. И тут же, ох, номерной револьвер, зачем он бросил его?

Со всех сторон Красной площади к Кремлю бежали люди. "Откуда они узнали?" — мелькало в голове у Жени. Он кинулся к выходу с площа-

ди, но толпа там была слишком густа, и он не мог рисковать, пробиваясь в противоположную сторону. Повернул. Побежал в другом направлении, решив скрыться за храмом Василия Блаженного, а потом сбежать дальше, но и там уже все было запружено толпой, которая надвигалась на Кремль, как стена. Зажатого толпой Женю просто понесло назад.

Над площадью стоял гул голосов, из которого вырывались истошные вопли:

— Сталина убиииили! Отца нашего! Смерть подонку! Лови его!

Женя метался по площади туда-сюда, но он уже понимал, что ему не уйти, что Азриэль никогда не ошибался, и за все в жизни надо платить, даже за подвиг, даже за привнесенное в мир добро.

На площадь вырвались энкаведисты, видевшие Женю, когда он выбегал из коридора, в котором был расположен кабинет Сталина. Они бросились к нему, выкрутили руки, бросили его на землю и стали топтать ногами. Окружающие восприняли это как сигнал и тоже бросились к Жене. Кто-то из энкаведистов закричал: "Живым его, живым на допрос суку!".

Из Боровицких ворот вылетела "эмка". Влетела на площадь. Энкаведисты схватили Женю и поволокли внутрь. Захлопнули дверцы. Машина тронулась с места, но далеко проехать не могла, мешала все сгущавшаяся толпа. Задние напирали на передних, не желая упустить свой шанс расправиться с убийцей вождя. Наконец машина совершенно потеряла скорость и остановилась. Толпа продолжала налегать. Рвали дверцы. Вокруг машины скопилось столько яростно орущих озлобленных людей, что они закрыли собой выхлопную трубу. Внутрь стал поступать газ. Нечем было дышать. Энкаведисты, до этого непрерывно бившие стволами наганов Женю по голове, так что кожа с его головы отваливалась кусочками вместе с волосами, и лицо его было залито кровью, инстинктивно открыли окно. В машину хлынул воздух, но толпа увидела какой-то окровавленный шар, который был Жениной головой. Вид крови возбудил толпу. Кто-то просунул руку внутрь и ухватил Женю за запястье, потащил наружу. Энкаведист бил револьвером по руке, захватившей Женю, но человек в ярости не чувствовал боли.

Толпа принялась бить стекла, пытаясь вытащить Женю наружу. Напрасно энкаведисты кричали, что его надо увезти на допрос, узнать, кто руководитель покушения, люди не слышали их. Под их тяжестью машина перевернулась, дверцы были сорваны. Один из охранников Сталина, ударившись головой о стойку перевернувшейся машины, издавал предсмертные хрипы. Остальные в ужасе перед тучей саранчи, которой казалась на-

летевшая масса людей, бросив Женю и спасая уже собственные жизни, пытались выбраться сквозь толщу разгоряченных тел, но поздно. Пробраться наружу было невозможно. В ярости, что поначалу охранники не давали добраться до Жени, нападавшие били и душили охранников. Их вытащили из машины и затоптали насмерть.

Кто-то тянул Женю за одну руку, кто-то за другую. В разные стороны тащили его за ноги. Визжали и плевали в лицо. Откуда-то со стороны он слышал рев и не понимал, чей это рев, то ли он сам ревет от ужаса и страшной боли, то ли ревет озверевшая толпа.

Последнее, что он запомнил в своей земной жизни, были разверстые в крике рты и горящие ненавистью глаза.

Через три часа приехала уборочная машина. Убрали помятую "эмку", подобрали трупы энкаведистов и других затоптанных людей. Куски тела Жени. Окровавленные ошметки его одежды.

Смыли кровь, бензин и вытекшую из раздавленных тел мочу.

По радио объявили о трагической смерти вождя и отца всех народов. Страна погрузилась в глубокий траур.

22 апреля 1942 года Женя шел по улице, направляясь к родному дому. У него было два часа, чтобы повидать мать и отца. Потом он вернется "на тот свет". Отпуск не так уж велик.

Природа расцветала, вокруг были мир и покой. Нарядные довольные люди выходили из магазинов с покупками, вели за руку красивых ухоженных детей.

У ворот дома, как всегда, сидели бабушки, что-то обсуждали. Женя узнал их, хотя они постарели, конечно. Ведь последний раз он видел их в 39-м, а сейчас был 42-й. Он поднялся наверх, позвонил в дверь, на которой добавилось царапин. Никто не открыл.

Женя спустился вниз, сел на скамеечку, стал ждать. Ему было интересно, о чем же говорят старушки. Они не узнали его, Азриэль вычеркнул его лицо из их памяти. Темы бабушек были все те же. Но вмешавшись в их разговор и прикинувшись приезжим, Женя понял, что народ живет хорошо, войны не было, вернее, она прокатилась где-то по Европе, а Советский Союз не затронула.

Американцы в союзе с Англией разгромили Гитлера, все страны Европы свободны, и Германия тоже строит новую жизнь. Ему было немножко тоскливо, что он-то ни в какой жизни не участвует, что его собственная

жизнь закончилась в 21 год, но светло и радостно на душе, что своей цели он достиг. Он спас свою страну, свой народ, своих родных. Недаром пожертвовал собой.

Вдруг сердце его дрогнуло. Под руку с отцом шла мать. Они оба чуть поседели, чуть сгорбились. Но их лица, их дорогие лица были такими родными, что Женя чуть не задохнулся от любви и волнения.

Проходя мимо него, Рада Григорьевна чуть замедлила шаг и внимательно на него посмотрела. Видно было, что лицо Жени чем-то заинтересовало ее. На ее лоб легла легкая тень. Но Семен Павлович потащил ее дальше, и они скрылись за дверью.

Подождав несколько минут, Женя поднялся на третий этаж. Снова позвонил. Дверь ему открыла Рада Григорьевна, вопросительно на него посмотрела.

— Я от Зверевых, приехал из Улан-Батора, они просили повидать вас, передать привет, — Женя назвал близких друзей семьи, которые в 32-м году уехали на работу в Монголию. — Я тоже русский, но вырос в Монголии.

Рада Григорьевна заулыбалась, пригласила Женю войти.

Через полчаса он сидел в столь знакомой кухне за столом и пил чай со смородиновым вареньем. Отец радовался известиям от близких друзей, которые сочинял Женя. Но ему больше хотелось узнать о жизни родителей. Под предлогом того, что Зверевы просили расспросить о Штыревых, Женя расспрашивал отца и мать о событиях, происшедших с 34-го года. Он узнал, что их сын Женя в 34-м году таинственно исчез, и хотя его искали и органы, и все службы, которые поставил на ноги профессор Штырев, Женю так и не нашли. Узнал, что Рада Григорьевна тоже пошла в науку и защитила кандидатскую по филологии русского языка.

Спросил, кто сейчас руководит страной. Семен Павлович ответил, что какое-то время партией и страной руководил Лев Троцкий, и спасибо ему, он сумел построить политику СССР так, что они избежали войны с фашистской Германией. Но потом люди стали замечать, что всенародная любовь к Троцкому постепенно превращается в культ личности. И сместили его. Сейчас руководство партией взял на себя Молотов.

Зазвонил телефон. Рада Григорьевна встала и пошла в гостиную взять трубку. Дверь в гостиную распахнулась, и Женя увидел, что на центральной стене, на главном месте в доме, висит огромный парадный портрет Иосифа Сталина. Когда-то там висела копия знаменитой картины Левитана "Над вечным покоем" и маленький, а потом уже подросший, Женя любил рассматривать ее, представлять себя там, под сенью берез, в про-

зрачной дали. А теперь вместо голубого плеса, вместо торжества вечной красоты он видит то самое лицо с чуть опущенными веками, с торчащими усами и плотно сжатыми губами, что и так стоит перед его глазами как символ зла, когда-то уничтоженного им, за что его разорвала на куски беснующаяся толпа. И теперь оно здесь, в доме его отца и матери, спасенных им когда-то от страшной погибели.

— Что это?! — потрясенный, закричал он.

— Это портрет нашего вождя, — отвечала Рада Григорьевна. — Вы не знаете, но это был святой человек. В апреле 1934 года нанятый врагами советской власти подонок убил его, выстрелил в упор из револьвера. Он причинил огромное горе всем советским людям, огромный вред всей стране. Если бы Сталин остался жив, СССР достиг бы уже величайшего расцвета. Мы, советские люди, молимся на него и проклинаем подлого убийцу.

— Но это не так! — в отчаянии закричал Женя. — Сталин был тиран и деспот. Убийца миллионов. Даже силы ада восстали против него!

— Я попрошу! — стукнул кулаком по столу Семен Павлович. — Не смейте оскорблять в моем доме великого человека. Вы недостойны говорить о нем. Кто вы такой? Прожили свою молодость в далекой Монголии, пока мы тут строили общество будущего. А теперь оскорбляете память человека, бывшего символом нашей родины, ее кумиром. Вам лучше уйти.

— И что вы тут мелете о силах ада, — вступила Рада Григорьевна. — Рая и ада нет, вы сумасшедший. Пожалуйста, оставьте нас.

— Нет! — кричал Женя. — Это несправедливо! Это невозможно! Я отдал... Я не уйду, пока вы не признаете, что Сталин преступник, убийца, величайший преступник в мире! Я без этого не уйду!

— Да что это такое, — возмутилась Рада Григорьевна. — Семен, гони его отсюда. Я не могу его слышать. Вон!

Семен Павлович схватил Женю под локоть, и вдвоем с Радой они вытолкали его за дверь.

В ужасе Женя бежал по лестнице вниз, а вслед ему неслись проклятия его матери и крик отца:

— Вон отсюда, подлец, вон! Вон!

Светлана СОЛОДОВНИК

Дорога без начала и конца

В России две беды – дураки и дороги.
Н.М. Карамзин

Париж-Одесса

Света привет, спасибо за поздравление с Новым годом.

Как ты поживаешь? Что нового?

Я последнее время болел: тройничный нерв меня подкосил на много дней. Врачи лечили, как могли. Но, к сожалению, именно в это время были неотложные дела: показы моего фильма "Далеко от Сансет-Бульвара", лекции в киноакадемии и т. д. Не самый приятный момент, чтобы выходить на люди, но что поделаешь.

Как у тебя начался новый год? Какие планы?

Целую. Игорь.
02.02.08. Париж.

Привет, Игорь! Наконец-то ты появился! Или наоборот: наконец-то я пришла в себя! Новый год у меня начался фантастически! Это были мои невероятные приключения, или путешествие из Украины в Россию и обратно. Или как там, у Венички Ерофеева, "Москва — Петушки"? Так это "Одесса — Ессентуки". Я, как в том анекдоте: на вопрос "как дела?" — начинаю подробно рассказывать, как. Но поверь — это стоит того.

Дело в том, что в начале октября теперь уже прошлого года в "одноклассниках" обнаружился мой однокурсник Александр Кирпичев. Он уехал после окончания художественного института по распределению в сибирский город Кемерово. Чтобы завлечь к себе специалистов, там предоставляли и квартиру, и мастерскую, и всяческие блага, которых не хватало на всех жителей в европейской части замечательно большой Советской страны. Этим летом он перебрался с семьей в Ессентуки, потому что сыт по горло экологией самого производственно-культурного города Сибири, и зазвал меня к Рождеству в свое новое жилище. Но к себе — только на один день, а потом со всем его семейством — в горы в Приэльбрусье. В принципе, я на Эльбрусе была еще в конце 1970-х, но соскучилась по горам страшно. Да и с Сашей очень хотелось пообщаться. В институте мы были большими друзьями. Поэтому я была очень рада его теплому приглашению, возможностью увидеться, вспомнить студенческие годы и побывать в моих любимых ностальгических горах.

Обо всей моей поездке можно написать роман или несколько сценариев. Но, к сожалению, я не писатель, хотя очень хочется поделиться впечатлениями.

Вот один из сюжетов. Сразу обозначу главу, потому что если тебе будет интересно, появятся следующие главы.

Глава № 1
Начало пути

На Кавказ из Одессы прямого поезда не оказалось, и я решила ехать на автобусе Одесса — Пятигорск. Автобусом интересно: сидишь себе, смотришь в окно, уютно, тепло, чай дают или кофе. Это у меня такое впечатление осталось от поездки в Париж через всю Европу. Ну и что, что 30 часов ехать до Пятигорска? До Парижа трое суток — и отлично! Главное — без пересадок, которые я так не люблю. Вот, думаю, приеду на автобусе в Пятигорск, Саша встретит меня на машине, а там уже рукой подать до Ессентуков. Так я хорошо думала тогда и представить себе не могла, как ошибалась! Я не учла главное, что "...отсюда много ближе до Берлина и Парижа...".

Когда я брала билеты на этот рейс, реклама была о самых комфортабельных автобусах мира. Однако выехала я из Одессы в каком-то ветхом разваливающемся "сарае" прошлого века. Да еще именно в это время страшно похолодало, до –20 градусов, и задул ветер, который сбивал с ног. Уж не знаю, сколько метров в секунду был этот сильный, да к тому же ледяной ветер, но настроение у меня все равно было бодрое, ведь главное — путешествие началось, и несмотря на дряхлость, автобус все-таки ехал. Путешествие и дорога — это мое любимое состояние. Видишь мир, людей, приобретаешь новые знания и впечатления, меняется внутреннее отношение к окружающему миру. Начинаешь больше ценить то, к чему привык, что кажется совершенно естественным или надоевшим, наступает переоценка ценностей.

Ехали медленно, автобус заправлялся соляркой почти на каждой бензоколонке. У водителя выпадало боковое стекло. Часто останавливаясь на обочине дороги, он вместе с напарником вставлял стекло и приклеивал его скотчем. Туалеты в пути были из позапрошлого века: деревянные, с ямой и не всегда с дверью, и продувались ледяным ветром насквозь. Иногда попадались на станциях каменные туалеты, построенные еще в советские времена, где выдают по десятисантиметровому кусочку туалетной бумаги в окне, куда ты платишь деньги, однако ни чистота, ни качество интерьера, ни воздух не соответствовали цене и европейскому сервису,

хотя стоимость посещения этого заведения была очень даже европейской. Хорошо, что я не послушалась своих друзей, которые мне говорили ехать налегке, ведь на дворе XXI век: чай и кофе будут подавать в автобусе, а еду можно купить на станциях. Какой чай? Какой кофе? А что на станциях?! Фиолетового цвета сосиски с задубелыми булками, засохшие и почерневшие от старости куры и колбаса, какая-то дребедень типа печенья, конфет и т. д. Зато у меня с собой было: в термосе вкусный крепкий сладкий чай, свежие бутерброды и всякие жевательные вкусности для долгого пути. Спасибо, что интуиция не подвела.

Когда мы выезжали из Одессы, пассажиров было немного. И практически все сидели на двойных сидениях по одному. Меня это очень порадовало. Сидела я впереди в третьем ряду от водителя возле окна, и место у меня было № 5. Отличное число! Публика была очень разношерстная: пожилая кавказская семья; дамочка в шубе, макияже, с прической и соответствующими образу жеманными манерами; две девицы-модницы в коротеньких кожаных курточках, коротеньких джинсиках с голой поясницей и сапогах на высоких каблуках; какие-то молодые не очень симпатичные люди, какие-то базарные тетки и базарные дядьки и пр. При выезде из Одессы у водителей проверяли документы. Одна из "проверяльщиц" сказала, что не знает этот экипаж и автобус. На это замечание водитель ответил: "Мы долго ремонтировались, теперь все в порядке. Вы что же, не верите нам?". "Проверяльщица" ответила, что, конечно же, верит, таким джигитам не верить нельзя, и мы поехали дальше.

Уже начинался длинный и темный зимний вечер. Ведь зимой темнеет рано. Пассажиры потребовали включения телевизора и показа фильмов, чтобы быстрее шло время в пути. Девчонки сразу пересели вперед на свободные места, и обнаружилось, что кресло впереди справа от меня сломано. Ну, то есть не совсем сломано. Просто если на него садиться, то оно тут же откидывается назад. А поскольку на каждой станции к нам подсаживались пассажиры, я понадеялась, что эта неисправность спасет меня от ненужного соседства. К сожалению, я ошиблась, и хотя мест было достаточно, рядом со мной пожелал сесть мужчина довольно внушительных размеров, да еще и в дубленке, что сразу же резко увеличило тесноту. Кресло впереди мужчины, на котором сидела одна из девиц, все время откидывалось на его немаленький живот. Началась возня между мужчиной и девицей. Я его убеждала, что не надо ссориться, что сзади в автобусе достаточно свободных кресел, и если он пересядет, то ему одному будет гораздо комфортней. Он мне не внял. И поддерживая постоянный скандал, таки

заставил пересесть назад девицу. Временно успокоился, а потом начал бурно комментировать то, что воспроизводилось на экране.

В автобусе было довольно прохладно. Чтобы согреться, девицы на автостоянке купили вина. Но они ведь были молодые и еще не знали, что согреваться нужно водкой или коньяком. Из-за выпитого ими вина молодой организм достаточно часто хотел по нужде. Девицы требовали частых остановок именно на заправках, потому что на ветру в поле холодно, возникал скандал с водителями и бесконечная беготня пьяных девиц по салону.

Кино показывали без перерыва. И это все были, как ты сам понимаешь, американские боевики, да и к тому же старые, или низкопробные комедии с Джимом Кэри. Чтобы было слышно сзади, звук включили на полную громкость. Бесконечное мелькание экрана, громкий звук, беготня по салону, скандалы по поводу остановок, холод и объемный мужчина, который меня вжал в окно, — все это вместе доканывало меня совершенным образом. Хотелось остаться со своими мыслями, с наслаждением от дороги и путешествия, с возможностью отключиться от каждодневной суеты. Но ничего этого и близко не было. Я все ждала, когда все угомонятся, захотят спать, и прекратится показ фильмов в режиме нон-стоп. Так оно и произошло часам к двенадцати ночи, когда я уже была на грани истерики. К часу ночи автобус был недалеко от Мелитополя. Я сидела, смотрела в окно на темное звездное небо и думала, что тут когда-то скакал на коне по необъятной степи лихой и гениальный батька Махно. Недалеко — Гуляй-Поле. Прокручивала мысленно отдельные куски истории, которые привели нашу страну к сегодняшнему дню. И достаточно быстро получила привет от самого Батьки.

Автобус встал и мгновенно начал остывать, хотя, впрочем, не очень-то был и нагрет. Ну, что...

За окном –20, ледяной сильный ветер, степь и мрак. Звездное глубокое небо. Спасибо, что не было снега, а то бы занесло — и не раскопали. Вот тебе классический сюжетец: замкнутое пространство и случайные люди.

Автобус не заводится, соляра превратилась в парафин. Водители выбегают к мотору, чего-то нам стучат, греют, — и обратно, чтобы согреть руки и себя. Но и в автобусе уже холодно.

Как дальше повернет сюжет?

Это в следующем письме, конечно, если тебе интересно.

В приложении — неземная красота, ради которой я отправилась в поездку.

Целую. Я.

02.02.08. Одесса. SS.S.

P. S. *Не болей!*

Света, Привет!

Ну и приключение! Ужасы поездки даже не могу себе представить! Зато какие красивые горы!

Я должен бежать на вокзал. У меня поезд через два часа, а еще нужно успеть выпить утренний кофе с сигаретой. Еду в сторону юга, Тулузы, в город Монтобан. Пригласили туда представлять фильмы, но не дали машины. Хотя на вокзале меня встретят и отвезут в гостиницу, но туда приходится добираться самому. Когда-то я уже был там. Это очень красивый старинный город с удивительной архитектурой. Там, кстати, родился Делакруа. Прошлый раз мне не удалось посмотреть музей. Может быть, удастся в этот раз, хотя такого рода поездки не предполагают туризм. Это встречи со зрителями, кинокритиками, журналистами, продюсерами и т. д. Возвращаюсь завтра вечером.

До скорого. Целую.
Игорь. 03.02.08. Париж.

P. S. *Жду продолжения твоей саги о поездке в горы.*

Игорь!

Желаю тебе легкого пути и полезной поездки.

Ну, что ж... а я, если тебе интересно, продолжаю. Когда ты вернешься, то мое письмо уже будет тебя ждать.

Глава № 2
Неожиданный поворот

Экипаж в автобусе был кавказский. Это было видно невооруженным глазом и слышно невооруженными ушами. Флажок на ветровом стекле — российский. Оказалось, что пассажиры все были россиянами. Многие из них замечательно встречали Новый год в Одессе на нашей Думской площади, причем уже не первый год, и возвращались уставшие, но довольные, к себе домой в Ростов, Пятигорск и другие российские города.

Как ты думаешь, что начало происходить в автобусе, когда все осознали, что мы реально можем замерзнуть? Нет, ты думаешь неправильно.

Пассажиры не рассуждали о том, что надо делать, чтобы не замерзнуть. Или чем помочь водителям, чтобы мотор завелся. А конечно же, начали докапываться до вечной русской истины — "кто виноват?!". Пока водители копались в моторе на ледяном ветру, пассажиры, переругавшись,

стали обвинять водителей не за то, что автобус был неисправен, а за то, что они были ХОХЛЫ. Правда, водители, к счастью, этого не слышали, а то бы всех "зарэзали". Потом пассажиры переключились на "бандитскую" и "воровскую" "ОДЭССУ". Потому что именно этот еврейский город их всех "обобрал" и "нагрелся" на этом рейсе. Каким образом — это не объяснялось. Потом они переключились на всю страну "ХОХЛЯНДИЮ" и хитрожопых, извини, хохлов, которые в ней живут и так и норовят обхитрить доверчивых россиян. Но что делать реально и как спасаться — никто об этом даже не думал. То есть политика или национальные раздоры преобладали над страхом замерзнуть в степи.

У меня было ощущение, что я нахожусь в одной из палат сумасшедшего дома. Тем более что все действие то ли от холода, то ли от сонного состояния и усталости происходило как-то замедленно и тупо. Эти разборки для меня были совершенной неожиданностью. Я предпочла просто молчать, если бы они услышали мою речь, то, думаю, решили бы отыграться именно на мне, потому что других "хохлов" или "одэсситов" в автобусе не было. То есть у нас ни о России, ни о русских ничего плохого не говорят. Никакой пропаганды нет, кроме политики нашего правительства и доморощенных националистов, которым за это платят. А тут ненависть, злость, шовинизм... "Старший брат" дал волю своим мыслям и чувствам в отношении "младшего брата". Для меня это было откровением.

Через какой-то промежуток времени, в середине ночи, когда все были на пределе, нас обогнал международный интуристовский автобус. Наши водители его тормознули. Оказалось, что этот автобус задержался по расписанию и фактически стал нашим спасителем. Правда, мы думали, что водители все вместе отремонтируют наш автобус. Однако и тут мы ошиблись.

Приблизительно через час, когда все пассажиры тряслись от холода в полном смысле этого слова, один из водителей зашел в салон и сказал, что наши вещи перегрузили в автобус, следующим рейсом Симферополь — Ростов, и нам нужно пересаживаться туда, и вообще, скажите спасибо, что он задержался и спас нас.

Поскольку я сидела сразу за водителями, я первая сказала "спасибо" и пошла в новенький, красивый и комфортабельный автобус, надеясь найти свободное место лучше, чем было в предыдущем автобусе. Когда я зашла в салон, со мной случился столбняк: не было ни одного свободного места. Автобус был переполнен, да еще у некоторых пассажиров на руках сидели маленькие дети. Мы вынуждены были разместиться стоя в узком проходе, как макароны спагетти в пачке, и держась за спинки кресел,

поехали в Ростов. То есть, говоря современным языком, это теперь называется "два в одном".

В автобусе, в котором мы ехали из Одессы, было холодно, а в этом новеньком топили хорошо, да еще количество людей превышало все дозволенные нормы. Стояла духота невыносимая. Пассажиры, которые сидели, возмущались, что мы свалились на их головы и над ними висим. А пассажиры нашего автобуса уже не возмущались вообще. Все стояли тихо и как-то отрешенно.

И вот в таком состоянии мы доехали до украинской границы, где нам сказали выйти из автобуса для проверки документов, а там... ледяной ветер сбивает с ног. Пассажиры, мокрые и распаренные, попробовали стоять на холоде, но поняли, что можно сходу превратиться в сосульку, и влезли обратно в автобус, опять набились битком. Пограничнику было очень непросто справиться с проверкой документов. Вся эта процедура длилась бесконечно долго, потому что надо было сверять фото на паспорте с лицами пассажиров, ставить печать, да еще продвигаться по переполненному автобусу, что в этой ситуации было сложнее всего. Фотографию в паспорте с моим лицом сравнить было нельзя. И бедный мальчик-пограничник долго пытался разглядеть в моей фотографии хоть какие-нибудь похожие черты. Я решила помочь ему и сняла очки, он сказал, что не в очках дело, что нужно стремиться к совершенству, имея в виду мою фотографию в паспорте. Спасибо ему за запоздалый комплимент и информацию о том, что когда-то я была совершенством.

Потом российская граница... Нас, "поломанных", проверяли на улице. Из автобуса по одному мы бежали под шлагбаум и к пограничной будке, где через окошко показывали паспорт. Там опять долго пытались меня узнать и как-то недоверчиво отдали паспорт. Потом оттуда надо было бежать к какому-то захудалому пограничному кафе на нейтральной полосе, где ждали, пока проверят остальных "поломанных", а потом "законных" пассажиров в автобусе. В полутемном кафе было только четыре стула. Поэтому пришлось и там стоять. Казалось, этому не будет конца. Почему-то вспомнились фильмы про войну, где фашисты перевозят пленных через пересыльные пункты.

Где мои вещи, бутерброды, а тем более термос с горячим чаем, я не знала. Купить в кафе чай я себе не могла: у меня было 1000 рублей, а у буфетчицы не было сдачи. Никто из россиян мне не захотел менять хоть какие-нибудь деньги, а тем более не предложил чай, хотя, как ты сам понимаешь, он стоил копейки. Да и несчастье, как правило, сплачивает людей, и они друг друга

поддерживают. Здесь каждый был сам за себя, причем с какой-то особой агрессивностью. Мне это показалось странным. У нас более открытые и участливые люди. Во всяком случае, это из моего опыта. Правда, может быть, я устарела, и сейчас время другое. Хотя человечность ценилась во все времена. И мне кажется, не бывает другого времени, бывают другие люди.

Но, слава Богу, всему наступает конец — и "законных" проверили. Опять мы набились в автобус и поехали дальше. Когда стало рассветать, я поняла, что сейчас просто потеряю сознание: покрылась вся холодной испариной, коленки подгибались, голова кружилась, я вцепилась в кресло, чтобы не упасть, тем более что на мне всю дорогу очень комфортно ехал живот рядом стоящего мужчины. Я молилась Богу: "Господи, не знаю, как, но помоги, пожалуйста!".

И Бог мне помог! Спасибо Тебе, Господи! Женщина, которая сидела рядом, неожиданно решила выйти на какой-то станции. Я села на ее место, единственная из всех "поломанных", и до Ростова я смогла даже заснуть на пару минут и прийти в себя.

Как только приехали в Ростов, я с большим трудом нашла свои вещи и какими-то заковыристыми перебежками начала искать кассу, чтобы взять билет до Минеральных Вод. Пока я искала вещи и кассу, наши пассажиры уже брали билеты. И когда впереди меня в очереди осталась одна женщина, ей сказали, что есть только один билет до Минвод, но поскольку ей надо было три билета, я вырвала этот билет фактически из ее рук и помчалась на автобус, который уже отходил в Минводы. Но это другая история.

Если тебе все еще интересно, то, як кажуть у нас в Україні, — ДАЛІ БУДЕ...

Игорь, расскажи о своей поездке: как прошел показ фильма, как тебя приняли, что ты видел?

Целую. Я.
03.02.08 Одесса. SS.S.

Света! Жду с нетерпением окончания твоей истории!

Я вернулся из Монтобана. Все прошло замечательно. Меня встретили на вокзале с машиной, разместили в старинной шикарной гостинице, повозили по городу, рассказали его историю. Город очень красивый. Я там был уже один раз шесть лет назад. К сожалению, мне опять не удалось посетить музей Энгра, он закрыт в воскресенье утром. Хотя я уверен, что лучший Энгр в любом случае в Лувре, но все-таки жаль. На просмотре фильма было много народа. Приняли фильм очень хорошо. После филь-

ма — бурное обсуждение, интервью, потом ужин для высоких гостей в дорогом ресторане. Из гостиницы меня любезно отвезли на вокзал.

И вот я уже в своей уютной квартире пью утренний кофе с сигаретой.

Итак, вернемся к твоей невероятной саге о путешествии... Какой-то страшный XIX век...

Целую. Игорь.
04.02.08. Париж.

Игорь, очень рада, что твоя поездка удалась и что у тебя встреча была плодотворной и интересной. Думаю, что будет и следующий раз, хотя бы для того, чтобы посетить музей Энгра. И еще подумала, как далеко от меня сейчас Лувр! И как это жаль! Хотя, может быть, я опять побываю в Париже. Действительно, это город, в который хочется возвращаться, город мира, в котором каждый человек находит для себя именно то, что ему близко и мило его сердцу. Да и, кстати, ведь уже доказано, что мысль материальна, и она, как и правильно сформулированная мечта, вполне может осуществиться. И это на моей практике уже бывало не раз, но главное — моя любовная история с Одессой. Немного отвлекусь от основной темы, но это тоже интересно.

В Одессу я часто приезжала еще со школьного детства — и сразу же влюбилась в этот город. То мы путешествовали с папой на машине, останавливаясь в художественном училище или в палатке на косе за Крыжановкой между лиманом и морем, писали этюды. То я приезжала по путевкам в пионерские лагеря, расположенные на Люстдорфской дороге.

Во второй половине 60-х появились магнитофоны, а с магнитофонами песни Высоцкого, Окуджавы, Галича и песни блатные, одесские. В одесских песнях и литературных произведениях все названия улиц были исторические. А когда в очередной свой приезд в пионерский лагерь я решила обследовать Одессу, то оказалось, что исторических названий улиц, кроме Дерибасовской, не существует. Дерибасовская есть, а Ришельевской нет. И вся трагедия заключалась в том, нет ЭТОГО УГЛА. Я была несказанно удивлена и возмущена: как можно было переименовать улицы, которые олицетворяли собой этот город с необыкновенной историей и литературой? Негодованию моему не было предела, о чем я говорила всем своим друзьям и писала в письмах домой. Кроме того, писала, что хотела бы жить в уютной и солнечной Одессе. Это, конечно, со временем все забылось. И вот после всех моих перипетий я остаюсь одна с сыном без работы в прекрасном, но на тот момент совсем не изведанном мною городе Одессе.

Смутные 90-е годы, распад Союза и всего, что с этим связано. Из-за отсутст-

вия заказов прекращает свою деятельность художественный фонд, на творческие работы не проживешь, заказы на рекламную продукцию сокращаются, работа в кино была хотя и плодотворной, но очень недолгой: денег на производство фильмов нет. Все, кто может, уезжают работать на киностудии в Москву или Ленинград (которому, кстати, теперь уже тоже возвращено историческое название — Санкт-Петербург, правда, Ленинградской области). Первая в мире Одесская киностудия начинает постепенно умирать. В этом безвременье и безденежье мне предлагают постоянную работу в государственном учреждении. Я с благодарностью отказывалась от этого предложения, не понимая, как можно променять свободную творческую жизнь на "геркулесовскую", как в "Золотом теленке". Мои отказы не принимаются, и первое задание, которое я получаю, — это работа по возвращению улицам Одессы их исторических названий. Вот тут-то и вспомнилось мое юношеское увлечение Одессой. Вот тут-то я и поняла, что думать и хотеть надо очень осторожно, тем более писать на бумаге, а то вдруг сбудется! И как подтверждение этому, при разборке бумаг перед ремонтом квартиры выпадает откуда-то мое письмо, написанное еще несформировавшимся детским подчерком из одесского пионерского лагеря, адресованное отцу. В нем идет речь о желании жить в прекрасном городе Одессе и возмущении о том, что исторические названия улиц были изменены, а они так важны для сохранения легенды именно этого необыкновенного города. Откуда взялось у меня это письмо — один Бог знает. Но зато все стало на свои места. И мои вопросы, почему я оказалась здесь после стольких потерь, и что мне делать дальше, отпали сами собой. Я для себя решила, что вернуть городу его славную историю и непосредственно участвовать в этом процессе — это именно моя такая важная и возвышенная задача. От таких мыслей у меня появился смысл в моей дальнейшей работе и жизни в Одессе. А может быть, это была просто попытка оправдать свою измену творчеству из-за хаоса, который наступил в нашей разодранной на куски стране, и желание просто выжить. В любом случае, решение было принято, выбор был сделан, начался новый этап в моей жизни, затянувшийся на долгие годы. Но это уже совсем другая история.

Однако вернемся к истории моего путешествия. Итак, я продолжаю.

Глава № 3
Случайная развязка

Ну вот. Автобус был рейсовый Ростов — Минводы, а не международный. Но он оказался несказанно лучше, чем ТОТ "сарай", что остался но-

чью в степи недалеко от Гуляй-Поля. Интересно, что с ним стало? Хотя, конечно, до комфорта и в этом автобусе было очень далеко, но ГЛАВНОЕ — у меня было МЕСТО, и Я СИДЕЛА. Я никогда не думала, что по такому незначительному поводу можно так радоваться.

Ехали долго. Автобус останавливался по расписанию в каждой станице. По поводу туалетов и станций — даже не знаю, как написать, и надо ли. Какая-то дремучесть во всем: серо-черные люди, грязь, разруха, зеленые облезшие панели, горелые пирожки, жаренные на подсолнечном масле, но деньги берут за все лихие. И самое неприятное — это запах. Запах советского времени в самом худшем его понимании, хотя теперь понимаешь, что далеко не так все было плохо в нашей лоскутной советской стране.

Приехали на станцию Тихорецкая. Просто, как в известной песенке. И опять случилось непредвиденное событие: или наш автобус кого-то сбил, или он въехал в какую-то машину, но водителей забрали в милицию составлять протокол, и мы там простояли около трех часов. А поскольку на улице все еще дул сильный ледяной ветер, в салоне очень быстро стало холодно. Выяснилось, что рядом со мной под окном дыра, из которой очень дуло. Я попыталась заткнуть ее сумкой. Удалось это мне наполовину. "Дуло" совсем не исчезло.

Позвонила в Ессентуки Кирпичеву и сказала, что ТОТ автобус сломался, что я еду уже на совсем другом автобусе, и не в Пятигорск, а в Минводы, но в Минводах буду не по расписанию, а неизвестно когда, потому что водители находятся в милиции, и потому что все время какие-то препятствия. Саша был весьма обеспокоен моим сообщением. Он сказал, чтобы я позвонила, когда мы уже приедем в Минводы, он выедет из Ессентуков в Пятигорск, а я из Минвод в Пятигорск на рейсовом автобусе. Оттуда он меня заберет. На том и порешили.

Наконец-то водители вернулись, и мы отправились в дальнейший путь. Природа за окном меня не вдохновляла. Степь, степь, разруха, пыль и холод. За мной сидел молодой человек, которому было скучно ехать, и он все время болтал с друзьями и подругами по мобильному телефону. Хочешь не хочешь, но мне было слышно практически все, что он говорил. В основном, это была просто болтовня, но один разговор меня и удивил, и порадовал: "Сейчас будет такая-то станция, — говорил молодой человек, — потом такая-то, а потом, наконец-то, моя! Как я люблю этот мой город, как мне в нем уютно! Это самое лучшее место на всем земном шаре, в котором я себя лучше всего чувствую, в котором у меня столько друзей и все такое родное!".

Я ждала с нетерпением, когда же приедет молодой человек, и я увижу самое лучшее место на земле. И я увидела... Поистине, как в том анекдоте: "Сынок, это же НАША РОДИНА!". И в очередной раз я подумала, в каком благословенном солнечном и прекрасном городе мы живем! Как нам повезло! И как для человека важно само понятие "РОДИНА"! Но почему наша родина какая-то убогая? Народ, что ли, в ней такой убогий? И просвета не видно никакого. Даже вся ЭТА ДОРОГА характерна для НАШИХ постсоветских стран и для НАШИХ пассажиров. Получается, что это НАША ДОРОГА, по которой МЫ должны пройти, может быть, чтобы что-то понять и как-то измениться. А может быть, тут и понимать ничего не надо. Отрабатывай то, что тебе положено, не вникай и не умничай.

Постепенно вся русская публика поменялась на кавказскую, и женщин осталось только две, включая меня. Вторая была девушка лет 25-27, которая начала подтягиваться ко мне поближе. Из ее немногочисленных предложений я поняла, что она приехала в Россию через Прибалтику из какой-то заграницы и пребывала в жутчайшем депрессивном недоумении по поводу того, что творится во всей России, потому что она проехала через всю страну с севера на юг и насмотрелась всей этой российской жизни и российского сервиса. Вечерело, и нам с ней стало как-то не очень уютно в этой кавказской мужской компании.

Не доезжая Минвод, и ЭТОТ автобус сломался. Было уже совсем темно. Народ, оставшийся в автобусе, начал возмущаться: "Какой плохой рейс! Как долго едет! Все время какие-то проблемы!". А я сидела и думала: странно, чего они возмущаются, — они не ехали ТЕМ рейсом. При этом у меня постоянно возникал один и тот же вопрос: поскольку препятствия возникали на МОЕМ пути, может быть, мне вообще не надо было ехать? Я гнала от себя плохие мысли, но они возвращались. Потому что все происходило как-то не так. Нестыковка какая-то.

Водители открыли крышку в полу автобуса и нырнули туда с головой, что-то продувать или что-то закачивать. Я опять позвонила Кирпичеву. С радостью ему сообщила, что и ЭТОТ автобус сломался, и чтобы он постарался как-то приблизить нашу долгожданную встречу, потому что мне уже до чертиков надоела вся эта бессонная езда в холоде и голоде и что я уже очень даже полна замечательными впечатлениями от дороги и путешествия в автобусе. Он был озадачен очередным моим сообщением и одновременно удивлен такому моему радостному настроению. А мне уже было все нипочем! Главное, чтобы не было войны! — так всегда в тяжелых ситуациях говорили наши родители. Саша сказал, что будет что-то приду-

мывать. Через какой-то промежуток времени автобус все-таки завелся, и мы доехали до Минвод, а там и Саша на машине подоспел, нашел автобус и вынул меня из него.

Кирпичев не изменился, просто постарел. Саша был высокого роста — под два метра. В студенческие годы его длинное лицо с маленькой бородкой и маленькими приподнятыми усиками окаймляли вьющиеся русые длинные волосы. Глаза небесно-голубые с густыми закручивающимися ресницами очаровывали не только женский пол. Этот взгляд светлых глаз с какой-то смешливой искоркой и широкая открытая улыбка сражали наповал всех педагогов, которые пытались Сашу воспитывать.

Сейчас только понимаешь, что это был образ если не д'Артаньяна, то, наверное, Арамиса. Отличался он всегда своими неординарными суждениями, взглядами, видением и не боялся их высказывать. Он не боялся ничего: ни житейских, ни материальных, ни моральных проблем. Странным образом он был свободен от общества и социума, в котором жил. То есть это общество должно было приноравливаться к нему, а не наоборот.

Да, маленькая подробность: у Саши было четыре жены. Первая — еще в молодые годы, когда он перевелся к нам в институт на второй курс из Смоленска, тогда-то мы с ним и подружились. Он был очень талантлив, ему все давалось легко и, наверное, поэтому был "пофигистом". Какое-то время он жил в институте в аудитории нашего курса. Денег не было, чтобы снимать квартиру, общежитие тогда еще не построили, и многие студенты находили приют в самом богемном вузе нашего города, который был похож на небольшой уютный замок с башенками, черепичной крышей и мансардами, в которых располагались аудитории. Саша был одним из таких студентов-постояльцев. Но при этом умудрялся всегда опаздывать на занятия или вообще не приходить. Но если он появлялся, то любое его прикосновение к бумаге, холсту, глине становилось шедевром. Шедевр он мог создать за одно-два занятия. Особенно у него получались портреты. Кроме необыкновенной внешней схожести он точно улавливал внутреннюю суть человека. Всегда за свои работы он получал оценку "отлично", и его ставили в пример, а работы забирали в методический фонд. Но за безалаберное поведение вызывали в деканат, грозились лишить стипендии и отчислить. Иногда я его приглашала домой пообедать. Иногда у меня дома мы шили Саше брюки на немецкой машинке "Зингер", чтобы ему можно было хоть что-то на себя надеть. Он стал подрабатывать, снял квартиру, к нему приехала его первая жена. Тогда же и родился первый сын, которого он назвал Ричард Кирпичев. Но его жене что-то не понравилось, она забрала Ричарда и уехала обратно

в Белоруссию. Саша развелся. Я его познакомила со своей подругой, и они поженились. Он жил в пятикомнатной квартире своей второй жены — художницы, которая находилась в центре города, о чем можно было только мечтать, никто его оттуда не выгонял, жили дружно и творчески. Но после окончания института Саша опять проявил себя неординарно и взял распределение в сибирский город Кемерово. Он предпочел быть независимым от мещанских представлений о жизни и карьере, быть хозяином своей жизни и не цепляться за блага жены. Вторая жена вместе с их сыном Василием Кирпичевым вынуждена была поехать с ним в Сибирь, оставив пятикомнатную квартиру. Но она оказалась не женой декабриста, не смогла жить в этом суровом климате и вернулась в родной город и свою квартиру. Саша опять женился, но быстро развелся, потому что третья жена не выдержала его творческой свободной жизни. Его необыкновенный талант растворился на бескрайних просторах Сибири. Любая творческая работа, которую он делал, попадала от кемеровского отделения Союза художников СССР на отчетные региональные и всесоюзные выставки в Москву и получала всяческие награды и премии, что, конечно же, не давало покоя местным художникам и вызывало только зависть и интриги. Но и это Сашу не волновало, потому что он совсем не собирался пополнять своей яркой фамилией перечень заслуженных и "перезаслуженных" художников Советского Союза, к творчеству относился легко и несерьезно. Больше всего ценил дружбу, помогал всем и вся и боролся за справедливость.

Покорил Сибирь Кирпичев глобально, как Ермак. Он создал производственно-творческую фирму по изготовлению одежды сцены, единственную на всей территории России за Уральскими горами. Причем кроме главного художника, организатора, вдохновителя, распорядителя, директора, он сам выполнял эскизы, следил за производственным процессом и конечным результатом. Мотался по бескрайним просторам Сибири и создавал шедевры сценической одежды. Перебравшись в Ессентуки, он не оставил свою театральную деятельность. Женат он был на четвертой молодой жене — Анне. У них родился совершенно гениальный сын Илья Кирпичев, такой же свободолюбивый и неуправляемый, как его отец. Кирпичев-старший со всеми своими сыновьями и женами общался и всем помогал.

Приехали мы к нему домой часов в одиннадцать вечера. Первый сын Ричард Кирпичев (который вынужден был в белорусской школе сменить фамилию родителя, потому что имя никак не соответствовало фамилии, и стал Ричард Шушкевич) вместе со своей девушкой уже прибыли в Ессентуки раньше меня.

Назавтра ожидался приезд среднего сына Василия (который тоже сменил фамилию отца на фамилию деда, мотивируя тем, что живет в Украине, русская фамилия ему мешает, и стал Васыль Кондратенко), тоже с девушкой.

Семья меня ждала к обеду и была страшно голодна. Условия у него в доме вернули меня к действительности. Дом двухэтажный, просторный, ремонт с большим вкусом по самому последнему слову дизайна. Все, что надо, — деревянное, а дерево везли из Сибири. Мне выделили отдельную комнату на втором этаже с балконом и видом на Эльбрус-красавец. Сразу посадили в джакузи со всеми прибамбасами, потом накрыли очень вкусный поздний обед, или запоздалый ужин. Я привезла "Українську перцовку" и украинское сало, как положено. Россия и Украина, несмотря на все разногласия политиков, объединились за одним столом. Согревшись от такого теплого и вкусного приема, я совсем разомлела, и меня отправили спать в уютную свежую постель. Казалось, весь этот путь с невероятными приключениями был просто во сне. Или даже и быть такого не могло в наше-то время.

Но опять и опять возникал тот же вопрос: зачем мне были посланы такие препятствия и такие испытания? Может, меня сюда просто не пускал Господь Бог, и мне тут не надо быть? Может быть, это мое пребывание здесь небезопасно? Оставшись без ответа, я сладко уснула...

Спокойной ночи!

Далі буде...

Целую. Я.
04.02.08. Одесса. SS.S.

Света, жду второй том!!!

По-моему, ты можешь все это опубликовать. Хорошее название "XXI век. Путешествие на Эльбрус".

Такого ужаса, мне кажется, я давно не слышал, не читал и даже не мог бы себе представить. Может быть, такого рода события заставляют посмотреть на окружающее другими глазами? Увидеть людей и события в другом ракурсе? Подчеркнуть относительность всего? Кто знает...

Я сегодня прождал назначенную и подтвержденную важную встречу полтора часа, после чего она была перенесена. Много лет тому назад, наверное, это задело бы меня за живое. Сегодня же... я подтвердил, что приду завтра в назначенное время, и ушел. Как еще можно на это реагировать? Кому больше надо, вытерпит все? Мне очень надо, я и терплю (не всегда, правда). Когда в очередной раз к завтраку мне забыли принести

свежие круассаны, пришлось пойти в кафе и устроить скандал хозяину. За что им деньги платят?

Жду продолжения или окончания твоей страшной истории. Как же ты вернулась обратно? Тем же путем?! Я не поверю!!!

Целую. Игорь.
05.02.08. Париж.

Игорь, я и не думала, что своим рассказом вызову у тебя такой бурный интерес. Приходится писать дальше. И пока пишу, сама удивляюсь всему этому путешествию.

Конечно, ты прав. Жизнь идет, и мы меняемся, и конечно же, на многие вещи смотрим и реагируем по-другому. И если в молодости мы были максималистами, я имею в виду себя в данном случае, то теперь давно уже все изменилось. И чем становишься взрослее, тем терпеливее, спокойнее, прощаешь всех и вся, хочется больше помогать и давать людям, с благодарностью и любовью относишься ко всему, что с тобой происходит, и ко всем, кто тебя окружает, и может быть, это и есть мудрость.

Но продолжаю.

Глава № 4
"Расслабуха"

Утром я проснулась в солнечной комнате. Меня никто не будил и не входил ко мне. Несмотря на то, что время было уже позднее, я еще немного поблаженствовала в уютной постели. Внизу раздавались голоса, но они мне совсем не мешали. Наоборот, было приятно почувствовать себя в семье, как когда-то в далеком детстве: в воскресенье за дверью твоей комнаты уже идет бурная жизнь, но тебя стараются не будить и дать подольше поспать после трудной школьной недели.

Когда я спустилась вниз, оказалось, что завтрак уже состоялся, просто после двухдневного путешествия меня не хотели тревожить. Хотя тут же мне предложили позавтракать, и во время уже моего завтрака Аня, Сашина жена, сказала мне: "Когда ты сообщила, что поедешь автобусом, мы не хотели тебя расстраивать тем, что два месяца назад автобус Одесса — Пятигорск подорвали боевики. Правда, взрыв сработал тогда, когда уже почти все вышли, и жертв не было". Я ответила: "Спасибо, ребята, но обратно в любом случае я на автобусе не поеду. Поехали брать билеты на самолет!".

Мы с Сашей поехали за билетами обратно в Одессу. Семья осталась

собираться в Приэльбрусье, так как на следующий день в девять утра за нами должен был приехать микроавтобус из гостиницы возле горы Чегет. Саша через Интернет нашел уютную гостиницу и забронировал номера.

В процессе процедуры приобретения билетов выяснилось, что рейсов на самолет Минводы — Одесса не существует. И в Одессу кроме автобуса можно добраться на поезде, но с пересадками. Кроткий вариант: Кисловодск — Ростов, Ростов — Одесса, но билетов нет. Длинный вариант: Кисловодск — Москва, Москва — Одесса. Средний вариант: через наш с тобой родной город. Как ты думаешь, что я выбрала? Правильно мыслишь: последний вариант. И надо же! Даже в голову не пришло, что можно лететь в Одессу через столицу Украины — славный город Киев, колыбель земли русской.

Остаток дня прошел премило. Мы с Сашей гуляли по Ессентукам, вспоминали чудесные студенческие годы, ходили к скважине с минеральной водой, набрали в дорогу воды "Ессентуки № 17", приехали домой, дождались приезда среднего сына и весело всем семейством отужинали. Опять уютная ночь, а в 9.00 утра нас уже ждал на микроавтобусе кавказец, и поехали мы в горы...

Я села впереди рядом с водителем, и поэтому смогла фотографировать весь наш путь по извилистой горной дороге. И хотя ветровое стекло было грязное и разбитое, тем не менее, фотохроника у меня получилась преотличнейшая. Отправляю тебе пару видов Баксанского ущелья, по которому мы ехали в Приэльбрусье.

Это еще не конец истории. Середина или четвертая часть? Даже не знаю. Но несколько интересных историй еще есть.

Далі буде...

Целую. Я.
05.02.08 Одесса. SS.S.

Глава № 5
Назад в прошлое и обратно

Водителя, с которым мы ехали, звали Арсен. Он сказал, что отношение к туристам в Кабардино-Балкарии хорошее, потому что они понимают, что туристы — это возможность местным жителям заработать деньги. Правда, хотя в Карачаево-Черкесии тоже это понимают, но на Домбае условия и отношение к приезжим не такие хорошие, как в этих краях.

Через живописное Баксанское ущелье по серпантину мы добрались за три с половиной часа в нашу гостиницу, которая называлась "Поворот".

Расположена она была за поворотом дороги совсем в лесу, но недалеко от горы Чегет и от самой реки Баксан.

Гостиница была новой и комфортабельной. Сервис, номера, баня-сауна, бильярдная, ресторан, а также двухразовое питание и отношение персонала — все высший класс.

Рядом с Чегетом — каток, рестораны, кафе, шашлыки, местный базарчик. Вечером мы всей большой компанией пошли выбирать себе горные лыжи с ботинками.

Ботинок оказался, как испанский сапог, и я поняла, что этот сапог не для моих нежных ножек. И в принципе, я не ради лыж сюда приехала, а ради гор. Лучше просто полажу где-нибудь по горам одна, пока ребята будут кататься на лыжах. Поднимусь наверх, по возможности поближе к Эльбрусу, чтобы насладиться красотой гор. Так я себе решила.

На следующий день мы на маршрутке поехали в долину Азау, откуда начинается подъем на Эльбрус. Вся компания решила попробовать себя на прочность на нижних не очень сложных трассах — так безопасней, а я поехала на подъемнике наверх. Тут надо сделать небольшое отступление и вернуться на 35 лет назад. Да... ну и число!

В конце 1970-х я в этих краях уже бывала. Если ты помнишь, я тогда увлекалась альпинизмом и была помешана на горах, на В. Высоцком, Н. Рерихе, Р. Кенте и др. В те годы это был совсем необжитый край, он сильно отличался от того, что я увидела сейчас. Поселок Чегем был маленький, гостиница — одна, небольшая. Мест, как обычно в советских гостиницах, почему-то не было никогда. В вершину горы Чегет вросло кафе "Ай", здесь часто бывал Владимир Высоцкий. Он на лыжном подъемнике поднимался наверх, сидел днями в этом кафе с завораживающим видом на Кавказский хребет, Эльбрус, ущелье, пил водку, сочинял песни и пел. Здесь бывали и Юрий Визбор, и многие другие НАСТОЯЩИЕ люди. Лыжные трассы были только на Чегете. А к Эльбрусу нужно было сначала долго идти пешком от поселка по заснеженной дороге к подъемнику. Потом можно было подняться на подъемнике до площадки с отметкой 2.800 м над уровнем моря. А потом — все. Вверх уже шли только хорошо подготовленные альпинистские группы до Приюта Одиннадцати (4.800 м). На Приюте они останавливались для адаптации на пару дней, потому что воздух на такой высоте был достаточно разрежен. Там оставляли вещи, брали с собой самое необходимое и совершали уже налегке восхождение на Эльбрус (5.800 м). Во время войны здесь шли большие бои наших войск с немецкой группой "Эдельвейс", о чем в своей известной песне

и написал Высоцкий. Приют появился после войны специально для отдыха и адаптации альпинистов перед восхождением на двуглавый Эльбрус.

Тогда, в 1970-х, нас было двое, мы пешком дошли до подъемника, который представлял собой вагон. Поднялись вверх до отметки 2.800 м. Вышли, и опьяненные красотой гор и белизной снега, решили идти по альпинистской тропе вверх. Долго шли, фотографировали всю эту невероятную красотень. У меня был тогда модный фотоаппарат "Зенит", экспонометр, черно-белая пленка 65 единиц, и хотя руки отмерзали, но... Солнце сияло, снег искрился, снежные шапки Эльбруса перед тобой, вершины гор Кавказского хребта сверкают за тобой. А ты молод и тебе ничего не страшно. Забыли обо всем. Шли и шли вверх, наслаждаясь величием гор и безмолвием. Прав был поэт: "Весь мир под ногами, ты счастлив и нем...".

Через какое-то время нам встретилась группа альпинистов, которая спускалась вниз. С большим удивлением они посмотрели на нас, но ничего не сказали, пошли вниз, а мы — дальше вверх. Так мы дошли до ледяной расщелины. Я сфотографировала свою тень через нее. Расщелина была шириной метра полтора, бесконечно глубокой и сине-голубой. К счастью, хватило ума дальше не соваться. Насладившись красотой неземной и ослепительным блеском, стали спускаться. И когда мы вернулись к канатной дороге, оказалось, что она работала до 17.00 часов и была уже закрыта.

И мы тогда поняли, почему спускались альпинисты, но не поняли, почему они нам ничего не сказали. Кроме этого мы обнаружили, что солнце только здесь наверху, а внизу в ущелье уже мрак. Что делать? Дороги нет НИКАКОЙ, даже тропинки. Солнце быстро село за горами, и здесь тоже резко стало темно. Январь месяц. Чтобы не заблудиться, решили спускаться от станции под тросами, которые тянули вагончик.

Это можно было совершить только в 20 лет. Мы не знали, где мы идем. Вокруг был один снег и горы. Мы шли по нему, проваливались, выбирались, опять проваливались, перелазили через какие-то камни, продирались сквозь какие-то кусты. Наступила совсем непроглядная темень. Только мириады звезд сверкали на темном небосклоне. И если лечь на снег отдохнуть, казалось, что ты просто паришь в небе и сам становишься одной из звезд. А вставать иногда совсем не хотелось от усталости и очень хотелось парить дальше. К счастью, каким-то непостижимым образом мы спустились к дороге, а потом еще четыре километра шли пешком до поселка. Со всех сторон нас сопровождали темные заснеженные горы. Пришли в поселок часа в четыре утра — мокрые, грязные, но живые. На следующий день, выспавшись и высохнув, решили посмотреть, где же мы

все-таки шли, и ужаснулись. Снега вокруг дороги было валом. Он свисал с гор причудливыми формами. Везде лавиноопасные зоны и громадные надписи: "Осторожно, лавины!". Когда мы накануне поднимались в вагончике, почему-то на эти опасности не обратили внимания. Тогда мы видели только красоту и ощущали восторг от всей этой нетронутой белизны и высоты, которые окружали нас. От страха засосало под ложечкой и стало не по себе. Но яркий день, солнце, блеск снега, величавость гор и твоя причастность к этой красоте все уравновесили достаточно быстро.

В ту пору жителей и туристов в поселке было немного. Стада овец паслись рядом с дорогой на солнечной стороне, где не было снега, и зеленела трава. Овцы очень красочными черно-бело-коричневыми пятнами распределялись на склонах гор. Была какая-то идиллия и в ленивых пастухах, и в еще более ленивых овцах, пасущихся на зеленой траве, вокруг которой лежит белый снег.

Кроме того, в поселке был деревянный сруб, как в романах у Э. Хемингуэя. Днем это была столовка, а вечером там собирались местные кавказские мужчины, поговорить, покурить, выпить самогона и закусить. А закусывался этот самогон почему-то только кониной.

А я, конечно же, была большая поклонница всего настоящего и решила посетить вечером это заведение, попробовать самогон и конину. В ту пору, по кавказским традициям, женщины туда в это время суток не допускались, но мне повезло. На меня косились все вечерние посетители этого заведения — кто с любопытством, кто непримиримо, кто осуждающе, но мое присутствие вытерпели, и никаких замечаний не было произнесено в мой адрес. Поэтому мне надо было достойно выдержать испытание на прочность. Я, как заправский мужик, сделала заказ, как положено, выпила самогон, съела конину, выкурила сигарету и благополучно ушла, оставив всех в недоумении. Надо сказать, что конина оказалась очень вкусной, хотя мясо было несколько суховатое. Правда, потом я всегда отказывалась от ее употребления: ведь это были ЛОШАДИ, которых я очень люблю, только потому что это ЛОШАДИ, а не мясо.

Ну вот, Игорь, теперь ты понимаешь, как мне было интересно увидеть ЭТОТ маршрут и ТЕ места, с которыми связаны воспоминания юности?!

Ну что... Конечно, меня постигло разочарование. Никогда еще цивилизация не сделала никакого блага ни для природы, ни для человека, по большому счету. Маршрутки едут внизу по ущелью к нижней станции того самого подъемника. Там большой базар местных изделий: овечьих шкур, вязаных вещей, горных трав, горного меда, разные забегаловки типа шашлыч-

ных. Горы пластиковых бутылок и всякого мусора. Оттуда начинаются горнолыжные трассы вверх к Эльбрусу или наоборот: заканчиваются внизу. Но увидев этот промежуток от станции нижней до станции верхней, я осталась еще в большем недоумении: как мы тогда дошли? Зимой сейчас выпадает снега мало, и он утрамбовывается для лыжных трасс. И от верхней станции к нижней станции проложен лыжный маршрут. И эти камни, скалы, горы далеко внизу от тросов, которые тянут вагончик и которые у нас были ориентиром над самой нашей головой. И я поняла, что фактически мы тогда шли просто по заледенелой снежной кромке, почти по воздуху, а земля была далеко внизу, мы могли провалиться в любой момент очень глубоко, и нас бы никто и не искал, потому что мы были без группы, и о нас даже никто не знал. Вот она, самодеятельность! Я стояла в оцепенении, вспоминая ту темную, звездную, таинственную и такую страшную ночь.

Все Сашино большое семейство принялось надевать лыжи. А я предпочла подняться наверх, вспомнить ТО состояние юности и посмотреть, как ТАМ теперь. Тот же вагончик поднялся на первую станцию (2.800 м). Там все выходили, и можно было спускаться на лыжах вниз по лыжным трассам или подняться следующим новым вагончиком до станции "Мир" на высоту 3.800 м.

Отсюда тоже были проложены вниз лыжные трассы. Построена шашлычная из камня. Установлен памятник советским солдатам, погибшим здесь во время Великой Отечественной войны. А рядом со станцией была стоянка рэтрэков (почти как трактор с прицепом), и оказалось, что они поднимаются к Приюту Одиннадцати. Для меня это была приятная и восторженная неожиданность. Я спросила у водителя стоящего рэтрэка, можно ли подняться к Приюту. Он сказал, что когда соберутся желающие, за определенную сумму поднимет. Тут с подъемника вышла команда джигитов в одинаковых костюмах и с лыжами. Он их быстренько усадил и собрался ехать без меня. Я спрашиваю: "А я?". Он говорит: "Мест нет". — "Ну, как нет? Ведь есть же куда сесть. Вы же обещали, а теперь берете только своих. Вы неправы". Отвечает: "Да, я неправ, но вас я не возьму. Поедете на следующей машине". Но история повторялась и повторялась. Как только возвращался какой-нибудь рэтрэк, откуда ни возьмись появлялись джигиты, и меня не брали. Я стала замерзать, но я же не могла спуститься вниз, без того чтобы не побывать на Приюте. Вернулся первый рэтрэк, мне в глаза он уже не смотрел, потому что опять вышла новая группа. Но я уже пошла молча напролом, и втиснувшись на деревянную лавку в прицепе между джигитами, все-таки поехала вместе с ними. Джигиты все как один были в горных очках

и молчали, поэтому их реакцию проследить не удалось. Рэтрэк за счет своей проходимости идет почти вертикально по камням, по склонам, и надо хорошо держаться за сидение, а то можешь выпасть. Кроме того, там дорога шла почти над пропастью, "по самому по краю"... Кроме того, своими лопастями он загребал снег и высыпал его на сидящих пассажиров в прицепе. И в конце путешествия все были в снегу, как снежные бабы.

Вот это, Игорь, и есть экстрим, а путешествие в автобусе — бесхозяйственность и дремучесть наших стран, их жителей, которые не уважают самих себя, и правительств, которые ненавидят свой народ, не думают об интересах и процветании страны, а только о себе любимых. Не сохраняют культуру и бесконечно переделывают историю под свои доморощенные новоиспеченные идеи. Странно, неужели они совсем не читают книг, или не поняли хотя бы "Мастера и Маргариту" и "Собачье сердце"? Наверное, как говорят, их бес попутал. Даже учеными уже доказано, что есть рай, ад и чистилище! Интересно, на что они рассчитывают? Однако скука от всего этого.

Приехали к Приюту, — а там ТАКОЕ великолепие, никаких слов не хватит. Только Высоцкого повторяешь про себя, которого уже давно нет в этой жизни, и не можешь оторвать глаз от этой вечной божественно искрящейся красоты, которая продолжает быть и будет всегда. Глаза, конечно, в горных очках, иначе смотреть долго не сможешь. От Приюта все, кто поднимаются, — спускаются на лыжах, а рэтрэки уезжают без пассажиров. Поднимаются туда немногие, потому что это достаточно высоко, и оттуда вниз идут сложные лыжные маршруты. Некоторые пьют шампанское, а пустые бутылки и пластиковые стаканы оставляют здесь же на снегу. Я с ужасом подумала о том, что если вечные снега растают, то тут обнажится отдельная гора из мусора. И Эльбрус можно будет назвать не двуглавым, а трехглавым. Опять же, вот неуважительное отношение, в первую очередь, к себе, своей стране и природе, которая тебя питает, дает жизнь, а ты ее и так и этак хочешь извести, не понимая, что весь мир уже на грани катастрофы, и планета становится мусорной свалкой. Яркий тому пример — заповедный полуостров Крым, заваленный пластиковым мусором. Где на ЮБК вечерами спускается едкий дым из постоянно тлеющей свалки, расположенной высоко в горах. И вместо лечебного и уникального в прошлом воздуха астматики вдыхают ядовитый дым, причем не подозревая об этом. Аналогичная картина в Карпатах: по горным рекам сплавляются пластиковые бутылки, которые вместе с мусором на поворотах русла образуют заторы. А благодаря незатейливым "лесорубам" возникают лысые горы с мертвыми пнями-корягами, похожими на громадных пауков. Из-за чего меняется климат, потоки

дождевой воды не задерживаются в горах, возникают оползни и наводнения, которые губят не только окружающую среду, но и ее жителей. Ну, а что "лесорубы"? Считают свои (?) срубленные "бабки", и им нет никакого дела до смытых населенных пунктов. На фоне всего глобального беспредела становится понятно, что очень скоро наступит момент, когда наша матушка-земля просто скинет с себя все ЭТО человечество. Причем вместе с сильными мира сего. Ей-то все равно, кто богаче и хитрее, а кто умный, но беднее. Высокие заборы и далекие острова никого не спасут. И откуда эта жестокость, ненависть и безразличие к своей ЗЕМЛЕ и себе подобным? И как объяснить человечеству, что необходимо с природой удерживать энергетический баланс, как, впрочем, и со всем остальным миром? Нельзя бесконечно брать, ничего не давая взамен! Нельзя бесконечно лгать! Нельзя оставлять за собой долги! Все это чревато необратимыми последствиями. Ведь это же аксиома! Извини, "...Остапа понесло".

Джигиты надели лыжи и поехали вниз. Рэтрэк уехал. Я осталась одна и пошла по заснеженной пустыне вверх к Эльбрусу. Как вершины манят к себе! И как хочется подняться на них, испытать восторженное чувство единения с вечностью! И чтобы вся красота этого до сих пор не разгаданного мира была у твоих ног! К сожалению, долго идти я не смогла — стала задыхаться. Разреженный воздух дал о себе знать очень быстро. Ведь адаптации никакой не было. Пришлось не спеша спуститься обратно к Приюту. Там я и осталась одна с безмолвием. Наслаждалась неземной красотой, глубоко-синим бесконечным небом, в которое хотелось улететь, блеском снега, захватывающей вечностью, суровостью гор и счастьем, что ЭТО Я, ГОСПОДИ! Я ЗДЕСЬ! Это Я здесь!

Время остановилось. Здесь его не было. Спускаться мне не хотелось совсем, как тогда, в 70-х. Как к себе притягивают горы, звенящая искристая тишина, захватывающая высота и какая-то непостижимая и вечная тайна! И главное — твоя причастность к ЭТОЙ тайне. Ты становишься ее частичкой, частичкой вечности.

Нарушил мое состояние невесомости Сашин звонок. Они всем семейством ждали меня внизу, не подозревая, где я нахожусь. Оказалось, что там уже темнеет. Я уговорила их не ждать и ехать в гостиницу. День заканчивался. Но это все как-то было от меня далеко и совсем не интересовало. Я была, как завороженная, как тогда, в юности. Даже двигаться не хотелось. Позже приехал какой-то рэтрэк, опять с джигитами, и я с большим трудом уговорила кавказца за определенную мзду спустить меня вниз. От подъемников в гостиницу по ущелью я уже возвращалась одна на попутной ма-

шине. И как когда-то, тоже было уже темно. Когда я вернулась, водитель маршрутки Арсен стоял возле нашей гостиницы. Я ему сказала: "Как же это так, Арсен, вы говорите, что местные жители хорошо относятся к туристам, а меня ВАШИ не хотели брать к Приюту, а брали только СВОИХ". На что он ответил: "Они не хотели вас брать, потому что везли группы боевиков, которые у нас на отдыхе".

Первая звезда ярко засветилась на темном небосклоне.

В этот день было Рождество...

Далі буде...

Спокойной ночи.

Целую. Я.
06.02.08. Одесса. SS.S.

P. S. *Фото № 1. Под этими тросами я когда-то спускалась ночью.*
Фото № 2. А это — вид наверх с нижней станции долины Азау.

P .P. S. *Тебе еще не надоело читать мое невыдуманное путешествие?*

Света, с нетерпением жду продолжения этого потрясающего кошмара!

Что может заставить человека в полном разуме (???) пуститься на ТАКОЕ, остается загадкой. Для меня. В то же время в этом безумии есть восторг и отчаянность! С другой стороны, представляешь, если бы твой сын рассказал тебе, что все ЭТО он проделал сам, то я думаю, что ты бы долго лежала в больнице от впечатлений. Когда что-то делаешь сам, не чувствуешь такой опасности. Видно только со стороны.

У нас испортилась погода, пасмурно, идет снег, и в квартире похолодало. Из окна видно засыпанную снегом площадь Пляс де Вож и памятник Людовику XIII, который превратился в неказистого снеговика.

Согреваюсь горячим глинтвейном. Жду следующую главу!

Целую. Игорь.
06.02.08. Париж.

Игорь, по твоему желанию пишу дальше... Хотя уже поднадоело. И конечно, я очень сокращаю множество интересных для повествования или для кинематографа деталей просто потому, что думаю: зачем подробно все описывать, ведь я же просто пишу тебе письма? Но любопытная вещь: пока пишу, я ЭТО перестала воспринимать таким кошмаром. И знаешь, такие вещи происходят не со всеми. То есть я хочу сказать, что с моим сыном такого произойти не может. Он другой, и у него, конечно, может что-то происходить в жизни, как, впрочем, у каждого человека,

но совсем другое. То есть то, что ему нужно. Риск и экстрим — это мое состояние. Иначе мне скучно и пресно жить. Богу — Богово, а кесарю — кесарево. То мне нужен покой и "думанье" или, как у Карлоса Кастанеды, "неделание", то срочно "надо что-то делать", а то я срываюсь и куда-то мчусь, и мне надо что-то увидеть, что-то пережить, чтобы получить какой-то новый опыт и какие-то знания, то есть заряд на ближайшее время. Во всяком случае, такое путешествие зачем-то МНЕ было надо. Ведь это же МЕНЯ туда потянуло. А может быть, я своим внутренним состоянием притягиваю к себе ТАКИЕ события? У человека всегда есть выбор пути, а вот сделать правильный вывод из всех историй, в которые ты попадаешь, или путей, которые ты выбираешь, к сожалению, не всегда получается. Опять же, туда ехало много людей, и у каждого своя история и свое видение окружающего мира. И каждый от своей поездки получил то, что ему лично причиталось. Так что очень важно научиться анализировать, видеть и слышать подсказки, и главное — слышать себя, свой внутренний мир. И ответы придут. Но получить ответы в нашей суматошной жизни — самое сложное дело. И самое главное — ведь никогда не узнаешь наверное, был ли правильно сделан выбор...

Глава № 6
Отдых

После этого моего подъема на Приют Одиннадцати и рассказа Арсена за ужином о том, что в прошлом году группа туристов, захотевшая поохотиться в горах, куда их повел местный егерь, случайно наткнулась в лесу на лагерь боевиков, и была расстреляна, а егерь хоть и был кавказец, подвергся пыткам, а позже тоже был убит, Саша с Аней сказали, что больше они меня ни на метр от себя не отпустят. Поэтому все остальное время было тихо и мирно. Ленивый отдых и гуляние в округе. Вечерами катались на катке возле горы Чегет, сразу вспомнилось детство.

Я почти каждый день зимой ходила на каток. Самый престижный каток в нашем городе был каток под названием "Звезда" — каток для военных. Там было хорошее освещение, модная музыка, охрана и, самое главное, отличный лед. Я каталась на коньках, которые почему-то назывались "Таги". Самые крутые и дорогие в ту пору были фигурные коньки. Помнишь наши вечерние катания, хруст снега под ногами, свежий морозный воздух, крутящиеся под музыку и искрящиеся снежинки в свете прожекторов? Катание на катке возле Чегета возвратило меня в то далекое про-

шлое, и конечно, ностальгия замучила совершенным образом. Интересно, почему прошлое так притягивает к себе? Я замкнулась и перестала со всеми общаться. Предалась воспоминаниям, которые всегда почему-то идеализируешь. Потом одумалась, ведь ребята могут обидеться! Выкинула все ненужное из головы. Главное — это здесь и сейчас, и ты есть, да еще с друзьями, — и уже счастье! Вечерами после морозного и хрустального дня в теплой и уютной гостинице пили самогон отменного качества, который производится и продается в Ессентуках. Он расфасован в прозрачные литровые бутылки с чуть голубоватым стеклом и наклейкой из коричневой грубой упаковочной бумаги, на которой стоит печать синими чернилами с надписью "САМОГОН". Это просто классика! Закусывали мы этот замечательный российский напиток салом, которое растет в Украине, местными солеными грибами и кавказским горным медом.

В очередной солнечный и прекрасно-зимний день я повезла Сашино семейство на гору Чегет. Кафе "Ай" не претерпело изменения. А рядом было построено кафе "У Визбора", на стене которого установлена мемориальная доска Юрию Визбору. А в кафе размещалась небольшая выставка фотографий с Визбором в горах, на Чегете, в кафе среди друзей, тексты его песен. В душе моей — щемящая тоска. Ведь еще недавно все они были живые. Пели песни "вживую". А сейчас нет никого — горы и вечность. Согревались горячим глинтвейном и снятыми с огня беляшами прямо на вершине горы. С Чегета видна Баксанская долина с одной стороны, а с другой — Эльбрус и Кавказский хребет. На скалах напротив Чегета хорошо отпечатались какие-то заснеженные громадные знаки, наверное, только для посвященных.

Подъем и спуск соответственно на Чегет резко вертикальный, с большими пролетами между опорами. Висишь в кресле, покачиваясь, и дух захватывает: внизу следы каких-то животных, верхушки сосен, скалы, заснеженные горные глыбы. Лыжные трассы тут сложнее, чем на Эльбрусе. Когда покорение вершин закончилось, решили просто расслабиться в гостинице, отдохнуть, поиграть в бильярд. И за неспешным отдыхом я вдруг обратила внимание, что Анна постоянно исподволь наблюдает за нашим с Сашей общением. Иногда в ее взгляде появлялся конкретный вопрос, иногда появлялась откровенная ревность. Не знаю, спрашивала ли она о чем-то Сашу, но меня много расспрашивала о моей жизни, хотя и не акцентировала внимание на интересующей ее теме о наших с Сашей взаимоотношениях в юности, но оказалось, что эта тема ее очень волновала. Казалось бы, сколько лет-то прошло, даже если и что? И она же на-

много моложе меня! Но насколько развито в человеке чувство собственника, и как ему хочется владеть второй половиной, даже ее прошлым. И не дает покоя ревность в любом возрасте. Но ведь ревность — это не любовь. Когда любишь — веришь, а когда ревнуешь — хочешь безраздельно владеть. Вечная тема...

Ленивый отдых мне быстро надоел. Я долго не могу находиться в состоянии покоя, ты же знаешь, потому решила обследовать местность вдоль реки Баксан в лесу, отчего ко мне опять вернулось состояние восторженного счастья.

Река, переливающаяся серебром, замерзший и заснеженный лед над водой, завораживающее журчание горного потока, прогалины, холодные тени на искрящемся снегу, загадочные фигуры из заснеженных камней, стоящие на протяжении всего русла реки, сосны, светящиеся контражуром на фоне заходящего солнца, разнообразные следы зверей на снежном покрывале и какая-то особенно чистая кристально-прозрачная тишина, а вокруг горы. Мои любимые горы. Вот оно, счастье!

Конечно же, были и русская баня с травяным чаем и запахами сухих букетов горных трав, и шашлыки из бараньего мяса, приготовленные хозяином гостиницы, и горячие шурпа и глинтвейн. И вот уже обратная дорога с Арсеном в Ессентуки в Сашин уютный просторный светлый и теплый дом с видом на Эльбрус. Закончились воспоминания юности, закончилась мечта. Опять начиналась обычная жизнь.

Далі буде...

Целую. Я.
07.02.08 Одесса. SS.S.

Света, ты должна опубликовать рассказ о путешествии. Серьезно, безо всякого юмора. Это какой-то невероятный документ этого чудовищного времени. Мне просто не верится, что то, что ты описываешь, происходит сегодня, в XXI веке. В трех часах лета от того места, где ты находишься, есть Париж, Берлин, Прага. Это не соединяется в одну картину. Жду продолжения!

Целую. Игорь.
07.02.08. Париж.

Игорь, пишу дальше только по твоему желанию. Ох! Как тяжело быть писателем! Писать все время и писать...

Глава № 7
Ессентуки — Пятигорск

Оставалось два дня до моего отъезда в направлении к дому, и я предложила попробовать навестить нашего институтского друга Рафаэля, который когда-то проживал в Пятигорске. Саша был против, сказал, что прошло тридцать пять лет, и очень сомнительно, что он живет по тому адресу, что когда-то после окончания института записал мне на карте Советского Союза, которая висела на стене моей комнаты, и по которой я часто путешествовала. Я настояла, потому что если Саша окончательно будет жить в Ессентуках, то ему нужны знакомые люди.

Фамилию Рафаэля мы почему-то не помнили, наверное, это было непринципиально. В институте его называли просто Раф. Он был среднего роста, крепкий, коренастый, с классической небольшой черной бородкой, темноволосый, с красивыми карими глазами, густыми черными ресницами, золотым зубом, золотым перстнем на руке и длинным ногтем на мизинце правой руки. Словом, настоящий армянин. Родители его отправили учиться на художника. Он очень старался, и даже у него что-то и получалось. Но ему была интереснее, как сейчас говорят, богемная художественная "тусовка". Раф очень отличался от студентов нашего института. Он был мастером спорта по велоспорту, приезжал в институт на спортивном заграничном велосипеде, каких тогда было не достать в СССР, в спортивной фирменной одежде: иностранных майке и бейсболке с надписью "Lacoste", обтягивающих велотреках до колен и специальной обуви, которая в нашей стране тогда не производилась и не продавалась. Очень отличался от полунищих студентов нашего института. Всегда был обаятельный и веселый, чем и подкупал преподавателей. После окончания института он хотел остаться в нашем городе, но приехал отец и забрал его на родину, то есть в Пятигорск.

Мы поехали искать его по адресу, который остался у меня в памяти. Нашли улицу и дом. Я долго стучала в калитку, потом в окно. И наконец-то занавеска отодвинулась, и в окне появился Рафаэль. Судя по его остолбеневшему лицу, он не понимал, чего от него хочет какая-то странная парочка. Я махала руками и кричала, чтобы он открыл калитку и нас впустил.

После довольно продолжительного остолбенения занавеска задвинулась, и Раф исчез. Какое-то время его не было. У нас в глазах появился вопрос: появится ли он? Но наконец калитка открылась, и Раф вышел к нам

в домашних тапочках и уютном махровом халате. Я ему все старалась объяснить, кто мы, но от меня, шумной, выражающей свои эмоции жестами рук, у него вообще был столбняк. После продолжительного остолбенения, в конце концов, он вспомнил институт, узнал Кирпичева, хоть и сибирский климат не пошел ему на пользу. А вот меня теперешнюю не воспринимал совсем. То есть он-то меня помнил, но не узнавал. И он прав: той меня совсем уже давно нет, потому что я очень постаралась измениться. Наверное, и эта моя затея удалась. Раф сказал, что он не видит во мне ту тонкую и изящную молчаливо-загадочную и необыкновенно талантливую девочку с длинными распущенными волосами, грустно-голубыми глазами, которые окаймляли густые черные ресницы, и в которую было влюблено полинститута. Конечно же, я с этим беспрекословно согласилась, потому что та неземная девочка осталась в другом измерении и не смогла выжить в жизненной мясорубке, в которую она попала. Опять таки: выбор когда-то был сделан. Кто может сказать, был ли он правильным?

Рафаэль совершенным образом был удивлен таким гостям, никак не мог свыкнуться с мыслью, что мы — это мы. В конце концов, он пришел в себя, пригласил в дом, поставил чай и ром "Капитан Морган". И мы замечательно предались воспоминаниям о чудесных студенческих годах и обо всем, что с ними связано.

В отличие от Саши и меня, он совершенно не изменился, хотя ему стукнуло 60 лет. Только стал еще плотнее, хотя я бы сказала, круглее, и чуть лысее. Наблюдая за Сашей и Рафом, я все время пыталась понять, кого же они мне напоминают. И надо же! После очередной рюмки рома меня вдруг осенило: да это просто классические Дон Кихот и Санчо Панса. Ай да парочка! Кирпичев из молодого мушкетера превратился в стареющего Дон Кихота, изображенного на гравюрах Доре, а Раф из благополучного армянина — в предприимчивого Санчо Панса. Интересно, а кто же у нас будет Дульсинеей Тобосской? Уж не я ли? Ах! Как приятно замахнуться на классику и с головой окунуться в романы!

Оказалось, что Раф не живет в этом доме. Это родительский дом. После развода со второй женой и смерти родителей у него был инфаркт, он вернулся в родительский дом на время, чтобы выкарабкаться. В доме живет его дочь-красавица. На следующий день Раф собирался уезжать в Краснодар, где находится строительная фирма, владельцем которой он является. Дома он оказался только потому, что было воскресенье. В другие дни мы бы его не застали. Вот так загадочным образом пересекаются судьбы. Выяснилось, что после окончания института художеством он ни-

когда не занимался. А когда меня прижали к стенке, пришлось рассказать и про выставки, и про кино, и показать фотографии моих графических работ, которые остались в фотоаппарате. После чего повисла какая-то долгая неловкая пауза. Каждый задумался о своем жизненном пути, который, вдруг оказалось, был достаточно долгим, с одной стороны, а с другой — неизмеримо коротким. И кто что сделал, и кто чего достиг, и кто чего стоит? Хотя все относительно в этой жизни. Состояние важности и значительности придумали для самоутверждения слабые люди.

Спасла всех от затянувшейся паузы очередная рюмка рому, и все постепенно встало на свои места.

Возвращение в Ессентуки было заполнено тишиной и думаньем. Хотя возвышенное чувство выполненного долга и радость, что повидали друга юности, преобладали над всеми нашими мыслями.

Глава № 8
День отъезда

На следующий день, день моего отъезда, я уговорила Сашу и его старшего сына Ричарда поехать на машине к горе Бештау, рядом с которой находится монастырь. В народе его называют второй Афон. Долго искали дорогу, нашли, повернули к монастырю, проехали полдороги, и машина стала ехать все медленнее и медленнее, потом встала совсем. Я сидела, затаив дыхание, вспоминая свой путь в Пятигорск и понимая, что опять что-то не так. Вышли, начали толкать. Она буксует на одном месте и сползает с дороги. Я решила пойти пешком, думала, что недалеко. Мимо совершенно нормально ехала какая-то машина, и водитель мне сказал, что до монастыря 4 км. Это приблизительно час ходьбы, то есть далековато. Наша машина не ехала, а остальные проезжали. Дорога подтаяла, не было сцепления, нашу машину вело. К сожалению, Боженька нас не допустил в свою обитель. Еле-еле развернувшись, мы осторожно поехали обратно, чтобы не застрять среди гор, потому что скоро уже отходил мой поезд. С тем мы и уехали. Вот так и получилось, как в той поговорке: рад бы в рай, да грехи не пускают!

Оттуда поехали на вокзал поменять билет с верхней полки на нижнюю полку — ведь оттуда ехать 20 часов до нашего города. Но в обычные купейные вагоны билетов не было. А был билет на нижнюю полку только в улучшенном вагоне. Пришлось поменять билет на место в улучшенном вагоне, хотя что такое улучшенный вагон, не понимала даже кассирша.

Ну, думали, будет больше комфорта. Вечером ребята меня посадили в этот "улучшенный" вагон. И все стало на свои места.

Вагон "восемнадцатого" века, все старое, дряхлое, в довершение ко всему комфорту — туалет с характерным запахом, но с туалетной бумагой и мылом. А "улучшенность" заключались в кормлении пассажиров и в некоторых деталях сервиса. Из-за дороговизны билетов на верхних полках во всем вагоне никого не было. Моей соседкой в купе была женщина, которая ехала до Ростова, а Ростов должен был быть утром. Ей вечером приносят ужин. Конечно же, я спрашиваю: "А где же мое питание, я ведь тоже в "улучшенном". Мне ответили: "Поскольку вы едете дальше, мы вас завтра успеем накормить, а сегодня уж извините, не рассчитано, да и есть-то на ночь вредно". Мне объяснили, что улучшенный сервис заключается в том, что кипяток я могу взять в любой момент, но чай — только за деньги. Могу взять у проводника иголку с ниткой, щетку для чистки одежды и обуви, ножницы. Это и есть та самая "улучшенность"!

Вот так-то, Игорь. Эту главу кончаю. Останется еще одна глава, думаю, последняя. Тебе все еще интересно?

Мне завтра устанавливают кабельный Интернет. Надеюсь, что сервис тоже станет улучшенным и качественным.

Целую. Я.

08.02.09. Одесса. SS.S.

P. S. *Ну надо же! Все события, что я описываю, произошли ровно год и месяц назад, день в день, то есть в те же числа, в которые я сейчас о них тебе пишу.*

Света, привет!

Я закрутился, завертелся, забегался, короче, как белка в колесе.

Наконец-то началась подготовка к выпуску фильма. Получил расписание просмотров для прессы. Рассылаю повсюду, то есть бегу впереди локомотива. Мой атташе по прессе, думаю, не ожидал такого темпа.

Неожиданно фильм отобрали для одного важного во Франции фестиваля, что уж совсем невероятно, так как фильм-то уже старый для фестивалей.

И вдруг! Приглашают моих артистов, они тут же прислали свои паспорта для визы. Одним словом, полная неожиданность. В конце месяца я еду на два дня в Лондон, который совсем не знаю. Был однажды проездом в Шотландию. Видел только аэропорт на пересадке. Теперь поеду на поезде под Ла-Маншем. Бегаю по бутикам в поисках смокинга и всего остального.

Собрала ли ты свои тексты про поездку? Не надо ничего "литературно" обрабатывать. Все написано именно так, как надо. Опубликуй!

Целую. Игорь
09.02.08. Париж.

Игорь! Что-то я подустала писать, а ты говоришь — опубликовать. Я ведь так... балуюсь. Одним словом — дилетант. У меня таких рассказов много. Когда мы были в Приэльбрусье, Сашина жена меня все время просила о чем-то рассказывать. А потом, когда я уезжала, попросила разрешения самой сесть за рассказы на моем материале. Не знаю, что у нее получится, но явно это будет не мое, потому что у меня свое особое видение всех событий, потому что это все Я САМА ПЕРЕЖИЛА, а не кто-то другой.

Может быть, ты и прав, что писать надо. Но я же не профи, у меня даже терпения нет вот все это сидеть и печатать. Знаешь, женщина, которая ехала со мной до Ростова, и я ей рассказывала свои истории, чуть не проехала Ростов, спохватилась, когда поезд уже стоял на станции. Она вдруг впопыхах оставила свой ростовский телефон, сказала, что если я когда-нибудь приеду в Ростов, чтобы к ней непременно зашла. На ходу вытаскивая чемоданы, она мне кричала, что надо писать.

У нас с тобой в Париже, к сожалению, особенно не было времени на разговоры. Все поверхностно. Немыслимая беготня по Парижу. Мне очень хотелось побольше всего увидеть. И конечно, я понимаю тебя: такой темп тебя совсем не устраивал, ведь ты там живешь и каждый день гуляешь по этому непостижимо прекрасному, теплому и родному городу. Да и Париж не принимает быстрого темпа. Его нужно узнавать медленно и наслаждаться всем, что тебя окружает. После Парижа я еще больше полюбила Одессу. Они очень похожи по своему духу, по улицам с платанами и теням, падающим на асфальт и на фасады домов, по какому-то особому состоянию, свободному воздуху и архитектуре... Недаром Одессу строили французы. Эти два города строились для людей, они комфортны и уютны. Хотя кроме архитектуры есть еще что-то необъяснимое.

Жалко только, что сегодняшние архитекторы так не любят Одессу. И непонятно, ведь они же здесь живут, зачем же так уродовать такой прекрасный город? И непонятно, ну если архитекторы без вкуса, совести и принципов, а задача только в том, чтобы "срубить" больше денег, но ведь еще есть архитектурный совет, который принимает уничтожающие город проекты. Неужели они не понимают, что в результате их стараний Одесса перестанет быть Одессой? Кроме того, никто не занимается геологически-

ми изысканиями, и очень может быть, что дома, которыми нагрузили склоны, будут просто сброшены, как это было не раз в Одессе. А громадное количество непрофессиональной рекламы, закрывающей исторические здания в центральной части города и никак с ними не сочетающейся? Какие-то убогие пристройки, меняющие фасады домов. Очень странно. Ведь когда ходишь по историческому центру, возникает только одна мысль: сохранить Одессу в первозданном виде, реставрировать, строить и развивать в этом же духе. Другого не надо. Или Одессы с ее историей и легендой просто не будет. Будет другой город. А туристы сюда приезжают только из-за истории и легенды. Когда Одесса строилась, архитектурных советов не было совсем. Работали профессионалы, а у профессионалов была совесть, знания, культура и вкус. А где же культура у наших профессионалов, а уж тем более совесть?

Ладно, наступила сама себе на больной мозоль. Вернемся к моему возвращению. А тебе желаю незабываемого знакомства с "Туманным Альбионом".

Целую. Я.

09.02.09. Одесса. SS.S.

Глава № 9
Возвращение

В улучшенном вагоне была духота страшенная. Хуже, чем в бане: дышать нечем, и главное, проветрить нельзя. Изнывали от жары и пота. За окном снег и мороз, а в вагоне — Сахара. В наш родной город я приехала в 17.00 часов, но было уже по-зимнему темно. Сдала чемодан в камеру хранения и решила выйти на привокзальную площадь и подышать воздухом родного города, и насладиться ностальгией.

Свежий морозный воздух. Сразу почувствовалась зима, в отличие от Одессы. Площадь оказалась невероятно нарядной и красивой. На ней стояла большая ярко убранная огнями и игрушками елка, вокруг которой ездил паровозик с вагончиками, в которых сидели разные зверушки. Из трубы паровозика периодически шел пар, и раздавались гудки. Чуть поодаль были установлены всевозможные сказочные домики, в которых жили сказочные герои, — на радость детворе, играющей на площади. Все сверкало разноцветными фонариками. Было почему-то тихо-тихо и как-то очень по-новогоднему сказочно. Только изредка доносились гудки настоящих паровозов. Медленно падали снежинки. Я навпечатлялась и затосковала по трогательному, но не очень счастливому детству. Поняла: еще чуть-

чуть — и заплачу. Поэтому быстро спустилась в метро, оставив сантименты, и поехала в новый район, где прожила последние годы перед своим отъездом в Одессу. Там осталась жить моя близкая подруга, у которой я и собиралась остановиться всего-то до следующего дня.

В метро публика на меня произвела какое-то странное впечатление. Мрачная замкнутость в темных одеждах. Резал уши странный говор нашего города, от которого я давно отвыкла. Интонация была такая, что казалось, все жители кем-то сильно обижены. Район, куда я приехала, очень изменился, и весь центр оказался вокруг дома, где мы жили, и станция метро рядом. Понастроили множество всяких фирменных магазинов, гигантских комплексов. Все жило суетливой жизнью большого города. Разнообразные звуки, которыми был переполнен морозный воздух, знакомый с детства запах зимы вытащили из памяти совершенно ненужные воспоминания. И мне стало как-то не по себе. Неуютно возвращаться в пошлое, да еще ТАКОЕ, с надрывом, как в романах у моего любимого Федора Михайловича.

Подруга встретила меня тепло и радушно. Допоздна проговорили на разные философско-жизненные темы. Потом решили, что на следующий день с утра поедем на центральную площадь — это первая по величине площадь в Европе и вторая — в мире, рядом с которой я прожила до 25 лет. Здесь прошло мое детство и юность. Здесь все произошло впервые. Я впервые узнала, что такое смерть и одиночество, что такое подлость и лицемерие, что такое любовь и предательство, что такое страх и ложь, что такое потери, которые никогда нельзя восполнить, и много чего другого, того, что называется одним словом — жизнь. Праздничные парады, демонстрации трудящихся и фейерверки я смотрела с балкона нашего самого элитного в городе дома архитектуры 50-х годов, построенного из белого кирпича, и назывался он "Дом актеров". Площадь интересна тем, что здесь было сооружено в 20-е годы первое и самое большое в нашей стране здание советского конструктивизма, которое занесено в историю советской архитектуры.

На площади к этому Новому году был выпилен изо льда необыкновенной красоты город с разнообразными фигурами, который мы и приехали посмотреть. Но почему-то вся эта ледяная прозрачность меня не особенно радовала. Прав был поэт: "По несчастью или счастью истина проста: никогда не возвращайся в прежние места. Даже если пепелище выглядит вполне, не найти того, что ищем, ни тебе, ни мне". Такой знакомый воздух детства, запахи, звуки, освещение, улицы, воспоминания быстро навеяли на меня тоску и безысходность всего случившегося в моей жизни. И я

очень захотела в свою родную и уютную Одессу. Благо что скоро уже отходил поезд.

И вот я уже в вагоне, и история движется к концу.

Глава № 10
"Одесса — мой город родной!"

Место было у меня нижнее, но оказалось, что остальные места — у шумной молодой мужской кампании, которая ехала не только в моем купе, но и еще в других купе на верхних полках. Я сразу легла, потому что очень устала от дороги, впечатлений и хотела спать. Но на мое "счастье", соседи накрыли стол у нас в купе. На столе очень живописно расположились курица, водка, пиво, селедка, соленые огурцы, помидоры и все остальное — как положено. Правда, не знаю, где положено и кем. Сидя у меня на голове, они пили, ели, потом ходили курить, опять пили и ели, а уж какими словами они разговаривали, я и писать-то не буду. Ведь в школе со времен перестройки никто никого не воспитывает и, наверное, не нашлось ни одного человека, который бы объяснил молодежи, что какие используешь слова в своей речи, в таких образах и проживешь свою жизнь. Впрочем, что молодежь? Сейчас все, начиная от наших правителей и кончая каким-нибудь дядей Васей — дворником, говорят на этом ненормативном языке. Хотя, может быть, дядя Вася как раз говорит литературно, потому что он из бывшей интеллигенции, которую за время перестройки уничтожили как класс. И очень может быть, что наша страна так долго находится именно в этом самом месте, потому что оно постоянно употребляется в разговорной речи у всего нашего населения.

Насладившись водкой и закуской, соседи по очереди бегали по другим купе. Потом они куда-то ушли, а вся эта муть осталась рядом со мной на столе. Дышать становилось все труднее. Когда уже ночью они пришли спать, я предложила им это все доесть и убрать. Они сказали: "Кто же это теперь будет доедать или убирать?". Легли спать и захрапели перегаром, перемешанным с сигаретным дымом. И запах недоеденных продуктов и потных носок на этом фоне был, как запах французских духов.

Мне чем дальше, тем становилось все хуже. Становилось трудно дышать от жары, духоты, отсутствия кислорода и коктейля невообразимых запахов. Даже страшно было заснуть. Позвонила по мобильному телефону друзьям в Одессу с просьбой, чтобы они меня встретили и довезли на машине домой с моим багажом, в котором хранилась шкура горного тура,

убитого на охоте в горах Кавказа. Под утро я совсем задыхалась, считала минуты, когда поезд прибудет в Одессу. К счастью, друзья стояли радом с вагоном. А над перроном неслось: "Когда я пою о широком просторе, о море, зовущем в чужие края...". Ох уж эти чужие края! К счастью, они закончились. Друзья помогли мне выйти из вагона. Говорить я уже практически не могла, только хрипела. Они не понимали, что со мной произошло, и были в ужасе от моего состояния, впрочем, как и я. Привезли меня домой, выгрузили, вызвали врача и уехали на работу. С девяти утра до трех часов дня в ожидании врача я стояла на холодном балконе и пыталась дышать, то есть легкие у меня расширялись, а воздух не проходил через горло. Врач пришла, сказала, что у меня отек горла, выписала кучу лекарств. Потом это все перешло в воспаление легких, и как всегда — причина неизвестна. И вот с 15 января я дома, попа моя вся исколота соседкой. Слава Богу, послал мне соседку, которая умеет делать уколы! Сначала я была полуживой, но постепенно пришла в себя. Подробности описывать не буду, как это было. Главное, что ЭТА ДОРОГА закончилась.

Ну, что тебе сказать? Я думаю, что мой организм сопротивлялся выходу на работу сразу по приезду. Это моя версия. Во всяком случае, мне представилась та редкая возможность побыть дома в тепле и одиночестве. Подумать, почитать, отлежаться, написать тебе письма со всеми своими приключениями, переварить всю эту мою невероятную историю, и наверное, сделать какие-то выводы.

С понедельника иду на службу, с которой мне уже звонят: где это я? А где я? Между какими мирами? Я и сама не знаю. Но уже хорошо знаю, что за все надо платить.

Вот и все. Эпопея подошла к концу. Краткий пересказ событий, которые со мной произошли, я постаралась до тебя донести. А что из этого получилось — тебе виднее.

Целую. Я.
10.02.08. Одесса. SS.S.

P. S. *Отдельно пришлю фотоприложение к моему повествованию. Но это будет завтра. Сейчас ужасно хочу спать. Спокойной ночи!*

P. P. S. *Горный тур поселился на моем любимом кресле как напоминание о невероятных приключениях, происшедших со мной во время путешествия на Кавказ.*

P. P. P. S. *Как там "Туманный Альбион"?*

Перемена погоды

Прогулка по Летнему саду...

В. Г.

там Володя идет Гандельсман
по траве он гуляет
летний сад Петербург талисман Томас Манн
этот шторм за окном на него не влияет

там в саду на ветру дрогнут нимфы...
чуть-чуть в стороне
ходит гость иностранный
он ворчит как старик
не по мне, говорит,
не по мне эти новые рифмы
и стих этот странный...

светит лампа в ночи (у лампы был раб)
жил себе и писал осененный таинственным нимбом
ах открыть бы
открыть бы и мне эту новую прозу с утра б —
и назваться Колумбом!..

там гуляет поэт не пугаясь простуд на ветру
он стихи сочиняет —
ветер дует с Невы,
ветер шепчет поэту: дай слезы утру,
слезы вред причиняют

ветер ходит кругами по этой стране, у ворот
где поэт выпивает —
он читает стихи
он любимое слово на вкус и на ощупь берет —
и стихи — убивают...

Так бормочет поэт, и толкаются буквы не в лад
так рифмуются
совесть и сирость...
и впивает поэт эту ночь,
эту морось и хлад
и вбирает в себя навсегда
этот текст,
эту сырость...

Стансы среди зимы...

1

Все дороги зима забелила
поликлиника школа тюрьма...
и как видно совсем заболела
протекая по жизни река

видно трудно давясь вермишелью
выбивать этой жизни талон
и торчать запоздалой мишенью
в бархат осени в мертвый сезон

там где дети играют в пиратов
на излучинах рек и дорог
спит укутанный ветром Саратов
дремлет старый, глухой Таганрог...

я сегодня тропинкой пернатой
осторожно отправлюсь на юг
где народ не торопится в НАТО
и погоду берет на испуг...

2

Перочинным ножом дровосека
не зарезать паршивой овцы
дело к осени пахнет аптекой
у волчицы набухли сосцы

неужели и Риму быть пусту
но до этих времен далеко...
Император разводит капусту
хлещет Пушкин вдовицу Клико.

завернуться бы в плащ кифареда
и забыть, пока тлеет свеча,
изуверскую мысль правоведа
и трусливую спесь палача

лето сникло... не скоро вернется
щебет птичьих задумчивых стай
спи не бойся что в горло вопьется
криворотая страшная сталь

этот страх мне покуда неведом
и звучит пока тлеет свеча
королевское лето аэда
пионерская клятва врача...
.....
...Город снегом совсем завалило
словно мыши притихли дома
все тропинки пурга забелила...
Поликлиника.
Школа.
Зима...

* * *

Прощай, студеная Россия!
В последний раз перед тобой
играет сумрачный мессия
своей беспутной головой

Гуляет полночь, звезды свищут
и почта гнется и скрипит —
увы, никто его не ищет
не ждет, не пишет, не грустит

(Ему навстречу ветер рыщет
а он от старости дрожит...)

Над ним лазурь синее тверди
под ним неприбранный газон
а он, болезный, ищет смерти
как будто в смерти есть резон
.....
там где смиренное кладбище
где бродит одичавший кот
там снова он кого-то ищет,
кому-то верит, что-то ждет

"Ужель останусь на Руси я?.." —
в последний раз передо мной
качает в сумерках мессия
своей прекрасной головой...

С наступившим...
(нечто новогоднее)

...С наступающим, с наступившим,
на кровавом снегу проступившим,
со свихнувшимся, тьму не избывшим,
со споткнувшимся в январе, —

с остывающим телом и небом,
с поспевающим белым хлебом
и с конфетками детворе.
с засыпающим детством, мамой,
с застекленной морозом рамой,
с Новым годом
в старом дворе...

С небывалым, еще не бывшим,
никого без причин не убившим,
и нигде без меня не пившим,
у родной страны на краю —

со споткнувшимся Всадником Медным,
с трубным гласом, воплем победным,
и солдатом, павшим в бою,
просыпающимся в раю...

С простывающим горлом охрипшим,
и с отчизной, навек простывшей,
все обиды друзьям простившим
(а врагам — уже недосуг...)
с невечерним и тихим светом,
с грозным ветром, Новым Заветом,
с почерневшим от зноя летом,
в том, в котором уже не до сук...

С НОВЫМ ГОДОМ, святым и грешным,
с газом внутренним, с гадом внешним
еле выжившим и прозревшим,
старым бредом в Новом году —
с отогревшимся в теплых ливнях
и с отъевшимся в кровных гривнях,
с просыпающимся в бреду...

Со сгорающим
и не сгоревшим,
всем врагам назло —
уцелевшим,
и от холода посиневшим,
сирым счастьем в Новом году...!

Два стихотворения

1

Через четыре границы
через кордоны морей
я пробираюсь к столице
маленький тихий еврей

я оккупировал гетто
проволоку приволок
выстудил в сумерках лето
и побелил потолок

тихо в просторной коморке
свечи неслышно горят
чехов скиталец и горький
между собой говорят

осени легкое бремя
вечер в закатной пыли
медленно тянется время
вечность мерцает вдали...

2

Броди по лугу, жуй траву
осуществляй мечту коровью
или усни в прохладном рву,
переполняясь чистой кровью

но погоди!.. травы нарву,
к светилам обращусь с любовью
и крикну травам: "Я живу,
назло погоде и здоровью!..."

Баллада о коте любимом...
(Из детства)

Обрыдав соседские крыши,
кот заснул молодым повесой —
а проснулся старым Магистром...
Ордена и награды
мешали ему подняться.
Он поднял заплывшую шею,
посмотрел на меня богатым,
изумрудным разбойничьим глазом,

в котором когда-то рябило
от голубиных крыльев, —
и не сказал ни слова...
Морда его была усата,
как у знаменитого норвежца,
мантия черна и пробита
в ряде мест.
На тяжкой цепи болтался
Орден Почетного Крысолова....
С величайшим презрением мэтра —
этот крысиный убийца,
этот чердачный Казанова,
ожиревший любовник
соседских кис, пушистых и порочных,
осмотрел весну —
и вытащил старый коготь...

Захмелевшая от солнца птица
пела песню весенней ветке...

Кот поманил ее пальцем,
заманил ее в рот кровавый,
черная шкура сочно, аппетитно ее сжевала,
не оставив на соседней крыше
ни капли невинной крови...
...На другой день кот умер
(надо полагать, от излишеств),
и пасть его дымно синела...
Хоронил его только ветер
отпевали коты и птицы
яму ему вырыл дворник
и забросал прахом...
...С тех пор по ночам холодным
по крышам скитается призрак,
пугая детей и прохожих...

И дрожат в предчувствии страсти
кошки всего квартала...

Кафедрал

Кафедрал. Под готической крышей
открывается слёзный канал.
Или я здесь к ушедшим поближе,
или просто орган заиграл.

Так в тиши деревенской — гармошка.
Зарыдает того и гляди.
И подумаешь: "Выпью немножко,
и ледышка растает в груди.
А в компании вовсе полегше.
Мы гармонии той подпоем".

Но любовью к еще неушедшим
заморожено сердце мое.

Кафедрал. Под готической кровлей
разливается знобкая стынь.
Звукорядом орган обескровлен.
Но прямит позвоночник латынь.

Брюссель, 2009

Инкогнито

Самолет сейчас притопит
по бетонной полосе.
Бог инкогнито в Европу,
инспектировать Брюссель.

Или Брюгге. Пусть в придачу.
Брюгге — баловень богов.
Под Белфордом кони скачут,
и от счастья люди плачут,
до чего средневеков.

Он добьет восторгом сладким,
и для этого припас
кружева кирпичной кладки
и каналов опояс.

Как сумели миновать
всех столетий жернова?

И какой Господней жаждой
надо было запастись,
чтобы в небо кровлей каждой,
каждой крышей вознестись?!

Продолжается уик-энд,
Брюгге сердце дразнит.
Бог, не узнанный никем,
тоже любит праздник.

Брюгге, 2009

Пароходик "Ламме Гудзак"*

Меж человеком и природой
не ощутим здесь промежуток.
И "Ламме Гудзак" — пароходик
едва расталкивает уток.

И пароходик "Ламме" басом
продует две свои трубы,
и ветряки поднимут разом
мосты над дамбой на дыбы.

Наш пароходик якорь бросит.
И рой туристов не вникал,
что имя он на баке носит
обжоры, плута, шутника.

* Ламме Гудзак — герой романа Шарля де Костера "Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке".

Да разве Богу кто угоден?!
Ведь день за днем или в ночи
мы все приходим и... уходим.
А неохота — хоть кричи.

И замкнут круг, с ума он сводит.
Но как бы ни было мне грустно,
я чую — "Ламме" — пароходик
в душе нащупывает русло.

О, этот славный "Ламме Гудзак".
Приняв на борт японских мачо,
он гаркнет им: "Банзай, якудза!"
И я от хохота заплачу.

Дамме, 2009

Идиллия

Чтобы избавить нас от груза
жизни, как в плохой рекламе,
пароходик "Ламме Гудзак"
всех увозит в город Дамме.

Под напором тростника
прогибается река.
Кто ее окантовал
тополиной стражей?
Не река то, а канал.
Нет, канальчик даже.

Городишко-патриарх
домики ровняет.
Уравнение в правах —
умиротворяет.

Черепичная страна.
Ратуша как дышло.

И такая тишина,
что себя не слышно.

Над таверной что-то сбросит,
пролетая, кряква.
И бармен смущенно спросит:
"Не мешает? Как вам?"

Вдруг комар над ухом ожил.
А попробуй, тронь-ка.
Здесь брюзжат, ну, разве дрожжи,
да и то тихонько.

Ты не против и не за —
никакого мнения.
Идиллический зигзаг
саморастворения.

Дамме, 2009

Когда-нибудь

Отцвел июнь,
Прошла уборка.
Доедем до Зеленой Горки,
На время — плюнь!
Живое — все залезло в норы.
И средь жары — в фонтанах город,
В тумане струй.

Домчим до моря,
Только — в море!
Еще не высохло. Мы можем!
Вода смывает наше горе.
И — на песок!
О, Боже, Боже!

Вода везде,
ныряй же в зелень.
Волна идет в родные земли!
Устал? Устал?
Ныряй, ныряй же!
Куда, и на какой нам берег?
Здесь дно
В камнях!
Ну, как прикажешь...
Нырну, поверишь?

Уборка! Мы сигаем с пирса,
Все попрано. — Сюда, в прохладу!
Как комбайнерам бы —
напиться...
Из родника, в посадке,
В хатах....

Стоят, стоят наши комбайны,
И никому не нужно тайны
Житья-бытья,
прошла уборка!
Летят оплавленные брызги,
Летят тела в нежданном визге...
Не умирай!
Пока мне — горько...

Как стук сердец,
Моторы тают,
И к морю тянутся без края
лучи — жнивья? — никто не знает.
И все, как прежде!
Да, как прежде.
Все без прикрас — и без надежды.
Соленый ветер рвет одежду,
И подсыхает...

* * *

Разогрелась плесень плит.
Тишина перекрывает,
Заглушает и срывает
Ветра всхлип.
Плети водорослей, вонь.
Отживающие створки,
Послесловие уборки,
Замирающий огонь.
Как пройти по океану,
Огненному дню, обману,
Бесконечному дурману
Волн? — Уже бегу.
Надо же. Бегу по ребрам
Чуда... Кто я? Слишком добрый,
Ты... Я не смогу.

* * *

Опять на горизонте синь,
И корабли на рейде
Скучают с грузом иваси
И техникой корейской...
И припортовый офицер
Ждет в раскладном шезлонге
Звонка из высочайших сфер —
И множит цифр колонки.

Все так знакомо: пыль, дворы.
На город — взгляд, но мельком,
Он увлечен, хоть смысл игры
Запрятан в складке века.

Почти что найден верный ход...
Но лает громко Шарик
на голубиный хоровод.
И это все — мешает.

* * *

Пошла лущиться кожура платанов.
И день сфотографирован в деталях,
Кривое солнце в ветках заплутало,
И жарится распластанная тень.
Ты появляешься, и как всегда, нежданно...
Из горла звук нейдет, но это мы читали,
И хочется стоять, как будто бы при дамах...
Но — что стоять, как пень...
Ты много говоришь... Еще быстрей — уходишь.
Ты занят делом всей-всей жизни, навсегда.
Распластанную тень не сразу и находишь.
Постой, постой. Постой!
Не помнишь — строк?.. — О да! —
Конечно же, не помнишь.
Я тру еще глаза, такая ерунда.

* * *

Свет становится глуше,
Звук отражается лучше,
Какому же черту нужен
Отчетливый сей бамбук?
Но даже его переливы
Отслеживать так слезливо
Мне помогают ветер
И ночь, и сердечный стук.

* * *

Под небом открытым
Что скажешь? Молчи.
На голову
сыплются звезды.
Большая Медведица
Льется в ночи.
Льет слезы:

"Решается плыть
неизвестный пловец
По Млечной Реке.
Я, предвидя,
Оплакать его
безусловный конец,
Склонилась навеки,
здесь сидя".

"Золотое дитя"

Эрнст Неизвестный тебя изваял не шутя.
Как почернело ты, Золотое дитя!
Золото, может, и было, — да та ли проба?
Из разверстой утробы — глядишь ты в оба.
И посмотрев в направлении твоего взгляда,
вижу в порту полоску грязной воды
и неподвижные краны подъемные. Где же — труды?
...Есть еще солнце, деревья. Чего еще надо?
Город, сделал тебе комплимент не слишком уместный,
подчеркнув твою силу скульптор Эрнст Неизвестный.
Как и мы, ты бессилен пред новыми временами,
хоть и гордишься еще великими именами.
Неузнаваемо все: и старо — да как будто бы ново.
А нувориши на платных лежанках читают Смирнова,
и "говорят за Одессу", своим убожеством сыты,
думая: это они — истинные одесситы!
Ты, Золотое дитя, толстый мальчик, уродец,
можешь смотреть без укора на этот народец?
Весело будем смеяться под старые шутки?
Улицы, лица, жизнь — проносятся мимо.
Мы — вместе с городом нашим — замрем в промежутке
между прошлым и будущим. А настоящее — мнимо.
Как нам припомнить улиц прежние лица?
Город уснул. И ему — его прошлое снится.
Ангел снится ему. Отрывают ангелу крылья.
Ангел — уже не взлетит. Он рыдает в бессилье.
...Город, как рыба большая, лежит на песке.
Он еще жив. Только жизнь его — на волоске.

* * *

Вот, наконец-то, освободив от груза,
ношу тяжелую сняв нежной рукой,
в очи мои глядит притихшая муза,
вся — задумчивость и покой.

Палец к устам приложив красноречивым жестом:
поэт, помолчи, в тишину, как в воду, войдя,
душу свою, как сосуд, наполни блаженством
бесконечного неба, прихрамывающего дождя,
зимних деревьев мудростью неизбежной...
Слышишь? Терпи и молчи. Молчи и терпи.
И тишины изначальной, безбрежной, безгрешной
взвесь полноту. И даже пером не скрипи.
Рано еще говорить. Вечность еще до весны.
Только молчать, словно глину в руках разминая слова.
Подмешай в эту глину соленые слезы и зимние сны.
Помолчи. Ведь душа, как и мир, — несказанным жива.

* * *

И за грядой потерь, оставив груз забот,
взойдя на эти грустные высоты,
дышать горчайшим воздухом свободы,
почти как рыба, открывая рот.
Когда еще так было одиноко?
Когда еще был этот мир так пуст?
Я — как песчинка на ладони Бога.
Как в небе — птица. Как замерзший куст.
Я — облаком плыву, снежинкой таю,
я — ветер, что расшиб свой лоб, затих.
Свободы воздух жадным ртом глотаю,
на волю отпускаю каждый миг...
Родимые я забываю лица
и солнцем слишком ярким ослеплен.
Жизнь, ты кричишь в моей груди, как птица
(то голод неба, что не утолен?).
О, до чего нелеп житейский сор,
когда огромное — так близко, рядом.
Ну что ж, возьми, вмести в себя простор,
глотая ртом его, впивая взглядом...

* * *

Когда тебя волной накрыло горе —
молчи, не разговаривай с людьми.

Вот солнце. Вот трава. Вот небеса. Вот море.
Дано так много каждому — пойми!
Гляжу, как будто вышел из тюрьмы,
почти до боли напрягая зренье.
Трава, что даже посреди зимы
зеленая, — дает урок терпенья.
Ладонь свою я щедро распахну —
пускай клюют по зернышку синицы.
На жизнь не стоит обижаться, злиться,
а нужно в день войти, во глубину
сияния, недвижности, покоя.
И солнцем освещенные стволы
(прижмись к ним ухом) — говорят такое
из тьмы, из глубины, подземной мглы!
В той мгле — и наших бед, и смерти нет.
Там жизнь струится, в тишине таится.
И выйдя, как она, из тьмы на свет,
увидишь: день — как чистая страница...

* * *

Бог — это просто тишина дыханья.
Прислушайся — неслышно дышит Он,
но мир колеблется подобно ткани,
подобно занавеске у окон.
Пока охватывает вещи трепет,
они — живые, дышат в такт с Творцом.
Его дыханье эти формы лепит.
Материя становится лицом.
Немых камней неловкие улыбки,
глаза деревьев, что глядят, кося...
В них исчезающий, стыдливый, зыбкий
намек на то, чего сказать нельзя.
Но внятны нам не эти лица — спины,
вещей, все ощутимое рукой.
Шершавая поверхность — не глубины,
не тишина дыхания, покой.
Не оттого ли пролетают мимо
слова, ушей коснувшись лишь едва?

А то, что мы высказываем, — мнимо,
совсем не то, чем эта жизнь жива.

* * *

Нужно идти, никуда не спеша.
И — как прислушиваются, где рана,
я прислушиваюсь: где душа?
Спит ли? Бодрствует неустанно?
Спит. Ведь сон — утоляет боль.
Зимний простор, утонувший в тумане, —
вроде усталой заботливой няни.
Не кипятись, не разыгрывай роль.
Не торопясь, эту горечь впивай
воздуха, душу целящий напиток.
Ветру поведай горя избыток
и перед небом себя не скрывай.
Поздно скрываться — деревья вокруг
знают о том, до чего тебе худо.
В жестах ветвей — запрокинутых рук —
мука своя и сочувствия чудо.
Вьется куда-то в парке тропа,
листья сухие еще не под снегом.
Вот и узнаешь, что значит судьба.
Вот и поймешь, как в разладе быть с веком.
Нежно ко лбу прикоснется зима.
Ибо, увы, от привычного ада
и от всего, что сводило с ума, —
только и есть, что вот эта прохлада.

Растения

На подоконнике и поверх декабрьского дня
в позах Павловой и Петипа сияют растения,
живущие сами себе, а не для меня,
и способные хоть кого довести до растления.
И ты вот — одна из них, хоть иных кровей:
кровать не застелена, вянут недельные розы,
опадая куда попало — левей, правей,
неопрятно старея, но не меняя позы.
А те все делают знаки, вьются, молчат;
их минорный балет на фоне грузного снега;
или летом, внутри пылевого луча, —
у них, поглядеть, демисезонная нега.
И ты их все ластишь, аж расцвело окно,
ни локтя поставить, ни выглянуть, чтобы белело
в сумерках тихих лицо, потому что оно,
как и лепесток от розы, сбежало от тела.

У антиквара

В ливень по набриолиненной мостовой
пробегают нервные тики неона, линза витрины
туманится, вся в слезах ни с сего, ни с того;
за линзой декор оттенков жемчуга и осетрины.
Антиквариат. Цветы граммофонных труб —
лилии и табаки, их соседством убитая прялка —
что колесо от телеги; и клавикорда труп
с перламутровой челюстью; фляга-палка —
для любителей выпить в Альпах; мелочь иных
вещиц, подобно четкам, увлекающим пальцы,
уводит вглубь магазина, к биг-бенам стенных,
с ангелами-англичанами... Чтоб так состариться, —
надобно было опрятно и скромно жить,
как тот, например, барометр, не врущий поныне:
сказано — "дождь", и последний, как Вечный Жид,
носится переулком, точно демон в пустыне.

Вещи глядят вовне и по сторонам,
словно в гостинице, — не признавая друг друга,
вежливые, дорогие, чужие нам,
и это у них еще сильней от испуга —
сдвинуться с места, выпасть из ряда вон:
насиженные места, належанные футляры,
пылкая пыль на люстрах, бирюлек звон;
и продавщица с фарфоровой и школярной,
как у статуэток фривольных, улыбкой; она,
вытягивая зрачки из компьютерного болота,
смотрит на вас, неприятно удивлена,
будь вы хоть Карл Великий, хоть рыцарей рота.
В мониторе поют клиентура и цены дня,
выделены женихи и Умберто Эко...
Не гляди двадцать первым веком, дружок, на меня,
ибо сам я — наскальная тень, преддверие человека.
Я такая даль заевклидова, что меня
не возьмут ни твои астролябии, ни радары...
Посмотрела сквозь, как в окно, никого не маня
заглянуть в этот рай, ни за деньги, ни даром.

Пение

В январские ясные дни архитектура поет
сразу на всех доступных металлу и камню
наречьях, по крюкам орнаментовки, либо без нот,
по камертону арок и черепицы; слегка мне

доносит хор, голоса; деревья мычат, безволосы,
разглаживая кору на античном ветру,
взмахивающем в колоннаде; и проклятые вопросы
кошачьих хвостов — как скопище загнутых труб.

В ветреные такие дни, когда светотень лежит
на панелях газовой тканью, сидит на парапетах,
колени сведя, как девушка, пряча во лжи
перспективы свое существо, — когда все это

прянет в лицо вам с настырностью ветра и света, —
пение прекращается; и, что-то себе говоря,
удаляется автор стихов; лишь слепок лета
с карнизом обвалится, вечером, на сквозняке января.

Ваза

Поутру туманясь, заигрывая с закатом,
в полдень зевая, но сумрак предпочитая,
ваза не смотрит вокруг, собою объята,
с цветами и без, порожняя иль налитая.
Те ли, не те ли тени, либо погода —
все это более или менее задник,
драпировка изгнания, авзонова ода
себе, автономия немоты надсадной.
Если ее разбить, растолочь осколки
и пыль эту высыпать в женское "о" ведра, —
станет предметом меньше, зиянье — и только,
заполненное хрустальным словцом "Баккара".

Полет

Е. Ж.

Отбившись от стаи, над Балтикой, наискосок и
ложась на крыло, летит серый гусь,
овины и риги под ним — с высоты — что киоски,
где продается газета с названием "Не вернусь".
Птице вольготно в небе, и он — вожак,
чья стая растаяла, серебря крылом
сумерки; это все-таки гусь, а не кожан,
и еще неизвестно, какой повезло
твари менее, летящей по ветру:
небесная миля — не ровня тому километру
сухопутных сусликов, стынущих ночь напролет...
Отбившись от стаи, он продолжает полет;
вдали дымит Финляндия, тяжелый рок,
пряники домиков, сырные диски, бани; серый нырок
окликнул...

У птиц свое одиночество, как у собак,
а наше им незачем, как восклицательный знак,
иные там междометья в гортани спира...
Человек, как никто, способен забыть номера
собственных автомобилей, телефонов; и он
особенно, и как никто, обречен.
Птица устала листать стемневший простор,
Господень мир заметает, свистают бореи;
гусь садится на воду и крылья простер,
люди глядят вослед, крестясь и добрея.

* * *

Дервиши у наливаек, с мутными от снегопада
взорами, глиняной кожей висков и пергаментом
слабых кистей, — этим все время надо:
и когда подтаивает, и когда метет.

Это — гетто иного опыта, если проще —
Дао города, всепогодность как декабризм;
они — это вздох об исходе, корявый росчерк
записки, втиснутой в двери; и оптимизм

этих субъектов пространства вогнать способен
в трепет не только фасады в лужицах, но
и само мироустройство; пьянственные особы, —
они, как иммортели, чье волокно

обречено под любыми ветрами, в любое
время года поддерживать соков ток,
благодаря возгонке лимфы... Со странной любовью
глядят они в свою вечность, на свой Восток.

Александр КАБАНОВ

Бэтмен Сагайдачный

Крымско-херсонский эпос

В этом году киевский фестиваль поэзии "Киевские лавры" на три дня продолжился в Одессе. В Национальном университете выступили Алексей Цветков, стихи которого мы публиковали в 35 книге альманаха, Борис Херсонский, стихи которого были опубликованы в 38 книге альманаха, и организатор фестиваля Александр Кабанов.

Кабанов – наиболее известный русский поэт, живущий в Киеве, главный редактор журнала культурного сопротивления "Шо", автор шести книг. Первые три стихотворения из седьмой книги, выходящей в Киеве в этом году, Александр Кабанов предоставил нашему альманаху.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

"Новый Lucky Strike" — поселок дачный, слышится собачий лайк,
это едет Бэтмен Сагайдачный, оседлав роскошный байк.
Он предвестник кризиса и прочих апокалипсических забав,
но у парня — самобытный почерк, запорожский нрав.
Презирает премии, медали, сёрбает вискарь,
он развозит Сальвадора Даля матерный словарь.

В зимнем небе теплятся огарки, снег из-под земли,
знают парня звери-олигархи, птицы-куркули.
Чтоб не трогал банки и бордели, не сажал в тюрьму —
самых лучших девственниц-моделей жертвуют ему.
Даже украинцу-самураю трудно без невест.
Что он с ними делает? Не знаю. Любит или ест.

* * *

Крыша этого дома — пуленепробиваемая солома,
а над ней — голубая глина и розовая земля,
ты вбегаешь на кухню, услышав раскаты грома,
и тебя встречают люди из горного хрусталя.

Дребезжат, касаясь друг друга, прозрачные лица,
каждой гранью сияют отполированные тела,
старшую женщину зовут Бедная Линза,
потому что все преувеличивает и сжигает дотла.

Достаешь из своих запасов бутылку "Токая",
и когда они широко открывают рты —
водишь пальцем по их губам, извлекая
звуки нечеловеческой чистоты.

* * *

Не лепо ли ны бяшет, братие, начаты старыми словесы:

У первого украинского дракона были усы,
роскошные серебристые усы из загадочного металла,
говорили, что это — сплав сала и кровяной колбасы,
будто время по ним текло и кацапам в рот не попало.

Первого украинского дракона звали Тарас,
весь в чешуе и шипах по самую синюю морду,
эх, красавец-гермафродит, прародитель всех нас,
фамилия Тиранозавренко — опять входит в моду.

Представьте себе просторы ничейной страны,
звериные нравы, гнилой бессловесный морок,
и вот, из драконьего чрева показались слоны,
пританцовывая и трубя "Семь-сорок".

А вслед за слонами поддатые люди гурьбой,
в татуировках, похожих на вышиванки,
читаем драконью библию: "Вначале был мордобой...
...запорожцы — это первые панки..."

Через абзац: "Когда священный дракон издох,
и взошли над ним звезда Кобзарь и звезда Сердючка,
и укрыл его украинский народный мох,
заискрилась лагерная "колючка",

в поминальный венок вплелась поебень-трава,
потянулись вражьи руки к драконьим лапам..."
Далее — неразборчиво, так и заканчивается глава
из Послания к жидам и кацапам.

Киев

Александр МАРДАНЬ

Американская рулетка
(Номер четырнадцать)
Антикризисная комедия

Действующие лица:

Баба Оля, 65 лет
Ирина, ее племянница, 40 лет
Сергей, муж Ирины, 42 года
Олик, их сын, 18 лет
Изольда, их соседка, 60 лет
Светлана, подруга Олика, 23 года
Виктория, студентка, 20 лет
Почтальонша, Первая гостья, Вторая гостья

Действие происходит в наши дни.

Действие первое

...Гостиная, в которую выходят двери нескольких комнат. По комнате разложены мягкие игрушки. На стене висит лозунг: "ЛУЧШЕ ХОДИТЬ БОСЫМ, ЧЕМ УКРАСТЬ БОТИНКИ. Че Гевара". У журнального столика сидит Изольда. Она быстро раскладывает карты, смотрит на них, потом собирает и снова раскладывает. В комнату входит Баба Оля. В руках у нее поднос, на котором стоят две чашки кофе.

ИЗОЛЬДА: Два туза — и оба козырных. Будет тебе дальняя дорога.

БАБА ОЛЯ: Верь после этого гадалкам! Мне говорили, что туз — это дело, а не дорога.

ИЗОЛЬДА: Я не гадалка, а ясновидящая.

БАБА ОЛЯ: А дорога точно мне? Не сестре? Она из Америки не нагрянет?

ИЗОЛЬДА: Для верности надо на сестру отдельно разложить, какая ей карта выпадет...

БАБА ОЛЯ: Уже выпала. Зеленая. Она десять лет назад грин-карту в лотерею выиграла. Замуж вышла за американца. Фамилия — не выговоришь. Картершпиллер.

ИЗОЛЬДА: Точно! Карты не врут. Жить твоей сестре за океаном, пока не надоест.

БАБА ОЛЯ: Что там еще?

ИЗОЛЬДА: Беда от огня.

БАБА ОЛЯ: Ой... Страховаться?

ИЗОЛЬДА: Сковородку с плиты снять.

БАБА ОЛЯ: Тьфу ты!

Баба Оля убегает на кухню. Возвращается.

БАБА ОЛЯ: Забыла про котлеты. (*Смотрит в карты.*) А дальше?

ИЗОЛЬДА: В доме у вас... неспокойно.

БАБА ОЛЯ: Через стенку доносится? Яснослышащая... Милые бранятся — только тешатся.

ИЗОЛЬДА: Милые? Тебе виднее...

БАБА ОЛЯ: Слышнее. А ты чего по ночам шуршишь? Полы циклюешь?

ИЗОЛЬДА: Циклюю, но днем.

БАБА ОЛЯ: А ночью? Все время кто-то скребется.

ИЗОЛЬДА: Да... А я думала — вы. Обои клеите.

БАБА ОЛЯ: По ночам? Делать больше нечего.

ИЗОЛЬДА: Кто же тогда скребется?

БАБА ОЛЯ: Аббат Фариа! В камеру к Дантесу пробирается.

ИЗОЛЬДА: Это который Пушкина убил?

БАБА ОЛЯ: Это который Монте-Кристо. Дюма читала? (*Пауза.*) Вопросов нет.

ИЗОЛЬДА (*рассматривает комнату*)**:** А обои я бы освежила.

БАБА ОЛЯ: Зачем? Эти еще не прокисли. Мы только с долгами рассчитались, на ремонт еще не накопили. И с номером надо проблему решать.

ИЗОЛЬДА: Если суеверные — зачем тринадцатую покупали?

БАБА ОЛЯ: В первую ночь мы проснулись оттого, что ворона каркает. Жутко. Я — к соседу, в твою квартиру. Спрашиваю: тут что-то плохое было? Он говорит: в войну снаряд попал. Потом что-то перестраивали... А хотите, говорит, номерами поменяемся? Вы будете четырнадцать, а я — тринадцать. Только не даром... Договорились. Он деньги взял. Мы номер поменяли. А он, аферюга, тебе квартиру продал — и съехал.

ИЗОЛЬДА: Подлец.

БАБА ОЛЯ: Согласна. И что теперь?

ИЗОЛЬДА: Оля, я в тринадцатой не могу. Клиентов растеряю. Знаешь, сколько я за эту квартиру колод перетасовала?

БАБА ОЛЯ: А меня как жизнь тасовала! Только не те короли рядом попадались. Вот и осталась на старости лет в проходной комнате.

Звонит мобильный Изольды.

ИЗОЛЬДА (*по телефону*)**:** Вернулся? А я вам что говорила? Поднимайтесь.

БАБА ОЛЯ: Кто вернулся?

ИЗОЛЬДА: Батюшка. К попадье.

БАБА ОЛЯ: Разве им к гадалкам... прости, — к ясновидящим можно?

ИЗОЛЬДА: Дорогу к правде не закроешь. Извини, рабочий день начинается.

Баба Оля провожает Изольду и возвращается в комнату, смотрится в зеркало, хлопает себя по щекам. В комнату входит Олик. Заспанный, зевает. Он тихо подходит к Бабе Оле, которая стоит к нему спиной. Берет лежащего на диване плюшевого зайца и похлопывает его лапой по ее плечу.

ОЛИК (*громко*)**:** Тезке привет!

БАБА ОЛЯ (*вздрагивает*)**:** Ой! Весь аутотренинг поломал! (*Отнимает у Олика зайца, бросает обратно на диван.*)

ОЛИК: Что тренируем? Мышцы лица? (*Тоже смотрится в зеркало.*) Ужас! (*Пятерней "расчесывает" волосы.*) Где Кефирчик? Кс-кс-кс...

БАБА ОЛЯ: Отнесла соседке. Ее кошка орет третьи сутки.

ОЛИК: Последнее дело — тварь бессловесную в женихи отдавать. Вот тебя бы взяли и отнесли в другую квартиру?

БАБА ОЛЯ: Философ... Завтракать будешь?

ОЛИК (*тяжело вздыхает*)**:** Ты же знаешь, что я утром не ем.

БАБА ОЛЯ: Опять водой набулькаешься....

ОЛИК: Стакан воды, медленными глотками, насыщает, как завтрак.

БАБА ОЛЯ: Смотреть не на что. Худой, как велосипед.

Олик подходит к зеркалу, рассматривая себя.

ОЛИК (*громко*)**:** Красотища!

БАБА ОЛЯ: Не кричи!

Олик складывает руки, как зайчик, и прыгает из комнаты в коридор.

Из спальни выходит женщина лет сорока в деловом костюме.

ИРИНА: Чего кричите? То муж гирями стучит, то вы по подиуму расхаживаете...

ОЛИК (*возвращается в комнату, тащит велосипед*)**:** Уже одиннадцать. Сколько можно спать?

ИРИНА: Кто воевал — имеет право.

ОЛИК: С кем в этот раз, работник культуры?

ИРИНА: С французскими бульдогами. Уши огромные! Еле фату надели!

ОЛИК (*напевает марш Мендельсона*)**:** Пара-парам, пара-парам!.. А теперь, молодые, обнюхайте... ой, простите... оближите друг друга. И не грызитесь! Обменяйтесь ошейниками... Ну, совет вам да любовь. Кстати, папа когда приезжает?

ИРИНА: Самолет в девять тридцать. (*Уходит в ванную.*)

ОЛИК (*разглядывает велосипед*)**:** Опять восьмерка... Символ бесконечности.

БАБА ОЛЯ: Послушай, философ! Ты когда воззвание уберешь? (*Кивает на лозунг, висящий на стене.*) Говорил, что на неделю, а висит второй месяц.

ОЛИК: Эта фраза будет жить в веках.

Раздается резкий звонок в дверь. Олик вздрагивает и роняет велосипед. Баба Оля идет открывать. Возвращается с женщиной лет сорока.

ЖЕНЩИНА: Я вчера вам звонила... По поводу свадьбы.

БАБА ОЛЯ: Свадьба? Присаживайтесь, минутку подождите... Хотите кофе?

ЖЕНЩИНА: Да, спасибо. (*Садится на диван.*)

БАБА ОЛЯ (*Олику, тихо*)**:** Убери ты его отсюда! Неудобно... (*Выходит.*)

Олик вытаскивает велосипед в коридор. Входит Ирина, она вытирает лицо полотенцем.

ИРИНА: Здравствуйте.

ЖЕНЩИНА: У моей девочки... проблема с женихом.

ИРИНА: Убежал? Или увели?

ЖЕНЩИНА: Увели. Напрасно мужчины думают, что они всё решают.

ИРИНА: Решает тот, у кого в руках поводок.

ЖЕНЩИНА: Точно! Понимаете, там... с его новой подругой... они уже живут вместе. Но может, еще не поздно что-то предпринять?

ИРИНА: А зачем вам этот жених? Я подберу другого. У меня обширный каталог. Мы можем посмотреть прямо сейчас.

ЖЕНЩИНА: Но моя девочка его так любит... Ночами не спит!

ИРИНА: Воет?

ЖЕНЩИНА (*смущенно*)**:** Практически.

ИРИНА: Не беспокойтесь. Найдем ей нового жениха, и все будет отлично! Она какой породы?

ЖЕНЩИНА: Нашей, какой же еще!

ИРИНА (*с удивлением*)**:** Служебная? Сторожевая? Охотничья?

ЖЕНЩИНА: Вы о ком?

ИРИНА: О вашей суке.

ЖЕНЩИНА (*вскакивает, кричит*)**:** Не смейте так о дочери!

В комнату заглядывает Олик.

ИРИНА: Какая дочь? Я про собаку.

ЖЕНЩИНА: Вы издеваетесь? При чем здесь собака?

ИРИНА: Я распорядитель фирмы "Собачьи свадьбы".

Женщина растерянно молчит. Входит Баба Оля с подносом в руках.

ЖЕНЩИНА (*смотрит на Ирину*)**:** Изольда?

ИРИНА: Начинается!

ЖЕНЩИНА (*достает бумажку*)**:** Садовая, 20, квартира 14?

ИРИНА: И соседняя — тоже.

ОЛИК: Понимаете... Короче... В общем, тут две четырнадцатых.

ЖЕНЩИНА: Аферисты!

Выходит. Хлопает входная дверь.

ИРИНА: А кто ее впустил?

БАБА ОЛЯ: Я. Она про свадьбу сказала...

Баба Оля ставит на стол поднос с двумя чашками. Ирина берет одну.

БАБА ОЛЯ: Я на нее тоже сварила. Две выпьешь?

ИРИНА: Пусть Олик выпьет. (*Олику.*) Кстати, ты почему не на занятиях? Опять первая пара — физкультура?

ОЛИК: Угадала. Я на третью пойду. Реферат защищать. "Событие, которое изменило судьбу России". Нужно выбрать известное событие и смоделировать, что стало бы со страной, если бы его не было.

ИРИНА: И что ты выбрал? Смерть Ленина? Рождение Горбачева?

ОЛИК: Продажу Аляски.

ИРИНА: Холодно.

ОЛИК: Жарко. Во-первых, "золотая лихорадка" помогла бы России избежать социализма. Авантюристы искали бы золото, а не справедливость...

БАБА ОЛЯ: Ты лучше расскажи, когда домой пришел?

ОЛИК: Не помню.

БАБА ОЛЯ: А я помню. В половине пятого!

ОЛИК: Бабуль, ты плохо спишь, потому что пьешь кофе. В твоем возрасте вредно.

ИРИНА: Кошмар! Бродишь до утра, потом лекции пропускаешь! Где ты был? Опять мосты развели?

ОЛИК: Мосты ни при чем. Я просто гулял.

БАБА ОЛЯ: С кем?

ОЛИК: С девушкой.

ИРИНА: Хоть тут без сюрпризов.

БАБА ОЛЯ: А позвонить? Почему не купишь мобилку?

ОЛИК: Сколько раз говорил — я не хочу жить в стаде! Все с мобилками. Все по утрам пьют кофе. А я не пью. И не хочу каждую минуту докладывать, где нахожусь.

ИРИНА: Детский сад! Представляю твою девушку...

ОЛИК: Поделись.

ИРИНА: Старшеклассница, которая слушает твои теории с широко открытым ртом.

ОЛИК: Ошибаешься. Она старше меня.

ИРИНА: Намного?

Олик показывает растопыренную пятерню.

БАБА ОЛЯ: Ой...

ОЛИК: И у нас все серьезно.

ИРИНА: Если девушка старше, она должна понимать, что тебе утром — в институт. Поэтому нечего ее выгуливать по ночам.

ОЛИК: Мама, расслабься, ты не на работе. Я никого не выгуливаю! Просто она поздно освобождается.

БАБА ОЛЯ: Где она работает?

ОЛИК: В клубе.

ИРИНА: Официантка?

ОЛИК: Нет.

ИРИНА: Ложкомойница?

ОЛИК: Танцовщица.

ИРИНА: В ансамбле пляшет?

ОЛИК: Сама... Без ансамбля.

БАБА ОЛЯ: Солистка?

ОЛИК: Почти... Стриптизерша.

ИРИНА и БАБА ОЛЯ (*хором*)**:** Ой!

ИРИНА: Сыночек! Зачем она нам?

ОЛИК: Мам, я влюбился.

ИРИНА: За что нам это наказание?!

ОЛИК (*обнимает ее*)**:** Мамочка, это не наказание, это искусство. И танцует она только по вечерам. А днем работает грузчиком.

БАБА ОЛЯ: Грузчиком?

ОЛИК: Да. В ювелирном магазине. Но ее скоро повысят, и она станет кладовщицей. И еще... Чтобы я не ходил поздно, мы будем жить вместе.

ИРИНА: С кем?

ОЛИК: Ее зовут Света.

ИРИНА: Где вы собираетесь жить?

ОЛИК: Здесь.

ИРИНА: Через мой труп!

ОЛИК: Мам, ну мы ж не некрофилы!

БАБА ОЛЯ: Через мою комнату?

ОЛИК: Бабуль, а мы тихо, ты даже не проснешься...

БАБА ОЛЯ: Да я прямо сейчас лягу и не проснусь!

ОЛИК: Тогда будем жить на балконе.

Выходит в ванную.

ИРИНА: Ужас! Один в сорок лет с игрушками возится, другой в восемнадцать семью строит.

Ирина уходит в спальню. Раздается звонок в дверь. Баба Оля идет открывать. Возвращается с Сергеем. В руках у него две сумки. Большую он прячет в шкаф. Сумку поменьше несет в комнату.

СЕРГЕЙ: Ира на работе?

БАБА ОЛЯ: Еще дома. (*Уходит на кухню.*)

Из спальни выходит Ирина. Подходит к Сергею, целует его.

ИРИНА: Здравствуй. Как съездил?

СЕРГЕЙ: Устал. Все время дождь...

Сергей распаковывает сумку, достает бритву, полотенце, рубашку.

СЕРГЕЙ: Олик в институте?

ИРИНА: В ванной. Бродил всю ночь, потом институт проспал. Надо, чтобы ты с ним поговорил.

СЕРГЕЙ: Ему восемнадцать. Самое время гулять. И говорить об этом бесполезно.

ИРИНА: А гулять со старухой — полезно?

СЕРГЕЙ: Молодец, сын! Тимуровец! А сколько старушке лет?

ИРИНА: Двадцать три.

СЕРГЕЙ: Не страшно. Главное — чтобы человек был хороший.

ИРИНА: Женщина старше — не страшно! Дома не ночует — естественно!

Ирина подходит к столу, на котором лежат вещи из сумки Сергея. Берет в руки полотенце, внимательно его изучает.

ИРИНА: А теперь — правду: где ты был?

СЕРГЕЙ: Ира, в чем дело? Я был в командировке. Я деньги зарабатываю, в поте лица!

ИРИНА: И при этом не моешься?

СЕРГЕЙ: Почему?

ИРИНА (*показывает полотенце*)**:** Абсолютно свежее. Ты к нему не прикоснулся.

СЕРГЕЙ: Да. Потому что в гостинице выдают полотенца. И меняют регулярно. Я вообще не понимаю, зачем ты мне его положила.

ИРИНА: На всякий случай.

СЕРГЕЙ: Так вот, случая не случилось.

ИРИНА: А может, случилось что-то другое? Я поняла! Ты давно вернулся, но не домой.

СЕРГЕЙ: Куда я вернулся?

ИРИНА: Пока не знаю. Но там тоже были полотенца.

Сергей идет к двери.

ИРИНА: Ты куда?

СЕРГЕЙ: На работу.

БАБА ОЛЯ (*выходит из кухни*)**:** Сережа, а кофе?

СЕРГЕЙ: Не хочу!

Сергей выходит. Хлопнула входная дверь.

ИРИНА: Делает из меня идиотку. Даже с Оликом не поздоровался.

Входит Олик.

ОЛИК: Здрасьте! А где папа?

ИРИНА: Ушел.

ОЛИК: Опять поругались?

БАБА ОЛЯ: Ириша, сколько можно? С ума сойти...

ОЛИК: У тебя еще полкило орехов осталось. Тебе — аутотренинг, а я вечером съем.

ИРИНА: Олик, не хами!

БАБА ОЛЯ: Он прав.

Она достает из шкафа мешочек, вытаскивает орех, ставит его в дверной проем. Раздается хруст.

ОЛИК: Вам необходим положительный пример! Надо срочно перевозить сюда Свету. (*Выходит. Хлопает входная дверь.*)

БАБА ОЛЯ (*продолжая давить орехи*)**:** Ирочка, твоя ревность невыносима.

ИРИНА: А его поведение выносимо?

БАБА ОЛЯ: Надо что-то делать!

Звонок в дверь.

ИРИНА: Он сейчас прощения просить будет!

Баба Оля идет открывать. Ирина победно улыбается. Баба Оля возвращается с молодой женщиной — элегантно одетой, ухоженной.

БАБА ОЛЯ (*растерянно*)**:** Это по поводу Сергея.

ИРИНА: Сергея? Очень интересно. Это вы с ним в командировку ездили?

ГОСТЬЯ: Как вы догадались?

ИРИНА: По полотенцу.

ГОСТЬЯ: Понимаете... Я люблю его и не могу от него отказаться! (*Плачет.*) Я готова отдать все, чтобы быть вместе. Сколько скажете! (*Достает кошелек.*)

ИРИНА: Вы мне деньги предлагаете? За мужа?

ГОСТЬЯ: За любовника... Чтобы стал мужем.

Баба Оля берет мокрую тряпку и принимает наступательную позу.

ГОСТЬЯ: Сколько это стоит?

ИРИНА: Это? Что — это?

ГОСТЬЯ: Приворот.

ИРИНА: Слава Богу! Это в соседнюю дверь.

Гостья моментально перестает плакать, встает с возмущенным видом.

ГОСТЬЯ: Это четырнадцатая?

ИРИНА: Четырнадцатая. Но соседняя, к счастью, тоже.

ГОСТЬЯ: К счастью? Проверим! (*Выходит. Хлопает дверь.*)

ИРИНА (*сквозь смех*)**:** Доверяй, но проверяй!

БАБА ОЛЯ: Ты смеешься, а ведь это ход!

ИРИНА: Какой еще ход? (*Уходит в спальню.*)

БАБА ОЛЯ (*задумчиво*)**:** К Изольде...

Ирина выходит из спальни с сумочкой.

ИРИНА: Я за фотографиями. Это рядом. (*Выходит.*)

Как только за Ириной закрывается дверь, Баба Оля стучит в стену. Потом собирает со стола ореховую скорлупу. Звонок в дверь. Баба Оля выходит, возвращается с Изольдой.

БАБА ОЛЯ: У тебя клиентка?

ИЗОЛЬДА: Ушла. Мы на другой день договорились. Что случилось? Опять милые бранятся?

БАБА ОЛЯ: Ты же яснослышащая! Помоги! Им до развода один шаг остался!

ИЗОЛЬДА: Есть рецепт... Если только Ирина согласится.

БАБА ОЛЯ: Уговорю!

ИЗОЛЬДА: Ну, смотри. Она Сергея ревностью мучает? В таких случаях клин клином вышибают. Надо, чтобы Сергей изменил. Причем на ее глазах. Будем фантазии реальностью изводить.

БАБА ОЛЯ: Как это?

ИЗОЛЬДА: Пригласите девушку.

БАБА ОЛЯ: Какую еще девушку?

ИЗОЛЬДА: Без комплексов. А Ирина чтобы видела. И такое отвращение у нее возникнет, что вся ревность пройдет.

БАБА ОЛЯ: А хуже не будет?

ИЗОЛЬДА: Это я тебе как психолог советую! Знаешь, как алкоголиков лечат? Нальют водку в тазик — и дохлую кошку туда. Мужик после этой картины на водку смотреть не может.

БАБА ОЛЯ: Ну, не знаю... Мужики разные бывают. Некоторые кошку до последней капли выжимают.

ИЗОЛЬДА: Ты спросила — я посоветовала.

Изольда выходит из комнаты. Из прихожей слышен звонок велосипеда, какой-то грохот, голос Изольды: "Осторожнее!". В комнату врывается запыхавшийся Олик.

БАБА ОЛЯ: Ты что — банк ограбил?

ОЛИК: Лучше. Библиотеку. Нашел кое-что... надо проверить...

Олик быстро уходит в свою комнату. Хлопает входная дверь. Входит Ирина.

ИРИНА (*хмуро*)**:** Сергей не возвращался?

БАБА ОЛЯ: Нет. А я как раз с тобой хотела об этом поговорить.

ИРИНА: О чем?

БАБА ОЛЯ: Ирочка, так больше нельзя. Он от тебя уйдет.

ИРИНА (*садится на диван, говорит дрожащим голосом*)**:** Оля, что мне делать? Сама все понимаю, но во мне пробуждается инстинкт охотника... Вот и сегодня...

БАБА ОЛЯ (*садится рядом с ней*)**:** Есть один способ!

ИРИНА: Какой?

Она шепчет Ирине на ухо. Ирина делает большие глаза, вскакивает.

ИРИНА: При мне?!

БАБА ОЛЯ: Послушай! (*Усаживает Ирину, продолжает шептать ей на ухо.*)

ИРИНА: И что? Отпустило?

БАБА ОЛЯ: Отпустила. Даже глаза не выцарапала.

ИРИНА: И смех, и грех...

Баба Оля убирает в шкаф мешочек с орехами.

БАБА ОЛЯ: У нас в холодильнике — как в сейфе после налета. Пойду в магазин. А ты думай.

ИРИНА: Да, хорошо...

Баба Оля собирается, кладет в сумку кошелек, надевает кофту.

БАБА ОЛЯ: Какую булку взять — белую или черную?

ИРИНА: Да, конечно.

БАБА ОЛЯ: Уже думает.

ИРИНА: Оля, у нас есть газеты? С объявлениями.

БАБА ОЛЯ: Оперативно откликнулась... Посмотри. (*Берет с полки несколько газет.*)

Ирина берет газету и садится на диван. Баба Оля на цыпочках выходит. Из своей комнаты выбегает встрепанный Олик.

ИРИНА: Ты куда?

ОЛИК: В библиотеку! Я такое нашел, такое!.. (*Убегает.*)

ИРИНА: Дурдом! (*Ирина листает газеты. Читает вслух.*) "Молодая девушка, двадцать семь лет..." Тоже мне — молодая! "...ищет мужчину с напором". Кхм... Сантехника, что ли? Так... "Виктория, двадцать лет, стройная, без претензий... ищет мужчину без интимного прошлого, можно одноразово..." И хорошо, что без напора. А интимное прошлое в моем лице можно опустить.

Ирина берет телефон, смотрит в газету, набирает номер.

ИРИНА: Мне нужна Виктория. (*Пауза.*) У меня есть мужчина, который вам нужен. Сваха? Да. Но без процентов. Сто долларов? Нет, ночь исключается. В час уложится. Пятьдесят? Нет, ну как же... Ночь восемь часов длится? Значит, час должен стоить двенадцать. Только за пятьдесят? (*Пауза.*) Ладно... Когда можете? В субботу, в двенадцать? Хорошо. Пишите: Садовая, 20, квартира 14. Ирина Алексеевна. Мужчину? Ну, допустим, Сергей.

Ирина кладет трубку. Тяжело вздыхает.

Хлопнула входная дверь. В гостиную входит Сергей.

ИРИНА: Как хорошо, что ты вернулся! Ты не обиделся?

СЕРГЕЙ: На обиженных воду возят.

ИРИНА: Сережа, с ревностью покончено навсегда! Представляешь, я заказала тебе девушку.

СЕРГЕЙ: Какую девушку?

ИРИНА: Ну... Такую. Непропорциональную. Сто за ночь, пятьдесят в час...

СЕРГЕЙ: Ты с ума сошла! Зачем?

ИРИНА: Считай, что это подарок. У тебя же в воскресенье день рождения.

СЕРГЕЙ: Дата некруглая. Подарки не обязательны.

ИРИНА: Это будет подарок не тебе, а мне.

СЕРГЕЙ: А тебе зачем?

ИРИНА: Психоаналитик посоветовал. Сказал — эффективный метод лечения ревности. Тебе нравится, что я ревную?

СЕРГЕЙ: Нет.

ИРИНА: Ну вот. А девушка... Считай, что это лекарство.

СЕРГЕЙ: А если оно... она мне не понравится?

ИРИНА: Всем нравится — и тебе понравится.

СЕРГЕЙ: Слушай, сердце не единственный орган, которому не прикажешь.

ИРИНА: Все у тебя получится. С другими же получается...

СЕРГЕЙ: С какими — другими?! Ира! Ты опять?!

ИРИНА: Вот видишь, что со мной? Не хочу — а говорю! Само вырывается... Ты можешь раз в жизни что-то сделать для меня?

СЕРГЕЙ: Раз в жизни? Да я тебе полжизни отдал!

ИРИНА: Ладно, потом разберемся, кто кому должен. Она придет в субботу в двенадцать.

СЕРГЕЙ: Не получится.

ИРИНА: Плохо, если не получится. Деньги она все равно возьмет.

СЕРГЕЙ: В субботу не могу. У меня дантист... профком... У меня совещание. Меня снимают, посылают, переводят.

ИРИНА: Испугался? Ты меня любишь?

СЕРГЕЙ: Тебя — да.

ИРИНА: Так сделай это ради меня.

СЕРГЕЙ: А ты где будешь?

ИРИНА: Буду смотреть.

СЕРГЕЙ: Изготовление и распространение порнографии одновременно... Уголовщина. Тебе нужен врач. И адвокат.

ИРИНА: Уже была. Он сказал — надо клин клином!

СЕРГЕЙ: Он кто — травматолог или логопед? Подари ему уголовный кодекс.

Уходит в спальню. Ирина идет за ним.

ИРИНА: Сереженька, ради меня!..

На сцене гаснет свет.

* * *

Утро. На сцене зажигается свет.

Из своей комнаты появляется Олик. Он идет к двери в спальню родителей, прислушивается. Потом так же осторожно подходит к стене, на которой висит лозунг, и тихонько стучит по ней. Стучит — и слушает. Затем стучит в другом месте. Из коридора в комнату тихо входит Баба Оля и наблюдает за Оликом.

БАБА ОЛЯ: Олик!

Олик резко поворачивается, прикладывает палец к губам.

ОЛИК (*шипит*)**:** Тише!

БАБА ОЛЯ: Что ты делаешь?

ОЛИК: Секрет.

БАБА ОЛЯ: Если ты не скажешь, в чем дело...

ОЛИК: Ладно. (*Отводит Бабу Олю подальше от дверей в спальню родителей и шепчет.*) Я ищу золото!

БАБА ОЛЯ: Оно не здесь, а у мамы в тумбочке.

ОЛИК: Я не про мамины украшения. У нас в доме клад. Сокровище!

БАБА ОЛЯ (*смеется*)**:** Ты мое сокровище! (*Целует Олика в лоб.*) Такой здоровый вымахал, жениться собрался — а пацан пацаном. Клады ищет...

ОЛИК: Помнишь, что я пишу реферат о продаже Аляски? Так вот, я в архиве раскопал дело делегата, который привез сюда из русской колонии взятку чиновникам. Чтобы Аляску американцам не продавали.

БАБА ОЛЯ: Какой делегат? Какая взятка? Где мы и где Аляска...

ОЛИК: Вот. (*Вытаскивает из кармана листок бумаги.*) Это письмо, которое у него нашли. Я переписал.

Баба Оля разворачивает листок, пытается читать.

БАБА ОЛЯ: Ну и почерк у тебя!

ОЛИК: Нормальный почерк выдающегося человека. (*Берет листок, читает вслух.*) "...Я прожил на Аляске пять лет. Это удивительная земля! Увы, пока наши колонии в Америке приносят казне убытки. Но тысячи русских людей жизни свои положили, чтобы освоить эту землю. Министры убедили государя, что Аляску надобно продать практически за гроши. Но есть люди, которые восстали против этого. Увы, оказалось, что действовать прямым путем уже поздно. Предотвратить продажу можно только взяткой. Я послан из Америки в Россию, чтобы передать высоким чинам в Петербурге деньги, собранные моими единомышленниками. Но у нашего замысла есть противники. Дело, наверное, не в государственной муд-

рости, а в том, какое подношение они получили от американцев. Одна надежда, — что по дороге ту взятку располовинили, а может, и расчетверили. Увы, за мной охотятся. У меня скверные предчувствия..."

БАБА ОЛЯ: А дальше?

ОЛИК: Дальше письмо обрывается. Кому писал — неизвестно... Его пытались арестовать. Во время ареста он погиб. То ли застрелили, то ли сам застрелился. И все это было здесь!

БАБА ОЛЯ: Где — здесь?

ОЛИК: Садовая двадцать, квартира номер семь.

БАБА ОЛЯ: Так у нас четырнадцатая. Бывшая тринадцатая.

ОЛИК: После революции из каждой квартиры сделали две. И седьмая стала тринадцатой! То есть нашей.

БАБА ОЛЯ: Так, значит, и Изольда в бывшей седьмой живет?

ОЛИК: Правильно... (*Вздыхает.*) Но все-таки шанс есть! Пятьдесят процентов, что золото на нашей половине.

БАБА ОЛЯ: Такая же вероятность встретить на улице динозавра.

ОЛИК: Почему?

БАБА ОЛЯ: Потому что можно встретить, а можно не встретить... Теперь понятно, почему у нас с Изольдой такая слышимость.

ОЛИК: После того как его застрелили, тут все обыскали, но золото не нашли.

БАБА ОЛЯ: Искали и не нашли? Значит, не было клада. А может, он его в другом месте спрятал. Сколько лет прошло?

ОЛИК: Почти сто пятьдесят. Но я чую, что клад где-то здесь.

БАБА ОЛЯ: Чуешь? А ведь деньги не пахнут.

ОЛИК: Но есть места, где пахнет деньгами... Баба Оля, простучи здесь стены, хорошо? Только родителям не говори.

БАБА ОЛЯ: Почему?

ОЛИК: Засмеют. Ну что? Простучишь?

БАБА ОЛЯ: А как?

Олик подходит к стенке, стучит в нее в разных местах.

ОЛИК: Слышишь? Звук везде одинаковый. А вот если где-то будет другой...

Из спальни выходит заспанная Ирина в халате, зевает.

ИРИНА (*Олику*)**:** Очевидное-невероятное! Суббота, десять, а ты уже на ногах?..

ОЛИК: Мне в библиотеку надо.

ИРИНА: Вы там со стриптизеркой встречаетесь?

ОЛИК: Нет, к Свете — потом. Погуляем, в кино сходим.

ИРИНА: Посмотрите... пару фильмов.

ОЛИК: Зачем пару?

ИРИНА: Ну... А вдруг один не понравится?

ОЛИК: На одну стипендию два фильма — не складываются.

Ирина достает кошелек, вынимает купюры, Олик прячет их в карман.

БАБА ОЛЯ: А где Кефирчик? Я ему корм купила. С креветками.

ОЛИК: Кефир! Кс-кс-кс! (*Заглядывает за диван, под стол.*) А это чего тут? (*Достает из-под стола чашку.*)

БАБА ОЛЯ: Моя! Пустая?

ИРИНА: Что там было?

БАБА ОЛЯ: Успокоительное. Где же Кефирчик? Кс-кс-кс...

ОЛИК: Все, я ушел. До вечера!

Выходит. Из прихожей доносится позвякивание велосипеда. Хлопает входная дверь.

БАБА ОЛЯ: Ну что? Ты решилась?

ИРИНА: Да. Победа придет в двенадцать.

БАБА ОЛЯ: Чья победа?

ИРИНА: Наша. Над ревностью. Ее Викой зовут.

Баба Оля достает мешочек. Они с Ириной по очереди достают орехи. Ирина давит их дверью в спальню, Баба Оля — в кухню.

БАБА ОЛЯ: А где Сережа?

ИРИНА: Ушел на работу.

БАБА ОЛЯ: Сегодня же суббота!

ИРИНА: Новый товар пришел. Но поклялся, что к двенадцати будет.

Баба Оля выходит из комнаты. Ирина уходит в ванную. Хлопнула дверь. В комнату входит Сергей. У него в руках большая сумка, которую он прячет в шкаф и уходит в спальню. В гостиную входят Ирина и Баба Оля.

БАБА ОЛЯ: Пойду-ка я... В филармонию. Два отделения. Бизе с Бахом.

Баба Оля надевает кофту, берет сумочку и уходит. Из спальни выходит Сергей.

ИРИНА: Сережа, ты вовремя. Скоро придет гостья.

СЕРГЕЙ: Ира, а может, ну ее?

ИРИНА: Прими душ, а я тебе кофе сварю.

Сергей послушно уходит в ванную.

Звонок в дверь. Ирина идет открывать. Возвращается со скромно одетой девушкой. В руках у нее объемная сумка и нотная папка.

ДЕВУШКА: Вы Ирина Алексеевна?

ИРИНА: Можно — Ира.

ДЕВУШКА: Как скажете... Вы извините, что я к вам так рано...

ИРИНА: Ничего. Чем скорее — тем лучше.

ДЕВУШКА (*оглядывается*)**:** А где?..

ИРИНА (*перебивает ее*)**:** Он в душе. Сейчас выйдет.

ДЕВУШКА: А я даже душ не успела принять.

ИРИНА: Что так?

ДЕВУШКА: Хозяйка очень торопила. Пришлось быстро собираться и ехать.

ИРИНА: Хозяйка?.. Вы ее так зовете?

ДЕВУШКА: А как еще? Вообще, она тетка добрая, денег берет по-божески. Но тут у нее обстоятельства.

ИРИНА: Вы сумку поставьте... А это что? (*Показывает на папку.*)

ДЕВУШКА: Ноты. Я играю на флейте.

ИРИНА: Вы... собираетесь у нас играть?

ДЕВУШКА: Да. А что — нельзя?

ИРИНА: Ну, как-то... я не думала... А вообще, девушка с флейтой — это, наверное, эротично.

ДЕВУШКА: Вы считаете? Но я, конечно, во время работы не играю. После.

ИРИНА: Оригинально... Может, переодеться хотите? Или сначала — в душ?

ДЕВУШКА: Да вы не беспокойтесь...

ИРИНА (*напряженно*)**:** Я не беспокоюсь, но душ принять надо обязательно.

ДЕВУШКА: Хорошо.

ИРИНА: Ой, вы юбку запачкали.

ДЕВУШКА: Где?

Она переворачивает на себе юбку задом наперед, крутит вокруг себя и видит пятно зеленой краски.

ИРИНА: Наверное, в парадной. Панели красили. А юбочка вам не велика?

ДЕВУШКА: Я ее купила до того, как работать начала. Тогда была потолще.

ИРИНА (*смущенно*)**:** Так много работы?

ДЕВУШКА: Вы даже не представляете... Многие думают, что это просто — раз, два, повернулась, нагнулась... А я за вечер полкило теряю! Поэтому много ем, а то уволят.

ИРИНА: Почему уволят?

ДЕВУШКА: А кому костлявые нравятся?

ИРИНА (*оглядывая себя*)**:** В самом деле...

Девушка скребет пальцем пятно на юбке.

ИРИНА: Нет, так вы не ототрете. Снимайте, потом застираете.

ДЕВУШКА: Где можно переодеться?

ИРИНА: Здесь.

Ирина показывает на дверь спальни. Девушка, взяв сумку, идет в спальню. Ирина закрывает за ней дверь. В гостиную входит Сергей. Он в махровом халате.

ИРИНА (*шепотом*)**:** Она уже здесь. (*Показывает на спальню.*)

СЕРГЕЙ: А почему досрочно?

ИРИНА: Эта... хозяйка... бандерша... не знаю, как она называется... поторопила. Ей деньги срочно нужны.

СЕРГЕЙ: Это их проблемы. А я... я сейчас не могу. Давай позже.

ИРИНА: Как это — позже? Что я ей скажу? Что ты не готов?

СЕРГЕЙ: Почему — не готов? Просто... я кофе еще не пил!

ИРИНА: Иди пей! Только быстро.

Сергей идет в кухню. В дверях останавливается.

СЕРГЕЙ: Может, и ей кофе предложить?

ИРИНА: Она не за этим пришла!

СЕРГЕЙ: Чашки кофе для человека жалко? Познакомимся поближе, поболтаем...

ИРИНА: Может, мне ей торт испечь?

СЕРГЕЙ: Значит, уложить нас в постель — это нормально, а позавтракать — нет?

Открывается дверь спальни, выходит девушка. Она одета в простенький домашний халат и тапочки.

ДЕВУШКА: Здравствуйте. Вы Сергей... Простите, не знаю отчества.

СЕРГЕЙ: Олегович.

Сергей подходит к Девушке, в смущении пожимает, потом целует руку.

ИРИНА: Ну я... я пойду... кофе сделаю. (*Выходит.*)

СЕРГЕЙ: Вы так... по-домашнему. А я думал, будут чулки, подвязки. Что-нибудь эдакое...

ДЕВУШКА: Все думают — раз у меня такая работа, значит, должна ярко одеваться, краситься. На работе — конечно. А так, по жизни...

СЕРГЕЙ: Конечно-конечно, так гораздо лучше.

На пороге внезапно появляется Ирина.

ИРИНА: А я... а... вы...

СЕРГЕЙ: Что, Ирочка?

ИРИНА (*обращается к Девушке*)**:** Я спросить хотела — сколько вам сахара?

ДЕВУШКА: Нисколько.

ИРИНА: Тогда — в душ.

ДЕВУШКА: Как скажете.

Девушка уходит в ванную. Звонит телефон. Ирина берет трубку.

ИРИНА: Алло! Олик? (*Пауза.*) Что-о-о? Когда? (*Кладет трубку. Смотрит на Сергея.*) Олик звонил. Сейчас приедет Светлана.

СЕРГЕЙ: Почему?

ИРИНА: Олик не объяснил.

СЕРГЕЙ: Что делать? Надо эту Вику быстро отправить.

ИРИНА: Куда?

СЕРГЕЙ: К ее... бригадирше, мамочке, как ее там!.. куда угодно!

ИРИНА: Но заплатить все равно придется.

СЕРГЕЙ: За что? Ничего же не было!

ИРИНА: Было — не было, а платить надо. Ты-то должен знать!

СЕРГЕЙ: Кому?

ИРИНА: Что — кому?

СЕРГЕЙ: Кому должен? Я ничего про это не знаю.

ИРИНА: Скажешь, ты никогда с такими девицами дела не имел?

СЕРГЕЙ: Ира! Ты опять?!

Девушка выходит из ванной.

ДЕВУШКА: Вода закончилась.

ИРИНА: Да? Вы знаете, тут такое дело... У нас изменились обстоятельства.

Звонок в дверь. Сергей и Ирина мечутся по квартире. Девушка смотрит на них непонимающе.

ИРИНА: Вы только не удивляйтесь, но... Посидите здесь! (*Она подталкивает девушку к комнате Олика.*)

СЕРГЕЙ: Нет, к Олику нельзя! Лучше в ванную. (*Хватает Девушку за руку и тащит в ванную.*)

ИРИНА: Нет! Ванная может понадобиться.

СЕРГЕЙ: А куда?

Звонок в дверь повторяется. Ирина открывает шкаф и заталкивает Девушку туда.

ИРИНА: Так надо! Я потом все объясню.

Сергей и Ирина выходят в коридор.

Дверца шкафа открывается. Из шкафа выскакивает Девушка. В руках она держит бездыханного белого кота.

ДЕВУШКА: Кот! Я его раздавила!

Она мечется с котом по комнате, выбегает на кухню. Потом возвращается, уже без кота, и снова прячется в шкаф. Возвращаются Сергей и Ирина.

ИРИНА: Я с ума сойду от Изольдиных клиентов!

СЕРГЕЙ: Ей надо табличку на дверь повесить: "Гадание на кофейной гуще".

ИРИНА: Она налоговой боится. Не повесит. (*Открывает дверь шкафа.*) Выходите.

Раздается звонок в дверь.

ИРИНА: Нет, извините. (*Заталкивает Девушку, которая уже выходит из шкафа, обратно.*)

ДЕВУШКА: Там душно!

ИРИНА: Три минуты — и назад, к бригадирше. Потерпите...

Ирина выходит. Возвращается с пожилой женщиной.

ЖЕНЩИНА (*протягивает Сергею свернутый листок и тетрадь*)**:** Вот здесь распишитесь.

Сергей берет листок, расписывается. Потом достает из бумажника деньги и протягивает Женщине.

СЕРГЕЙ: Спасибо вам.

ЖЕНЩИНА: Да какая тут благодарность... (*С сомнением смотрит на деньги.*)

СЕРГЕЙ: Ну как же! Так положено!

ЖЕНЩИНА: Положено, конечно, но не мне... и не так быстро... (*Нерешительно берет деньги.*) Ну, все равно спасибо. (*Выходит.*)

Ирина провожает женщину. Сергей разворачивает листок. Ирина возвращается.

СЕРГЕЙ (*растерянно*)**:** Это не телеграмма. Это повестка. Из налоговой милиции. (*Читает.*) "В понедельник в девять ноль-ноль, кабинет номер четырнадцать".

ИРИНА: Ты ей деньги дал? За повестку? Молодец. Интересно, там тоже два четырнадцатых? Смотри, не ошибись.

СЕРГЕЙ: Я думал — телеграмма. С днем рождения.

ИРИНА: Ладно. До понедельника еще далеко. Сейчас стриптизерка придет.

СЕРГЕЙ: В качестве группы поддержки? Я и так справлюсь.

ИРИНА: Стриптизерка — это избранница твоего сына. Ты должен поговорить с ней как строгий отец.

В шкафу что-то падает. Ирина открывает шкаф, выпускает Девушку.

ИРИНА: Извините, но вам пора. У нас изменились планы.

ДЕВУШКА: Да, но...

Раздается звонок в дверь.

ИРИНА: Ну вот! Я же говорила!

СЕРГЕЙ (*Девушке*)**:** Пожалуйста, спрячьтесь!

ДЕВУШКА: Я туда больше не полезу!

Ирина хватает Девушку за руку, заталкивает ее в спальню, подпирает дверь креслом и садится в него.

СЕРГЕЙ: Этот кошмар когда-нибудь кончится?

Он идет открывать дверь и возвращается с новой гостьей. Это стройная девушка в джинсах и короткой кофточке.

СЕРГЕЙ: Вы к кому?

ДРУГАЯ ДЕВУШКА: Вы Сергей? А вы — Ирина Алексеевна?

ИРИНА: Да.

Другая девушка рассматривает комнату, игрушки на диване.

ДРУГАЯ ДЕВУШКА: Чей зайка? Кто играет? (*Сергею, игриво.*) Вы?

ИРИНА (*раздраженно*)**:** Мы. А вы в какие игры играете? Подростков соблазняете?

ДРУГАЯ ДЕВУШКА (*рассматривает Сергея*)**:** Могу пошалить. Иногда. Если просят. Это вы — подросток?

ИРИНА: Не прикидывайтесь! Вы знаете, о ком я! Если вы привыкли крутиться вокруг шеста, это еще не значит, что вам удастся обвести нас вокруг пальца!

ДРУГАЯ ДЕВУШКА: Я никого не обвожу! Меня пригласили — я пришла!

ИРИНА: Кто вам сказал, что пригласили? Поставили перед фактом.

СЕРГЕЙ: Ирочка, зачем ты так? Придет Олик, и тогда мы все вместе...

ДРУГАЯ ДЕВУШКА: Вместе с Оликом? Я так не договаривалась.

Из спальни раздается грохот: дверь трясется, будто в нее колотят кулаками. Ирина едва удерживается в кресле.

СЕРГЕЙ (*Другой девушке*)**:** Знаете, мы сейчас все обсудим. Только... подождите минутку. Вот сюда, пожалуйста!

Он заталкивает Другую девушку в шкаф. Ирина встает и выпускает

из спальни первую Девушку. Она успела переодеться. На ходу застегивает блузку.

ДЕВУШКА: Ужас! Мне Олик говорил, что у него нормальные родители!

ИРИНА: Откуда вы знаете Олика?

ДЕВУШКА: Я Света.

Она хватает свою сумку, папку и спешит к дверям.

СВЕТЛАНА: Работа моя вам не нравится? А сами... извращенцы!

ИРИНА: Где вы видели извращения?

СВЕТЛАНА: В шкафу!

ИРИНА: В шкафу? Это просто... наша знакомая! Зашла... чаю попить.

СВЕТЛАНА: И сдулась?

ИРИНА: Почему сдулась?

СВЕТЛАНА: Потому!

Светлана распахивает шкаф. Оттуда выходит Виктория, которая рассматривает содержимое сумки: плетку и наручники.

ВИКА (*Ирине***):** Мадам, мы так не договаривались. Я садо-мазо не обслуживаю. У меня в объявлении написано.

Светлана выхватывает из сумки сдувшуюся резиновую куклу, швыряет ее на пол перед Ириной.

ИРИНА (*Сергею***):** Это что?

СВЕТЛАНА: Ваша знакомая. Зашла чаю попить.

Берет свою сумку, идет к выходу.

СЕРГЕЙ: Света, подождите! Это недоразумение!

Светлана уходит, громко хлопнув дверью.

ВИКА: Прикольно.

СЕРГЕЙ (*собирает разбросанные вещи обратно в сумку***):** Вы, значит, Вика? Во-первых, вы опоздали.

ВИКА: Во-вторых, я пришла вовремя. В четырнадцатую квартиру. И пять минут объяснялась с вашей соседкой. Думала, что она сваха, потом поняла, что сумасшедшая. А почему две четырнадцатые квартиры?

СЕРГЕЙ: Это не ваше дело. Наряд отменяется.

ВИКА: Мне переодеться?

СЕРГЕЙ: Наряд на услуги отменяется. А от вас я хочу, чтобы вы ушли.

ИРИНА: Сережа, а что это в сумке? Игрушки для самых маленьких?

СЕРГЕЙ: Мы меняем ориентацию.

ИРИНА: Мы?! Меня попрошу вычеркнуть.

СЕРГЕЙ: Я имею в виду нашу компанию. Это экспериментальные образцы.

Раздается звонок в дверь.

СЕРГЕЙ: Это еще кто?

ИРИНА (*Вике*): Скройтесь, пожалуйста, еще раз.

ВИКА: Опять в шкаф? Не полезу!

СЕРГЕЙ: Не надо в шкаф. Вот сюда!

Ирина отводит Вику в комнату Олика. Сергей идет открывать дверь. Возвращается вместе с Оликом и заплаканной Светланой.

ОЛИК: Па, что вы тут устроили? Подхожу к дому — и вижу: стоит у парадной, рыдает... И не говорит, что случилось.

Ирина и Сергей переглядываются. Сергей у Олика за спиной делает Свете знаки, прикладывает палец к губам. Олик замечает, что Света смотрит ему за спину, и оборачивается. Сергей прекращает жестикулировать. Но теперь Олик стоит спиной к Ирине, и она умоляюще смотрит на Свету, берет ее за руку.

СВЕТЛАНА: Олик... Извини. Просто я... юбку запачкала. И расстроилась.

ОЛИК: Юбку? Ерунда какая!

ИРИНА: Конечно, ерунда! Отстирается!

ОЛИК: Ма, я тебе не успел по телефону сказать. Свету неожиданно выселила хозяйка. Я поехал за ней, а она — ко мне. (*Светлане.*) Пойдем, положишь вещи, переоденешься. (*Идет к своей комнате.*)

ИРИНА и СЕРГЕЙ (*хором*): Нет!

ОЛИК: Мама! Я же говорил — мы будем жить вместе!

СЕРГЕЙ: Олик, мы не против! Просто... Пойдемте сначала на кухню, позавтракаем. Познакомимся как следует.

ИРИНА: Да-да! Идемте завтракать!

Все направляются на кухню, но в этот момент из комнаты Олика доносится шум.

ОЛИК: Это что?

ИРИНА: Наверное, опять твой призрак. Я думала, ты привык.

ОЛИК: Он никогда не чесался днем.

СЕРГЕЙ: А теперь чешется. Ну его... Пойдем кофе пить!

Все уходят на кухню. Сергей идет последним, закрывает за ними дверь, быстро возвращается к комнате Олика и стучит.

СЕРГЕЙ: Выходите!

Из комнаты выходит Вика.

ВИКА: Как вас?... Сергей? Ну что, Серж, чего ждем?... (*Обнимает его.*)

СЕРГЕЙ (*пытается расцепить ее руки*): Не надо!

ВИКА: Это связано с вашей физиологией?

СЕРГЕЙ: Это связано с моим нравственным обликом. Сын вернулся, с невестой. Им вас видеть не надо. Уходите, быстрее.

ВИКА (*обнимая Сергея, томным голосом*)**:** Хорошо, не сегодня. А завтра?

СЕРГЕЙ: И завтра не надо.

ВИКА: Почему?

Она страстно целует Сергея. Тот отбивается, но потом отвечает на поцелуй. В дверях появляется Ирина. Она видит обнимающуюся пару.

ИРИНА (*громко*)**:** Мерзавец!

Сергей отстраняется от Вики.

СЕРГЕЙ: Ириша! Ты же сама хотела это увидеть!

ИРИНА: Хотела! И увидела! А теперь — вон отсюда!

СЕРГЕЙ: Кто? Я?!

В дверях появляется Олик.

ОЛИК: Что случилось? (*Видит Вику.*) Вика?! Привет! Ты что здесь делаешь?

СЕРГЕЙ: Ну, сынок... Не ожидал.

ИРИНА: Весь в папочку. Кошмар... Стриптиз отдыхает. (*В дверях появляется Света.*)

ИРИНА и СЕРГЕЙ (*хором*)**:** Откуда ты ее знаешь?!

ОЛИК: По университету. Она на журфаке учится.

ИРИНА: На каком еще факе?

ВИКА: Я учусь на журналистку.

ИРИНА (*Вике*)**:** Вам стипендии не хватает?

ВИКА: Да. Устроилась в газету на полставки. Пишу статейки. Сейчас заказали о мужчинах, которые...

СЕРГЕЙ (*перебивает ее*)**:** Которые занимаются нестандартным бизнесом.

ОЛИК: А-а... Понятно. Я бы не сказал, что папина фирма необычная. Игрушки. А вот мамины собачьи свадьбы — бизнес нестандартный. Сначала был институт культуры, потом — ЗАГС человеческий, теперь — собачий...

СВЕТЛАНА (*глядя на Ирину, с намеком*)**:** Вот именно — собачьи свадьбы!

ИРИНА (*Светлане, негромко*)**:** Простим друг другу наши маленькие недостатки!

Открывается дверь. На пороге — Баба Оля.

БАБА ОЛЯ: Все в сборе! А я кошелек забыла. (*Ирине.*) Думаю — зайду тихонечко...

ОЛИК: Почему тихонечко? Баба Оля, познакомься со Светой.

БАБА ОЛЯ (*подходит к Вике*)**:** Очень приятно. Олик — мой внучатый племянник. А я ему, значит... Оля.

ОЛИК: Баба Оля, вот Света. (*Показывает на Светлану.*) А это — Вика.

БАБА ОЛЯ: Та самая? (*Смотрит на Ирину.*)

ИРИНА: Да. Та самая... которая хочет взять у нас интервью.

БАБА ОЛЯ: А-а... Ну... Ладно. Вы тут пока... а я... кофе сделаю. Может, испеку чего-нибудь по-быстрому. (*Спешит на кухню.*)

ОЛИК: Ну? Что?

СЕРГЕЙ: Что?

ОЛИК (*Вике*)**:** Ты будешь брать интервью? Интересно посмотреть, как ты работаешь.

ИРИНА: Да! Мне тоже хотелось посмотреть!

Из кухни раздается крик. Олик бросается туда и выводит Бабу Олю, которая еле держится на ногах.

БАБА ОЛЯ: Я микроволновку открыла, а там... Кефирчик! Бездыханный!

ИРИНА (*Светлане*)**:** Кто убил нашего кота?

СВЕТЛАНА: Это не я!

ИРИНА: А кто? Вы тут оставались одна!

Сергей уходит на кухню. Тут же возвращается.

СЕРГЕЙ: Его покормить надо.

СВЕТЛАНА: Мертвого? И он оживет?!

СЕРГЕЙ: Проснулся. Сидит возле миски, умывается.

БАБА ОЛЯ: Так вот куда валерьянка делась! Напился, поганец...

ВИКА (*многозначительно взглянув на Сергея*)**:** Я пойду, наверно.

СЕРГЕЙ: Я вас провожу. Помогу поймать машину.

ИРИНА: Нет, лучше меня проводи. Машину он ей будет ловить... (*Хватает секс-игрушки из сумки и швыряет их на стол перед Сергеем.*) Всё, всё! (*Бросает на пол сдутую резиновую куклу.*) Лопнуло мое терпение. Я от тебя ухожу!

БАБА ОЛЯ: Ира, одумайся!

ОЛИК (*Свете*)**:** Я же говорил — тесно не будет.

ИРИНА (*Сергею, показывая на Олика*)**:** Вот! Посмотри, кого ты вырастил!

СЕРГЕЙ: Нет! Это я ухожу! Иначе я просто сойду с ума!

ВИКА (*берет Сергея за руку*)**:** Можно ко мне. Я тут снимаю, недалеко...

СЕРГЕЙ (*освобождая руку*)**:** Ира, ты сама виновата! Кто ее позвал?

СВЕТЛАНА: Послушайте!

ИРИНА: А ты вообще молчи! Труженица шеста... Яблочко от яблони! Папа в дом резиновых баб таскает, сынок — стриптизерок!

ОЛИК (*Светлане*)**:** Не обращай внимания. Она вообще добрая, просто у нее работа собачья.

БАБА ОЛЯ (*Олику*)**:** Прекрати!

СВЕТЛАНА (*перекрикивая всех*)**:** Тихо!

Все разом умолкают. В тишине раздается звонок в дверь.

СВЕТЛАНА: Звонят. Уже третий раз. Я открою.

Светлана выходит в прихожую. Все молчат. Она возвращается с листком в руках.

СВЕТЛАНА: Телеграмма. Международная.

Ирина берет листок, читает вслух.

ИРИНА: "Возникли проблемы с ипотекой. Банк забирает квартиру. Телефон отключили. Собираюсь домой. Зося".

СВЕТЛАНА: Это кто?

ОЛИК: Моя вторая бабушка. Точнее — первая. Мамина мама. Из Америки.

СЕРГЕЙ (*берет телеграмму, перечитывает*)**:** "Собираюсь домой"... Это куда?

БАБА ОЛЯ: Вот сюда! (*Топает ногой.*)

ОЛИК: Приезжает. Из Америки... Это знак!

ИРИНА: Какой?

ОЛИК: Денежный!

Антракт

Действие второе

Та же гостиная. На стене висит лозунг: "ЛУЧШЕ УКРАСТЬ БОТИНКИ, ЧЕМ ХОДИТЬ БОСЫМ. Барон Ротшильд". Под лозунгом выстроились пять надувных кукол. На диване спит Баба Оля. Из комнаты Олика на цыпочках выходит Светлана. Она в свободном платье, под которым заметно округлился животик. Светлана тихо идет по комнате, оглядываясь на Бабу Олю. Когда поворачивается — видит кукол и взвизгивает.

БАБА ОЛЯ (*вскакивает с дивана*)**:** Что?

Из своей комнаты выбегает Олик — всклокоченный, в трусах.

ОЛИК (*бросается к Свете*)**:** Что случилось?

СВЕТЛАНА (*показывает на кукол*)**:** Испугалась.

ОЛИК: Ничего себе... что тут за ночь выросло! Квартал красных фонарей.

БАБА ОЛЯ: Олик, теперь на этих дамочек — вся надежда.

ОЛИК: Я буду звать их Надями.

СВЕТЛАНА: Ладно, я пойду.

БАБА ОЛЯ: А что ты вчера играла?

ОЛИК: Бабуль, это Глюк.

Светлана целует Олика. Выходит.

ОЛИК (*Бабе Оле*)**:** Как дела, птичка моя?

БАБА ОЛЯ: Твою птичку зовут дятел. Вчера, пока никого дома не было, еще раз простучала спальню. Больше стучать негде.

ОЛИК: Плохо. Мама где?

БАБА ОЛЯ: Спит. Она ночью этих... Надюш надувала. А папа ушел.

ОЛИК: Отлично!

Уходит в свою комнату, возвращается с металлоискателем, надевает наушники.

БАБА ОЛЯ (*смотрит критически*)**:** Это поможет?

ОЛИК: Не помешает.

Баба Оля выходит на кухню. Олик водит металлоискателем над полом. Из спальни выходит Ирина. Олик не замечает ее. Ирина наблюдает за ним некоторое время.

ИРИНА: Нам подложили бомбу?

ОЛИК: А? (*Резко оборачивается.*) Мамуль, привет! Это... последнее слово в борьбе с нечистой силой. Надоел мне наш полтергейст скребущийся.

ИРИНА: А я уже привыкла. Пусть живет! (*Машет рукой.*)

ОЛИК: Стоп! А ну, протяни руку!

Ирина протягивает руку, Олик водит над ней металлоискателем.

ОЛИК: Плохо...

ИРИНА: Плохо?

ОЛИК: Надо больше отдыхать.

Входит Баба Оля.

ИРИНА: Послушай, охотник за привидениями, ты когда свое изречение снимешь? (*Показывает на лозунг.*) Надоело!

ОЛИК: Снять? Я только неделю как повесил!

ИРИНА: Как — неделю? Полгода висит!

ОЛИК: Это новое. Прочитай внимательно.

Ирина читает.

ИРИНА: Сам придумал? Ротшильд узнает — уши надерет. Я тебе передачи носить не буду.

ОЛИК: Я воровать не собираюсь. Но намерен стать миллионером и прославиться.

ИРИНА: Сейчас миллионерами только миллиардеры становятся.

Олик уходит в свою комнату.

ИРИНА: Здоровый вымахал, а мозгов!.. (*Стучит по стенке и уходит в спальню.*)

Раздается звонок в дверь. Баба Оля идет отпирать, возвращается с Изольдой. Та одета в комбинезон, заляпанный краской, голова повязана косынкой.

ИЗОЛЬДА: Доброе утро. Что случилось?

БАБА ОЛЯ: Ничего.

ИЗОЛЬДА: Ты же мне в стенку стучала. Я решила, что в гости зовешь.

БАБА ОЛЯ: Ой... Ира стукнула. Случайно.

ИЗОЛЬДА: Ясно. Ложный вызов.

БАБА ОЛЯ: Ты присаживайся, кофейку попьем.

Изольда садится на диван. Видит надувных кукол.

ИЗОЛЬДА: О! Да у вас тут... девишник!

БАБА ОЛЯ: Надуваем по очереди. Новая партия. Проверить надо.

Из спальни выходит Ирина.

ИЗОЛЬДА: Доброе утро! Любуюсь вашим товаром.

ИРИНА: Не хотите взять парочку?

ИЗОЛЬДА: А мне-то зачем?

ИРИНА: Клиентам предложите. К вам же ходят... озабоченные.

ИЗОЛЬДА: Да. Но больше дамы.

БАБА ОЛЯ: Правда. Сколько видела объявлений: "Верну любимого"! Но ни разу — "Верну любимую".

ИЗОЛЬДА: Кавалеров интересует другое.

ИРИНА: Например?

ИЗОЛЬДА: Куда идет доллар? Покупать или продавать?..

БАБА ОЛЯ: Как же ты прорицаешь?

ИЗОЛЬДА: Газеты читаю, новости слушаю.

БАБА ОЛЯ: А карты больше не раскладываешь?

ИЗОЛЬДА: Раскладываю. На визит налоговой. На индекс Доу-Джонса. Поднимется или упадет...

ИРИНА: И что — клиентам помогает?

ИЗОЛЬДА: Клиентам — не знаю, а мне очень помогает.

БАБА ОЛЯ: Понятно. Два туза — и оба козырные.

ИРИНА: А к нам новый товар едет...

БАБА ОЛЯ: А старый девать некуда!

ИРИНА: Ты ничего не понимаешь! Сережа все продумал. Сейчас кризис. Народу заняться нечем — и он ударится в секс.

ИЗОЛЬДА: Главное, чтоб не убился.

БАБА ОЛЯ: Может, и ударится. Но в бесплатный!

ИРИНА: Увидишь — Сережина идея сработает. (*Уходит на кухню.*)

ИЗОЛЬДА: Я смотрю, у них медовый месяц...

БАБА ОЛЯ: Шестой пошел! С тех пор как по твоему совету девушку позвали.

ИЗОЛЬДА: Помогло?!

БАБА ОЛЯ: Как видишь.

ИЗОЛЬДА: Слышу. Надо же...

БАБА ОЛЯ: Ирина теперь у Сережи на фирме работает.

ИЗОЛЬДА: А как же собачий ЗАГС?

БАБА ОЛЯ: Закрылся.

ИЗОЛЬДА: Жить болонкам и мопсам во грехе...

ИРИНА (*выходит из кухни с пустой банкой в руках*)**:** А где кофе?

БАБА ОЛЯ: Олик с утра две чашки выпил.

ИРИНА: Столько лет не завтракал, а теперь наверстывает.

Ирина уходит в спальню.

ИЗОЛЬДА: Кофе отменяется?

БАБА ОЛЯ: Извини, растет мальчик.

Изольда идет к выходу. В дверях останавливается.

ИЗОЛЬДА: Что у вас вчера играло?

БАБА ОЛЯ: Глюк.

ИЗОЛЬДА: Никаких глюков! Я музыку слышала!

БАБА ОЛЯ: Глюк! Композитор.

ИЗОЛЬДА: Ничего себе фамилия... Сменил бы... (*Уходит.*)

Баба Оля провожает Изольду в прихожую, возвращается. Из своей комнаты выглядывает Олик.

ОЛИК: Разошлись, наконец? Я еще здесь не проверил. (*Показывает на стенку, где стоят куклы.*) Убери этих дур, они мне мешают.

Баба Оля переносит кукол к другой стене. Олик берет металлоискатель, водит им вдоль плинтуса. Вдруг останавливается.

ОЛИК (*кричит*)**:** Есть!!!

Баба Оля застывает посреди комнаты в обнимку с куклой. Олик зажи-

мает рот рукой и прячется в ванной. Из спальни выходит Ирина. Видит Бабу Олю.

ИРИНА: Ты что?

БАБА ОЛЯ: Да вот... хочу полы помыть!

ИРИНА: А где Олик? Это он кричал: "Есть!"?

БАБА ОЛЯ: А что делать? Растет мальчик.

ИРИНА: Заметно. Я — в магазин, кофе куплю.

Ирина уходит. Баба Оля ставит куклу к стенке, выпускает из ванной Олика.

ОЛИК: Ушла? (*Подходит к стене.*) Есть! Вот здесь, я слышал!

Снова водит металлоискателем. Замирает. Откладывает прибор.

ОЛИК: Надо плинтус отломать.

Достает из шкафа отвертку, возится над плинтусом. Слышен треск. Олик поднимается, что-то держит в ладони. Баба Оля подходит, рассматривает находку.

БАБА ОЛЯ: И это все?

ОЛИК: Это — подтверждение моей гипотезы. Пуля. Думаю, ей сто пятьдесят лет. Значит, я прав, перестрелка была здесь. Наши шансы растут. Хотя...

БАБА ОЛЯ: Что — хотя?

ОЛИК: Я приборчиком над маминой рукой поводил. У нее кольцо золотое. Но ничего не запищало! Значит, этот металлоискатель мог настоящий клад не почуять. (*Подбрасывает пулю на ладони.*) Это будет мой талисман.

Звонит телефон. Баба Оля снимает трубку.

БАБА ОЛЯ: Алло! Его нет. Но скоро будет. Как?.. Минуточку, я запишу. (*Находит ручку, бумагу.*) Диктуйте. Хорошо, передам. (*Кладет трубку. Олику.*) Ты не знаешь, что такое (*Читает.*) коллекторское агентство? Сантехники, что ли?

ОЛИК: Почему сантехники?

БАБА ОЛЯ: Коллектор... Канализация...

ОЛИК: Я такого не слышал. Ладно, мне пора в архив.

В дверях сталкивается с Сергеем.

ОЛИК: Па, привет! Пока! (*Выходит.*)

Сергей снимает куртку, проходит в комнату.

БАБА ОЛЯ: Тебе звонили, какие-то коллекторы.

СЕРГЕЙ (*в ужасе*)**:** Коллекторы?! Всё. Труба.

БАБА ОЛЯ: Труба? Точно — сантехники.

СЕРГЕЙ: Так! Я к телефону не подхожу. Если меня — говорите: уехал. В Арктику, в Антарктику...

БАБА ОЛЯ: А если на мобильный позвонят?

СЕРГЕЙ: Я уже номер поменял.

БАБА ОЛЯ: Сережа, а зачем от сантехников прятаться?

СЕРГЕЙ: Да какие сантехники! Коллекторы — это... Раньше если кто-то долг не отдавал — куда шли?

БАБА ОЛЯ: В суд.

СЕРГЕЙ: Понятно... А потом?

БАБА ОЛЯ: В прокуратуру, наверное.

СЕРГЕЙ: Вы еще райком партии вспомните... К браткам шли! А те с утюгами долг выбивали. А теперь все кому должны? Банкам. За кредиты. И если не возвращаешь, — банк нанимает коллекторов. Теперь они долги выбивают.

БАБА ОЛЯ: Как?

СЕРГЕЙ: Сначала по телефону, а потом по-всякому.

БАБА ОЛЯ: С утюгами приходят?

СЕРГЕЙ: Хуже... С доводами.

БАБА ОЛЯ: Ты брал кредит?

СЕРГЕЙ: Да. На развитие бизнеса. Сначала платил. А потом — кризис. Товар не продается. Проценты растут.

БАБА ОЛЯ: Ужас... А если ты не выплатишь? Что тогда?

СЕРГЕЙ: У нас отнимут квартиру. Она заложена.

БАБА ОЛЯ: Ира знает?

СЕРГЕЙ: Да. Без ее согласия не оформили бы.

БАБА ОЛЯ: Сережа, что же делать?!

СЕРГЕЙ: Надеяться на чудо. Или найти клад.

За стеной раздается грохот.

СЕРГЕЙ: Что это?

БАБА ОЛЯ: Это у Изольды. Что ты сказал про клад?

СЕРГЕЙ: Я пошутил.

БАБА ОЛЯ (*таинственным тоном*)**:** Кладовщицу мы уже нашли. Найдем и клад.

СЕРГЕЙ (*с иронией*)**:** Чем раньше — тем лучше.

БАБА ОЛЯ: Мы ищем.

СЕРГЕЙ: Кто это — мы?

БАБА ОЛЯ: Мы с Оликом.

СЕРГЕЙ: Он ищет клад? Лучше бы работу нашел.

БАБА ОЛЯ: Он же учится!

СЕРГЕЙ: Ну и что? Многие подрабатывают. Пиццу разносят, курьерами устраиваются...

БАБА ОЛЯ: Вот! Все дело в курьере! Мы же не просто так клад ищем. Это дело историческое! Олик в архиве нашел дело курьера, который из Америки в Россию привез взятку. Чтобы Аляску не продавали. И жил он в нашей квартире.

СЕРГЕЙ: Взятка за Аляску? Джек Лондон какой-то.

БАБА ОЛЯ: Но ведь Олик нашел документы!

СЕРГЕЙ: Какие? Расписку в получении?

БАБА ОЛЯ: Письмо этого... посланника...

СЕРГЕЙ: Это не документ. В письме можно сочинить что угодно.

БАБА ОЛЯ: Но Олик нашел еще и пулю!

СЕРГЕЙ: И что доказывает пуля?

БАБА ОЛЯ: Что курьера арестовали в нашей квартире.

СЕРГЕЙ: Золотая лихорадка. Вы уже заразились.

Раздается звонок в дверь.

СЕРГЕЙ (*испуганно*)**:** Кто это? Не открывайте!

Звонки повторяются.

БАБА ОЛЯ: Сережа, мы не можем тут замуроваться.

СЕРГЕЙ: А если это коллекторы?

БАБА ОЛЯ: Я скажу, что тебя нет дома.

Она идет открывать. Сергей уходит в спальню. Баба Оля возвращается с Оликом и Викой.

ОЛИК: Ба, смотри, кого я встретил! Это Вика.

БАБА ОЛЯ (*про себя*)**:** Вика! Которая...

ОЛИК: Помнишь, она приходила к нам? Из газеты.

ВИКА: Здравствуйте! А где мои клиенты?

БАБА ОЛЯ: Что значит — клиенты?

ВИКА: Ну... У кого я хотела взять интервью.

БАБА ОЛЯ: Ирина ушла. Сергея тоже нет.

СЕРГЕЙ (*из спальни*)**:** Есть, есть! (*Выходит.*)

БАБА ОЛЯ: А я думала, ты ушел!

СЕРГЕЙ: Уже вернулся. (*Целует Вике руку.*) Олик, поставь чайник.

БАБА ОЛЯ: У нас нет кофе.

СЕРГЕЙ: А мы будем пить чай.

ВИКА: Чай? Отлично. Где можно руки помыть?

ОЛИК: Я покажу.

Олик с Викой выходят из гостиной.

БАБА ОЛЯ (*шепчет*)**:** Ты что?! Сам же сказал, что тебя нет!

СЕРГЕЙ (*тоже шепчет*)**:** Я имел в виду коллекторов. А Вика — другое дело!

БАБА ОЛЯ: Да уж... Другое!.. Хорошо, что Ирины нет!

Вика возвращается в комнату.

СЕРГЕЙ: Очень рад вас видеть! Почему к нам не заходите?

ВИКА: Повода не было.

СЕРГЕЙ (*игриво*)**:** Ну как же? А интервью?

ВИКА: Я больше этим не занимаюсь.

БАБА ОЛЯ (*с сарказмом*)**:** Чем именно?

ВИКА (*с намеком*)**:** И тем, и другим. То есть... Ни тем, ни другим. Я ушла из газеты. В юридическую фирму.

СЕРГЕЙ: Но вы же учились на журфаке?

ВИКА: А теперь на юрфаке.

БАБА ОЛЯ: Действительно, не все ли равно, какой фак?

ВИКА: Кризис, людям не до журналов, они думают, как им кредиты вернуть. Или еще лучше — как не вернуть...

СЕРГЕЙ: Что вы имеете в виду?

ВИКА: Наша фирма помогает защититься от коллекторов.

СЕРГЕЙ: Вы...

ВИКА: Мы — антиколлекторы.

СЕРГЕЙ: Вы к нам второй раз, и вовремя.

ОЛИК (*кричит из кухни*)**:** Ба, где у нас чай?

СЕРГЕЙ: Тетя Оля, помогите ему, пожалуйста.

Баба Оля выходит.

СЕРГЕЙ: Вика, помогите мне.

ВИКА (*кладет руку ему на колено*)**:** Опять проблемы с женой?

СЕРГЕЙ: С коллекторами.

ВИКА: Какой поворот!

СЕРГЕЙ: Кризис...

ВИКА: Ну что ж... В принципе, я должна дать визитку фирмы и любезно попрощаться. Но...

СЕРГЕЙ: Но можете проконсультировать меня прямо здесь и сейчас.

ВИКА: Если...

СЕРГЕЙ: Оплатим. Без квитанции.

ВИКА: Договорились.

В дверях появляется Баба Оля, она слышит последнюю фразу.

БАБА ОЛЯ: О чем это вы договорились?!

СЕРГЕЙ: О юридической консультации! Тетя Оля, мне не до развлечений.

БАБА ОЛЯ: Ну, допустим...

СЕРГЕЙ (*Вике*)**:** Сколько это будет стоить?

ВИКА: Пятьдесят долларов.

СЕРГЕЙ: В час?

ВИКА: За совет.

БАБА ОЛЯ: Тарифы не меняются... (*Выходит.*)

СЕРГЕЙ: Так что же мне делать?

ВИКА: Доказать, что в момент получения кредита вы были недееспособны.

СЕРГЕЙ: Как?

ВИКА: Найдите психиатра и возьмите справку о том, что у вас было нервное расстройство, белая горячка, наконец... Что-нибудь в этом роде.

СЕРГЕЙ: Надо будет прикидываться? Изображать водобоязнь? Утверждать, что я — бедный Йорик?

ВИКА: Нет, сейчас припадки ничего не дадут. Нужна справка, что психоз был тогда, когда вы кредит оформляли. Бумажку можно купить. Но только по блату.

СЕРГЕЙ: Ясно.

Сергей достает бумажник, вынимает купюру, протягивает ее Вике. Она прячет деньги в сумочку.

ВИКА: И еще один совет...

СЕРГЕЙ: Спасибо, не надо. У меня больше нет денег.

ВИКА: Бонус, как постоянному клиенту. Коллекторов посылайте... к черту.

СЕРГЕЙ: Как?

ВИКА: А вот так! Почитайте договор с банком. Они не имеют права привлекать третьих лиц и разглашать ваши финансовые дела. Грубое нарушение закона. Вплоть до лишения банковской лицензии. (*На пороге появляется Баба Оля. Вика продолжает игриво.*) Это как в любви — третий лишний.

БАБА ОЛЯ: Это называется "юридическая консультация"?

СЕРГЕЙ: Вика, спасибо. (*Кричит.*) Олик! Мы сегодня будем пить чай?

Входит Олик с подносом, на котором стоят чашки. Баба Оля накрывает на стол. Вика поднимает чашку.

ВИКА: За встречу?

СЕРГЕЙ (*чокается с ней чашкой*)**:** За удачу!

ОЛИК (*подмигивает Бабе Оле*)**:** За Аляску!

Раздается звонок в дверь.

СЕРГЕЙ: Это Ирина.

ОЛИК: А может, Светлана.

Оба в замешательстве смотрят на Вику.

СЕРГЕЙ: Честно говоря, я бы не хотел...

ОЛИК: Я тоже. Свете нельзя нервничать.

Звонки продолжаются.

СЕРГЕЙ: Вика, извините, но... Спрячьтесь, пожалуйста! В шкаф.

ВИКА: Опять? Не буду. Объясните вашей жене, что я уже не беру... интервью.

СЕРГЕЙ: Можно объяснить. Но проще спрятать. Пожалуйста!

ВИКА: Ладно.

Вика прячется в шкафу. Баба Оля идет открывать. Возвращается с Ириной.

ИРИНА: Вы что — в прятки играете? Забыла ключи, стою, трезвоню...

БАБА ОЛЯ: Я в ванной была. Не слышала.

ОЛИК: А мы думали, что у тебя ключи. А звонят — дверь перепутали.

Ирина достает из сумки кофе, печенье, кладет на стол.

ИРИНА (*смотрит на стол*)**:** Что — кофе не дождались?

СЕРГЕЙ: Да, решили чаю попить.

ИРИНА: А почему четыре чашки?

БАБА ОЛЯ: Мы тебе налили.

ИРИНА: Меня нет дома, а вы мне чай налили?

ОЛИК: Мы из окна увидели, что ты идешь.

Сергей за спиной Ирины стучит себя кулаком по лбу. Ирина оборачивается к нему.

ИРИНА: Меня видели — и дверь не открыли? Это на вас так кризис влияет?

СЕРГЕЙ: Мы же думали, что у тебя ключи.

ИРИНА: Ничего не понимаю! Ладно... Давайте чай пить, пока не остыл.

Все садятся за стол. Ирина берет чашку Вики, подносит ее губам.

ИРИНА: Это что? (*Рассматривает чашку.*) Губная помада?

БАБА ОЛЯ: Ой, это я плохо помыла. Твоя, наверное... Или Светочки.

ИРИНА: Я таким цветом не пользуюсь.

Ирина встает из-за стола, заглядывает в спальню, в комнату Олика.

ОЛИК: Ма, ты что ищешь?

ИРИНА: Ничего. Показалось.

Ирина возвращается к столу, садится. Все облегченно вздыхают.

ИРИНА: А может, не показалось?

Она снова встает, подходит к шкафу, распахивает его. Из шкафа выглядывает Вика.

ВИКА: Сюрприз!

Все замирают. Ирина оторопело смотрит на Вику, а потом смеется.

ИРИНА: Вика! Здравствуйте! Кто вас туда запихнул? Старший или младший?

ВИКА: Оба.

ИРИНА: Выходите, садитесь с нами чай пить.

Вику усаживают за стол, наливают ей чай. Сергей отводит Ирину в сторону.

СЕРГЕЙ (*смущенно*)**:** Ты не сердишься?

ИРИНА: Нет, дорогой. Привыкла.

СЕРГЕЙ: Врач, который посоветовал девушку позвать, — гений. Можешь нас познакомить?

ИРИНА: Зачем?

СЕРГЕЙ: Мне посоветовали взять справку для банка, что со мной раньше было не все в порядке. (*Крутит пальцем у виска.*)

ИРИНА: Это баба Оля с ним общалась, надо у нее спросить.

СЕРГЕЙ: Кстати, про справку Вика подсказала. Она теперь почти юрист.

ИРИНА: Надо же!

Сергей с Ириной возвращаются к столу. Вика смотрит на часы, встает.

ВИКА: Ой, вы знаете, мне пора.

ИРИНА: Что, вы и чаю не попьете?

ВИКА: В другой раз.

ИРИНА: Заходите еще. Если хотите — прямо в шкаф. Хотя у нас секретов нет.

ВИКА (*показывает на надувных кукол*)**:** Вижу. Всё на виду.

Олик провожает Вику. Раздается телефонный звонок. Баба Оля берет трубку.

БАБА ОЛЯ: Алло! (*Пауза. Продолжает очень громко.*) Зосенька! Плохо слышно... Из автомата? Здравствуй! Что-то случилось? Все в порядке? (*Пауза.*) У нас все нормально. Ты письмо получила? (*Жестом подзывает к телефону Ирину.*) Да. Конечно. Даю Ирочку. (*Передает трубку Ирине.*)

ИРИНА: Алло! Здравствуй, мама. Как ты?

Хлопает входная дверь, в гостиную входит Светлана. Олик подходит к ней, целует.

ОЛИК (*Светлане*)**:** Бабушка звонит. Из Америки.

ИРИНА (*в трубку*)**:** У нас тоже проблемы. Моя фирма закрылась, у Сережи трудности. Ну, я тебе писала. (*Пауза.*) Конечно, раз такое дело — приезжай. Мы тебя ждем. (*Пауза.*) Что? Светы? А зачем? (*Пауза.*) Понятно. (*Закрывает трубку ладонью, спрашивает Светлану.*) Когда у тебя день рождения?

СВЕТЛАНА: В августе.

ИРИНА: А число?

СВЕТЛАНА: Тринадцатое.

ИРИНА: Нет. Нельзя.

СВЕТЛАНА: Как — нельзя?!

ИРИНА (*в трубку*)**:** Мамочка, записывай: четырнадцатое августа.

СВЕТЛАНА: Нет, тринадцатое!

ИРИНА (*шипит, прикрыв трубку*)**:** Тише! (*В трубку.*) Да, мама. Конечно, мы все соскучились. Не болей. Целую. (*Кладет трубку.*)

СВЕТЛАНА: Почему четырнадцатое?

ИРИНА: Какая тебе разница? Она в лотерею играет. На наши дни рождения. А на тринадцатое ни за что не поставит.

СВЕТЛАНА: Суеверия.

БАБА ОЛЯ: Я раньше тоже так думала. А теперь, с этой квартирой...

СВЕТЛАНА: А четырнадцать для вас — счастливое? Что-то я не заметила.

ОЛИК (*Светлане*)**:** Садись, я тебе чаю принесу.

Баба Оля и Сергей пьют чай. Олик приносит Светлане чашку, тоже садится.

ОЛИК: Я недавно мимо твоего клуба проезжал. Машин у входа меньше не стало.

ИРИНА: Кому сейчас нужен стриптиз?

ОЛИК: Тому же, кому и резиновые куклы.

Ирина достает из шкафа очередную сдутую куклу, подключает ее к насосу и ритмично давит насос ногой. Кукла постепенно надувается.

БАБА ОЛЯ: Много еще?

ИРИНА: Штук двадцать.

СЕРГЕЙ: Давай я покачаю!

ИРИНА: Нет, я сама.

Звонок в дверь. Ирина идет открывать.

БАБА ОЛЯ (*Сергею*)**:** А если это те, которые не сантехники?

СЕРГЕЙ: Не страшно. Я теперь знаю, как от них отбиться.

Ирина возвращается с Изольдой, в руках у которой листки бумаги.

ИЗОЛЬДА: Это что? (*Бросает на стол бумаги. Ирина берет их, листает.*) Мою квартиру арестовали! За долги! Вот, принесли уведомление.

ИРИНА: А мы здесь при чем?

ИЗОЛЬДА: При том! Нет у меня никаких долгов. Это вашу квартиру арестовали! Но она — четырнадцатая. И моя — тоже!

СЕРГЕЙ (*Изольде*)**:** Так получилось. У нас кредит под залог квартиры.

ИЗОЛЬДА: Делайте, что хотите, но чтобы с моей квартиры арест сняли!

Раздается звонок мобильного. Изольда достает из кармана телефон.

ИЗОЛЬДА: Алло! (*Пауза.*) Это раньше он был жених с "тойотой". А теперь — с кредитом! В кризис замуж выходить надо исключительно по любви. (*Прячет телефон. Идет к выходу. Показывает на кукол.*) Не вкладывайте средства в экзотический бизнес. Момент неудачный. (*Выходит.*)

Баба Оля подходит к кукле. Начинает качать насос.

ИРИНА: Нашла время!

БАБА ОЛЯ: У меня орехи кончились.

Все молчат. Баба Оля давит на насос.

ОЛИК: У нас могут забрать квартиру?

СЕРГЕЙ: Могут. Вот если бы были несовершеннолетние...

Все смотрят на Светлану.

СЕРГЕЙ: Светочка, а когда произойдет это радостное событие?

СВЕТЛАНА: По-моему, до сих пор оно вас не радовало.

ИРИНА: Ну, что ты! Радовало! Просто мы — люди сдержанные.

СВЕТЛАНА: Через три месяца.

СЕРГЕЙ: Долго.

СВЕТЛАНА: Ну, извините! Не рассчитали. И вообще, я здесь не прописана. Мы не женаты. Так что, моего ребенка не учтут.

ИРИНА: Что значит — моего? Нашего! Завтра же подайте заявление! Олик! Почему ты тянешь?

ОЛИК: Тяну? Мам, ты же была против.

ИРИНА: Тебе показалось.

ОЛИК: И еще мне показалось, что ты спрятала мой паспорт.

ИРИНА (*смущенно*)**:** Я просто переложила документы в другое место.

Ирина выходит в спальню. Возвращается, протягивает Олику паспорт.

ИРИНА (*вполголоса*)**:** Как говорил покойный папа: сгорела хата — гори забор...

ОЛИК (*Светлане*)**:** Всё, завтра подадим заявление.

СВЕТЛАНА (*обиженно*)**:** А потом? Распишемся? А свадьба?

ИРИНА (*с иронией*)**:** С платьем, фатой?

СВЕТЛАНА: Да. У вас свадьба была? Я тоже хочу.

СЕРГЕЙ: Светочка, у нас с деньгами проблемы.

ИРИНА: Свадьбу можно и позже справить.

СВЕТЛАНА: Серебряную, например? Нет уж, спасибо. Вот накоплю денег...

ИРИНА: Света, не надо откладывать. Будет фата. У меня остались ткани. Белый шифон, кружева...

СВЕТЛАНА: И кому из них наряды шили? Моськам?!

ИРИНА: Ну и что? Выйдет прекрасное платье!

Светлана поворачивается и уходит в комнату Олика, захлопнув за собой дверь.

Олик выбегает вслед за Светланой.

ИРИНА: Ничего страшного. Успокоится, я ее потом уговорю. Распишутся.

СЕРГЕЙ: Боюсь, что нас выселят раньше, чем она родит.

Затемнение

.....

Загорается свет. По комнате ходит Ирина.

ИРИНА: Кс-кс-кс!

Хлопает входная дверь. Входит Баба Оля.

ИРИНА: Кефирчик пропал. Нет нигде.

БАБА ОЛЯ: Ночь не спала. Как наваждение — вроде мяукает где-то рядом... А где Олик?

ИРИНА: Он в своей комнате в стене дырку просверлил...

БАБА ОЛЯ (*перебивает*)**:** К соседям?!

ИРИНА: Нет, там не квартира. А что — непонятно. Свет виден. Наверно, есть выход на крышу. Олик полез проверять. Думает, что там тайник.

БАБА ОЛЯ: Значит, ты уже в курсе?

ИРИНА: Конечно. Одна стучит, второй сверлит — и думают, что это незаметно...

БАБА ОЛЯ: А вдруг действительно тайник?

ИРИНА: Оля! Сто пятьдесят лет прошло! После ареста этого посланника здесь все перерыли. А потом кто тут жил? Город трех революций... Подпольщики какие-нибудь. У них тоже, наверное, не раз обыски были. Прокламации всякие, бомбы... Потом ЧК. И тоже обыскивали... По-

том НКВД. МГБ. КГБ. Наконец, БХСС. И все что-то искали. И этот старатель... Бороться и искать! Найти... и перепрятать.

Хлопает входная дверь. Слышно громкое мяуканье кота.

БАБА ОЛЯ: Кефирчик! Нашелся! (*Выбегает из гостиной.*)

Входит Олик — весь в пыли, грязи и поцарапанный.

ИРИНА: Ну? Нашел сокровище?

ОЛИК: Сокровище... Расцарапал меня... Я на крышу залез, там — вентиляционные трубы. А между ними — дыра. Вода не попадает, а пролезть можно. Большая. И мяукает в ней. Я на веревку фонарик привязал и туда опустил. Тут все перестраивали. Вот, наверное, и получился... карман.

ИРИНА: Пустой?

ОЛИК: Да. Всё в птичьем помете... Наверное, голуби залетают или вороны. Вот они и каркают, и скребутся... Вдруг чувствую — вцепился кто-то! Чуть веревку не уронил. Оказалось — Кефирчик.

Входит Баба Оля.

БАБА ОЛЯ: Бедненький!

ОЛИК: Конечно, бедненький! (*Осматривает себя.*) Перемазался весь.

БАБА ОЛЯ: Проголодался!

ОЛИК: Очень!

БАБА ОЛЯ: Третью добавку положила, — а он от миски не отходит. Он же там два дня просидел!

Олик садится на диван, закрывает лицо руками.

ОЛИК: Вам смешно, а у меня последняя надежда пропала. Больше искать негде.

ИРИНА: Олик, нельзя надеяться на чудо.

ОЛИК: Ты же надеешься, что ваших девочек замуж возьмут...

ИРИНА: Это совсем другое!

ОЛИК (*Бабе Оле*)**:** А ты на что надеешься?

БАБА ОЛЯ: На тебя. Больше не на кого.

Хлопает входная дверь, входит Сергей.

СЕРГЕЙ: Был в банке. Пытался уговорить их еще немного подождать. Не вышло. Через неделю мы должны освободить квартиру.

БАБА ОЛЯ: А как же Викины советы? Третий лишний? У банка заберут лицензию...

СЕРГЕЙ: У них контрдоводы. Мы когда кредит оформляли, наши оклады раза в три завысили. Значит, совершили подлог и мошенничество. Могут привлечь... Так что, квартиру придется освободить.

БАБА ОЛЯ: Куда же мы?..

СЕРГЕЙ: За неделю что-то снимем. А что потом — не знаю.

На сцене гаснет свет.

.....

На сцене зажигается свет. В комнате стоят чемоданы, пакеты, коробки. Светлана сидит на чемодане. Сергей заклеивает скотчем коробку.

ОЛИК: Плакат! Я должен его забрать!

ИРИНА: Да нужен он тебе! Скоро машина придет.

ОЛИК: Нужен. Эта фраза будет жить в веках.

Олик становится на стул, пытается снять лозунг. Тот прочно приклеен и не поддается. Олик дергает — и лозунг отрывается вместе с куском обоев. Олик спрыгивает со стула.

ИРИНА: Ну вот! Доигрался!

ОЛИК: Как говорил покойный дедушка? Сгорела хата — гори забор!

Баба Оля, став на цыпочки, пытается рассмотреть образовавшуюся дыру.

БАБА ОЛЯ: Что это там?

ОЛИК: Наверное, предыдущие обои. Точнее — пред-пред-пред... Я несколько слоев оборвал.

БАБА ОЛЯ: Странные какие-то...

ИРИНА (*присматривается*)**:** Цвет отвратительный.

Олик снова лезет на стул, рассматривает стену.

ОЛИК (*сдавленным голосом*)**:** Это не обои! Это... (*Заикается.*) Это д... д...

ИРИНА: Дыра.

СЕРГЕЙ: Другие обои.

СВЕТЛАНА: Ой! Кажется, это деньги!

ОЛИК: Да! Это д... д...

БАБА ОЛЯ: Опять заело!

ОЛИК: Это доллары!

Все бросаются к стенке, пытаются рассмотреть, что скрывалось под обоями, подтаскивают стулья и ящики, забираются на них. Смотрят. Замирают.

ОЛИК: Так. Спокойно. Я оторвал обои. Несколько слоев. Их клеили друг на друга. А под самыми нижними спрятали доллары. И я знаю, кто это сделал. Курьер! А вы?.. Никто! Никто мне не верил!

ИРИНА: Ты же искал золото! Устроил тут прииски...

БАБА ОЛЯ: Они приклеены?

ОЛИК: Нет, он их разложил, а снизу и сверху — марля. Сейчас...

Поддевает купюру за уголок, аккуратно снимает со стены.

ОЛИК: Отклеивается!

Все спускаются со стульев на пол и рассматривают купюру.

СВЕТЛАНА: Сотня! Какая большая, в три раза больше сегодняшних.

ИРИНА: Тысяча восемьсот шестьдесят третий год выпуска! Это уже не деньги.

ОЛИК: Мертвый президент...

БАБА ОЛЯ: Олик, ты бредишь? Кто умер?

ОЛИК: Село неасфальтированное! Так в Америке доллары называют! Странно... (*Рассматривает купюру.*) Джордж Вашингтон. А где же Франклин? Девятнадцатый век. В обменке их, конечно, не возьмут. А вот нумизматы оторвут с руками.

СВЕТЛАНА: А доллары только в том месте, где ты обои оторвал?

Олик берется за край обоев и тянет на себя.

ВСЕ (*хором*)**:** Осторожно!

Олик отрывает маленький кусочек обоев со стены.

ОЛИК: Много мертвых президентов!

Затемнение

.....

Зажигается свет.

Стена ободрана. Все сидят на стульях и чемоданах, аккуратно складывают купюры в стопочки. Ирина делает отметки в блокноте.

СВЕТЛАНА (*протягивает стопку Ирине*)**:** Еще тысяча. Всё.

ОЛИК: И у меня.

СЕРГЕЙ (*кладет перед Ириной пачку*)**:** Последняя.

Ирина делает отметки в блокноте.

ОЛИК: Ну? Сколько всего?

ИРИНА (*кричит*)**:** Ты можешь мне не мешать?! (*Всем.*) И вы тоже! Отойдите!

Все встают и нервно ходят по комнате, натыкаясь друг на друга.

ИРИНА: Всего... итого... миллион.

Все молчат. Баба Оля хватается за сердце.

БАБА ОЛЯ: Ириша, у тебя сердечного нет?

ИРИНА: Корвалол, в холодильнике.

БАБА ОЛЯ: Я им Кефирчика напоила. Чтобы он заснул и не орал, когда перевозить будем. Сережа, пожалуйста, спустись в аптеку, купи корвалол.

ОЛИК: И побольше.

Сергей выходит из комнаты.

ОЛИК: Миллион долларов. А купюр сколько?

ИРИНА: Все по сотне. Значит, десять тысяч бумажек.

СВЕТЛАНА: Если нумизматам продать хотя бы по десять баксов, то получим сто тысяч!

ИРИНА: Это, конечно, не миллион. Но выселять уже не будут.

БАБА ОЛЯ: Слава Богу!

ОЛИК: Нет, подождите! Всего десять тысяч бумажек. Значит, наших — две с половиной тысячи.

БАБА ОЛЯ: Интересно! А остальные — чьи?

ОЛИК: Государства. Это же клад, а значит, по закону...

ИРИНА (*хватает снятый со стены лозунг, разворачивает его перед Оликом*)**:** Вот! Посмотри, что здесь написано! Ты же сам говорил, что это — твое жизненное кредо!

ОЛИК: Говорил. Но я чту уголовный кодекс.

СВЕТЛАНА: Ты будешь или преступником, или идиотом.

ОЛИК: А тебе какой вариант больше нравится?

СВЕТЛАНА: Жена идиота — идиотка. Лучше нарушим закон.

ИРИНА: Правильно, Светочка.

ОЛИК: Ты!.. А я-то думал, что ты меня понимаешь!

СВЕТЛАНА: Понимаю. Мечтаешь, чтобы в газетах написали: "Студент второго курса сделал открытие"? Да?

ОЛИК: Хочу. Ну и что?

ИРИНА: А мама идиота — тоже идиотка?

Входит Сергей.

ИРИНА: Давай скорее капли. Твой сын нас в могилу загонит.

СЕРГЕЙ: Капли?

БАБА ОЛЯ: Ты корвалол купил?

СЕРГЕЙ: Нет. Я вышел — и подумал: надо точно узнать... Позвонил приятелю, который работает в банке. Он мне сказал, что доллар — он и в Африке доллар. Даже если ему сто пятьдесят лет. Потому весь мир эти бумажки и собирает, что они никогда не портятся.

СВЕТЛАНА: То есть?

СЕРГЕЙ: То есть баксы остаются баксами независимо от года выпуска. Поэтому в банке их меняют один к одному.

ИРИНА: Значит, мы можем поменять эти деньги на современные?

СЕРГЕЙ: Да.

СВЕТЛАНА: По какому курсу?

СЕРГЕЙ: Я же сказал: один к одному.

Долгая пауза.

ОЛИК: Значит, это — миллион?

СЕРГЕЙ: Да.

БАБА ОЛЯ: Настоящий миллион долларов?..

Пауза.

ИРИНА: Купим квартиру. В новом доме. Сделаем шикарный ремонт.

БАБА ОЛЯ: И дачу.

СЕРГЕЙ: Возьмем хорошую машину.

ОЛИК: И поедем в Европу.

СВЕТЛАНА: Почему в Европу? Лучше в Таиланд.

ИРИНА: Нет! Развлечения потом. Сначала надо деньги в бизнес вложить.

БАБА ОЛЯ: Купите дачу, чтобы я там сидела с маленьким, а потом делайте что хотите!

ОЛИК: Подождите! (*Пауза.*) Па, а вдруг тебя обманули? Как-то не верится... Берешь старые деньги — и меняешь на новые?

СЕРГЕЙ: Да, надо проверить. (*Берет несколько пачек, вытаскивает из каждой по купюре, протягивает Олику.*) Иди в банк. Через квартал, центральный офис, знаешь? Поменяй. Кстати, на обратном пути корвалол купишь. И шампанское.

ИРИНА: Нет! Его нельзя выпускать! Он хочет сообщить про наш клад в милицию.

ОЛИК: Уже не хочу. Я же не знал, что это настоящий миллион!

ИРИНА: Ну, слава Богу! А я думала — совсем уже! (*Стучит по стенке.*)

Олик берет у Сергея доллары, идет к выходу. Баба Оля хватает его за рукав.

БАБА ОЛЯ: Нет, подожди! Ты точно не в милицию?

ОЛИК: Баб Оль! Честное-пречестное... пионерско-миллионерское!

БАБА ОЛЯ: Поклянись!

ОЛИК: На "Капитале" Маркса?

БАБА ОЛЯ: Лучше на собственном.

На пороге появляется Изольда.

ИЗОЛЬДА: Доброе утро! (*Бабе Оле.*) Ты меня звала?

БАБА ОЛЯ (*в ужасе, Ирине*)**:** Ты что, в стенку стучала?

ИРИНА (*в ужасе, Сергею*)**:** Ты что, дверь не запер?

ИЗОЛЬДА: Да, у вас открыто. (*Смотрит на ободранную стену.*) Я

вам давно говорила, что обои надо поменять. (*Видит пачки долларов.*) Вы что — банк ограбили?.. (*Берет в руки пачку, рассматривает.*) ...сто пятьдесят лет назад.

БАБА ОЛЯ: Ты знаешь, это... это...

ИЗОЛЬДА: Я знаю, что это. Клад, который мы вместе искали. Это же раньше была одна квартира?

ОЛИК: А как вы узнали про клад?

ИЗОЛЬДА: А вы?

ОЛИК: Я реферат писал.

ИЗОЛЬДА: О продаже Аляски?

ОЛИК: Вы, значит, тоже?..

ИЗОЛЬДА: Реферат я не писала. Просто одна старушка рассказала, что об этом доме легенды ходят. Что жил здесь кто-то богатый, потом стрельба была, деньги в его квартире искали, но так и не нашли. Потом другая клиентка была. Та в архиве работала. И она уже мне про этот дом конкретно рассказала, с адресом. А я как раз квартиру купить хотела. И смотрю в объявлении — знакомый адрес. И номер квартиры с учетом разделения — совпадает. Вот я ее и купила.

ИРИНА: Поэтому вы ремонт сами делали? Полы снимали, обои сдирали... Думали, что деньги на вашей половине?

ИЗОЛЬДА: Думала. Но на всякий случай готовилась вашу квартиру купить. Когда вы разведетесь.

ИРИНА: С чего это нам разводиться?

БАБА ОЛЯ: Она знала, что вы скандалите. Слышала, через стенку. А потом мне посоветовала девушку пригласить.

ОЛИК: Какая еще девушка?

БАБА ОЛЯ (*опять хватается за сердце*)**:** Олик! Я тебя умоляю — сходи в аптеку!

ОЛИК: Мне же интересно, как все было! Я что — не могу знать? Да если бы не я!..

ИРИНА: Олик! Я тебя прошу!

Олик уходит, хлопнув дверью.

БАБА ОЛЯ (*Изольде*)**:** Значит, ты нам специально куртизанку посоветовала?!

ИЗОЛЬДА: Думала придать процессу ускорение. А у вас почему-то не сработало.

ИРИНА: Мы можем вам только посочувствовать. Столько стараний — и все даром.

ИЗОЛЬДА: Почему же даром? Вы со мной поделитесь. (*Кивает на деньги.*)

ИРИНА: С какой стати?

ИЗОЛЬДА (*мило улыбается*)**:** Так, по-соседски. (*Серьезно.*) Потому что у вас нет выхода. Если я не получу свою долю, то заявлю в милицию.

СВЕТЛАНА: Заявляйте! Эти деньги все равно ничего не стоят. Старые бумажки — и всё!

ИЗОЛЬДА: Тогда я звоню ноль-два. (*Достает мобильник.*) Раз это просто бумажки — вам не будет жалко отдать государству три четверти. (*Набирает номер.*)

ВСЕ (*хором*)**:** Нет!

ИЗОЛЬДА: Понятно. (*Прячет мобильный.*) Так что — договоримся?

БАБА ОЛЯ: Попробуем. Сколько ты хочешь?

ИЗОЛЬДА: Половину.

ИРИНА: Сколько?!

СЕРГЕЙ: Почему?

ИЗОЛЬДА: Потому что эту квартиру когда-то поделили пополам. И шансы у нас с вами были — пятьдесят на пятьдесят.

БАБА ОЛЯ: При чем здесь шансы? Во-первых, клад нашли мы. Во-вторых, ты одна, а нас сколько? Если делить, то по головам.

ИРИНА: Да почему мы вообще должны ей что-то отдавать?!

СЕРГЕЙ (*Ирине, негромко*)**:** Ира, боюсь, у нас нет выбора.

БАБА ОЛЯ: Изольда! О половине не может быть и речи.

ИЗОЛЬДА: Тогда я — в милицию.

ИРИНА: Идите! Мы получим двести пятьдесят тысяч. А вы — ни копейки.

ИЗОЛЬДА: А если пополам — то вам достанется полмиллиона. В два раза больше.

ИРИНА: Да. Но тут дело принципа. На половину мы не согласны.

БАБА ОЛЯ: Ирочка права. Изольда, давай по-честному! Ты одна, а нас пятеро.

СВЕТЛАНА (*показывает на свой живот*)**:** Шестеро!

ИРИНА: Мама вот-вот приедет! Ее тоже надо учитывать. Так что — семеро.

ИЗОЛЬДА: Во-первых, мама ваша еще в Америке. Будущих младенцев тоже считать не будем. А то вы мне скажете, что тройню ждете. (*Светлане.*) Кстати, ты с Оликом вообще не расписана.

СВЕТЛАНА: Мы женимся! Через... неделю.

ИЗОЛЬДА: А деньги мы делим сегодня. (*Бабе Оле.*) Так что, вас — четверо. И я. Получается, по двадцать процентов каждому. Мои — двести тысяч. Так я еще согласна.

СВЕТЛАНА: Двести тысяч! Ужас! За что? За то, что подслушивала?

Входит Олик.

СВЕТЛАНА: Олик! Эта аферистка требует деньги!

ОЛИК (*хмуро*)**:** Да пожалуйста! (*Берет, не считая, несколько пачек, протягивает Изольде.*) Берите.

СВЕТЛАНА: Ты что? С ума сошел?

Баба Оля стонет, схватившись за сердце.

БАБА ОЛЯ: Дай мне лекарство!

ОЛИК: Я его не купил.

ИРИНА: Почему?

ОЛИК: У меня нет денег.

СЕРГЕЙ: Я же тебе сказал — поменяй. Ты что — не был в банке?

ОЛИК: Был. Они фальшивые.

СЕРГЕЙ: Как?

ОЛИК: Очень просто. (*Достает из кармана купюру.*) Вот в этом месте должен быть узорчик. А здесь — звездочка.

ИРИНА: А другие купюры?

ОЛИК: Они все одинаковые.

БАБА ОЛЯ: Не может быть!

ОЛИК: Почему — не может? Тогда тоже фальшивомонетчики были. Кто знает, как они там, в русской колонии, деньги собирали? Может, им специально эти подсунули, чтобы Аляску все-таки продали?

ИЗОЛЬДА: Я не верю. Ты все выдумываешь, чтобы я деньги не взяла!

ОЛИК: Я же сказал — пожалуйста! (*Протягивает ей пачки.*) Берите больше.

Изольда недоверчиво смотрит на него, берет несколько пачек, выходит.

ОЛИК (*задумчиво*)**:** А с другой стороны — как-то легче стало. Не надо сочинять, откуда у нас деньги появились... Теперь буду спать спокойно.

СВЕТЛАНА: А этого... посланника, который деньги спрятал, даже жалко. Старался, через полмира их тащил, — а все зря. И сам погиб, и Аляску продали, и деньги ненастоящие...

ИРИНА: Что теперь с ними делать?

ОЛИК: Стенку заклеить. Вместо обоев.

СЕРГЕЙ: Зачем? Все равно съезжаем.

СВЕТЛАНА (*пинает пачки*)**:** Выброси. В мусорник.

БАБА ОЛЯ: Не надо. Бомжи друг друга поубивают.

ОЛИК: Нет, подождите! Все-таки я научную работу пишу на эту тему. И дело курьера было на самом деле! Я в университетскую многотиражку сообщу, они корреспондента пришлют, стенку сфотографируют. А деньги сдадим в музей криминалистики. Пакет свободный есть?

БАБА ОЛЯ: Только для мусора.

ОЛИК: Давай!

Баба Оля дает ему полиэтиленовый пакет, Олик складывает туда деньги.

Раздается звонок в дверь.

СЕРГЕЙ: Машина приехала? Нет, еще рано.

ОЛИК: Не открывай! Это за мной пришли! Наверное, из банка милицию вызвали. Теперь посадят — за сбыт фальшивых денег.

Звонок повторяется.

БАБА ОЛЯ: А может, Изольда в милицию позвонила?

ОЛИК: Все равно посадят.

СВЕТЛАНА: За что?!

ОЛИК: За то, что скрыл от государства клад. Ротшильд хренов.

СЕРГЕЙ: Если что — я во всем виноват. Пусть меня сажают!

ИРИНА: Нет! (*Бросается ему на шею.*)

Две пары — Олик со Светланой и Ирина с Сергеем — обнимаются и целуются.

В дверь трезвонят. Баба Оля выходит из комнаты. Слышно, как она громко спрашивает: "Кто там?". Возвращается с почтальоншей.

ПОЧТАЛЬОНША: Ирина Алексеевна?

ИРИНА: Это я.

ПОЧТАЛЬОНША: Распишитесь. (*Протягивает Ирине тетрадь.*)

ИРИНА: Это повестка?

ПОЧТАЛЬОНША: Нет, телеграмма. Международная.

ИРИНА: Мама приезжает...

БАБА ОЛЯ: Все наши неприятности из Америки!

ПОЧТАЛЬОНША: И кризис из-за них. Жили себе, богатели... А тут — опа, Стёпа!

Сергей достает бумажник, протягивает Почтальонше деньги.

СЕРГЕЙ: Возьмите, пожалуйста.

ПОЧТАЛЬОНША: Спасибо. (*Уходит.*)

Ирина разворачивает телеграмму. Молча читает. Хватается за сердце.

БАБА ОЛЯ: Олик, в конце концов, ты можешь сходить за корвалолом?!

СЕРГЕЙ: Когда встречать?

Ирина, вытаращив глаза, опускается на чемодан. Олик подскакивает к ней, вынимает из рук телеграмму, читает.

ОЛИК: "Джек-пот. На ваши дни рождения. Налоги зверские. На руки получу два миллиона. Один — вам. Каждому — по двести тысяч. Жду в гости. Будете ехать — привезите корвалол. Здесь нету. Бестолковая страна".

СВЕТЛАНА: Ой. А мне дадут?.. У меня же день рождения тринадцатого, а не четырнадцатого...

СЕРГЕЙ: Не переживай. Зося проверять не будет. Но на всякий случай дату рождения изменим. У меня паспортистка знакомая.

БАБА ОЛЯ (*берет телеграмму, читает*)**:** Ты смотри! Два туза — и оба козырные. Вот и верь после этого гадалкам.

Все смеются, обнимаются, кричат "Ура!".

Одесса, июль 2009 г.

Ирина ЕГОРОВА, Гертруда ПОЛЬДЖИГИНА

"Не спи, не спи, художник..."
Воспоминания о Юрии Егорове

Чем дальше живешь, тем больше начинаешь ценить приметы времени, живые, черновые, сиюминутные. Смешные, не парадные подробности, которые в процессе жизни кажутся такими незначительными, необязательными, случайными. А именно в них и прячется настоящий аромат жизни, и именно из них выглядываем настоящие мы и настоящие те, кто живет или жили рядом, родные люди — неправильные, но такие любимые.

Вот, наконец-то удалось выкроить немного времени, чтобы никуда не бежать, а просто посидеть за столом с мамой, повспоминать.

— А как вы с папой познакомились?

— Ко мне домой пришла целая делегация, и моя приятельница сказала, что "один старательный художник" хочет написать мой портрет. Я так удивилась и подумала — это что же, значит, я такая красивая?..

— А где он тебя увидел, когда захотел тебя написать?

— Накануне мы целой компанией ходили слушать симфонический концерт. Это был какой-то небольшой зал рядом с Русским театром. Обычно такие концерты идут без антрактов, а тут почему-то был антракт. Юра сидел в самом дальнем углу, мы почему-то подошли к нему, и он рассказывал анекдоты, которые меня ужасно удивили.

— Чем же? Какие?

— Ну, например: из зоопарка выгнали жирафа — за конструктивизм, попугая — за импрессионизм, и обезьяну — за плагиат.

— А что тебя так удивило?

— Ну, в Одессе обычно рассказывали анекдоты про евреев, а он — про жирафа с попугаем. Потом мне объяснили, что он приехал из Северной столицы — Юра учился тогда в ленинградской Академии.

— То есть он тебя сразу впечатлил?

— Нет, я на него как-то не очень обратила внимание. Он был очень плохо одет, казался таким худым, длинная шея торчала. А за мной тогда все так ухаживали. После концерта кто-то помогал мне надеть шубку, кто-то шапочку, а Юра помогал застегнуть ботики.

— Значит, когда пришла эта делегация, ты уже понимала, о каком художнике речь?

— Нет, я как-то сразу о нем не подумала. Да, а когда мне его отрекомен-

довали, то сказали еще, что он — сын Николая Егорова. Я так удивилась — Николай Егоров же еще молодой человек, и у него такой взрослый сын, который уже учится в Академии?

— Так ты тогда знала Николая Егорова?

— Конечно, он был знаменитым в Одессе солистом балета. И преподавал. А одна из моих подружек танцевала в "Спящей красавице" партию маленькой красавицы, она лично знала Николая Егорова и очень этим гордилась.

— Ну, так что было дальше?

— Так вот, после таких рекомендаций приходит Юра. Но когда он вошел в комнату, Марфута была им очень недовольна.

— Это домработница?

— Да, я же выросла с домработницами — мама всегда работала, день и ночь. Так вот, у Юры были какие-то очень старые брюки, обтрепанные, с бахромой, образовавшейся от времени. А зима в Одессе, как ты знаешь, слякотная, и от этой бахромы на натертом паркете образовался мокрый след. Конечно, Марфуту это не обрадовало.

— А ты говорила, что папа ходил иногда в дедушкиных балетных тапочках.

— Да, но это бывало летом, когда было сухо — он надевал балетные тапочки своего папы.

Ну вот. А потом Юра попросил меня показать все мои одеяния. А одеяний-то особенных и не было. То, что мне казалось самым нарядным, он тут же забраковал и выбрал красную кофточку с широким рукавом. На следующий день пришел с мольбертом и большим холстом, начал писать.

— А где сейчас этот портрет?

— Не знаю, куда он девался. Но пока он меня писал, Марфута все негодовала, какой он худой, все время хотела его кормить.

— Ну, так пусть бы и кормила.

— Она так и делала. Поставит на стол кастрюлю только что сваренного борща или супа и говорит: "Спасибі товаришу Сталіну, шо він приготував нам обід!". Юрка был в восторге.

Но все равно она высказывала мне потом: "І шо це за кавалер? Він же такий хліпкий! Ось я б його як взяла б під силу!" — и показывала, как она бы его запросто подняла и бросила.

— А она была толстая?

— Ну, такая кряжистая, крепкая. Так я как-то Юре рассказала, что она

говорит. Юра подошел к ней и говорит: "Марфута! Так ты можешь меня взять "під силу!"?". Потом как схватил ее, поднял в воздух — только трикошки голубые сверкнули в вышине, и раз — она оказалась на тахте. После этого Марфута его очень зауважала.

— А помнишь, когда мы жили уже в Доме художников на Чкалова, папа как-то рассказывал, что после художественного совета он зашел в гастроном у нас под домом, а там к кому-то из художников пристали какие-то алкаши-хулиганы. Папа увидел, что завязалась драка, и поспешил к своим на помощь. Ударил одного — тот почему-то улетел куда-то далеко, как в кино. Ударил другого — тот тоже отправился в полет. Остальные разбежались. Так на следующий день обидчики каким-то образом узнали, что подрались с художниками, и пришли в Союз извиняться, а заодно выяснить фамилию художника, который еще и мастер спорта по боксу. Папа очень смеялся, потому что до этого никогда в драках не участвовал и просто не имел возможности измерить силу своего удара.

— Да, это было.

— Ну, ладно, а потом, дальше как все разворачивалось?

— Потом Юра как-то пригласил меня с подружкой Надей посмотреть, как он зимой купается в море. Он тогда закалялся. Мы пришли на пляж, Юра разделся до плавок и пошел купаться. А мы с Надькой просто обалдели — он был так красиво сложен... Он был такой красивый, что просто невозможно было себе представить. Казалось, что это принц, нарочно переодетый в костюм нищего.

И еще, когда я впервые пришла к Юре домой, в коммуналку, я увидела там его автопортрет в костюме принца, в берете с пером.

— А откуда у него взялся этот костюм?

— Наверное, театральный. Но еще меня поразило, в какой бедности живут артисты.

— А бабушка Нина тоже была известной?

— Ну, меньше, чем Николай Петрович.

— А я когда-то давно, когда репетировала Джульетту у Александра Демидова (создателя первого в Москве и в СССР эротического театра), обмолвилась, что мои дедушка и бабушка — Николай Егоров и Нина Беленькая. Так Демидов пришел в неописуемый восторг — оказывается, он вырос в Одессе, обожал балет, знал все их танцевальные партии. И сказал, что Нина Беленькая была прекрасной характерной танцовщицей.

— Да, она была хорошей балериной, и даже поначалу учила дедушку. Но Николай был более знаменит.

— А ты пришла к ним, когда вы с папой уже решили пожениться?

— Нет, мы часто куда-нибудь ходили вместе — он же за мной ухаживал. Правда, иногда идем мы вместе, а Юра вдруг задумается и забывает, что я рядом, уходит вперед, все дальше, дальше, а я — отстаю...

— А потом?

— Потом вдруг вспоминает, начинает меня искать.

— А когда находит?..

— Так радуется!

— А ты к этому — как?..

— Мне это очень нравилось, и было так удивительно... Все, кто за мной ухаживали, всегда были так внимательны, предупредительны, буквально на руках носили... А он вдруг мог так сильно задуматься о чем-то своем...

— А тот маленький портретик акварелью, где ты в профиль, — это папа тогда же нарисовал?

— Нет, это уже в Ленинграде, когда мы поженились, и я к нему приезжала. Мы жили тогда на Невском, и к нам часто приходил Илья Глазунов.

— А почему?

— Они с Юрой вместе учились в Академии, дружили. Кстати, в Илье тоже было что-то от замаскированного принца.

— А как папа сделал тебе предложение?

— Сказал: "Выходи за меня замуж".

— А ты?

— Я сказала: "Хорошо, только надо маме сказать". Юра говорит: "Ну, пошли". А мама тогда лежала в больнице, тут же, неподалеку, на Бебеля, 14. Что-то у нее было со спиной, ей делали какую-то атаку.

Мы с Юрой пришли, сказали. Она так рассвирепела! "Как! Я тут лежу, а вы!.. Сейчас такая жизнь! Как вы можете?" Стала на нас кричать. Мы совершенно не ожидали. Юра был потрясен: "Ведь родители благословляют детей даже на смертном одре...".

— А сколько тебе было лет?

— Года двадцать два. Я была на пятом курсе.

— А почему же она вдруг так?..

— Наверное, ей просто не нравился Юра. Она считала, что все — на ее шею. "Вот, еще и дети пойдут — и все на мою шею!" А за мной еще ухаживали многие, и в любви признавались, и предложение делали. Бабушка, наверное, надеялась, что я выберу кого-то посолиднее, понадежнее...

— Ну, и как же вы?

— Ушли не солоно хлебавши. Это было летом. Потом Юра поехал

в Ленинград учиться дальше. А потом, уже зимой, он был в Одессе, и мама уехала куда-то в командировку. Мы с Юрой были в какой-то компании. Он пошел меня провожать, зашел к нам. Он стал ко мне приставать.

— А раньше что — не приставал?

— Приставал. Ну, а тут он как-то уж совсем сильно... Мы боролись-боролись, а потом я говорю: "Ну, раз так, пойдем в комнату, я постелю нормально".

— Это было — в первый раз?

— Да, в первый. Я постелила на тахте крахмальные простыни... Юра такого вообще не понимал — он об них себе все локти стер...

А наутро вдруг вернулась мама... и видит такую картину! Как она раскричалась: "Ах, вы так! Тогда немедленно регистрироваться!". И тут же она как-то все оформила, в этот же день. Она же была заведующей ЗАГСа. Так к нам, по-моему, пришла на дом какая-то сотрудница с книгой записей.

— Так вы что — даже в ЗАГСе не были?

— Нет, она нас не пустила, видно, боялась, что Юра убежит по дороге.

— А папа как к этому отнесся?

— Он был очень доволен. Он, собственно, это давно предлагал, а мама не соглашалась!.. Ну вот, потом пришла Марфута, еще зашел еще один знакомый. И мы сели таким маленьким составом, отметили нашу свадьбу.

А вскоре Юре нужно было уезжать в Ленинград — в Академию. Я так расстраивалась, говорила: "Так что же, раз я теперь замужем, я не смогу ходить во все компании?..". А Юра говорил: "Вот и хорошо!".

— А ты хотела, чтобы за тобой продолжали ухаживать?

— Ну, наверное... За мной тогда ухаживал один парень — он был такой красивый, высокий... Он был старше нас — уже работал. Правда, мне за него замуж все равно почему-то не хотелось. А на какой-то Новый год другой молодой человек начал объясняться мне в любви... вдруг заплакал, стал говорить: "Ну, конечно, что я могу тебе дать?.. Я простой... Тебя же нужно так обеспечивать!". Мне было так странно. Он мне совсем не нравился... но непонятно, почему вдруг он решил, что меня нужно "так обеспечивать"?

— Ну, так папа уехал, а потом ты приехала к нему в Ленинград?

— Нет, в Ленинград я поехала позже. Сначала я доучивалась в Одессе и посылала Юре свою стипендию. Мама была страшно недовольна: "Вот! Муж называется!".

— Но вы же тогда хорошо жили?

— Да! Ну, если у нас все время были домработницы!.. Мама тогда очень хорошо получала. У нас недостатка ни в чем не было. А Юра просто бедствовал, жил впроголодь, стипендия была мизерная.

А после Водного института меня распределили в Клайпеду. А поехав туда, я стала просить, чтобы меня послали работать в ленинградский порт, поближе к мужу. Так я приехала в Ленинград.

В Ленинграде мы сначала жили у маминой подруги. Потом мама стала присылать деньги, и мы могли снимать комнату. Но как-то нам с этим не везло, и мы часто переезжали с квартиры на квартиру.

Юра стал водить меня к своим друзьям, знакомить со всеми. У него был друг намного старше его (лет сорока), с женой. Они потом выражали Юре свои восторги по поводу меня и сказали: "Ну, у тебя такая жена! Ей нужна соответствующая оправа!". И вообще, все друзья в один голос говорили: "Юра! Такую женщину — как же нужно обеспечивать!".

И чего они все решили, что меня нужно как-то так уж обеспечивать? Никогда мне не была нужна какая-то особая "оправа".

— А Саша Ацманчук к тебе как-то особенно относился?

— Да. Вера всегда говорила, что Саша в меня влюблен, и при Юре. А когда Саша умирал, Вера пришла ко мне и умоляла, чтобы я пошла к нему в больницу, сказала, что он очень этого хочет. Я тогда не знала, что все так серьезно. В больнице я села рядом, а он взял меня за руку и стал рассказывать, как он меня впервые увидел... много об этом говорил, не выпускал мою руку...

А однажды, еще давно, после Юриной болезни — он тогда только вышел из больницы, к нам вдруг пришли Вера с Сашей и пригласили к себе — посмотреть Сашин этюд. Мы пришли, смотрим, а на этюде — земной шар, а по обеим сторонам — обнаженные фигуры: слева я, а справа — Юра. Причем абсолютно похожие. Юра обалдел: "Ты что, ему позировала?". Я говорю: "Я вообще никому, кроме тебя, не позировала". Юра: "Точно?". Я: "А ты — что, ему позировал?" — "Нет". Вообще, непонятно, как он мог так подробно и точно написать.

А еще раньше Саша тоже позвал нас посмотреть этюд, где были двое целующихся на лодке, — такой страстный поцелуй, казалось, они вот-вот перевернутся, даже страшно за них было, так девушка вполоборота — точно я, один к одному.

— Ну, а папа как?

— Ему очень понравилось, он сказал: "Отличный этюд!".

Сколько себя помню — всегда, несмотря на развод, мама относится к папе тепло и с любовью, ходит к нему на выставки, бывает в мастерской. Собственно, они всю жизнь были связаны душевно и питали друг к другу интерес. Папа тоже частенько приходил не только к нам, детям, но и к маме — просто пообщаться. А когда мама защищала диссертацию, был у нее на защите и оценил ее выступление. И сейчас мама, вспоминая о папе, преображается, молодеет, светлеет лицом.

Каждый год, приезжая в Одессу, я бывала у папы на даче, на Бугазе. Как-то мы сидели, разговаривали о театре, о кино. И папа сказал:

— Я вообще не понимаю, как режиссерам удается работать. Ведь у них краски — это актеры. И насколько я понимаю, каждый норовит выпендриваться, выражать недовольство, доказывать что-то свое... Да если бы мне какая-нибудь краска сказала: "А я не хочу так ложиться, я хочу эдак!"... Да я бы ее!..

И тут его коронное выражение лица и жест, которые не оставляли сомнений в том, что такой краске действительно не поздоровилось бы.

Вообще, папа писал всегда с каким-то остервенением. Сначала смотрел на натуру очень цепким взглядом, фокусировал, что-то прикидывал, корректировал, менял. Потом внутри, где-то глубже, за глазами, происходило что-то вроде щелчка. Тогда он жадно набрасывался на холст, очень собранно, но как бы боясь не успеть, упустить что-то чрезвычайно важное. Потом напряжение только росло и росло. Он яростно месил краски на палитре, впивался кисточками в холст, а глазами — в натуру. В эти периоды нельзя было и думать пошевелиться, попросить отдохнуть — папа зверел и ругался. Позже, когда ему уже удавалось зафиксировать это впечатление, он милостиво позволял отдохнуть — говоря что-нибудь вроде: "Ладно, можешь купнуться". Все это происходило, как правило, на палящем солнце, где-нибудь у моря или лимана, куда он притаскивал на себе кроме тяжеленного мольберта, как правило, большущий холст, который в ветреную погоду кроме тяжести обладал еще огромной парусностью.

Однажды, не помню, кто из знакомых или родных посочувствовал папе, что ему приходится тратить на живопись столько сил. И нельзя ли, дескать, писать спокойно где-нибудь в мастерской? На что папа довольно раздраженно ответил, что он бы тоже не возражал, если бы картины появлялись оттого, что просто, к примеру, дунешь в воздух — и вот тебе: картина готова. "Я тогда бы только и делал, что сидел и дул, так — фух, фух, фух!.. Только, к сожалению, от этого картины не появляются! Поэтому приходится таскаться с холстами и часами писать на солнцепеке".

Еще он терпеть не мог, когда кто-то становился за спиной и смотрел,

как он пишет, да еще, не дай бог, пытался давать советы или комментировать. Папа недолгое время молча накалялся, давая возможность любопытствующему уйти добровольно. А потом так на него рявкал, что беднягу сдувало могучим ураганом и, думаю, навечно отбивало всякий интерес ко всему, связанному с живописью.

Про халтуру он говорил, что написать какой-нибудь портрет вождя — это все равно, что выпить стакан яду. Но зато можно потом, очухавшись, несколько месяцев писать то, что хочешь.

А в 2007 году был забавный случай. У нас с папой была договоренность, что если я уходила на море, то ключ от калитки должна была закопать в песок в условленном месте. Я так и сделала. Прихожу с моря — все перекопано, а замок на воротах висит закрытый. Я перепугалась, думаю: кто-то чужой увидел, выкопал ключ и унес — что делать? Стала рыть песок — нахожу ключ прямо рядом с очагом раскопок. Только хотела открыть замок — из глубины садика выходит папа, негодует: "Мы же договаривались не брать ключ на море, а закапывать!". Оправдываюсь: "Я закопала! Вот тут, как договорились, на два сантиметра левее, чем ты копал...". Папа ничего не хочет слушать и продолжает меня отчитывать: "Я должен в 80 лет через забор лазить!". Я посмотрела на высоту забора и подумала: "Ничего себе у меня папочка! И вправду, в 80 лет (даже в 81) преодолевать такие препятствия!". И хотя оправдаться мне так и не удалось, но я тихо за него порадовалась.

Мысли снова и снова соскальзывают нечаянно на одну и ту же бороздку: такая недавняя встреча — сентябрь 2008 года, папина мастерская, чай с печеньем, запах красок, его новые издания — красивые, с репродукциями, со статьями на разных языках, разговор о бессоннице. У папы пожизненная бессонница: "Последний раз я спал нормально только в армии. Там я спал как убитый. Там помнишь только "отбой!" и тут же — "подъем!". Как будто секунда прошла. И возвращаешься откуда-то, как с того света. А как только начал всерьез заниматься живописью, сон ушел".

А через месяц — поезд... цветы, черные ленты, венки, прощанье, слова...

И каждый раз как бы очнувшись, пытаюсь ухватиться за чай, запах красок, разговор... И каждый раз натыкаюсь на жесткую ясность: если было то, другое, то разговоров и чая с папой уже не будет. Совсем. Никогда. Не будет ни в его мастерской, ни на Бугазе, ни у него дома — нигде.

Да... всю жизнь у него для сна не оставалось места — сон забегал воровато на пару часов в самое разное время суток, а потом бесследно испарялся.

Но если представить на минуточку, что вся та энергия, которая ломится из его картин, до этого находится внутри человека и, распирая, требует выхода, выплеска, извержения, чтобы не взорваться, то совершенно ясно, что спать с таким вулканом внутри весьма и весьма проблематично. И понятным становится его пренебрежение к бытовым проблемам, и частенько нетерпение к людям, разговорам и ситуациям, отнимающим такое драгоценное, такое концентрированное и многоцветное время — на ерунду. И невольно вспоминаются строчки:

"Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну.
Ты — вечности заложник,
У времени в плену".

Ирина ЕГОРОВА

Памяти папы

В прищуре взгляда между скул
Жизнь билась в ритме сумасшедшем,
Спать не давая... но уснул —
И время сделалось — прошедшим.

Палящей страсти к красоте
Был предан, как фанатик — вере,
Прикован к краскам на холсте,
Как каторжник — к своей галере.

.....
Смерть раскрывает капюшон, но...
Стенать довольно... все — не сметь...
Я ненавижу завершенность,
Я ненавижу слово "смерть"!

Пока тебя трясли, как грушу...
Покуда метили — "на сруб",
Мне выкорчевывало душу,
Как будто изболевший зуб.

Неужто — всё?.. свершилось это...
Что — невозможно не уйти?..

Но жарит исступленным светом
Полдневный зной твоих картин.

.....
Несется поезд на закат,
Ревет, как бык в момент корриды.
А в мой уставившийся взгляд
Дорога скармливает виды.
Вот, огибает лес сторонкой —
Деревья, озеро, поля...
Зияет полою воронкой
В моей груди — моя земля.

.....
Ты мне оставил это детство,—
Все набекрень, все колесом...
И драгоценное наследство —
Наборы ген и хромосом.

Но сколько мыслями ни мешкай,
Силки душе уж не совьешь...
Ты, с саркастической усмешкой —
В прошедшем времени живешь.

Москва
Октябрь-ноябрь 2008

Феликс КОХРИХТ

Но музыка уже слышна...

Художники, как правило, не очень-то любят, когда источник их творческой манеры ищут в других видах искусства, особенно — в литературе. Их резоны понятны: каждый настоящий мастер — самодостаточен. И с этим не поспоришь. Но все же, как непреложно справедлив постулат: "Все мы родом из детства", так и закономерен, на мой взгляд, поиск силового поля, в котором сформировались и мировоззрение художника, и выбор им стиля, технологий, профессиональных приемов.

При первом знакомстве с работами Оксаны Спиндовской-Паламарь я сразу же вспомнил о городе золотом, где гуляют "животные невиданной красы", но затем все громче, заглушая современного барда, зазвучали голоса выдающихся поэтов начала 20 века, которых объединяет исключительное понимание единства всего сущего на Земле, преклонение перед Природой и ее воплощениями.

Если Николай Гумилев воспевал в своих дивных романтических стихах диких зверей, населяющих саванну Африки: "на озере Чад изысканный бродит жираф", то Николай Заболоцкий посвятил незабываемые строки тем, кто рядом с нами, под одними знаками Зодиака: "спит животное собака, дремлет птица воробей".

Одна из самых пронзительных работ Оксаны, "Птица-Соловей", изображает вовсе не пернатое из соответствующего птичьего семейства, а трепетное и вдохновенное создание из рода Поэтов, провозглашающее то ли с пьедестала, то ли с табуретки: "Я песню прочитал и унесся с ветром... В дороге многое узнал и песню переделал эту". И под стихами, и на холсте — подпись автора: Оксана Спиндовская-Паламарь.

Соловушка облачен Природой в скромный наряд и не блещет опереньем, зато розовые фламинго и грациозные (невзирая на некоторую громоздкость) пеликаны словно созданы для того, чтобы позировать художникам. Для Оксана они — не только модели для демонстрации мастерства в изображении утонченной и экзотической натуры, но и метафора. Знак и Гармонии, и Беды: вспомним, что в сюжетах с чудо-птицами то и дело появляется Стрела, а значит, где-то рядом и Тот (или Та), кто только что спустил тетиву...

Впрочем, скорее всего, их вовсе и нет в мире, населенном воображением художника. Здесь щуки справляют свой день рождения, а коты ходят с хозяевами на рыбалку, более схожую с философскими посиделками на берегу.

А если кто из "двуногих" и встретится нам в границах ее Ойкумены (пространства, населенного разумными существами, — так у эллинов), то учтивые всадники, а более всего — пленительные девушки, то дремлющие в предчувствии рассвета, то охорашивающиеся после него...

И еще один великий поэт вспомнился мне в мастерской Оксаны — Александр Пушкин: "Да здравствуют юные девы и юные жены, любившие нас!". И еще — Владимир Набоков: все барышни на ее холстах — немного Лолиты, хотя, судя по всему, и не помышляют об обольщении повидавших жизнь журналистов. В них — в их абрисах и пластике — нет ничего подчеркнуто эротического, и "конкретно" чувственного, но порой линия, не доведенная до логического конца, говорит чуткому воображению больше, чем стереоскопическая анатомия...

Эти заметки не претендуют на академичность. Она — удел профессиональных искусствоведов, которые, уверен, всерьез займутся осмыслением творчества Спиндовской-Паламарь и таки найдут компетентное научное объяснение особенностей ее стиля, и найдут его истоки.

Я же, завершая свои размышления, назову работу, более всего близкую мне, — "Билли Холидей перед концертом". Великая джазовая певица положила черную руку в белой перчатке на черный телефон. Она ждет звонка, хотя пора выходить на сцену. Лицо Билли не прописано, как у большинства героинь Оксаны. Но музыка уже слышна...

Аркадий ЛЬВОВ

Письмо, не полученное адресатом

Прага, старое еврейское кладбище на Ольшанах. На сером камне, напоминающем поставленный стоймя гроб, начертаны имена Франца Кафки, его отца Германа Кафки и матери Юлии, урожденной Лёви. Отец и мать пережили сына, своего первенца, и во мне отчетливо звучат слова, которые много лет назад я прочитал в "Конармии" Бабеля, в новелле "Кладбище в Козине": "О смерть, о корыстолюбец, о жадный вор, отчего ты не пожалел нас хотя бы однажды?".

У Германа и Юлии было кроме Франца, первенца, еще двое сыновей, оба они умерли в младенчестве. В последующие годы в семье родились три девочки — Элли, Оттла и Валли, — но мальчиков больше не было: Франц остался единственным сыном.

Единственный сын — это единственный сын, тем более для такого отца, как Герман Кафка, который сам, своими силами, должен был выбиваться в люди, неся на себе с отроческих лет бремя местечкового наследия с его вековыми, точнее, средневековыми традициями и нравами.

И вот произошло нечто непостижимое, произошло фатальное, роковое: оба — и отец, и сын его, первенец, — хотели, чтобы было хорошо, а получилось наоборот — плохо. Прожив почти всю свою жизнь в доме отца, не покидая его, отчего своего дома, Франц Кафка стал тем, что в библейской традиции именуется "блудным сыном". Но блудным сыном из числа тех, кто хоть и не исключает возвращения в отчий дом, но на деле все более удаляется от него, и так до последнего дня своего, до гробовой доски. У Франца и Германа так буквально и произошло: в отчий дом привезли уже тело блудного сына.

Когда это началось: противостояние сына и отца, нескончаемая война между двумя самыми близкими людьми, которые хотели любить друг друга, которые не раз и не два порывались открыть и сердца свои, и объятия, и сказать один другому: я люблю тебя, отец! я люблю тебя, сын! — но вместо этого уподоблялись врагам, ненавистникам, у которых языки, когда они обращались один к одному, превращались в жала?

Жан Пиаже, основатель экспериментальной психологии, был, кажется, первым среди психологов, кто поставил под сомнение ходячее представление, что ребенок — это тот же взрослый человек, только малый годами. Нет, сказал Пиаже, видение ребенка столь отличается от видения взрослого человека, что уместно говорить о двух принципиально различных видениях.

Франц Кафка
Письмо к отцу

Мир ребенка — это не просто мир человека, малого годами. Это иной мир, абсолютно отличный, со своими психофизическими законами, измерениями и своими ценностями, которые не просто отличны от измерений и ценностей взрослого человека, но во многом исключают их или, если ребенок пытается определить их по своей психологической шкале, внушают ему непреодолимый ужас и страх, которые сохраняются на всю жизнь.

Писатель — это человек, который хорошо помнит свое детство. "Мы все вышли из страны своего детства", — сказал Сент-Экзюпери.

И вот, все еще не в силах преодолеть своего детского страха перед отцом, Франц, доктор права Франц Кафка, на тридцать седьмом году жизни пишет в "Письме к отцу": "Непосредственно мне вспоминается лишь одно происшествие из ранних лет. Может быть, Ты тоже помнишь его. Однажды ночью я все время скулил, прося воды, наверняка не потому, что хотел пить, а, вероятно, отчасти чтобы позлить вас, а отчасти чтобы развлечься". Отец, намытарившись за день в своей лавке, где провел шестнадцать часов, естественно, нуждался в отдыхе, просил поначалу сына угомониться, а потом, когда уговоры не помогли, перешел к угрозам, но и угрозы не помогли, и тогда "Ты вынул меня из постели, — напомнил Франц, — вынес на балкон и оставил там на некоторое время одного, в рубашке, перед запертой дверью".

Правильно или неправильно поступил отец, Герман Кафка? По словам Франца, он не хочет сказать, что это было неправильно, — "возможно, другим путем тогда среди ночи нельзя было добиться покоя", — но, независимо от намерений отца, сыну был нанесен "внутренний ущерб". "По своему складу я никогда не мог установить правильной связи между совершенно непонятной для меня бессмысленной просьбой о воде и неописуемым ужасом, испытанным при выдворении из комнаты. Спустя годы я все еще страдал от мучительного представления, что огромный мужчина, мой

отец, высшая инстанция, может почти без всякой причины ночью подойти ко мне, вытащить из постели и вынести на балкон — вот, значит, каким ничтожеством я был для него".

Думаю, не всякий сделал бы в подобной ситуации такое же заключение: вот какое я ничтожество для отца, если отец мог в наказание за бессмысленный скулеж среди ночи вынести меня на балкон. Но Франц Кафка сделал именно такое заключение и на тридцать седьмом году жизни — уже, заметим снова, доктор права и автор нескольких опубликованных книг — это заключение повторил: "Тогда это было только незаметным началом, но это часто овладевающее мною сознание собственного ничтожества... в значительной мере является результатом Твоего влияния".

Я невольно вспомнил историю другого сына, которому тоже пошел тридцать седьмой год, когда случилось ему — в экстремальной, как ныне говорят, ситуации — определить свое отношение к отцу. Речь идет об Аврааме и сыне его Исааке, которого Господь потребовал в жертву Себе. Праотец, как помним, был уже человеком весьма преклонного возраста, без малого ста сорока лет, и хотя отличался недюжинным здоровьем и силой, вероятно, все же уступал своему сыну, тоже крепышу, притом молодому летами. И вот, когда пришел час Исааку лечь на дрова, сложенные для костра, для чего предварительно надлежало связать его, Исаака, веревками, он не только не воспротивился воле отца, но, напротив, как говорит устное предание, сам попросил отца, чтобы тот покрепче его связал, чтоб в случае отчаянной попытки — а отчаяние придает человеку порою нечеловеческие силы — не удалось ему порвать эти веревки и воспротивиться таким образом воле отца.

Как известно, все кончилось благополучно: Господу не понадобилась жертва, это был просто экзамен праотцу Аврааму.

Сегодня, как и три с половиной тысячи лет назад, эта история приводится как образец твердости Авраама и верности его Господу. Но при этом опускают — или, по крайней мере, отставляют на второй план — другую сторону этой поучительной истории: историю сына, который, восходя по велению отца на костер, не только не проникся к нему враждебным чувством, но ни на мгновение не потерял к отцу ни доверия, ни любви. И во все остальные годы своей жизни, сколько знаем, не приходило Исааку в голову ни роптать на отца за пережитое потрясение, ни упрекать его в непонимании своего сына или недостаточной к нему любви. А потрясение было столь велико, что, по преданию, еще один участник этой драмы, мать Исаака Сара, не выдержала и умерла.

Франц Кафка, хотя не обращался к истории своих пращуров, тоже несколько раз, и не походя, подчеркивал, что не намерен винить отца: "...Я тоже думаю, что Ты совершенно неповинен в нашем отчуждении". К тому же, писал Франц, он никогда не сомневался в любви и в добром к нему отношении отца.

Но как согласовать все эти уверения, несомненно искренние и тщательно взвешенные, со всей тональностью письма, со всем его материалом, которое, если бы речь шла о юридическом документе, вполне могло бы квалифицироваться как обвинительное заключение или, в лучшем случае, как иск, вчиненный ответчику истцом. Письмо сына отцу — документ, несомненно, частный, даже интимный. Таким оно, письмо Франца Кафки своему отцу Герману Кафке, и было: автор не предназначал его для публикации, более того, в своем завещании он просил сжечь его. Но поскольку, хотя и вопреки воле писателя, оно сохранилось, ныне отведено ему место как литературному произведению в общей истории литературы.

Трудно отделаться от впечатления, что и изначально письмо это сочинялось как литературное произведение эпистолярного жанра, какой, правда, ныне вышел уже из моды. Что написано оно рукой талантливого, искусного художника, сомнения нет. Но наряду с этим неотступно, я бы даже сказал, назойливо теснит и другое впечатление: по своей обстоятельности, перечню, пункт за пунктом, претензий письмо приводит на ум тщательно составленный иск. Правда, истец, в данном случае Франц Кафка, не ищет выгод, не делает ставку на выигрыш дела; истец искренне стремится быть объективным в своих усилиях установить истину.

И тут, признавая безоговорочно эту искренность и это стремление к объективности, следует сказать "но": но эмоциональная установка, какая помимо воли автора вырабатывалась у него всю жизнь, с ранних, младенческих лет, предопределила угол зрения, под каким он рассматривал все дело. Йозеф К., двойник Франца Кафки, герой романа "Процесс", полагал, что вина изначально лежит на нем. Но Франц Кафка, автор романа, полагал, что вина изначально лежит на другом человеке, в случае с ним — на отце его и, следовательно, нет надобности доказывать, что Герман Кафка виновен, это самоочевидно, а следует только представить "корпус деликти" — состав преступления.

Обвинительное заключение содержало все, что попало в поле зрения Франца, осело в его памяти за тридцать с лишним лет жизни, с тех далеких дней, когда он обрел способность видеть и запоминать: и голос Германа Кафки, и манера его ковырять зубочисткой в ушах, и глотать горячую

пищу большими кусками, и хлебные крошки, какие были у Германа под столом, и манера его чавкать во время еды, как и манера одергивать и передразнивать всех тех, кто, как правило, заслуживал упрека в меньшей степени, чем он сам.

В "корпус деликти" записывалось все, даже евгеника: типические черты семьи Кафки и семьи Лёви, откуда происходила мать, с последующей сравнительной характеристикой. Франц любил мать, однако преданность, с какой она всю жизнь относилась к Герману, сама по себе достойная восхищения, все же заключала в себе для Франца К. и нечто вызывавшее в нем протест или, в более умеренных случаях, неодобрение.

Это ощущение единовременного присутствия корней, какие представляли отец и мать, не были исключительным свойством семьи Кафки-Лёви. Граф Лев Толстой, когда сын его Лева принес ему однажды свои рассказы, сказал, возвращая рассказы автору: "Вы все, Берсы, очень талантливы". Графиня Софья Андреевна, Левина мать, была из Берсов. Лев Львович, как рассказывают биографы Толстого, ненавидел своего отца, и чувство это было отмечено глубиной и постоянством.

Франц Кафка, исследуя свое генеалогическое древо, обнаружил в себе черты, унаследованные и от Кафки, и от Лёви. Но больше все-таки от Лёви.

"Сравни нас обоих, — писал Франц отцу. — Я, говоря очень кратко, — Лёви с определенной кафковской закваской, но движимый не кафковской волей к жизни, деятельности, завоеванию, а присущими всем Лёви побуждениями, проявляющимися украдкой, робко, в другом направлении и часто вообще пропадающими. Ты же, напротив, истинный Кафка по силе, здоровью, аппетиту, громкоголосию, красноречию, самодовольству, чувству превосходства над всеми, выносливости, присутствию духа, знанию людей, известной широте натуры..."

Все эти эпитеты, которыми столь щедро уснастил свой пассаж Франц Кафка, обычно весьма сдержанный, я бы даже сказал, осмотрительный и щепетильный, когда дело доходило до определений, в действительности вопреки первому впечатлению не являются панегириком. Скорее наоборот: при объективном восхищении, какое эти качества, по расхожему идеалу силы, должны бы вызвать у всякого человека, субъективно у него, у Франца, вызывали прямо противоположное чувство. Слов нет, Франц хотел бы, чтобы и плечи были у него шире, и голос зычнее, и манеры под стать Герману Кафке, властные, как пристало подлинному хозяину, но возможно ли было бы согласовать все эти качества с тем главным, что было в нем, Франце: с его неодолимым зовом к писательству, с его писательским естеством?

Франц Кафка
1905 год

В кафковедении — европейском и американском — настойчиво звучит сакраментальная нота: Франц Кафка — сын пражского гетто. Не только родословная, но и вся жизнь Кафки, с уймищей деталей этнического, культурного, бытового, топографического характера неопровержимо свидетельствуют в пользу этого суждения: Франц Кафка — сын гетто.

Но возникает вопрос: а Герман Кафка, отец Франца и его антипод — сын именно так и воспринимал своего отца, — не детище ли гетто, не плоть ли его от плоти? Так резонно ли, не исключая, конечно, того элемента, который вносило в жизнь всех своих обитателей гетто, сводить дело Франца Кафки, точнее, дело "Франц К. против Германа К." к топографии и этническому окружению, в каком сложились все наиболее существенные детали дела, представленные в "Письме отцу"?

Стремление разрешить все загадки человеческого духа, ссылаясь на материальные обстоятельства его проявлений, достигло своего апогея в эстетике соцреализма. Но склонность искать все объяснения в конкретных житейских условиях человечество обнаружило задолго до появления Маркса и марксо-ленинской эстетики. Между тем простейший вопрос: "почему в одних и тех же обстоятельствах люди, порою ближайшие родичи по крови, воспитанные в одной семье, усвоившие общие привычки, получившие одинаковое образование, ведут себя по-разному, вплоть до полного отчуждения и взаимной ненависти?" — должен был бы, казалось, поставить под сомнение перспективность такого подхода.

"Письмо к отцу", хотя и обильно уснащенное деталями быта и будней, отмечено глубинным, нутряным пониманием, что есть нечто, выходящее за пределы нашего понимания и, главное, наших возможностей, нашей способности изменить ход вещей.

Предъявив Герману К. ряд суровых обвинений — и воспитание дал он

своему сыну не то, и требовал от него того, чего заведомо требовать нельзя было, и ожидал от него того, чего ожидать не следовало, и, хотя и любил сына, но любил не так, как должно было любить, Франц К. несколько раз сам одергивали себя: "Здесь, — писал он отцу, — возможно, отчетливее всего проявилась и наша взаимная невиновность... Эта обоюдная невиновность мне особенно ясна еще и потому, что подобное столкновение снова произошло между нами при совершенно других обстоятельствах лет двадцать спустя...".

И вот парадокс — еще одно свидетельство, что, хотя и наделенные свободой воли, мы едва ли способны преодолеть себя, — Франца К.: взаимная обоюдная невиновность, которая столь отчетливо виделась ему в отдельные мгновения и почти всегда присутствовала как часть общего фона его мироощущения, фундаментальной основы творчества, вытеснялась неодолимым желанием, какое свойственно всякому человеку, усмотреть вину и, соответственно, взвалить за нее ответственность — если не в намерениях ближнего, то в делах его.

Понимал ли это сам автор письма, Франц К.? Несомненно, и вот слова, какими, как видится ему самому, мог бы ответить ему отец:

"Ты утверждаешь, что я облегчаю себе жизнь, объясняя свое отношение к тебе просто твоей виной, я же считаю, что ты, несмотря на все свои усилия, не только снимаешь с себя тяжесть, но и хочешь представить все в более выгодном для тебя свете. Сперва ты тоже отрицаешь всякую свою вину и ответственность — в этом смысле наше поведение одинаково. Но если я откровенно приписываю всю вину одному тебе, ты хочешь быть одновременно сверхрассудительным и сверхчутким и тоже снимаешь с меня всякую вину. Разумеется, последнее удается тебе лишь по видимости (а большего ты и не хочешь), и между строк, несмотря на красивые слова о сущности и характере, и антагонизме, и беспомощности, проступает обвинение, будто нападающей стороной был я, в то время как все, что ты делал, было лишь самозащитой. Так — ты самой своей неискренностью мог бы уже достаточно достичь — ты доказал три вещи: во-первых, что ты не виноват, во-вторых, что виноват я, и, в-третьих, что ты из чистого великодушия не только готов простить меня, но и — ни мало ни много — доказать и самому захотеть поверить, будто я, вопреки истине, тоже не виноват".

"Письмо к отцу" уже более трех четвертей века читает весь мир. Не читал его только тот, кому оно было адресовано.

Трудно допустить, что за четыре с половиной года — письмо было написано в ноябре 1919 года, Франц Кафка умер в июне 1924-го, — не было

возможности вручить письмо адресату. Известно, что близкие, в первую очередь, мать, противились этому. Но, хотя бы и с учетом этого обстоятельства, невозможно преодолеть впечатление, что Франц К., для которого конфликт с отцом был одной из главных батарей, откуда он черпал свою энергию и волю к самовыявлению, и сам не желал этого, ибо для него, для художника, главным было самовыявление в слове.

Нью-Йорк

Роман БРОДАВКО

Звезда еврейской эстрады

Поцарапанная от долгой эксплуатации недолгоиграющая пластинка Апрелевского завода сипит на стареньком проигрывателе. Из динамика несутся звуки чарующего голоса. Я ничего не понимаю на идиш, но голос этот завораживает. В нем исключительное тепло интонаций, благодаря которым можно догадаться, о чем говорит и о чем поет артистка.

— Это — Сиди Таль! — с уважением говорит мой родственник, знающий идиш, и "близко к тексту" сообщает мне содержание песни.

Я навсегда запомнил это имя, а потом не раз слышал от разных людей восторженные впечатления от программ этой артистки. О ее мастерстве говорили не только евреи. Как всякий талант, Сиди Таль привлекала людей разных национальностей, для которых искусство — это язык, не нуждающийся в переводе.

Сорл, которая станет известной миру как Сиди Таль, родилась в 1912 году в Черновцах в семье пекаря Лейбы Биркенталь. На рубеже XIX и XX столетий Черновцы — крупный еврейский культурный центр, с библиотеками, школами, передвижными драматическими коллективами. Здесь много носителей языка идиш. Именно в Черновцах в августе-сентябре 1908 года была созвана конференция по распространению идиша с участием писателей Ицика-Лейбуша Переца, Шалома Аша, Авраама Райзена. Это была первая международная научная конференция по вопросам языка идиш и литературы на идиш. Она провозгласила идиш национальным языком еврейского народа.

Культура города не могла не повлиять на талантливую девочку. Сорл Биркенталь в четырнадцать лет вошла в еврейскую артистическую труппу. Зрители сразу полюбили ее. После успешных выступлений в Черновцах передвижной театр выехал на турне в Бессарабию. И здесь успех спектаклей во многом был обусловлен талантом юной актрисы.

Когда Сорл исполнилось пятнадцать лет, двоюродный брат, актер, увез ее в Бухарест. С 1927 года она стала выступать на сцене одного из еврейских театров. Тогда же взяла псевдоним — Сиди Таль. Известность ее росла год от года. С 1937 года Сиди Таль — актриса Камерного театра в Бухаресте. Спектакли, в которых она играла центральные роли, всегда шли с аншлагом. Во второй половине тридцатых годов открывается новая грань богатого дарования Сиди — талант эстрадной актрисы. Она исполняет короткие моноспектакли, скетчи, песенки.

В апреле 1939 года — после того как фашисты начали последовательную травлю еврейского искусства, Сиди Таль покинула Бухарест и возвратилась в Черновцы. Здесь актриса продолжила свою творческую деятельность. Однако это продолжалось недолго. Когда началась Великая Отечественная война, она эвакуировалась и с головой погрузилась в работу на эстраде: выступала в госпиталях, перед бойцами, которые отправлялись на фронт, перед тружениками тыла. Как многие актеры еврейских театров, Сиди Таль надеялась, что после Победы она сможет в полной мере реализовать свои творческие планы. Увы, все оказалось совсем не так...

В первые послевоенные годы Сиди Таль много гастролирует по стране. Жанр, созданный Сиди Таль, — нечто новое, на рубеже театра и эстрады. Это своеобразная авторская феерия. Актрисе, по словам Леонида Утесова, на сцене были одинаково подвластны и юмор, и лирика, и трагизм. В выступлениях Сиди Таль было все: и драматическая игра, и песня, и танец, и пантомима... Великий Соломон Михоэлс после концерта Сиди Таль в театре сада "Эрмитаж" в Москве воскликнул, обращаясь к поэту Арону Вергилису, в то время руководителю еврейского вещания на Всесоюзном радио: "Ее речь! Язык! Ее галицийский идиш! Ведь он составлен не только из слов, но и из вздохов, вдохов и выдохов, обладает особой музыкальностью и не повторяющейся ни в одном другом еврейском диалекте интонацией".

Но несмотря на всесоюзное признание, тучи над головой Сиди Таль и других деятелей еврейской культуры сгущались...

...Шел 1952 год. Средства массовой информации сообщали, что в стране действуют коварные враги народа: врачи-отравители, ученые, инженеры, изобретатели, писатели, артисты, все как один — продажные космополиты. Иными словами — евреи. Людей, ни в чем не повинных, расстреливали, сажали в тюрьмы, отправляли в ссылку. Под видом сокращения штатов в СССР закрыли все еврейские театры, в том числе и черновицкий. И оставили в Черновцах из всей труппы только концертную бригаду в составе трех человек: Сиди Таль, певица Раиса Мостославская и декламатор Яков Гольдман. Только благодаря Сиди Таль еврейская песня и еврейская шутка звучали на сценах областной филармонии и районных клубов.

В 1959 году в Колонном зале имени Лысенко в Киеве проходил юбилейный вечер, посвященный 100-летию со дня рождения Шолом-Алейхема. На концерте присутствовала младшая дочь писателя Бэлл Кауфман. Увидев "Мальчика Мотла" в спектакле "Мне хорошо — я сирота!", она воскликнула: "Боже, сколько маленьких Мотлов я видела в исполнении

великих артистов, но этот, в концерте Сиди Таль, превзошел их всех. Именно таким его видел мой отец".

А вот небольшой отрывок из воспоминаний Тарапуньки и Штепселя. "Мы очень много хорошего слышали от наших коллег, друзей, тонких ценителей большого искусства о Сиди Таль. И по секрету говоря, даже испытывали какое-то неудобство оттого, что раньше с ней не были знакомы, не видели ее на сцене. Но что поделаешь, такова уж наша бродячая судьба, судьба вечных гастролеров. И причина того, что с таким опозданием шли на первое свидание с Сиди Таль, вполне уважительная. Ибо наш брат немного напоминает героев Шолом-Алейхема из "Блуждающих звезд". Не часто сходятся наши пути-дороги. Скажем, мы выступаем в Киеве, а Сиди Таль — в Москве. Мы на гастролях на Камчатке, а актриса в Ленинграде, в Кишиневе. Вот и попробуй встретиться! А тут, на счастье, мы оказались дома. А в театре играла Сиди Таль. Вот и бросили мы все дела и кинулись стремглав в театр! С трудом мы протиснулись в зал, который был до отказа набит благодарнейшими зрителями. И когда дали, как говорится, занавес, и выпорхнула легкой грациозной походкой Сиди Таль, такое началось в зале, что словами не передашь! Аплодисментов — гром. Несмолкаемых.

Актриса и так, и эдак благодарила за горячий прием, просила успокоиться, дать ей возможность начать, но каждый ее жест, каждая улыбка вызывали новую бурю аплодисментов. И мы тоже крепко аплодировали и думали про себя: вот оно — счастье актера! Вот она, подлинная народная любовь и признательность! И по-хорошему позавидовали этой невысокой ростом, худощавой, необычно талантливой женщине Сиди Таль. С первых произнесенных фраз монолога в зале установилась невыразимая тишина, и надо было видеть глаза, лица зрителей, устремленные на сцену, где стояла волшебница.

Сразу же установился полный контакт между зрителями и актрисой. И Тарапунька сразу же понял, что может обойтись без перевода Штепселя, и все, до малейшего жеста все понял.

Мы встретились с настоящим искусством! Сиди Таль читала, вернее, играла "Мальчика Мотла" Шолом-Алейхема... Мы видели не только восхитительную игру актрисы, перевоплотившуюся в мудрого, наивного, горемычного мальчугана, но судьбу всех обездоленных детей, страдающих... но не унывающих, — у них теплится надежда, что жизнь станет иной, нельзя терять надежду на лучшее будущее. На какое-то время устами маленького героя актриса вернула зрителей в недалекое прошлое, когда народ Мотла томился в страшной "черте оседлости", в полной беспросвет-

ной безысходности. В зале еще не угомонился гром аплодисментов, как мы уже увидели Сиди Таль в образе старой женщины, которая проводила на фронт своих любимых сыновей и ждет не дождется их. И все это сыграно было с такой душой и так правдиво! Сидишь и думаешь: какая актриса! Талант! Вот почему она пользуется у зрителей такой любовью. Вот оно — настоящее, большое искусство!"

В воспоминаниях Эдиты Пьехи можно прочитать такие слова: "Когда я пришла на концерт и впервые увидела Сиди Таль, то опасалась, пойму ли происходящее. Но тут сказалась сила настоящего искусства. Я понимала все по интонации, по ритму, по реакции зала. А когда артистка пела, я про себя пела вместе с ней". Почти то же самое говорят о Сиди Таль многие артисты, которым посчастливилось быть на ее программах. В зрелом возрасте актриса не ограничивалась только исполнительской деятельностью. Она помогала становлению молодых талантов Буковины. Так, Сиди Таль принимала активное участие в формировании вокально-инструментальных ансамблей "Червона рута" и "Смеричка", подаривших зрителю Софию Ротару и Василия Зинькевича. Мне неоднократно приходилось слышать от них слова благодарности мастеру, который искренне поддерживал молодых артистов в начале их творческого пути.

Вспоминая о Сиди Таль, нельзя не сказать хотя бы вкратце о ее муже Пинхусе Абрамовиче Фалике. Он был ее импресарио и режиссером, советчиком и другом. Долгие годы Фалик работал заместителем директора Черновицкой филармонии. О нем мне много рассказывал известный одесский театральный деятель, в прошлом директор-распорядитель Одесской филармонии Лев Григорьевич Потокский. По его словам, Фалик был человеком высочайшей культуры и широчайших знаний. Он обладал безупречным вкусом и чуткостью к людям. Авторитет его в бывшем Советском Союзе был незыблемым. Директора Черновицкой филармонии менялись, а Пинхус Абрамович оставался, и благодаря этому небольшой город на Буковине многие годы был по-настоящему крупным культурным центром страны. Именитые исполнители охотно ездили в Черновцы, зная, что от встречи на вокзале и до окончания гастролей их будут окружать внимание, забота, уважение...

О Пинхусе Фалике с большой теплотой вспоминал выдающийся украинский режиссер Василий Василько, который в послевоенные годы возглавлял Украинский театр в Черновцах. Он говорил о нем как об интеллигентнейшем человеке, который всем своим поведением олицетворял ту высокую академическую культуру, которую неустанно пропагандировал.

Они с Сиди Таль были замечательной парой. Никто никогда не слышал от них жалоб, казалось, что у них нет бытовых повседневных проблем, с которыми сталкиваются обыкновенные люди. Проблемы, конечно, были, но они были не главным в жизни этих творческих людей. Фалик и Таль были выше околотеатральных и филармонических склок. Их уважали за ту высокую человечность, которая является редким и прекрасным даром. Поэтому память об этих людях продолжает жить.

Сиди Таль скончалась 17 августа 1983 года. В этот день телеканалы сорока стран мира прервали свои программы, чтобы сообщить о ее смерти.

На центральной аллее городского кладбища возле прекрасного памятника всегда лежат цветы. Именем Сиди Таль названа одна из улиц города. На доме, в котором она жила, и на фасаде областной филармонии, где она почти четыре десятилетия проработала, установлены мемориальные доски. Создан Международный фонд имени Сиди Таль. Была издана книга воспоминаний о Сиди Таль, в которой многие мастера искусств и десятки других самых разных известных в стране людей делятся впечатлениями о встречах с прекрасной артисткой.

Лишь фотографии и редкие записи остались как память о той, что умела радовать сердца и нести со сцены добрые чувства. Имя Сиди Таль принадлежит истории. Но история — это не склад ценных сведений и комментариев к ним, а источник творческой энергии. Если бы нашелся сегодня артист, создавший оригинальную программу памяти Сиди Таль, думаю, что успех был бы обеспечен.

Людмила ЛЫС

Спасительница библиотек

К 25-летию со дня смерти А.Н. Тюнеевой

Александра Николаевна Тюнеева

Хрупкая, с тонкими пальцами рук, улыбчивая и приветная, раскладывающая передо мной на своем столе разных размеров и цветов карандаши и альбомные листы — такой мне предстала эта Женщина в мои 11 лет. Несмелый детский набросок ее портрета, сделанный тогда же, хранится у меня до сих пор.

Я не ошиблась, написав слово "Женщина" с большой буквы. Немного позже я узнала, как эта мягкость в трудные решающие минуты ее жизни перевоплощалась в твердость и непоколебимость совершаемых поступков.

Родилась Александра Николаевна Тюнеева (в девичестве Кравченко) 28 февраля 1888 г. в губернском городе Могилеве на Днепре. Ее бабушка носила фамилию Дехтярева, мать — Гортынская. Предки ее матери, Гортынские, были выходцами из Польши, прибывшими туда около 250 лет назад с Кипра.

Личное дворянство было получено отцом Николаем Кравченко, работавшим после окончания университета учителем гимназии. Впоследствии он был утвержден на должности директора и получил квартиру при месте работы, а за городом — участок земли под огороды и постройки. Пользовался немалым уважением среди евреев Могилевщины, проведя обследование и написав объемистый труд о состоянии их жизни и быта на данной территории.

В семье Кравченко росло четверо детей: Владимир, Николай, Ольга и Александра. Владимир стал впоследствии профессором физики в Одесском университете; Николай — профессором права вначале в Томском, а затем в Московском университете. Ольга, окончив Императорское воспитательное общество благородных девиц в Петербурге, работала бухгалтером.

Александра, окончив общий курс средней школы с золотой медалью, продолжает образование, и еще через два года получает аттестат № 885 от 26 мая 1907 г. об окончании двухлетнего курса специальных педагогических классов при Смольном институте по специальности русский и французский языки с методикой и курс словесности. Для усовершенствования знания языков она вместе с братом Николаем уезжает на стажировку в Лозаннский университет в Швейцарию. Хорошее знание французского, немецкого, английского, латыни, работы на украинском языке, а также знакомство с профессором Рихардом Штайнером, основателем теософского общества в Швейцарии, Германии и других странах Запада, и его женой Марией Яковлевной Сиверс, помогают ей как в становлении ее жизни, так и в дальнейшей книговедческой деятельности.

А.Н. Тюнеева и Б.Д. Тюнеев

В 1910 г. она выходит замуж за одессита Бориса Дмитриевича Тюнеева, окончившего юридический факультет университета, но ставшего музыкантом-профессионалом, нештатным корреспондентом журнала "Русская музыкальная жизнь", а впоследствии профессором Одесской консерватории по кафедре истории музыки. В 1934 г. смерть обрывает его творческую и профессиональную деятельность. Одним из учеников Б.Д. Тюнеева, с которым он занимался на дому, был сын органиста лютеранской церкви в Одессе Святослав Рихтер, ставший впоследствии известным пианистом. В семье Тюнеевых его называли ласково и просто — "Светик".

В том же 1910 г. в июне месяце рождается единственный ребенок четы Тюнеевых — Юрий. Сын учился в рабочей школе в Подмосковье, в Апрелевке, а впоследствии в Московском институте физкультуры и спорта, одновременно работал в цирке акробатом. Но произошел несчастный случай, изменивший его дальнейшую судьбу. Упав в цирке с большой высоты и повредив колено, он вынужденно переводится в педагогический институт иностранных языков на английский факультет, который впоследствии и окончил. Юрий Борисович Тюнеев прошел всю Великую Отечественную

Юрий Борисович Тюнеев

войну в рядах защитников Родины. В послевоенное время работал преподавателем английского языка в одесских мореходных училищах. Умер Юрий Борисович Тюнеев в 1971 г., оставив в дар Одесскому мореходному училищу им. Маринеско ценную библиотеку из 300 книг, включающую уникальные монографии и мемуарную литературу о годах гражданской войны и Великой Октябрьской революции.

Свою педагогическую деятельность Александра Николаевна начала в 1918 г., проработав год учителем Улуковской трудшколы Могилевской области. Переехав в Одессу, продолжила работу как преподавательница в Одесском женском институте при Губнаробразе. В этот период она переключается на библиотечную деятельность, которая захватывает ее целиком, не оставляя более ни на что времени.

С этого момента ее душа отдана книгам. Она и сама становится душой и спасением нескольких библиотек Одессы. В 1920 г., придя на работу в Государственную научную библиотеку им. Горького, организовала и стала заведующей первым на Украине Музея книги. Вот что она пишет в письме Сергею Ивановичу Белоконю, профессору литературы: "Первые 10 лет работала в Государственной научной библиотеке им. А.М. Горького как организатор (по моей инициативе) и заведующая первого на Украине Музея книги. Специализировалась на проблеме музеев книги, описании редких изданий. Самостоятельную книговедческую работу начала вести с 1923 г. Имею ряд печатных трудов в советской и иностранной литературе".

Александра Николаевна интересовалась миниатюрными книжными изданиями, благодаря чему появилась статья "Миниатюрные издания и коллекция их в Одесской государственной публичной библиотеке". Статья "была издана в Лейпциге в 1926 г. в специализированном журнале для библиотекарей. В ней А.Н. Тюнеева использовала, в основном, работы зарубежных авторов: В. Лаундеса, Л. Мора, Ш. Нароя, А. Кучински, Г. Тиссандье и других. Полезными оказались и материалы Парижской национальной библиотеки, Британского музея и библиотеки Конгресса США, присла-

ные на ее запрос от декабря 1924 г. Упоминаются в ее работе и две иностранные микрокниги. Работая библиографом в Одесской публичной библиотеке, А.Н. Тюнеева изучила коллекцию из 105 книг (72 иностранных и 33 русских) маленького формата, основу которой составил дар графа Михаила Толстого. Примечательно, что, отправив в 1926 г. свою работу в библиографические журналы Москвы и Ленинграда, А.Н. Тюнеева получила отказ в публикации. После чего статья была послана в Лейпциг, где и была издана на немецком языке". Отказ советских издательств мотивировался несоответствием тематики статьи требованиям и чаяниям того времени.

О своей дальнейшей деятельности А.Н. Тюнеева пишет так: "Затем работала библиографом и консультантом Библиотечного коллектора научных библиотек Когиза и зав. научными библиотеками по НКЗ сети: Областной медицинской библиотеки, Фармакологического института, н/и Института офтальмологии (ныне им. академика В.П. Филатова) и др. В 1936-1937 гг. была зав. библиотечными курсами, организованными Институтом усовершенствования врачей для библиотечных работников медицинских библиотек г. Одессы. Была активным членом съезда работников НКЗ библиотек в Киеве в 1939 г. и Конференции представителей научных библиотек в Москве в 1940 г. С 1939 г. по октябрь 1941 г. — зав. научной библиотекой кожно-венерологического института им. доктора Главче".

В период оккупации Одессы немецко-румынскими захватчиками на базе института им. доктора Главче был оборудован военный госпиталь. Привожу слова из докладных записок для горкома КП(б)У и исполкома горсовета, поданных ею в 1946 г.: "Помещался он (госпиталь) в санатории ВЦСПС по Аркадийской дороге, и ежедневно, хотя не было транспорта и происходила бомбардировка города, все сотрудники отправлялись с утра на место работы. Вначале предполагали, что работа в институте будет продолжаться, но оказалось не так. Вскоре стали орудовать так называемые "трофейные комиссии", и из института стали вывозить лабораторное оборудование, превратив затем все помещения, в частности, и читальный зал библиотеки, в конюшни. Книги оккупанты вывезли в Сан-дирекцию. С болью смотрела я вокруг на разрушение и разграбление".

Но просто смотреть с болью на уничтожение научной библиотеки им. Горького, с которой была связана с 1919 г., она не стала. Вот как описывает состояние библиотеки сама Александра Николаевна: "В последние дни бомбардировки перед самым портиком библиотеки упала бомба, сделав огромную воронку; массивные входные двери были выворочены, все окна выбиты, крыша над читальным залом пробита снарядом. Когда я во-

Б.Д. Тюнеев

шла в само здание, то замерла перед тем, что увидела. Была осень, и через разбитые фонари над аванзалом и Музеем книги потоками вливалась вода, стекая с лестницы; в книгохранилище на повсюду разбросанные книги врывался дождь и снег. Я любила эту Библиотеку, была привязана к ней и, видя ее в таком ужасном состоянии, была потрясена до глубины души...". От сотрудников, встреченных на улице, она узнала о разграблении оккупантами книгохранилищ заведения. "Необходимо было принять меры для охраны книжных фондов и во что бы то ни стало спасти ценное, исключительное имущество Библиотеки, спасти этот очаг культуры для Родины".

По личной инициативе А.Н. Тюнеевой и других сотрудников библиотеки была создана охрана здания до выяснения дальнейшего положения. Началась работа по уборке от воды и мусора всех помещений. "Все работали как один человек. Особенно же самоотверженное отношение в деле охраны проявили зав. книгохранилищем т. Янушковская О.В., зав. каталогом т. Кудлач А.В., зав. дублетным фондом т. Максимова С.А. и раскладчики Корочкин А.Н., Кушмирский П.Ф. Рискуя жизнью, эти два работника в жестокие морозы в январе 1942 г. забивали на крыше фанерой разбитые фонари и окна книгохранилища". Так описывает работу своих сотрудников и соратников взявшая на себя руководство и вместе с ним огромную ответственность за все происходящее Александра Николаевна Тюнеева.

"Еще в Смольном Александра Николаевна прослыла очень своенравной, упрямой, дерзкой... Действительно, воля ее была страшно тверда, сила духа огромна, что позволяло ей преодолевать большие трудности в жизни..." — так описывает ее в своем письме, адресованном С.Г. Матвеевой, друг семьи Игорь Иванович Сокрутенко.

Все эти качества помогли ей поднять из пепла, сохранить и восстановить одну из жемчужин культурной Одессы.

Официально в должности директора она была утверждена в марте 1942 г. "одновременно вместе с другими сотрудниками. За каждую должность и ставку приходилось вести борьбу и терпеть унижения, добиваясь своих прав". Вместо довоенных 100 человек штата румыны позволили

оставить 32 работника, причем ни один из них не должен был быть ни евреем, ни партийным. "Однако удалось скрыть и включить в штат двух комсомольцев и одну кандидата в партию, жену партийного работника, увезенного в концлагерь в Румынию".

Долгое время невозможно было добиться от муниципалитета выделения средств на капитальный ремонт здания, отказ мотивировался "бездоходностью" данного заведения. Но его "бездоходность" ограждала библиотеку от частых посещений представителями оккупационного правительства. В 1942 г. А.Н. Тюнеева все же смогла "вырвать, и то по частям, на аварийный ремонт огромного здания 15.000 марок (по памяти)". Муниципалитет, в свою очередь, все настойчивей требовал скорейшего открытия библиотеки, в чем получал отказ из-за "недостатка персонала и отсутствия отапливаемых помещений. Библиотека не отапливалась, кроме служебных помещений, где были установлены казанки. В библиотеке открыты были лишь в марте 1943 г. два малых читальных зала для научных занятий. Большой зал до конца периода пребывания фашистов в Одессе оставался закрытым, и хотя муниципалитет, наконец, выдал стекло для его огромных окон, они умышленно не были застеклены, чтобы залом не могли пользоваться".

"К концу 1942 г. в Одессу стало приезжать много представителей различных учреждений из Румынии. Они приходили в Библиотеку с требованием о выдаче книг и приносили приказы из губернаторства, предписывающие мне как администратору передать им те или иные книги. Держали себя дерзко и вызывающе, требовали, чтобы их допускали в книгохранилище..."

Свое поведение и поведение своих сотрудников в таких ситуациях А.Н. Тюнеева описывает так: "Я пробовала бороться с этим, многократно отказывалась выполнять требования под разными предлогами: книги не найдены, отсутствуют и т. д.; обращалась в дирекцию культуры муниципалитета и губернаторства с заявлением, что передача книг недопустима как опустошение книгохранилища, которое является неприкосновенным, и т. д. Не выполняя требований о выдаче книг, мы, сотрудники, дружно прибегали и к уловкам. Так, например, на требование дирекции юстиции выдать весь комплект собрания узаконений и распоряжений за период советской власти с 1921 г., нами был составлен акт о гибели этого комплекта при пожаре переплетной мастерской, а сам комплект, единственный в городе, спрятали в дальнее помещение. Каталоги на марксистско-ленинскую литературу бережно сохранились работниками отдела библиографии в чердачном помещении. Без меня никого из посетителей не пропускали в помещения книго-

А.Н. Тюнеева с отцом мужа Д. Тюнеевым

хранилища, а при посещении сама руководила маршрутом, минуя главные склады. За два с половиной года оккупации передано было всего 7000 книжных единиц, из которых 70% — из дуплетного фонда. Списки на них были сохранены и переданы мною для работ Госкомиссии в целях возвращения советского имущества.

Наконец, несмотря на строжайший декрет румынских оккупантов о сдаче и уничтожении советских изданий, ни одна книга не была уничтожена. Разрешение этой проблемы далось с большим трудом, создав между мною и муниципалитетом ряд конфликтов ввиду категорического отказа выполнять такой декрет. Сохранены были все каталоги, весь инвентарь.

Книжные фонды были не только сохранены, но и упорядочены. Так все советские журналы, центральные и местные газеты переплетены. За время оккупации сотрудники Библиотеки были в порядке служебной дисциплины мобилизованы для перевозки книг из подвергшихся расхищению и варварскому уничтожению оккупантами вузовских и частных библиотек. Библиотекари Научной библиотеки часто на своих плечах и саночках перевозили для сохранения советскую литературу в здание Научной библиотеки. Таким образом были сохранены и по освобождению города возвращены — часть книжного имущества, стеллажи, шкафы Педагогического института, Консервного института, Индустриального и т. д., а также часть библиотек профессоров Волкова, Борового, Тиктина и др.".

С 1 февраля 1942 г. А.Н. Тюнеева уже совмещала две директорские должности, работая в научной университетской библиотеке. Тяжелое положение книжных фондов, разоренное книгохранилище, решение румынских оккупантов оставить библиотеку университета "на консервации" обрекало ее имущество на полное уничтожение и разграбление. 1.500.000 книжных единиц были разбросаны по полу книгохранилища "в хаотичном беспорядке". Требовалось упорядочить библиотечные фонды.

А.Н. Тюнеева не смогла остаться в стороне и рискнула поднять и запустить работу и этой библиотеки: "С неизменной целью спасти ценные фонды книжные, я согласилась взять на себя руководство Библиотекой, тем

более что Научная библиотека им. А.М. Горького в течение ряда лет была слита с Научной библиотекой университета под единым руководством. Тот же принцип сохранения книжных фондов, каталогов и инвентаря был положен в основу работ. В университетскую библиотеку также свозились и книги из разоряемых и сжигаемых оккупантами вузовских библиотек. Точно так же, лишь благодаря дружной, согласной работе сотрудников, удалось предотвратить расхищение книжных фондов.

По требованию румынских властей выдавались лишь строго проверенные на дублетность книги, и только в редких случаях — экземпляры из основного фонда. Списки на все отданные книги были мною сохранены".

Сердце библиотеки — книжный каталог, был рассыпан и сложен сотрудниками в ящики в хаотичном порядке. Так невозможно было выяснить местоположение требуемой книги. Наиболее ценные экземпляры книг были спрятаны в хранилище в помещениях без окон, а двери заставлены шкафами. "По строжайшему приказу о ценнейших фондах Воронцовской и Строгановской библиотек не упоминалось, каталоги на них спрятаны, сами фонды засекречены и, таким образом, спасены..."

Для предотвращения вывоза дублетных фондов студенческой библиотеки в различные румынские университеты был поставлен вопрос "об обмене дублетами с университетской библиотекой и библиотекой Академии наук в Бухаресте, а не просто передаче им книг"...

"В деле охраны библиотечного имущества самоотверженность проявил весь коллектив, особенную же охрану вели преданный библиотеке работник тов. Ходжаш Т.З. (зав. абонементом) и тов. Черницкий Е.М. (зав. дубликатным фондом), Монастырская Е.С.".

При возрождении библиотеки помощниками Александры Николаевны на данном поприще были также Монастырская А.С., Аргиропуло Н.В., Какастераки А.К. (главный научный сотрудник).

В день освобождения Одессы к сотрудникам Одесской научной библиотеки им. А.М. Горького приехали два молодых советских корреспондента — Леонид Соболев и Константин Симонов. После встречи и общения с А.Н. Тюнеевой и ее соратниками 31 мая 1944 г. в газете "Правда" (№ 130/9587) Леонидом Соболевым была напечатана статья "Дорогами побед", посвященная теме спасения фондов этой библиотеки. А любимым стихотворением Александры Николаевны с тех пор становится стихотворение Константина Симонова "Жди меня"...

...Рядом с окном, возле письменного стола, за которым я рисовала, жил английский книжный шкаф. Помимо книг в нем находились и всяие безделушки, в том числе коллекция брелоков. Шкаф сменил место проживания на наш дом, а вместе с ним к нам переехала и некоторая часть брелочной коллекции. А еще мой взгляд постоянно притягивала картина, висевшая напротив кровати Александры Николаевны. На ней рукой молодой еще художницы Александры была изображена комната ее юности: большой диван с тремя креслами — вся мебель покрыта белыми чехлами, напротив дивана — стол с резными ножками, а на столе красная, как я себе представляла, бархатная скатерть. В комнату через настежь распахнутое окно врываются солнечные лучи и бликами ложатся на пол. А за окном тепло, зелено и воздушно... Я мысленно переносила себя туда и ярко переживала временной переход из 19-го в 20-й век.

Квартира на Троицкой, в которой проживала Александра Николаевна при нашем знакомстве, состояла из трех комнат. Самая большая из них, обиталище самой хозяйки, была относительно светлой, с двумя окнами, выходящими в палисадник с сиреневыми кустами. Убранство было простым: все самое необходимое из мебели. Вторую по площади комнату занимал чудаковатый, по моему мнению, человек — Владимир Сергеевич Кузьмичев. Он постоянно что-то писал, как выяснилось позже, — философские заметки, также математические формулы, и в совокупности это должно было стать научным открытием. Третья, темная, без окон, самая маленькая комната, была молельной хозяйки. Она наводила на меня тайный трепет своим постоянным полумраком и маленьким пламенем лампадки в углу возле иконы. Казалось, что там еще кто-то живет, тот, кто охраняет хозяйку дома и дает ей силы жить дальше.

Умерла А.Н. Тюнеева 7 декабря 1984 г. в доме на Троицкой, 47, принадлежавшем в прошлом предкам семьи ее мужа — Тюнеевым. Там и сейчас перед окнами ее квартирки тихо шелестит листвой куст сирени, как и во времена ее молодости...

Алена ЯВОРСКАЯ

"Не тот" Бродский

Порой, говоря о творчестве одесских писателей двадцатых годов, говорят о рабле-зианстве и вспоминают фламандские натюрморты – так изобильно, вкусно описана еда у В. Катаева, Э. Багрицкого, И. Бабеля. Но один из поэтов того времени и впрямь словно сошел со страниц бессмертного романа Рабле. Это можно сказать о Давиде Бродском.

"Толстяком" называет его в письмах Кирсанов. Очень емко описание в мемуарах Осипа Колычева: "Давид Бродский, добродушнейший толстяк, колоссального веса в вечной солдатской шинели, волочащейся по плодородной одесской земле, поэт, знавший назубок всю русскую поэзию и даже прозу, свободно читавший наизусть "Деревню" Бунина и тем поразивший однажды, уже потом в Москве, А. Фадеева". Но "тучность Бродского таила в себе нешуточную силу. Однажды Иван Поддубный, выступая в одесском цирке, предложил желающему из зрителей с ним побороться. Вызвался Бродский и устоял в схватке с популярным борцом две минуты (иногда, рассказывая, Бродский увеличивал цифру: четыре или даже пять минут). Поддубный посоветовал ему серьезно заняться цирковой борьбой. Как знать, может быть, он дал Бродскому хороший совет. Знакомясь с девушкой, Бродский сгибал руку и просил пощупать его бицепсы", – вспоминал Семен Липкин.

Давид Григорьевич Бродский родился 17 марта 1895 года в Аккермане, учился в одесском медине. О том, как именно учился, сохранились воспоминания С. Липкина: "У Давида Бродского была феерическая фотографическая память. Он принадлежал к тем редким людям, которые, прочтя газету, могут ее повторить всю от первой до последней строки, в газету не заглядывая. Он как-то мне рассказал: в годы военного коммунизма он был студентом медицинского факультета нашего Новороссийского университета, но, увлеченный писанием стихов, крайне редко посещал занятия. Наступили экзамены. Профессор покачал головой: "Вы посещали мои лекции? Я что-то вас не припоминаю", – но экзаменовать не отказался. Бродский, выучив за несколько дней изданный профессором учебник, отвечал с блеском. Профессор был удивлен. "Странно, странно, – бормотал экзаменатор. – А что вы думаете по поводу..." – и задал трудный вопрос. Бродский на мгновение задумался, потом проговорил: "Ах да, в сноске", – и ответил правильно. "Что за сноска?" – с недоумением спросил профессор, но выставил незнакомому студенту пятерку".

Как и все одесские поэты начала двадцатых, был членом литературного кружка "Потоки Октября". Как и все одесситы-литераторы, перебрался в Москву в середине двадцатых. Как и многие, включая Багрицкого, жил в Кунцево.

Поэт, скажем так, малоизвестный. Переводчик – практически забытый (а ведь именно он первым в советское время переводил Артюра Рембо). И вместе с тем в воспоминаниях сохранился колоритный персонаж, порой трагический, порой комический.

При этом практически не упоминали, что был он полиглотом, что знал чуть ли не двадцать языков, что порой, переведя с подстрочника, начинал учить язык и переводил заново (так, например, дважды переводил с литовского поэтов восемнадцатого века).

Пожалуй, больше всего вспоминал о нем Липкин. Ведь Бродский чуть не стал его "крестным отцом". Когда юный автор принес свои стихи в одесскую газету, его отправили к консультанту.

"На одном из столов лежал, закрыв глаза, толстый, очень толстый мужчина в сандалиях на босу ногу. Он лежал на спине, держа под головой могучие круглые руки...

Давно небритый толстяк с некоторым сонным любопытством приоткрыл один глаз. Несколько минут он озирал меня этим глазом. Я прервал тягостное молчание: "Гражданин консультант, прочтите мои стихи". Толстяк открыл и второй глаз, взгляд у него оказался добрый. Сойдя с конторского стола, незнакомец, большой, тучный, улыбнулся близоруко и сказал, приятно картавя: "Какой я тебе гражданин, гы-гы. Так ты пишешь стихи? Для этого надо много прочесть. Впрочем, раз уж ты начал писать стихи, так ты меня знаешь. Там (он протянул свою атлетическую руку в сторону типографий) набираются мои стихи. Завтра их прочтет вся Одесса! Я — Давид Бродский".

Узнав, что начинающему автору фамилия Бродского ничего не говорит, переадресовал его Эдуарду Багрицкому. "Сейчас придет другой товарищ, которому поручено читать самотек. Черная работа, она не для Давида Бродского, гы-гы. Вот ему ты покажешь свои стихи. Он романтик, а я реалист. Понимаешь разницу?" И из другого очерка: "Был он очень начитан, отлично знал литературу, прежде всего, конечно, русскую поэзию и прозу — очень многое наизусть, — но также и французскую, которую читал в подлиннике, и всю мировую — по переводам. У него был тонкий, выверенный вкус, но проявлял он его скорее в прочитанном, а не в том, что писал сам. А писал он и свое, и переводы натужно, медленно, ища слова и рифмы незатертые, часто в ущерб музыке и содержательности. Он читал мне наизусть русских поэтов — от Ломоносова до Белого, и французов — от Гюго и Виньи до Аполлинера, обращая мое внимание на звукопись или необычные синтаксические построения. Например, в пушкинской строке: "И скроется за край окружных гор" в трех "кр" слышится осеннее карканье ворон... Я ему многим обязан, в моей душе залегло чувство благодарности к нему".

Летом 1926 года Бродский перебирается в Москву и поселяется в Кунцево. Кирсанов желчно комментирует его переезд: "Сообщают мне, что толстяк собирается в Москву. Он сумеет. Такие халтурмены здесь на хорошем счету".

В чем-то Кирсанов, и сам более чем пробивной, был прав. Конечно, действовал Бродский не как Колычев, "гаврилиады" он не писал — образование не позволяло. Но вот как все тот же Липкин описывал процесс получения гонорара. "Он умело использовал свою память для сугубо материальных выгод. Мне запомнилось: мы вместе приезжаем из Кунцева в редакцию "Нового мира", в котором я начал печататься в 1930 году. Весь штат редак-

ции, размещавшийся в здании "Известий" в двух комнатах, состоял в ту далекую пору из пяти человек. Н. Замошкин заведовал критикой, литературоведением, библиографией, Н. Смирнов – прозой, М. Зенкевич принимал два раза в неделю поэтов... Все они сидели в довольно поместительной комнате, из которой дверь вела в небольшой кабинет редактора журнала Вячеслава Павловича Полонского, влиятельного критика... Из кабинета Полонского дверь вела в третью комнату, гораздо большую, чем первая. Здесь помещалась редакция тонкого журнала "Красная нива", редактировавшегося тем же Полонским. Из своей проходной комнаты он руководил обоими изданиями, и нередко то, что не достигало уровня толстого журнала, помещалось в тонком...

Бродский, высокий, тучный, близорукий, устраивал в редакции "Нового мира" концерт. Он знал, что и Замошкин, и Смирнов – страстные поклонники Бунина, и ловко сводил речь на великого писателя, которого после ликвидации нэпа у нас перестали печатать.

– А "Деревню" помните? Хорошо, гы-гы, – ликовал Бродский и начинал читать знаменитую повесть наизусть. Дойдя до слов: "А бежать от борзых не следует", он смеялся счастливым смехом: гы-гы, – и продолжал чтение.

Редакционная работа прекращалась. Входившим посетителям делали знак: мол, не прерывайте чтения. Открывалась дверь кабинета, появлялся настроенный по-деловому Полонский, измученный баталиями с рапповцами, но, забыв о деле, становился одним из слушателей. Когда раздавался телефонный звонок, Вера Константиновна брала трубку и очень тихо в нее говорила: "Он сейчас занят, заседает редколлегия".

Чтение кончено. В окне Страстным бульваром овладевает закат. Любовь к Бунину распространяется на чтеца.

– Что вы нам принесли, Давид Григорьевич?

Этого-то он и ждал – и протягивал написанное печатными буковками стихотворение о приближающемся лете (осени, зиме, весне) с некоторыми социальными черточками: колосятся хлеба, или гудят фабрики, или школы наполняются красногалстучной детворой. Полонский, прочитав, говорил:

– Это, разумеется, для "Нивы"?

Бродский так и рассчитал, и когда Полонский удалялся к себе в кабинет, выпрашивал у Веры Константиновны "авансик, гы-гы". Та нехотя выписывала и выдавала поэту небольшую сумму".

Эмиль Миндлин вспоминает две истории, случившиеся в доме Багрицкого в Кунцево. В первой – Багрицкий вдохновенно рассказывает о том, как Сен-Жюст зашел к Марату по дороге в Конвент.

"– Он не мог постучаться к Марату по дороге в Конвент, – послышалось из угла, где сидел, перечитывая истрепанную книжонку, главный кунцевский библиофил – огромный детина с давно нечесаной мелко вьющейся шевелюрой.

– Интересно, почему это не мог, – строптиво спросил Багрицкий.

— Марат жил совсем в другой стороне.

Багрицкий, ни слова не говоря, достал с полки книгу с планом Парижа...

— Идите сюда, смотрите сами.

— Мне не нужно ничего смотреть, — невозмутимо ответствовал библиофил. — Я и так себе все представляю... Если я чего не знаю, я про это не говорю, — назидательно заметил библиофил.

Реакция Багрицкого была неожиданной.

— Севка! — крикнул он... — бери мое ружье и стреляй в этого человека.

Севка... подпрыгивая и гримасничая, подступал все ближе и ближе к знатоку топографии великого города, тому пришлось покинуть зал заседаний, так и не насладившись победой.

И ссора между двумя друзьями длилась до тех пор, пока, столкнувшись где-то нос к носу, они не нашли в себе силы посмеяться над недавними разногласиями".

Вторая ссора была намного серьезней. Примерно в конце 1926 года Багрицкий и Бродский написали пародийную поэму "Не Васька Шибанов", высмеивающую руководство РАППа (Российской ассоциации пролетарский писателей). Поэма имела большой успех, и Бродский, по воспоминаниям Миндлина, часто "намекал своим слушателям, что истинным ее создателем был он один, а участие Багрицкого в сочинении поэмы сильно преувеличено". Тогда Багрицкий с компанией друзей устроил заговор. В результате в адрес библиофила Бродского пришла повестка с не очень внятным названием учреждения на Мясницкой улице (на ней же размещалось и НКВД), и в кабинете он увидел "строгое лицо сидевшего перед ним человека. Человек указал посетителю на стул и предложил папиросу. Он утверждал потом, что эта папироса окончательно добила библиофила". По утверждению Миндлина, строгим следователем был писатель Иван Катаев, "автор отличных рассказов, известных всем, кроме библиофила, по уши погруженного во французскую поэзию восемнадцатого столетия". Б. Сарнов, со слов Липкина, отводит эту роль Евгению Петрову, то есть Катаеву. (Катаев-младший сам недавно был настоящим следователем.)

Кто бы из Катаевых ни вел допрос, результат был следующим: Бродский покаялся, отрекся от авторства, осознал свои кратковременные заблуждения. Собеседника "несколько смягчила эта покаянная речь, и, взяв с библиофила торжественное обещание никогда больше не читать вслух злокозненное сочинение, он продиктовал ему текст заявления, в котором тот торжественно отказывался от своего участия в сочинении "Не Васьки", и наконец отпустил с миром.

А на другой день Багрицкий в присутствии большого количества благородных с трудом удерживающихся от смеха свидетелей во всеуслышание огласил текст этого отречения и потребовал от соавтора объяснений.

Соавтор молчал. Охотнее всего он бы, вероятно, в эту минуту заплакал или выстрелил в воздух из пистолета, или провалился под землю, но увы, все это было одинаково неосуществимо.

Тогда он сделал единственное, что ему оставалось, – выбежал из комнаты, хлопнув дверью с таким отчаяньем, что из стены вывалился большой кусок штукатурки".

К этому можно отнестись как к забавной шутке над любителем легкой славы, но мало кому известно, что у этой веселой истории есть и предыстория, случившаяся немного раньше.

С. Липкин:

"Почти каждое утро часов эдак в десять-одиннадцать сибиряки и одесситы сходились на железнодорожной платформе: у всех были дела в городе, бегали по редакциям....

Однажды на станции, когда вдали показался надвигающийся из Можайска паровоз, Павел Васильев обратился к Бродскому, отдавая честь:

– Ваше высокоблагородие господин полковник, состав подан.

В те годы полковников в Красной Армии не было, слова вроде "полковник", "генерал" были белогвардейскими... Бродский, небритый, в долгополой шинели, которую он носил лет десять, со времен гражданской войны (он в ней не участвовал), действительно походил на затаившегося в московском пригороде бывшего белого офицера. Васильев это талантливо уловил.

Когда поезд прибыл на Белорусско-Балтийский вокзал, навстречу нашей литературной бражке быстро направился человек в известной всем военной форме. Приблизясь к Бродскому, он предъявил удостоверение сотрудника железнодорожного пункта ГПУ и приказал:

– Следуйте за мной.

Еще блаженно не имея опыта массовых арестов, мы кричали, требовали объяснить, в чем провинился наш товарищ, но военный только посмеивался, пока не втолкнул большого, до смерти перепуганного Бродского в железнодорожное белорусско-балтийское отделение ГПУ.

Все разошлись, разбрелись в поисках заработка, а я решил остаться на вокзале до тех пор, пока не выпустят Бродского. Завечерело, а моего старшего сожителя все нет. Может быть, его выпустили, когда я пошел в буфет за бутербродами? Я вышел на перрон и скоро сел в поезд.

Бродский вернулся поздно ночью. Лаяли пригородные собаки. Хозяйка, Любовь Николаевна, вошла к нам в халатике, чтобы сделать выговор за позднее возвращение, но увидев Бродского, замолкла на полуслове. Он был белее мела, руки и губы его дрожали. Далеко не храброго десятка, он сейчас находился целиком во власти трусости. Кто посмел бы его винить?

Хозяйка покинула нас, сердясь и недоумевая. Я на кухне, стараясь не шуметь, поставил на керосинку чайник. Испив чаю и жадно проглотив два бутерброда, которые я приберег для него, Бродский испуганным шепотом стал рассказывать.

Сперва его заперли одного в маленькой комнатушке. Только часа через четыре на-

чали допрашивать: возраст (паспортов еще не было), откуда родом, профессия, когда начал службу в белой армии, в каком чине из нее выбыл, где воевал. Представляю себе, что чувствовал при этом допросе наш добрый, боязливый, безвольный и безвестный поэт!

Он отвечал: в белой армии никогда не служил, во время гражданской войны печатался в одесских газетах и журналах, предъявил билет сотрудника "Комсомольской правды" (он был внештатным консультантом по поэзии), попросил позвонить заведующему литературным отделом этой газеты Джеку Алтаузену, тот подтвердит, дал телефон редакции.

— Позвоним, позвоним, — успокаивали его и опять увели в ту комнатушку, в которой он провел жуткие часы. Дверь заперли.

Он не помнит, сколько прошло времени, когда его вызвали снова.

— У нас есть сведения, — сказали ему, — что некий Бродский, уроженец Гомеля, занимается спекуляцией, едет каждую неделю в Москву, в Наро-Фоминске пересаживается в пригородный поезд. Не отпирайтесь, вы — этот Бродский.

— Что вы, я никогда не был в Гомеле, я родился и жил безвыездно до двадцати четырех лет в Одессе, теперь живу в Кунцеве, я поэт, никогда не спекулировал, работаю в "Комсомольской правде", вы же видели мое удостоверение.

— Дайте сюда удостоверение. Выясним.

И Бродского опять увели. В начале двенадцатого ночи ему вернули удостоверение, выпустили, не извинившись, разумеется. Он успел на поезд в одиннадцать сорок пять.

Испив несколько стаканов чаю, съев бутерброды, он бросился в кровать не раздеваясь, в ботинках. Спал до двух часов дня. Первые его слова, когда он проснулся, были такими:

— Подлая тварь твой дружок Васильев, недаром Эдя Багрицкий терпеть не может ни его, ни его стихов".

Но на этом мытарства Бродского не закончились. Нелегкая занесла его к Мандельштаму в роковую ночь с тринадцатого на четырнадцатое мая 1934 года. Еще при жизни Бродского начали ходить в списках воспоминания Надежды Яковлевны Мандельштам. В первом варианте фамилия названа не была, позднее Н. Я. впрямую называет Бродского.

"День тянулся мучительно долго. Вечером явился переводчик Бродский и засел так прочно, что его нельзя было сдвинуть с места. В доме хоть шаром покати — никакой еды. О. М. отправился к соседям раздобыть что-нибудь на ужин Анне Андреевне... Бродский устремился за ним, а мы-то надеялись, что, оставшись без хозяина, он увянет и уйдет. Вскоре О. М. вернулся с добычей — одно яйцо, но от Бродского не избавился. Снова засев в кресло, Бродский продолжал перечислять любимые стихи своих любимых поэтов — Случевского и Полонского, а знал он поэзию и нашу, и французскую до последней ниточки. Так он сидел, цитировал и вспоминал, а мы поняли причину этой назойливости лишь после полуночи.

Приезжая, Анна Андреевна останавливалась у нас в маленькой кухоньке, – газа еще не провели, и я готовила нечто вроде обеда в коридоре на керосинке, а бездействующая газовая плита из уважения к гостье покрывалась клеенкой и маскировалась под стол. Кухню прозвали капищем. "Что вы валяетесь, как идолище, в своем капище? – спросил раз Нарбут, заглянув на кухню к Анне Андреевне. – Пошли бы лучше на какое-нибудь заседание посидели..." Так кухня стала капищем, и мы сидели там вдвоем, предоставив О. М. на растерзание стихолюбивому Бродскому, когда внезапно около часа ночи раздался отчетливый, невыносимо выразительный стук. "Это за Осей", – сказала я и пошла открывать... За дверью стояли мужчины – мне показалось, что их много, – все в штатских пальто. На какую-то ничтожную долю секунды вспыхнула надежда, что это еще не то: глаз не заметил форменной одежды, скрытой под коверкотовыми пальто. В сущности, эти коверкотовые пальто тоже служили формой, только маскировочной, как некогда гороховые, но я этого еще не знала. Надежда тотчас рассеялась, как только незваные гости переступили порог.

...Из большой комнаты вышел О. М. "Вы за мной?" – спросил он. Невысокий агент, почти улыбнувшись, посмотрел на него: "Ваши документы". О. М. вынул из кармана паспорт.

Проверив, чекист предъявил ему ордер. О. М. прочел и кивнул.

...Проверив документы, предъявив ордер и убедившись, что сопротивления не будет, приступили к обыску. Бродский грузно опустился в кресло и застыл. Огромный, похожий на деревянную скульптуру какого-то чересчур дикого народа, он сидел и сопел, сопел и храпел, храпел и сидел. Вид у него был злой и обиженный. Я случайно к нему с чем-то обратилась, попросила, кажется, найти на полках книги, чтобы дать с собой О. М., но он отругнулся: "Пускай Мандельштам сам ищет", – и снова засопел. Под утро, когда мы уже свободно ходили по комнатам, и усталые чекисты даже не скашивали нам вслед глаза, Бродский вдруг очнулся, поднял, как школьник, руку и попросил разрешения выйти в уборную. Чин, распоряжавшийся обыском, насмешливо на него поглядел: "Можете идти домой", – сказал он. "Что?" – удивленно переспросил Бродский. "Домой", – повторил чекист и отвернулся. Чины презирали своих штатских помощников, а Бродский был, вероятно, к нам подсажен, чтобы мы, услыхав стук, не успели уничтожить каких-нибудь рукописей".

И репутацию Бродского омрачает тень подозрения.

Современники сомневались в истинности утверждения Н. Я. "В своих умных и значительных "Воспоминаниях" Н.Я. Мандельштам полагает, что в ночь, когда ее мужа арестовали, Давид Бродский был подсажен к Осипу Эмильевичу, писал Семен Липкин.

"Но для чего надо было подсаживать Бродского? Гепеушники в этом не нуждались, так, насколько мне известно по рассказам пострадавших семей, никогда не делали, добыча доставалась охотникам за людьми без каких-либо забот и тягот.

Я могу допустить, что Бродского вызывали, что он струхнул не на шутку, что, дрожа от страха, давал какие-то обязательства, но не было нужды в том, чтобы он стерег Ман-

дельштама в запланированную ночь ареста. Бродский отказался бы от этого именно из-за своей трусости. Добавлю к вышесказанному, что Бродский принадлежал к тому типу людей, которые никак не в силах покинуть дом хозяев, а спешить некуда было, к тому времени однокомнатная квартира Бродского помещалась в том же подъезде дома в Нащокинском, что и квартира Мандельштамов. К тому же Бродскому несомненно хотелось блеснуть эрудицией перед Мандельштамом и Ахматовой, которая в ту ужасную ночь была в доме своих друзей. Я думаю, почти уверен, что, когда пришли "они", Бродский испугался больше, чем Мандельштам, отсюда его сопение и храпение. Обвинить советского человека в стукачестве очень легко, иди проверь, ручаться нельзя ни за кого — или почти ни за кого. Такого рода обвинения надо делать крайне осторожно, а Надежда Яковлевна такую осторожность не проявила".

Допустим, это слова друга, а друзья всегда не склонны верить в худшее.

Но вот слова человека совершенно нейтрального, Ефима Григорьевича Эткинда: "Узнал, что Надежда Яковлевна Мандельштам то ли написала, то ли говорила (но совершенно определенно), будто известный переводчик Давид Бродский — стукач. Имя и судьба Надежды Яковлевны таковы, что не считаться с ней нельзя. А в это время как раз выходили два тома "Мастера русского стихотворного перевода", куда я включил перевод Д. Бродского ("Пьяный корабль" А. Рембо). Решил поехать в Москву, все узнать из первых рук. Приехал. Спрашиваю: "Откуда вы взяли?" — "А я в этом не уверена. Кажется, кто-то сказал, но я ничего не знаю". Я, разумеется, оставил перевод Д. Бродского".

Невзирая на это, описание "стукача" Бродского до сих пор входит в воспоминания Н. Мандельштам. В общем, то ли он украл, то ли у него украли...

Умер Давид Бродский в 1966 году. В архиве РГАЛИ хранятся сотни, если не тысячи его рукописей с переводами. И на большей части пометки "не пойдет".

У поэта и, по суровой необходимости, переводчика Георгия Шенгели есть баллада-пародия, в которой описана жизнь переводчиков в тридцатые годы. И что характерно, большинство упоминаемых — одесситы. А главный герой — и вовсе Давид Бродский. Баллада впервые опубликована Е. Витковским на сайте "век перевода", а в альманахе она публикуется впервые. Забавно, что и речь в ней идет об альманахе.

Георгий ШЕНГЕЛИ

Замок Альманах

На рассвете поднявшись, пиджак натянул
Переводчик Бродский Давид
И уныло зевнул, и уселся на стул,
Хоть исподний убор позабыт.

дельштама в запланированную ночь ареста. Бродский отказался бы от этого именно из-за своей трусости. Добавлю к вышесказанному, что Бродский принадлежал к тому типу людей, которые никак не в силах покинуть дом хозяев, а спешить некуда было, к тому времени однокомнатная квартира Бродского помещалась в том же подъезде дома в Нащокинском, что и квартира Мандельштамов. К тому же Бродскому несомненно хотелось блеснуть эрудицией перед Мандельштамом и Ахматовой, которая в ту ужасную ночь была в доме своих друзей. Я думаю, почти уверен, что, когда пришли "они", Бродский испугался больше, чем Мандельштам, отсюда его сопение и храпение. Обвинить советского человека в стукачестве очень легко, иди проверь, ручаться нельзя ни за кого — или почти ни за кого. Такого рода обвинения надо делать крайне осторожно, а Надежда Яковлевна такую осторожность не проявила".

Допустим, это слова друга, а друзья всегда не склонны верить в худшее.

Но вот слова человека совершенно нейтрального, Ефима Григорьевича Эткинда: "Узнал, что Надежда Яковлевна Мандельштам то ли написала, то ли говорила (но совершенно определенно), будто известный переводчик Давид Бродский — стукач. Имя и судьба Надежды Яковлевны таковы, что не считаться с ней нельзя. А в это время как раз выходили два тома "Мастера русского стихотворного перевода", куда я включил перевод Д. Бродского ("Пьяный корабль" А. Рембо). Решил поехать в Москву, все узнать из первых рук. Приехал. Спрашиваю: "Откуда вы взяли?" — "А я в этом не уверена. Кажется, кто-то сказал, но я ничего не знаю". Я, разумеется, оставил перевод Д. Бродского".

Невзирая на это, описание "стукача" Бродского до сих пор входит в воспоминания Н. Мандельштам. В общем, то ли он украл, то ли у него украли...

Умер Давид Бродский в 1966 году. В архиве РГАЛИ хранятся сотни, если не тысячи его рукописей с переводами. И на большей части пометки "не пойдет".

У поэта и, по суровой необходимости, переводчика Георгия Шенгели есть баллада-пародия, в которой описана жизнь переводчиков в тридцатые годы. И что характерно, большинство упоминаемых — одесситы. А главный герой — и вовсе Давид Бродский. Баллада впервые опубликована Е. Витковским на сайте "век перевода", а в альманахе она публикуется впервые. Забавно, что и речь в ней идет об альманахе.

Георгий ШЕНГЕЛИ

Замок Альманах

На рассвете поднявшись, пиджак натянул
Переводчик Бродский Давид
И уныло зевнул, и уселся на стул,
Хоть исподний убор позабыт.

Позабыт сей убор: за спиной договор, —
Перевод двести тысяч строк.
Но лежит в стороне переводный топор,
Хоть давно уж просрочен срок.
И могучий Давид перманентно сидит,
До полудня сидит он с утра,
Но лишь полдень пробьет, — в руки брюки берет,
Надевает и прочь со двора.
Он не с Маркишем грозным бороться спешит,
Не Гофштейна повергнуть во прах, —
Пред могучим, в мечте, возникает, парит,
Новый замок манит — Альманах.
В этом замке жила, в этом замке была
Молодая его госпожа,
Точно строчка стройна, точно ставка скромна,
Как Парнах (извините!) рыжа.
Там в ущельях скалистых король Накоряк
Тайных кладов зарыл без числа,
И туда собираются тучи бродяг
Безо всякого рукомесла.
В этих мирных ущельях не нужно в борьбе
Мозговой напрягать полушар:
Только жилу нащупать, и сразу тебе,
Словно ключ, забурлит гонорар.
Но с тех пор, как в скалах поднялся Альманах
С молодой госпожою внутри,
Этот мирный народ только в замок и прет,
В два часа заходя раза три.
Ведь и там гонорар, но с прибавкою чар,
С премиальными смеха и глаз.
(Я и сам там бывал, трех редакций вассал,
Но об этом молчи, мой рассказ!)
Да, сходилась туда трубадуров орда, —
Бугаевский был, костная боль,
Сема Липкин, упырь, Талов Марк, нетопырь,
Марк Тарловский, ушная мозоль.
И порой госпожа, мелодично взвизжа,
Выставляла героев за дверь

И садилась, без слов, за семь смертных грехов,
Где царапалась рифма, как зверь.
Имя Дины ей Феи внесли в колыбель
(В паспорт нечего лезть, грубиян!)
Эта Дина, как Льдина, хладела досель,
Хоть пожаром был всяк обуян.
Все ж за дверью у моста немало толклось
Трубадуров и всякой шпаны,
Тут Давид проницал их скопленье насквозь,
Как игла проницает штаны.
Тут могучий Давид, родовит, плодовит, —
Хоть и мало стихов наплодил, —
В грубошерстных штанах, как монах, в Альманах
Стопудовой стопой проходил.
Вдохновенно сутул, он садился на стул,
Говорил он, что ямб — это вещь,
И при этом краснел, и пыхтел, и потел,
Словно отрок, заброшенный в пещь.
Говорил: я силен, говорил: я умен,
Говорил: я умею спрягать;
Говорил: я один на земле семьянин,
Ой, какая ж вы будете мать!
Но положено людям в их скорбной судьбе,
Их обвившей, как мощный боа, —
Что проблеять любому приходится "б",
Кто осмелится вымолвить "а".
Да, положено людям в их скорбной судьбе,
Окружающей их, как боа, —
Что уж если кто вынужден молвить "бебе",
Тот обязан прибавить "а-а".
Перспективой такой усладив свой кумир,
Проспрягав, просклоняв, приманув,
Уходил он сияя, а вслед, как зефир,
Раздавалось хрустальное "уф!"
Трубадуры бряцали на грозном мосту,
Трубадуры гремели во мгле, —
А уж в замок стучал на маху, на лету
Граф Пирал, проскользнув по скале.

Он не очень Поддубный, чтоб Лурих — так нет,
Перед ним и Давид — Голиаф,
Но он взял в лотерею счастливый билет,
Ни единожды не проспрягав.
Этот хитрый Пирал не зевал — напирал,
Переводы слагая на стол,
И сокровище замка спокойно забрал
И на имя свое перевел.
Вот вбегает Давид — мелинит, динамит! —
И за шиворот Липкина — цоп!
"Слушай, Сема, мой паж, брось излишний трепаж
И скажи: неужели мне гроб?"
"Уй, пусть будет для вас беспросветный Манас,
Если вам я, Давидчик, совру.
Граф Пирал не зевал, он таки напирал.
Не давите, а то я умру.
Эта Дина — не льдина, не так холодна.
Я прошу: не давите, Давид!
Что вам нужно? Идите, там есть Колчина,
Что на вас, как на пряник, глядит.
Ах, пусть будет для вас утешеньем Манас,
Заключайте скорей договор.
Граф Пирал напирал, он совсем не спрягал,
И конечно — дурак он? — упер!"
И поплелся Давид, не спрягая, без слов,
И висел за могучей спиной
Не готов, не готов, не готов, не готов, не готов
Перевод двадцатипудовой.
Опустел старый замок, заглох Альманах
(Ну и черт с ним, — я в скобках скажу),
Но зато мы встречаем в семейных домах
Молодую его госпожу!

Публикация Алены ЯВОРСКОЙ

Лев МЕЖБЕРГ

Несколько благодарных слов об одесских художниках

"Очевидно, есть какой-то закон в природе, который охраняет настоящих художников, отпуская им при жизни очень мало благ... взамен беря на себя ответственность сохранить для будущих поколений их бессмертные произведения".

Эти размышления Льва Межберга о Дине Михайловне Фруминой вполне могут быть отнесены и к нему самому. А ведь именно она – человек, которого он считал своим духовным учителем, – оказалась в его жизни, когда она только начиналась.

"Ее волшебные работы впервые я увидел на выставке, еще будучи мальчиком. Я не мог тогда это осмыслить. Я был просто поражен... я находился под впечатлением этих работ... они приводили меня тогда в трепет. Это была серия самаркандских мотивов".

И начала выстраиваться судьба художника, тогда тринадцатилетнего мальчика с очень яркими музыкальными способностями (мнение П.О. Столярского). Потом была художественная школа, Одесское художественное училище (с перерывом на три года для службы в армии), успешное начало творческой и выставочной жизни.

С годами понимаешь, что действительно все в жизни не случайно, и события выстраиваются для нас загадочным образом, но подчиненно каким-то неведомым человеку своим закономерностям.

"Спустя лет 20 Дина Михайловна показала мне эти работы опять. Я думаю, что в 20 веке вы найдете мало таких колористов, это не просто цвет, это цветорождение, это ее цветная душа выливалась на холсте, будь это талый самаркандский снег, которому Богом было отпущено едва ли два часа на жизнь, или медленно потухающая в лучах заходящего самаркандского солнца мечеть, или залитая солнцем, с трепещущей листвой громадного чинара летняя мечеть ходжи Охрара, или дерево, отдающее на растерзание безумному самаркандскому солнцу свою верхушку, одновременно пряча в своих тенистых объятиях людей, утоляющих жажду узбекским чаем".

Я не случайно привожу такую большую цитату Межберга – в ней дальнейшее развитие его судьбы и становление художника. Очарованный Средней Азией, благодаря Фруминой он поехал туда на довольно продолжительное время, и это родило целый самаркандский цикл в его творчестве. (Прожил там несколько успешных творческих лет и второй любимый ученик Дины Михайловны – Станислав Сычев.) Для нас, зрителей, – это выставки как результат проделанной работы, сохранившиеся произведения. Для них, художников, – неизмеримо огромный важный процесс внутреннего развития и становления, обогащения впечатлениями для всей последующей творческой жизни.

Создавая диск о жизни и творчестве художника Л. Межберга, именно эту, внут-

реннюю жизнь и хотелось дать почувствовать зрителю – зрителю, в основном, практически почти не знакомому ни с творчеством, ни с художником.

Отсюда вторая цель: сложить визуальное впечатление о художнике Межберге, используя только его работы, чтоб можно было отследить какие-то стилистические особенности, чем способствовать изучению его творчества. Работы выполнены в разное время и в разных материалах, ведь он занимался и пластикой, которую использовал в живописи.

Конечно, много фотографий самого Льва Леонидовича Межберга, от самого маленького ясноглазого ребенка до последнего пребывания в Одессе счастливо сияющего Люсика, который приехал к 140-летию родного училища и с радостью смог поделиться со всеми и своим творчеством, показав выставку акварелей. (Именно его выставка в галерее "Мост" стала последней, которую видела Д.М. Фрумина, – через два месяца ее не стало.)

На фото ослепительно красивый в любом возрасте человек. Хочется обратить внимание на послевоенные фото детей в неуклюжих одежках, замерших перед объективом. Они сделаны Леонидом Фединым, другом детства Межберга, запечатлевшим некогда на фотопленке детство и юность своих друзей. С самых ранних лет они, дети, знали, что Люсик – художник, и это отличало его от других ребят. Потом всю жизнь в разных уголках мира, куда забросила их судьба, радовались они его успехам и не теряли связь друг с другом. Память детства – самая крепкая и благодарная память.

Музыкальный фон удачно составлен Еленой Антроповой и усиливает чисто эмоциональную тональность материала.

С фактами и датами биографии Льва Межберга еще большой и непростой процесс впереди. Это занятие для нас, профессионалов, сегодня облегчается относительной, но все-таки несравненно большей, чем прежде, доступностью материала, рассеянного по всему свету и охватывающего вторую половину жизни художника. Материал диска – первый камушек в исследование судьбы и творчества одессита Льва Межберга, подарившего своей талант миру.

Тамара МИХАЙЛИЧЕНКО

Одесское солнце, море, песок, ракушки, камушки, бычки, скумбрия, нежное морское дуновение, встречаясь со степным ветром, буквально на обочине морских обрывов совершают в какой-то эллинской гармонии, легко, весело, непринужденно и сладострастно любовные игры! Соединение этих двух дуновений рождает необычайные таланты. Одесса — очень молодой город, едва появился юношеский пушок, но глаза уже искрятся, и рожденные ею таланты в каком-то южном неистовстве готовы отдать людям свое дарование. В Одессе, как ни в одном городе, ни в одном государстве, почитают таланты. Это какая-то одесская болезнь, сумасшествие. Вполне достаточно прогуляться по одесским улицам два-три часа, чтобы почувст-

вовать, что вы побывали на концерте: ведь буквально из каждого окна несутся звуки скрипки, фортепьяно, флейты или трубы. За два часа вы можете прослушать как бы маленький экскурс в историю музыки. А в укромных уголках или на людном перекрестке вы обнаружите художника с этюдником и, конечно, толпу любопытных, дающих рекомендации, как надо писать, а иногда и активно вырывающих кисти. Одесса — совершенно другая планета — это отдельное государство и едва ли не сформировавшаяся национальность. Если море — это греки, турки, итальянцы, французы и англичане, и заморские евреи времен рассеяния, а степь — это скифы, украинцы, русские, прибалты и разные беглые, то можно себе представить, какое изумительное дитя может родить этот союз двух ветров.

Одесса была вольным городом, все краски мира оседали в одесской гавани, все переливалось и искрилось под южным солнцем. Новорожденный одессит, как говорят украинцы, немовлятко, с молоком матери впитывал в себя эту разноязычную симфонию всех языков и красок мира. У одессита с рождения тяга к прекрасному. Если одесский биндюжник мог простоять сутки в очереди у оперного театра на спектакль с участием Энрико Карузо (конечно, биндюжник покупал на два билета больше, чтобы подработать и оправдать потерянные часы в очереди, а чтобы не потерять очередь, мочились в бутылку), то можете себе представить силу этой врожденной любви к прекрасному. Дети одесситов, еще едва державшиеся на ногах, получали в подбородок скрипочку и, сидя на горшках, готовились к всемирному покорению.

Другие же родители, уходя в оперный театр, оставляя своего ребенка одного в квартире, клали в кроватку альбом с цветными карандашами. Я был этим ребенком и очень благодарен своим родителям, которые, правда, не могли решить, быть ему музыкантом или художником. Когда мне было три года, во время семейных вечеринок они одевали меня в матроску, ставили на стул, и я должен был петь: "Онегин, я скрывать не стану, безумно я люблю Татьяну" или "Смейся, паяц". Но об этом как-нибудь в другой раз.

Сейчас же я хотел бы рассказать об одесских художниках. Одесса переживала взлеты литературные, музыкальные, сейчас же настоящий ренессанс одесской живописи. Так удачно сложились обстоятельства, что в городе одновременно живет около двадцати выдающихся художников. И сейчас, живя на Западе около тринадцати лет, когда меня спрашивают: "Вы украинский или русский художник?" — я отвечаю: "Я одесский художник и всегда им останусь. Я часть одесского тела, солнца, моря, песка, я только могу воспроизводить одесский, наш, ни с чем не сравнимый пе-

пельный колорит, из меня выливается цвет ракушника и цвет тех волшебных зайчиков, которые играют на одесских домах, барашков на море или размытой глины у морского побережья".

Мало кто знает об одесских художниках. После того как Одесса перестала существовать как порто-франко (беспошлинный город), и город постигло в 1919 году это "небольшое несчастье", одесситы как-то приспособились к жизни, в душе затаив обиду и надежду на вольный город. Как говорят в Одессе, власти приходят, власти уходят, а таланты остаются. Я хотел бы в меру моих возможностей рассказать, поведать людям о замечательной группе одесских художников. Я не буду подразделять художников на группы, группировки, принадлежность к национальным восторгам, это нехарактерно для Одессы, да простят меня художники, в сущности, это ведь и неважно.

По физической продолжительности я учился у Дины Михайловны Фруминой буквально несколько месяцев, но духовно я считаю ее своим учителем. Она, как никто другой, уча профессиональному мастерству, умела одновременно открывать глаза. Она учила видеть, концентрируя свое внимание, что, в конечном счете, холст — это явление духовное, главное — это человеческие чувства, дыхание жизни. Закончив занятия, она буквально бежала к себе в мастерскую. В жизни очень редко встречаются женщины такой необычайной красоты. Стройная, с необыкновенно пластичной фигурой и лицом греческой богини (Коры). Училась она в Одессе, а затем в Киеве в художественном институте, который окончила в Самарканде в 1942 году. Ее педагогами были еще до войны Кричевский, затем Фаворский, С. Герасимов, Роберт Фальк. Ее волшебные работы впервые я увидел на выставке, еще будучи мальчиком, в одесском музее. Я не мог тогда это осмыслить, я был просто поражен, все время я находился под впечатлением этих работ. Это была серия самаркандских мотивов. Небольшие по размерам работы, написанные довольно пастозно, приводили меня тогда в трепет. Спустя лет двадцать Дина Михайловна показала мне эти работы опять. Я думаю, что в двадцатом веке вы найдете мало таких колористов. Это не просто цвет, это цветорождение, это ее цветная душа выливалась на холсте — будь это талый самаркандский снег, которому Богом было отпущено едва ли два часа на жизнь, или медленно потухающая в лучах заходящего самаркандского солнца мечеть, или залитая солнцем, с трепещущей листвой громадного чинара, летняя мечеть ходжи Охрара, или дерево, отдающее на растерзание безумному самаркандскому солнцу свою верхушку, одновременно пряча в своих тенистых объятиях людей, утоляющих жажду узбекским чаем.

Дина Михайловна писала людей, портреты, жанровые сцены, натюрмор-

ты. Она воспитала большую группу настоящих художников. Выйдя на пенсию, она начала работать с удвоенной энергией. После того как я окончил училище, и до моего отъезда на Запад, мы просто дружили, бывали часто друг у друга в мастерской; ее суждения были всегда точными, я бы сказал, прозорливыми. Она жила в другом измерении. Живя в Одессе, она реально понимала, что происходит вокруг, какова тенденция в современной живописи. Она плыла в океане в то самое время, когда здесь я встречаю людей на свободе и в свободной стране, в Нью-Йорке, в этом сталактитовом гиганте настоящих провинциалов, ограниченных и больных манией величия мировой столицы, не умеющих положить элементарный мазок на холст. Дина Михайловна безумно любила музыку, да и работы ее были необыкновенно музыкальны, ее цветовое решение на холсте, сочетания теплого и холодного, сочетание цветовых масс, идеи общего были как бы созвучны с музыкальной гармонией. Краски зазвучат, если живописец от Бога находит настоящие сочетания, краска как бы светится, звучит, вызывая одновременно свечение соседа по цвету. И все это в единстве холста создает завораживающее чувство. Вы не можете смотреть на работы Дины Михайловны без трепета, невозможно пройти мимо них равнодушно. Как правило, композиции у нее очень естественны, гармоничны в своем линейном решении, линии плавные, округлые и бесконечные, никаких усилий, нажима на зрителя, никакого эпатажа и безукоризненный вкус. И что еще примечательно, — ее работы не блестят, они матовые. Дина Михайловна — настоящий колорист. Скоро ей исполнится семьдесят лет — трудно поверить. Очевидно, есть какой-то закон в природе, который охраняет настоящих художников, отпуская им при жизни очень мало благ, иногда даже обрекая их на жалкое существование, обрекая их жить в одном городе без права выезда, обрекая их на невозможность показать свои работы и взамен беря на себя ответственность сохранить для будущих поколений их бессмертные произведения.

Дина Михайловна дружила с художницей Раей Нудельман — очень тонким живописцем. Рая Нудельман как бы была отдалена от всего официального. Ее муж был доцентом Консервного института. Это давало ей возможность не иметь отношения ни с Союзом художников, ни с Худ. фондом. Она тихо работала у себя дома, создавая настоящие шедевры. Я никогда не забуду ее портреты и натюрморты. Она была исключительно добрым человеком, а ее квартира на Пушкинской была как храм отдыха. Здесь, когда меня приглашают на пати и в американские квартиры с их вопиющим кичем, я вспоминаю Раю Нудельман, ее квартиру, автопортрет, где все говорило о ней, где все было самовыражением. Это поразительно,

но здесь я никогда не встречал квартир, подобных квартире Дины Михайловны или Раи Нудельман.

Несколько поколений одесских художников учились у Леонида Евсеича Мучника — очень строгого преподавателя и академического художника. Он учил, как вставлять глаза, и очень успешно показывал. Он безукоризненно знал анатомию и в некоторых работах добивался больших успехов. Он иногда по колориту чем-то напоминал мне Рубенса. Ко мне он относился очень трогательно. Года два я у него учился и навсегда ему благодарен.

Жил в Одессе замечательный художник Моисей Давидович Муцельмахер. Если мне не изменяет память, у него училась Дина Михайловна Фрумина, и он был тайно в нее влюблен. Жил он на Французском бульваре с двумя сестрами, в домах специалистов. Одну комнату он превратил в мастерскую. Моисей Давидович был довольно активным членом Союза художников, преподавал в училище и писал. А писал он необыкновенно интересно, очень своеобразно, с необыкновенно натуральным чувством цвета. По иронии судьбы, одна из лучших его работ попала в Одесский салон в соседство с халтурными вещами. И всегда, проходя по Екатерининской мимо салона, я заходил туда полюбоваться его портовым пейзажем. Вообще, должен сказать, что это было девизом одесской школы: натуральное, очень точное цветоощущение. Это было неотъемлемое требование к поступающему студенту, это было так же важно, как слух для музыканта. В Одессе умели ставить руки на клавиши или на гриф и не менее успешно в Одессе умели ставить глаз. Ведь когда-то, до военного путча в 1917 году, выпускника одесского училища принимали в императорскую Академию художеств без экзаменов.

Немного старше Муцельмахера был Теофил Борисович Фраерман. Теофил Борисович был членом Парижского салона, он был как бы мостом, переброшенным из Европы в Одессу. Конечно, мы с благоговением к нему относились, но мы не понимали, что среди нас живет настоящий большой художник. Я хорошо его помню с классным журналом в коридоре училища, с несколько удлиненным носом и затылком, мощно соединенным со спиной; среднего роста, с улыбающимися губами. Иногда он разрешал мне (я тогда учился в детской художественной школе) заходить к нему на курс. Мои этюды с натуры производили большое впечатление на студентов и педагогов, поэтому я имел допуск к святыне старшекурсников. Прежде всего, как и Д.М. Фрумина, Т.Б. Фраерман учил искусству, он много рассказывал о Париже, о французских художниках. Сам он писал небольшие работы, где все было построено на локальных отношениях, будь то натюр-

морт со шляпой, портрет или пейзаж, но эти локальные отношения были так выверены, так божественны, так гармоничны, что вы попадали полностью под власть его чар; он пользовался черной обводкой, очень любил разные материалы. Это было явление не меньшее, чем, скажем, Марк Ротко. Но кто сейчас знает, что жил и работал, и творил такой изумительный художник? После его смерти работы разошлись, его вдова существовала на продаже этих вещей. Еще несколько лет в Одессе вспоминали Фраермана — и забыли. Я верю, что придет время, и его переоткроют.

До войны в Одессе работали очень интересные живописцы Волокидин, Кишиневский, Шевкуненко, Мучник, начинал Николай Андреевич Шелюто. Одно время на первом курсе художественного училища я учился у него. У Николая Андреевича была поистине одаренность, равная Камилу Коро, что-то их сближало — необыкновенно возвышенное и романтическое чувство пейзажа с патологически натуральным чувством цвета, в лучшем смысле этого слова. Часто именно в природе бывают такие тончайшие сочетания, что само по себе большим успехом было бы это природное чудо перенести на холст, к чему, кстати, и стремились Коро, Сезанн, Монэ. Он мог бы достичь в пейзажной живописи вершин Клода Лорена, Коро, но, на несчастье, на вершину его зрелости легла война; а затем суета в Союзе художников и председательское место в худсовете Фонда. Тем не менее, он все же успел сделать замечательные картины, которые останутся. Его дети, Саша и Тамара, тоже художники, не похожие совсем на отца, очень талантливые люди и непьющие. А то папа мог поллитровку с горлышка. Но, конечно, ему было далеко до Левки Быка, напарника Срулика, — они всех евреев на таможню отвозили на своей площадке и на жалких, увы, лошаденках, у которых от былой славы биндюг только и осталась саркастическая улыбочка. Да, так вот, Левка Бык вкладывал в рот две поллитровки и сливал водку в свой безмерный желудок.

Вообще-то, в Одессе художники выпивали. Осенью, когда натужные опрелые ноги выдавливали из винограда Изабелла вино, все художники гурьбой отправлялись на Привоз отведать свежака. Это было потрясающее зрелище: со стороны Преображенской улицы и до самой Екатерининской выстраивались бочки с вином. А по бокам этого винопровода, параллельно ему с двух сторон, как бы на дополнительных столах, расположилась закуска, от копченой кефали и разного рода солений до свежих осенних овощей и фруктов. Это была какая-то цветная буря. Вы подходили к крестьянину и просили попробовать вино, почти все от души наливали полстакана, иногда и больше. Краны из бочек торчали громадные, а руки

у винодавцев не дрожали, да еще при виде симпатичных морд художников вино лилось через стакан. Розовое, белое, красное, нежнейших оттенков и волшебного вкуса, оно легко дурманило голову и растягивало рот в благодушную улыбку. Большими специалистами по выпивке были Эдик Павлов, Славик Сычок, Дема Черпилиовский, одно время Валик Хрущик. Они проделывали этот винный ход от Преображенской до Екатерининской и сваливались там при выходе из Привоза. Таким образом, там вырастали целые горы пьянчуг, горы дышали винным перегаром, а пьяный храп разносился на всю Одессу до самой Дерибасовской. Два захода удавалось сделать исключительно Эдику Павлову.

Я очень любил Эдика, его семью. Они жили рядом с нами — я на Полицейской, напротив пожарки, Эдик на Греческой, напротив Русского театра. Часто его жена Любочка приходила к нам домой, в нашу коммуналку, в надежде найти Эдика. Так она просиживала с моей мамой часами. У моей мамы и Любочки были одинаковые глаза. В глубине в темно-серой оправе накопивших несчастий и горя серо-голубые глаза моей мамы смотрели на такие же страдальческие глаза Любаши. У моей мамы было необыкновенное, чудное качество — слушать людей. Любочка была нежной любящей женой, она была из праведниц, которые все безропотно терпят. Эдик Павлов в ту пору очень много работал и пил. Писал он одесское побережье, так называемые Бугры, с кустами боярышника. Вообще, город был поделен на квадраты, каждый художник имел свой квадрат, в котором он писал. Так, Миша Матусевич писал Привоз и Привозную улицу. Эдик Павлов — Бугры, Люсик Межберг — Дерибасовскую и прилегающие к ней улицы, Синицкий — Большой Фонтан, Гена Малышев — 12-ю станцию, Зайцев — Лузановку, Шелюто — Лиманы, Юра Егоров — Бугаз, Стрельников — Сахалинчик, и Леня Межерицкий — Средний Фонтан, места, которые родили Ахматову-Горенко. Эдик Павлов писал пастозно и величественно. Он безукоризненно владел формой, ощущая предметы скульптурно, писал свободно, краски плотные, напряженные. Колорист он, конечно, был превосходный.

Боже! Ведь обо всех художниках, о которых я пишу, можно сказать — колористы. Чтобы в одно время в одном городе жило около двадцати художников-колористов?!! Здесь годами я ищу с керосиновой лампой по галереям художников, оперирующих цветом. За лет десять обнаружил человек пять, и это в громадном чудовище по имени Нью-Йорк. Может быть, когда-нибудь одесскую школу будут сравнивать с венецианской.

Нью-Йорк, 1986 г.

Публикация Тамары МИХАЙЛИЧЕНКО

НАШИ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Татьяна ЩУРОВА
Манящие огни рампы 248

Манящие огни рампы

№ 1. 8 Мая 1911 г. Цѣна 10 коп.

Еженедѣльный Журналъ

СЦЕНА и ЖИЗНЬ

посвященный

ТЕАТРУ, ЛИТЕРАТУРѢ, ХУДО-ЖЕСТВУ, МУЗЫКѢ и СПОРТУ

ВЪ ЭТОМЪ № ПЕЧАТАЕТСЯ ПОСЛѢДНЯЯ НОВИНКА „КОРОЛЕВА“

Драма въ 4 дѣйств. С. АЛЬФРЕДОВА.

КЪ ПРЕДСТАВЛЕНІЮ ДОЗВОЛЕНА за № 6788.

№ 2–3. 1911 г.

Еженедѣльный Журналъ

СЦЕНА и ЖИЗНЬ

посвященный

ТЕАТРУ, ЛИТЕРАТУРѢ, ХУДОЖЕСТВУ, МУЗЫКѢ и СПОРТУ

ВЪ ЭТОМЪ № ПЕЧАТАЕТСЯ ПОСЛѢДНЯЯ НОВИНКА „КОРОЛЕВА“

Драма въ 4 дѣйств. С. АЛЬФРЕДОВА.

КЪ ПРЕДСТАВЛЕНІЮ ДОЗВОЛЕНА за № 6788.

В мае 1911 года 25-летний Саул Цинеман (псевдоним С. Альцестов) родом из соседнего Аккермана стал редактором-издателем одесского журнала "Сцена и жизнь", задуманного как еженедельник. От редакции, как обычно, последовали уверения о том, что, например, "мы воздержимся от громких реклам, имеющих целью завлечь доверчивого читателя...". Хотя уже через несколько строк находим противоположное: "Наш журнал будет единственным органом в России, который охватит все то, что только может интересовать каждого интеллигентного человека...". Молодого задора (а может быть, и средств) хватило на выпуск лишь двух номеров. Подозреваем также, что драматургу С. Альфредову очень хотелось увидеть напечатанной свою пьесу "Королева" из жизни барона, графа и шансонетной певицы.

Под другим псевдонимом, Ц. Неман, редактор дал еще материал "Краткие очерки европейской сцены" (от Древней Греции до XVI в.). Он стремился познакомить читателей с обзором иллюзионов — кино активно вторгалось в быт горожан; дать хронику провинции, забавно перечисляя театры Владивостока, Харбина, Керчи, Николаева, Перми, Москвы. Вероятно, историкам театра будет интересно прочесть мнение известных артистов о проблемах репертуара в еврейских театрах ("играем при полупустых залах"). Любезной публике предлагалась еще салонная поэзия малоизвестных авторов и не очень смешные юмористические странички.

Просуществуй журнал "Сцена и жизнь" дольше, он вряд ли бы мог конку-

рировать с ежедневной газетой "Одесское обозрение театров", ставшей выходить с сентября того же 1911 года и продержавшейся почти семь лет благодаря профессионализму издателей и журналистов. Он остался полузабытым фактом в истории одесской журналистики.

ОДЕССКАЯ
РАМПА
№ 1. Воскресенье 6-го апреля 1914 г. № 1.
Яша Хейфецъ.

В апреле 1914 года была сделана еще одна попытка выпустить в Одессе театральный журнал. 27-летний студент Новороссийского университета Саул Блоцек, имевший небольшой опыт сотрудничества в периодике, стал редактором-издателем единственного номера журнала "Одесская рампа". Судя по напечатанным в нем материалам, издание это могло бы стать интересным и оперативно информационным. Например, в журнале было напечатано либретто фильма "Три мушкетера" с многочисленными фотоиллюстрациями, рекламой и рецензиями по поводу одного из самых нашумевших боевиков сезона по роману А. Дюма. В то время началась борьба за художественность в кино. Кинематограф не без труда завоевывал свое место под градом критических стрел.

Как событие были отмечены гастроли артистов киевской драмы театра "Соловцов" Н.Н. Синельникова, труппа которого считалась лучшей из провинциальных. Одесситы имели возможность видеть игру знаменитых Елены Полевицкой, Степана Кузнецова, Николая Радина (внука Мариуса Петипа). Разнообразный серьезный репертуар этого театра сделал бы честь любому театру и сегодня. В другом материале говорилось о насущной потребности в создании в Одессе детского театра, рекламировались гастроли 12-летнего виртуоза скрипки Яши Хейфеца в зале Новой Биржи.

Нашлось место в журнале и для сентиментального рассказа "Клоун", раскрывающего психологию людей того времени, может быть, не совсем понятную нам.

С большим интересом читается статья критика Алова "Театр в Англии", многими точками определенно соприкасаемая с проблемами нашего времени. И тогда, и сейчас "от театра требуют смеха, задора, веселья после напряженной недели... Отсутствие публики на интересных глубоких спектаклях — лишнее доказательство печального положения английского театра... В театр идут не учиться и не страдать. Довольно этого и в жизни...".

Все это писалось об английском театре и в противовес говорилось о благородном отношении к театру у нас как о "высшей школе человеческого служения и горения сердца". Ох, не растеряли ли мы этих качеств за прошедшие годы?..

Татьяна ЩУРОВА

Закрытый сеансъ въ Паласъ-театрѣ.

Въ минувшее воскресенье въ "Паласъ-Театрѣ" для администраціи, представителей артистическаго міра и журналистовъ состоялся закрытый сеансъ для просмотра нашумѣвшей заграницей картины "Три Мушкетера" инсценированной по знаменитому роману Александра Дюма.

Среди всѣхъ картинъ, когда либо появлявшихся на кинематографическомъ рынкѣ, фильма "Три Мушкетера", выпущенная "Film d'Art", выгодно выдѣляется своимъ рѣдкимъ художественнымъ и артистическимъ исполненіемъ.

Демонстрированіе картины продолжалось свыше 2-хъ часовъ и вызвало неподдѣльный восторгъ у присутствовавшихъ на закрытомъ сеансѣ гостей.

...Правда бываютъ рѣдкіе случаи, когда кинематографъ выступаетъ во всемъ блескѣ своего достоинства, но это бываетъ, къ сожалѣнію, рѣдко. Недавно мнѣ пришлось смотрѣть безсмертныхъ "Три Мушкетера" по знаменитому роману А. Дюма въ закрытомъ сеансѣ одного изъ кино-театровъ Одессы. Картину эту выпустила Парижская фирма "Film d'Art" при участіи лучшихъ артистовъ парижскихъ театровъ "Comedie Francaise", "Vaudeville", Theatre du Gymnase и мн. др. Скептически настроенный, равнодушно глядѣлъ я на первыя части ленты. Восторгъ очевидца, раньше смотрѣвшаго "Три Мушкетера", мнѣ не передавался. И только съ развитіемъ дѣйствія, меня охватила какая то сила, нервы были напряжены до крайности, задѣтые тонкой игрой и художественно продуманной мимикой артистовъ, стильными фигурами, вѣрными эпохѣ Людовика XIII, и общимъ эффектнымъ колоритомъ. Блестящее, даже талантливое исполненіе ролей, далекихъ шаблонному стилю "кинематографическихъ артистовъ", роскошная обстановка, замѣчательная режиссерская рука — одно достойно другого. Рядомъ со мной сидѣлъ режиссеръ мѣстнаго театра и онъ не могъ скрыть своего удивленія по поводу талантливой инсценировки съ выдающимися силами. Впечатлѣніе вынесли цѣльное, законченное — съ такимъ чувствомъ удовлетворенія, съ какимъ выходишь обыкновенно изъ театра послѣ постановки высоко художественныхъ произведеній. Роль Д. Артаньяна въ рукахъ Debelly изъ Comedie Francaise получила тщательнѣйшую отдѣлку съ подчеркиваніемъ самыхъ характерныхъ мѣстъ. Передъ вами живой гасконецъ со всей яркостью пылкихъ импульсивныхъ движеній.

Красота въ обстановкѣ, красота въ игрѣ, вплоть до такихъ мелочей, какъ подача руки, привѣтствіе, сниманіе шляпы, — все красиво, элегантно въ выдержанныхъ тонахъ. Картина эта, дѣйствительно, "шедеверъ синематографа".

Два часа демонстраціи прошли незамѣтно...

Театральная хроника.

Дѣтскій театръ.

Ни о чемъ, кажется, такъ мало не думаютъ у насъ, какъ о развлеченіяхъ для дѣтей.

Этотъ вопросъ, являющійся первостепеннымъ, всегда остается позади. Всѣ организаціи для дѣтей въ зачаточномъ состояніи и разбросаны какъ оазисы по всему необъятному нашему отечеству. Они собираютъ вокругъ себя небольшой кругъ дѣтворы, тогда какъ масса дѣтокъ болѣе всего нуждающаяся въ развлеченіяхъ и зрѣлищѣ предоставлена сама себѣ или же вмѣстѣ со своими родителями наполняетъ сеансы кинематографа, въ которыхъ, такъ живо и ярко, преподносится чуткому сердечку, пылкой головкѣ какой нибудь любовный сумбуръ Макса Линдера въ спальной графини Зетъ и передъ юнными глазками проходитъ процессъ завязки и развязки любовныхъ интрижекъ съ раздѣваніемъ. На смѣну всего этого дымнаго чада является идея организаціи постояннаго и дѣтскаго театра, съ разнообразнѣйшей. программой развлеченій для дѣтей. Идея новая, красивая, огромная, съ широкимъ просторомъ замысла и работы.

Успѣхъ этого нарождающагося театра показалъ, что подобный театръ можетъ и долженъ существовать. И то, что вначалѣ дѣлается примитивно, впослѣдствіи разростется въ большое серьезное дѣло.

Идею дѣтскаго театра нельзя не привѣтствовать.

Leo

Къ предстоящему концерту Яши Хейфеца.

9-го апрѣля одесситамъ вновь предстоитъ услышать маленькаго чародѣя скрипки — 12-ти лѣтняго виртуоза Яшу Хейфеца.

Онъ возвращается въ Одессу послѣ 3-хъ лѣтняго отсутствія уже общепризнаной музыкальной величиной, окрѣпшимъ и выросшимъ физически.

Слава Яши Хейфеца родилась въ Одессѣ.

Четыре года назадъ 8-ми лѣтнимъ ребенкомъ выступилъ онъ впервые передъ одесской публикой и сразу завоевалъ слушателей своей геніальной игрой.

За время своего отсутствія изъ Одессы "чародѣй скрипки" успѣлъ объѣхать чуть-ли не всю западную Европу и всюду: концертировалъ съ огромнымъ успѣхомъ.

Концертъ Яши Хейфеца состоится въ залѣ Новой Биржи.

Маленькій фельетонъ.

Пути искусства.

Шла историческая драма.

Толстый герой, изображавшій Генриха IV, упалъ на колѣни предъ щупленькой инженю Марго, и воскликнулъ:

Повѣрю-ль я,
что ты прекрасное видѣніе,
О заговорѣ гнусномъ знала?
Нѣтъ, никогда!
И если бъ на минуту,
Я мысль такую допустилъ,
То эта шпага...

Публика хохотала.

Большой, сѣрый котъ, съ крысою въ зубахъ, легко выпрыгнулъ изъ оркестра на сцену, и, усѣвшись на плоской суфлерской будкѣ, съ аппетитомъ ужиналъ.

___

— Печально, — воскликнулъ на утро "Городской вѣстникъ", — что лучшій моментъ пьесы, былъ сорванъ, некстати явившимся на сцену котомъ. Мы видимъ въ этомъ недостатокъ режиссерскаго вниманія, и увѣрены, что дирекція впредь позаботится о сохраненіи приличнаго декорума на представленіяхъ историческихъ пьесъ.

___

— Такъ-что съ васъ, господинъ Шуйскій, пятерочку получить слѣдоваитъ, — докладываетъ сторожъ Егоръ режиссеру. — Всѣхъ, значитъ, пять штукъ было...

— Вѣрно говоришь? Всѣхъ?..

— Такъ точно, всѣхъ... Вчерась послѣдняго подъ сценой пымалъ, и туда же...

— Ну, смотри!.. Получай, и чтобъ больше ни-ни. Сохрани Боже!..

— Будьте покойны-съ.

___

Шла современная пьеса съ настроеніемъ. Сѣдой докторъ говорилъ:

— Не пугайтесь. У вашего ребенка дифтеритъ!..

Героиня крикнула:

— А-а-ахъ!

И упала въ обморокъ.

На колосникахъ, въ отвѣтъ на этотъ крикъ, таинственно и жалобно отвѣтилъ кошачій голосъ:

— Мя-у-у.

Публика замерла.

___

— Егоръ!.. Егорка, мерррзавецъ, — шипѣлъ за кулисами режиссеръ, — послѣдняго, а? Прохвостъ... А это что? Еще послѣдній?.. Пять цѣлковыхъ взялъ, ракалія... Морду тебѣ быть, анафемѣ... Что это?.. Кто это, а? Кто?..

— Такъ что котъ или кошка... Кто ихъ знаитъ...

— У-у-у, ты!..

___

"Вѣстникъ" писалъ: ...видна была опытная рука режиссера. Сильное впечатлѣніе дала сцена, когда фру Баумсунъ узнаетъ о болѣзни ребенка. Режиссеръ сумѣлъ выявить фонъ акта, ударивъ по нервамъ зрителей, правдивымъ крикомъ дифтеритнобольного ребенка.

"Отмѣтимъ кстати, что спектакли послѣднихъ дней идутъ безъ сюрпризовъ, сопровождавшихъ рядъ предыдущихъ представленій. Значитъ наши указанія не остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ".

— Егорушка, — говорилъ господинъ Шуйскій, — на-ка пятачекъ, печенки, что ли, купи. Покорми котофеича...

Ив. Невѣдомовъ.

Артистъ К. Варлаамовъ (шаржъ).

Максъ Рейнгардъ (шаржъ)

Артистка въ шароварахъ.

На дняхъ въ одномъ изъ Лондонскихъ театровъ артистка, играя роль "женщины полусвѣта", выступила во второмъ актѣ, когда, по ходу пьесы, она отправляется на скачки, въ шароварахъ. Дочери туманнаго Альбіона не потерпѣли подобную вольность и подняли страшный шумъ, бросая на сцену вѣеры, лорнеты и коробки отъ конфектъ. Часть публики — большинство мужчинъ — стала на сторонѣ артистки и начали апплодировать, другая часть — освистала ее. Поднялся такой шумъ, что режиссеръ принужденъ былъ спустить занавѣсъ. Спектакль возобновился черезъ 20 минутъ, и "смѣлая" артистка принуждена была, по требованію дирекціи, перемѣнить свой нарядъ.

Низвергнутый кумиръ.

Послѣ грандіозной рекламы, какая сопутствовала гастролямъ въ Россіи Макса Линдера, его, какъ извѣстно, постигъ не менѣе грандіозный провалъ. Нынѣ, какъ пришлось констатировать кинематографическимъ предпринимателямъ, интересъ къ лентамъ съ участіемъ Максъ Линдера совсѣмъ упалъ и бывшій кумиръ экрана низвергнутъ съ пьедесталя.

Реклама съ театральной сцены.

Одинъ изъ нью-іоркскихъ фабрикантовъ мыла надумалъ рекламировать вырабатываемое на его фабрикѣ мыло со сцены одного изъ лучшихъ театровъ въ Нью-Іоркѣ. Онъ подкупилъ для этого примадонну, которая, играя роль лэди Макбетъ, въ трагедіи Шекспира "Макбетъ", должна произносить придуманныя имъ фразы, цѣль которыхъ была — обратить вниманіе всѣхъ зрителей на производимое имъ мыло. И вотъ когда лэди Макбетъ вела лучшую свою патетическую сцену, отирая воображаемые слѣды крови съ руки послѣ убійства, — артистка, къ немалому негодованію истинныхъ знатоковъ любителей драматическаго искусства, произносила: "О если-бы у меня было теперь въ рукахъ мыло фирмы братьевъ Фишъ и К°, которая помѣщается на 14-ой улицѣ, я смыла бы эту кровь и избавилась бы отъ страданій!"

Жрица любви.

Шумная зала, огнями залитая,
Дѣланньмъ, грустнымъ весельемъ кипитъ;
Знаніе, золото, бѣдность забитая
Все здѣсь сравнялось и рядомъ сидитъ:
Рядомъ съ юнцомъ, заглушая стенаніе
Дряхлаго тѣла, ютится старикъ.
Всѣхъ ихъ согнало слѣпое желаніе,
Тѣла могучій, мучительный крикъ.
Въ мрачномъ углу, загражденномъ рѣшеткою,
Блѣдный таперъ, въ ожиданьи монетъ,
Бѣшенной, знойной мазуркой, какъ плеткою,
Гонитъ сидящихъ на скользкій паркетъ.
Запахомъ мускуса, вольными позами
Жрицы огонь зажигаютъ въ крови...
Это — любовь не прикрытая розами...
Это — капище продажной любви...

Вотъ по паркету веселая, страстная,
Въ бѣшенномъ танцѣ несется одна, —
Ей не до танцевъ. Вакханка несчастная
Тяжкимъ недугомъ — чахоткой больна.
Только въ глазахъ ея мрачно сверкающихъ,
Грустныхъ, тоскливыхъ, какъ сумрачный день,
Вижу я отблескъ огней догорающихъ...
Близкой могилы печальную тѣнь...
Вижу я душу прекрасную, нѣжную
Душу — цвѣтникъ увядающихъ розъ...
Душу — какъ чайки крыло бѣлоснѣжную...
Душу — кладбище порывовъ и грезъ...
Силы изсякли... Зловѣще дыханіе...
Въ жилахъ бушуетъ губительный ядъ...
Каплю, хоть каплю одну состраданія!
Молитъ ея угасающій взглядъ.
Танецъ кончается... Слабая, блѣдная
Взоромъ блуждаетъ, добравшись до мѣстъ.
Вся она — пѣсня порока побѣдная...
Вся она — жизни разбитой протестъ...

С. Гольдрингъ.

Два сонета.

ОСЕНЬ.

Сквозь бѣдный полусвѣтъ заплаканныхъ полей,
Сквозь тихіе пути земли осиротѣлой,
Я слышу робкій зовъ души твоей несмѣлой,
Я вижу скрытый лучъ въ тиши твоихъ очей.

Ты вся — въ далекомъ снѣ, ты — въ жизни помертвѣлой,
Такая кроткая, въ нѣмой тоскѣ своей,
Такая чистая, боишься прошлыхъ дней, —
Но въ глубинѣ души имъ молишься несмѣло.

Межъ сущимъ и былымъ — глубокій океанъ
Тоски, любви и думъ, и мирнаго забвенья,
Но вотъ, попрежнему, тобой я нынче пьянъ!

И эта даль полей, подъ сумеречной сѣнью,
Хоть раздѣляетъ насъ, далекихъ и чужихъ,
Но и сливаетъ насъ, какъ два созвучья стихъ!

МОЯ ЛЮБОВЬ.

Тиха моя любовь, какъ бѣлый сонъ,
Любовь моя, чуть слышная, какъ шорохъ:
Ты — гдѣ то далеко, въ иныхъ просторахъ,
Но нѣжностью твоей я вознесенъ.

Люблю мою любовь въ пѣвучихъ взорахъ,
Но тѣсно ей въ кругу земныхъ сторонъ, —
Ее пугаетъ буря, блескъ и звонъ;
Понятенъ ей души неясный шорохъ.

Тиха моя любовь — и не нужны
Ей рѣчи золотыя одѣянья,
И вся она — въ дрожаньи тишины.

Въ словахъ она была-бы — какъ рыданье.
Какъ Богъ, скрываясь въ безднахъ вышины,
Она молчитъ и только льетъ сіянье.

Семенъ А.

Женская страничка.

ШАРОВАРЫ.

(Нѣчто въ родѣ критическаго очерка).

Меня приводитъ въ восторгъ писать на тему о шароварахъ и углубляться въ размышленія по этому поводу, и въ то время, какъ я пишу, на лицѣ моемъ появляется, какъ я чувствую, ироническая улыбка. Женщина прекрасное существо; объ этомъ никто не споритъ. Что же касается шароварной моды, которая склонна возбуждать мужчинъ и заставить сильнѣе биться ихъ сердца, то послѣдняя направляетъ мысли серьезно настроеннаго человѣка прежде всего на то, что они прикрываютъ, т. е. на ножку...

Всякъ, кто какъ я, любитъ и почитаетъ женскія ножки, кто восторгается ими, тотъ, очевидно, долженъ мириться съ этой новой "шароварной модой"!

Я явный сторонникъ этой моды, хотя, съ другой стороны, ничего не имѣю противъ юбки, и стою и за нее!

Юбка привлекательна, нѣжна, вызываетъ почтеніе и имѣетъ въ себѣ что-то таинственное и неразгаданное...

Шаровары, несомнѣнно, грубѣе и внушаютъ мужской душѣ нѣкоторое отвращеніе, какъ-то отталкиваютъ, но съ другой стороны, почему бы насъ, дѣтей XX вѣка, не пробралъ хотя-бы на время страхъ?.. Мнѣ кажется, что намъ даже необходимо быть разбуженными и потрясенными!... А, впрочемъ, еслибы на свѣтѣ все строилось по моей указкѣ, чего на самомъ дѣлѣ, къ моему великому удовольствію, не бываетъ, то тогда шаровары должны быть совсѣмъ съуженными до такихъ предѣловъ, чтобы они очень тѣсно прилегали къ мягкому, подвижному тѣлу, такъ сказать срослись бы съ нимъ, ну, въѣлись бы въ тѣло, — что-ли!?..

Для меня это означало бы полный тріумфъ моды, и я умру или, по меньшей мѣрѣ, упаду въ обморокъ отъ восхищенія, если на пути реформы женской одежды подобное превращеніе будетъ достигнуто... Во всякомъ случаѣ, въ этомъ направленіи уже многое достигнуто, и мы, мужчины, отброшенные и достойные сожалѣнія, мы "Творцы міродданія", должны будемъ покорно-боязливо взирать на грядущее...

Нѣтъ сомнѣнья, что къ шароварной модѣ прибавится еще кое-что, и въ настоящее уже время замѣчается новое теченіе, касающееся, прежде всего, вопроса о кроѣ.

Откровенно говоря, мы, мужчины, не имѣемъ больше кроя, такъ какъ таковой переняли у насъ женщины и, дѣйствительно, какъ только женщина въ шароварахъ появляется на площади или на улицѣ, она сейчасъ-же стыдливо прячется въ первую подворотню или же, на подвернувшейся пролеткѣ отъ "зауськиванья толпы"...

Шаровары имѣютъ въ себѣ что-то азіат-

ское, или турецкое и безвкусны, какъ, вообще, турецкіе штаны и тюрбаны.

Но вѣдь можетъ случиться, что "шароварная мода" не останется на точкѣ замерзанія и будетъ постепенно совершенствоваться и по формѣ.

Штаны, въ концѣ-концовъ не больше, какъ ш т а н ы.

О, женщины, слушайте! Если вы серьезно хотите намъ импонировать, то вы должны быть болѣе отважны и требовательны въ вашихъ "шароварныхъ" требованіяхъ!

Прелестницы!

Я допускаю, что въ одинъ прекрасный день вы появитесь на улицахъ и площадяхъ въ совершенно иномъ видѣ...

Собственно говоря, отъ "Шантеклера" къ "шаровараmъ" одинъ только шагъ. и этотъ роковой шагъ пройденъ!

Неужели же назадъ!?

Ни въ коемъ случаѣ! Женщины, крѣпко держите знамя прогресса!

Собственно говоря, очень жаль юбку, которая хочетъ исчезнуть! Неужели же Парижъ обѣднѣлъ идейно? Жаль, право жаль прежняго мыслящаго и нѣсколько мечтательнаго Парижа, который теперь не существуетъ болѣе, ибо — фактъ — шароварной модѣ недостаетъ больше т а л і и!

Если въ женской фигурѣ было что-нибудь интереснаго, то это талія. А теперь самое дорогое уничтожено. Несомнѣнной принадлежностью панталонъ должна быть красивая талія, а главное красивыя очертанія спины. Нужна грація, красивыя линіи, нужно то, что нѣмцы называютъ Schwung!..

Но теперь женщина въ области моды не имѣетъ больше серьезныхъ стремленій къ формѣ! Онѣ отказываются что-либо изображать, и это лучше всего доказываетъ, что онѣ насъ, мужчинъ, ненавидятъ, третируютъ, Въ этомъ отчасти заключается. секретъ шароварной моды.

Грустно и печально!

Мужчины, и вы потерпѣли сильное фіаско, но въ утѣшеніе скажу вамъ, что и женщины попали впросакъ! Все это несомнѣнно доказываетъ одно: паденіе привлекательнаго...

Господи, неужели женщины хотятъ сдѣлать себя несчастными, заставляя мужчинъ видѣть въ нихъ сотоварищей по шароварамъ, но, признаться, шароварная мода есть финалъ политической мобилизаціи женщинъ!

Въ шароварахъ гораздо легче пройти бѣдняжкамъ къ избирательнымъ урнамъ. Но если бы онѣ только знали, какъ тяжело, грустно и душераздирающе больно видѣть подобную мистификацію во имя культуры и обще-гражданскихъ интересовъ! Вы, женщины, становитесь палачами тѣхъ возвышенныхъ чувствъ и стремленій, которыя питаютъ къ вамъ мужчины. Вѣдь кто изъ васъ дерзнетъ публично сказать, что вы дѣйствительно одѣваете шаровары изъ сознанія своего гражданскаго достоинства? Ваша эксцентричностъ въ данномъ случаѣ — прямая противоположность тому, къ чему вы стремитесь.

И хотя всякій рыцарскій поступокъ вызываетъ во мнѣ благородныя чувства, я все таки буду въ тиши молиться.

— О, Господи, да минетъ насъ чаша сія!

Robert Walser.

КЛОУНЪ.

Усталый послѣ спектакля, гдѣ переполненный циркъ цѣлый вечеръ надрывался со смѣху надъ его мѣткими остротами, онъ сидѣлъ теперь передо мной въ маленькомъ кабинетѣ ресторана и, вздыхая, разсказывалъ о своей жизни.

— Да! — говорилъ онъ утомленно, — тамъ, въ циркѣ, громъ апплодисментовъ, успѣхъ, блескъ, вниманіе тысячной толпы, и кажется, что ты нуженъ ей, а вернешься въ номеръ гостиницы — опять одинъ, и всѣ уже о тебѣ забыли и никому ты ненуженъ...

Онъ былъ еще и теперь хорошъ собой, этотъ пожилой и утомленный человѣкъ.

Онъ разсказывалъ мнѣ о своемъ дѣтствѣ, и это былъ печальный разсказъ объ одинокомъ ребенкѣ, лишенномъ материнскихъ ласкъ, бѣгствѣ отъ строгихъ педагоговъ въ ярмарочный балаганъ, скитаніяхъ съ балаганной труппой, гдѣ акробаты спали на голомъ полу подкладывая подъ голову собственныя ноги, и т. д.

Разсказалъ весь ростъ своей карьеры, какъ изъ неопытнаго маленькаго "рыжаго" онъ выросъ въ "извѣстнаго".

Путь артиста устилается шипами. За острое словцо ему мстятъ ударомъ палкой сзади, истребленіемъ дрессированныхъ звѣрьковъ, отравленіемъ любимой ученой лошади и т. д., а, съ другой стороны, нужда вытаскиваетъ его изъ квартиры отъ постели умирающаго ребенка и выталкиваетъ на арену...

Такова жизнь циркового артиста.

— Знаете, — наконецъ, сказалъ онъ, закуривая папиросу, — мнѣ хочется разсказать вамъ одинъ случай изъ моей молодости, а именно — о моей женитьбѣ: исторія тоже довольно невеселая, но оригинальная.

Видите-ли, тогда мнѣ только что исполнилось двадцать одинъ годъ и я былъ на призывѣ въ солдаты. А въ цирковомъ мірѣ у меня уже образовалась маленькая извѣстность, публика меня любила, антрепренеры охотно приглашали и платили порядочно.

И была у меня Матильда — "дочь воздуха", этакое милое юное существо, и любили мы другъ друга безумно. Ну, вотъ, какъ разсказалъ ей я, какая намъ съ ней предстоитъ разлука, — взвыла моя Матильда въ три ручья... А я и самъ не зналъ чѣмъ же ее утѣшить и какъ тутъ горю пособить. Чуть и самъ-то съ ней вмѣстѣ не хнычу. И до того мнѣ непереносно было видѣть ея слезы, что вырвался я отъ нея и въ шантанъ. Сѣлъ за столикъ въ уголку, спросилъ вина, и вдругъ кто-то положилъ мнѣ руку на плечо. Я вздрогнулъ и поднялъ голову: стоитъ надо мной кто-то высокій, на Мефистофеля похожъ. Вспоминаю, что гдѣ то видѣлъ я его, но не помню — гдѣ, и кто онъ — не знаю.

— Что, братъ, Антоша, пригорюнился? Горе, что ли у тебя какое?

На "ты" со мной.

Я не удивился: съ нашимъ братомъ артистомъ легко на "ты" сходятся, такъ что и не помнишь всѣхъ этихъ буфетныхъ и закулисныхъ пріятелей. Напрягаю память — гдѣ-то видѣлъ его и не могу вспомнить.

Однако, я сдѣлалъ видъ что отлично знаю его: начинаю разсказывать ему свое горе.

Выслушалъ меня и смѣется.

— А хочешь, я помогу тебѣ, Антоша?

Откуплю тебя отъ солдатчины, да еще и женю тебя: невѣста молоденькая, красивая, и съ деньгами...

Вижу — враль должно-быть, не обратилъ я вниманія на его слова.

— Да, вѣрно, — кричитъ, — ну, по рукамъ, что-ли?

Кое какъ отдѣлался и ушелъ домой, а потомъ позабылъ совсѣмъ объ этой встрѣчѣ...

Прошло двѣ недѣли, Я попрежнему каждый вечеръ работалъ въ циркѣ, а съ предстоящей мнѣ солдатчиной совсѣмъ примирился. Вдругъ, какъ-то утромъ, постучали въ мою дверь, и входитъ "онъ"; опять въ парадномъ сюртукѣ, и даже съ цвѣткомъ въ петлицѣ.

— Здравствуй, Антоша! Ну, все готово, собирайся.

— Что готово?

— Да ты дурака не валяй. Карета готова — у подъѣзда стоитъ; ѣдемъ сейчасъ къ твоей невѣстѣ?

— Послушай, Антоша, я серьезно съ тобой говорю, а шутить тутъ глупо: я двѣ недѣли хлопоталъ, чтобы избавить тебя отъ солдатчины, потратилъ уйму денегъ, — когда женишься и возьмешь приданное, ты мнѣ ихъ возвратишь, — но все уже сдѣлано, въ солдаты тебя не возьмутъ, и ты долженъ сейчасъ ѣхать со мной на парадный обѣдъ къ невѣстѣ или, самъ пойми, иначе ты будешь подлецъ изъ подлецовъ! Подумай, въ какое положеніе ты меня поставилъ!.. Ну... убудетъ тебя что ли, если ты съѣздишь пообѣдать въ хорошую патріархальную семью, самостоятельные люди, свой особнякъ, ну, съѣзди и посмотри только, а главное — солдатчина-то — фю-фю-фю!

Растерялся я. Ничего сообразить не могу, да и какъ-то околдовалъ онъ меня.

Смотрю — ужъ на мнѣ фракъ и галстукъ.

Поѣхали.

Подкатили мы на рысакахъ къ шикарному особняку; зеркальныя окна, львы на воротахъ.

Входимъ.

Обстановка — крикливая роскошь: много шелка и золота; — и опять пахнуло на меня чѣмъ-то знакомымъ, словно все это я уже видѣлъ гдѣ-то, но — гдѣ не могу вспомнить и даже опредѣлить не могу.

Посидѣли мы въ гостинной и наконецъ, къ намъ вышла женщина — очевидно мамаша невѣсты.

Толстая, съ жирнымъ двойнымъ подбородкомъ, въ серьгахъ крупные брилліанты.

Вышли еще какіе-то молодые люди, приличные, съ англійскимъ пробором, и, наконецъ, невѣста.

Молоденькая, скромная дѣвушка, съ опущенными глазками, бѣленькая и, дѣйствительно очень хорошенькая: понравилась мнѣ.

Я подсѣлъ къ невѣстѣ. Глазъ не поднимаетъ, и только отъ нея и отвѣтъ: "да, мы бываемъ въ циркѣ", "я люблю", "видѣла васъ", "вы всегда имѣете успѣхъ" и такъ далѣе, но въ общемъ — ничего, скромненькая, милая дѣвушка.

Скоро позвали въ столовую. Обѣдъ былъ на славу.

Послѣ обѣда — музыка.

Проводили насъ, какъ родныхъ, приглашали бывать почаще.

Конечно, я въ тотъ же день разсказалъ

все Матильдѣ и просилъ ея совѣта: какъ же быть? Не жениться — солдатчина, а жениться — прощай Матильда!

Она, конечно, вмѣсто всякихъ разговоровъ — ревѣть! И слушать не хочетъ! Ревность одолѣла: не смѣй туда ѣздить, да и шабашъ! Далъ ей слово плюнуть на все и итти въ солдаты.

Ну, вотъ, хоть слово-то я и далъ, а самъ потихонько отъ нея все-таки сталъ туда ѣздить.

И скоро сталъ тамъ своимъ человѣкомъ и даже переѣхалъ къ нимъ въ домъ.

На бѣду мою, невѣста-то мнѣ стала всерьезъ нравится, и сталъ охладѣвать къ Матильдѣ, мало-помалу отдалился отъ нея и почти уже рѣшилъ жениться.

Между тѣмъ, какъ-то очень скоро, насъ помолвили, и начались приготовленія къ свадьбѣ.

Все-таки что-то скребло у меня на душѣ: противъ Матильды, да и въ невѣстѣ не былъ увѣренъ я: любитъ ли она меня?

Рѣшилъ я испытать ее.

Какъ-то цѣловались мы наединѣ и разсказалъ я, что меня мучить неувѣренность въ любви ея.

Говорю ей:

— Вѣдь мы помолвлены, обручены, черезъ нѣсколько дней насъ обвѣнчаютъ, мы теперь ужъ мужъ и жена: что можетъ значить для любви нашей обрядъ? Не все ли равно? Отдайся мнѣ до вѣнчанія! Сегодня, ночью, я приду къ тебѣ!

Хоть ничего она мнѣ не отвѣтила, только задрожала и вся прижалась ко мнѣ, однако, я принялъ за согласіе и поздно ночью, когда всѣ уснули, я тихонько пришелъ къ ней, какъ мужъ.

Не успѣлъ обнять ее, какъ дверь отворилась, и въ спальню вошелъ "онъ" со свѣчей въ рукѣ.

Трагическимъ голосомъ проповѣдника онъ сталъ читать намъ нотацію о святости и чистотѣ до брака, я разозлился и ушелъ къ себѣ...

Такъ и не досталось мнѣ жена до вѣнчанья...

Особнякъ горѣлъ огнями, люстры, золото, брилліанты, толпа гостей.

Съ моей стороны тоже пришли гости: товарищи-артисты, которыхъ я хотя и пригласилъ, но зналъ, что они глубоко возмущены противъ меня за поступокъ съ Матильдой, и боялся. Такъ и вышло: за ужиномъ главный изъ нихъ поднялъ тостъ за здоровье Матильды и сказалъ рѣчь о подлецѣ, бросившемъ ее для "всѣмъ извѣстныхъ грязныхъ денегъ".

Тутъ же, по окончаніи рѣчи, всѣ они разомъ встали и демонстративно ушли.

Я остался, какъ оплеванный. Скоро гости разъѣхались, и мы съ женой удалились въ нашу общую спальню...

Вы понимаете, конечно, черезъ нѣсколько минутъ я убѣжалъ отъ нея съ отчаяннымъ крикомъ, съ проклятіями и слезами. Меня обманули, меня использовали по заранѣе обдуманному плану какіе-то темные, непонятные для меня люди!..

О! какъ я страдалъ!.. Не то меня оскорбило, что жена моя не оказалась невинной, а то, что отъ меня это скрыли до свадьбы, что меня женили при помощи обмана!

Всю ночь я метался по своей комнате, какъ звѣрь въ клѣткѣ, и не заснулъ ни на минутку. Жена вышла въ шикарномъ капотѣ, заплаканная. Не сказали мы другъ другу ни слова и разошлись на всегда.

Охъ, запилъ же я тогда! Собралъ своихъ цирковыхъ и — пока меня не простить Матильда — рѣшилъ не прекратить гульбы. Такъ съ цѣлой оравой гимнастовъ, цирковыхъ силачей я странствовалъ по кабакамъ и трущобамъ.

Не день, не два и не одну ночь все это было: долго гуляли мы.

Вотъ, однажды, попали мы въ эти самые веселые дома: переходимъ изъ дома въ домъ, вездѣ пьемъ, танцуемъ, угощаемъ дѣвицъ, дурачимся. Обошли всю улицу, — больше некуда итти. Тутъ одинъ изъ нашихъ говоритъ: пойдемъ въ самый аристократическій, куда только знакомыхъ пускаютъ! Я имѣю туда входъ!..

Поѣхали въ "аристократическій". Позвонили. Впустили насъ. Вотъ входимъ мы въ богатый домъ, а въ залѣ музыка: рояль и скрыпка.

И вижу я:

На рояли аккомпанируетъ моя милая теща, въ своемъ любимомъ лиловомъ платьѣ, на скрипкѣ играетъ мой сватъ и другъ — "онъ" — ея сожитель, сутенеръ, растлитель ея дочери — моей жены...

Клоунъ замолчалъ, глубоко вздохнулъ, и провелъ блѣдной красивой рукой по чернымъ густымъ волосамъ.

— Чѣмъ же кончилось? — спросилъ я.

— Чѣмъ кончилось?.. Далъ я ему великолѣпный ударъ въ животъ ногой, крикнулъ своимъ: "Бей все!" Разгромили мы учрежденіе, все переломали, изодрали, исковеркали, били зеркала и такъ далѣе...

— Да не объ этомъ! — возразилъ я: встрѣчались ли вы потомъ съ вашей женой?

— Никогда! Ее вскорѣ опять таки выдали замужъ за одного актера — настоящаго его имени я не назову, назовемъ его хотя Филимоновымъ, — съ тѣхъ поръ прошло двацать лѣтъ, они оба живы, счастливы, богаты, но я, конечно, никогда больше не встрѣчался съ ней.

— Только вотъ что случилось со мной не такъ давно, всего года два назадъ.

Былъ я только въ балетѣ, понравилась мнѣ одна хорошенькая брюнетка, хорошенькая балерина.

Я рѣшилъ съ нею познакомиться. Въ антрактѣ захожу за кулисы, стучусь къ ней въ уборную.

Вдругъ меня кто-то за рукавъ: оглядываюсь — пріятель, драматическій актеръ, качаетъ укоризненно головой: Ахъ ты старый грѣховодникъ! Это ты къ Филимоновской лѣзешь? — Къ ней, къ ней самой говорю, пофлиртовать, а что-жъ такое! Да какъ же, говоритъ, ты это къ законной то своей, къ родной то дочери, не хорошо!

Старый клоунъ невольно сдѣлалъ одну изъ своихъ комическихъ ужимокъ и воскликнулъ вставая: Табло!

Мы оба смѣясь встали изъ-за стола.

Было поздно.

Р. У.

Модныя пасхальныя яички

ВНИМАНІЮ г. г. КУРЯЩИХЪ!!!

Одесское Отдѣленіе

Дерибасовская 18.

табачн. фабр.

В. О. СТАМБОЛИ

въ Ѳеодосіи.

Рекомендуетъ зайти и убѣдиться въ высокомъ качествѣ папиросъ

ЛИГІЯ,	10 шт. 6 к.	СТУДЕНЧЕСКІЯ
АРОМАТНЫЯ,	25 шт. 15 к.	и ЮЖНЫЯ

а также ТАБАКОВЪ „ЛЮБИТЕЛЬСКИХЪ"

ЦѢНЫ отъ 1 р. 84 к. до 18 р. за фунтъ.

ЕСЛИ ВЫ желаете получить ангажементъ, печатайте въ нашемъ журналѣ, такъ какъ онъ печатается въ громадномъ количествѣ и разсылается по всѣмъ театрамъ Россіи.

НУЖНЫ

энергичные агенты (мужчины и женщины) для сбора объявленій. Суворовская (М.-Арнаутская) 117, кв. 14. Пріемъ отъ 10 до 12 и отъ 4 до 6 дня.

ТЕАТРЪ МИНІАТЮРЪ

Дальницкая д. Скаржинской.

Недѣля безпрерывнаго хохота.

ГАСТРОЛИ

извѣстнаго артиста театра „Соловцевъ"

К. Г. ЛАВРЕЦКАГО

Грандъ Скетингъ-Ринкъ.

Греческая улица, рядомъ съ „Альказаромъ".

ЕЖЕДНЕВНО

ИГРАЮТЪ ДВА ОРКЕСТРА МУЗЫКИ.

Сеансы дневные и вечерніе.

„ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ"

бывш. Островскаго.

Дирекція І. ШВАРЦЪ и Ко.

Подробности въ афишахъ.

Электрическій Театръ

„XX ВѢКЪ"

Ришельевская ул. уг. Базарной.

Послѣднія новинки СТОЛИЦЪ МІРА.

Театръ-Иллюзіонъ

„СЛОНЪ"

С. И. Саркизова и К°

Мясоѣдовская, 24.

Анонсъ! Со вторника 10 Мая будетъ демонстрироваться картина для ВЗРОСЛЫХЪ

Отвѣтственный за объявленія А. А. Брусиловскій.

Иван ЛИПТУГА

Губит людей не пиво, губит людей вода
Октоберфестовское путешествие

В один из последних дней сентября 2009 года я прилетел в столицу Баварии город Мюнхен. В теплом, пронизанном лучами осеннего солнца воздухе витало что-то особенное, приятное и хмельное. Это была атмосфера Октоберфеста — крупнейшего в мире фестиваля пива.

Давно завоевав мировое признание, этот праздник удостаивается самых разных эпитетов — как самых лестных, так и довольно ироничных. В глазах одних — это самое массовое в мире народное гуляние, для других — это немецкая национальная традиция, третьи и вовсе называют данное празднество самой грандиозной пьянкой года. Однако, скорее всего, Октоберфест представляет собой нечто большее — это не просто "дни пива", это часть немецкой души. Иначе трудно объяснить, почему немцы, называя эту традицию плебейской, независимо от возраста, образования, происхождения и достатка находят и деньги, и время на то, чтобы в конце сентября — начале октября отправиться в Мюнхен на знаменитый Терезин луг. Сюда едут семьями, компаниями, фирмами и даже целыми стадионами после матчей. И для всех здесь находится и место, и пиво.

Традиция Октоберфест берет свое начало почти двести лет назад. Но для того чтобы понять глубину этой традиции и узнать, почему она появилась именно в Баварии, необходимо заглянуть в далекое прошлое человеческой цивилизации и узнать историю появления древнейшего и самого популярного напитка в мире — пива.

История пива берет начало с древнейших времен и уходит корнями в первые цивилизации Ближнего Востока. Пиво наверняка самый древний вид алкогольных напитков, первые упоминания о нем насчитывают десять тысяч лет. Спустя такую бездну времени можно только предполагать, как появилось пиво. Однако очевидно, что культура пивоварения тесно связана с культурой земледелия, и пиво существует примерно с тех самых пор, как люди научились перерабатывать зерна злаков в хлеб.

Известно, что около шести тысячелетий назад между Тигром и Евфратом существовала мощная и во многом загадочная цивилизация шумеров. Их высокоразвитая культура и создала первое в истории пивоварение. Шумеры растирали зерна ячменя и спельты (вид злака, от которого произошла пшеница) в каменных жерновах, заливали их водой, добавляли душистые травы и подвергали это сусло брожению. Спустя некоторое

JUST IN TIME

PLASKE

ПЛАСКЕ

www.plaske.com

время получался вкусный освежающий напиток, который был отдаленно похож на то, что сейчас мы называем пивом.

Пиво "отметилось" и в знаменитом Кодексе Хаммурапи. Великий вавилонский царь Хаммурапи, подчинивший себе Месопотамию и Ассирию, среди прочего установил правила, связанные с производством и употреблением пива. Кодекс Хаммурапи содержит два параграфа, посвященные производству и продаже пива. Один параграф устанавливал предельные цены на пиво в перерасчете на зерно, был направлен против злоупотреблений торговцев и гласил: "Если трактирщица поднимет цену за пиво слишком высоко по сравнению с ценой зерна, и это будет доказано, тогда следует бросить ее в воду". По всей видимости, с тех пор как до сведения широкой общественности был доведен этот параграф древнего закона, и пошла юмористическая поговорка "губит людей не пиво, губит людей вода". Второй параграф воплощал в себе заботу древних вавилонян о фальсификаторах, которых полагалось до смерти упаивать собственным же варевом.

Достоверные свидетельства развитого пивоварения обнаружены археологами и в Древнем Египте. Первоначально египтяне покупали пиво в Вавилоне, и постепенно оно завоевало их симпатии. Разумеется, проделав долгий путь по жаре на верблюдах, пиво теряло большую часть своих достоинств. Жителям долины Нила не оставалось ничего другого, как самим освоить его производство, и пиво вскоре стало народным напитком, одним из основных продуктов питания.

Древнеегипетский иероглиф, обозначающий трапезу, в буквальном переводе звучит как "хлеб и пиво". Древнеегипетское пиво, которое называлось "хек", было сладким и крепким. Древнейшие из рецептов египетского пива относятся к 3500 году до новой эры. Особое целебное действие египтяне приписывали пивной гуще. Ее использовали для различных припарок, а также принимали внутрь. И вообще, египтяне считали, что удовольствие, в том числе и от пива, удлиняет жизнь.

Из Египта пиво пришло в Эфиопию, а оттуда — на Кавказ. В царстве Урарту (территория нынешней Армении) в IX-VII веках до новой эры изготавливали крепкое пиво. С Кавказа пиво попало в Европу.

Ко II веку новой эры центром пивоварения в Европе становятся германские земли, о чем сообщил первый "иностранный корреспондент" Римской империи Публий Корнелий Тацит, автор знаменитого трактата "О германцах". От германских земель технология приготовления пива постепенно распространилась в Англии и Скандинавии, а затем, благодаря экспансии европейской культуры, и по всему миру. По этой причине ро-

диной пива принято считать Германию. Да и своим названием европейское пиво обязано древним германцам. В старонемецком языке для обозначения этого напитка существовало слово "bior", в котором нетрудно узнать сегодняшнее немецкое "bier" или английское "beer".

Идея добавлять в пиво хмель возникла и реализовалась в монастырях. Монахи, в отличие от ремесленников-пивоваров, вели изыскания системно, кроме того, они были грамотны и записывали результаты своих опытов, сохраняя их для следующих поколений. Монастырское пиво становилось все лучше и лучше, в том числе благодаря хмелю. Охраняемых границ в ту пору в Центральной Европе не было, и секреты пивоварения со странствующими монахами перемещались из монастыря в монастырь. В конце концов, монастыри официально получили право заниматься производством и торговлей пивом, превратившись в настоящие форпосты пивоварения, а некоторые сохранили этот статус до наших дней.

Вопрос о том, почему пивоварение в Европе развивалось именно в монастырях, имеет вполне конкретный, но все же несколько комический ответ. Для благочестивых монахов производство хорошего и крепкого пива стало вопросом жизни и смерти, ведь как иначе они смогли бы выдержать долгие посты? И ладно бы еще в теплой Италии, но в холодной и суровой Германии обойтись без источника высококалорийного питания, разрешенного к употреблению в постные дни, было просто невозможно!

Несмотря на доводы оголодавших монахов, правила соблюдения поста для северных братьев во Христе не облегчались. Так появились первые сорта крепкого пива, тогда же родилось выражение "пиво — это жидкий хлеб". Пиво было настоящим счастьем для монахов, потому что клерикальный принцип гласил: "жидкость не нарушает поста". От папы, который наверняка изменил бы этот принцип, положение пива в рационе монахов мудро утаивалось.

Огромную роль в становлении немецкой пивной культуры сыграл принятый в баварском Ингольштадте в 1516 году герцогом Вильгельмом IV закон о чистоте пива. Этот закон, названный Reinheitsgebot (заповедь чистоты), непреложно устанавливал, что пиво можно варить только из ячменя (позже — ячменного солода), хмеля и чистой воды.

Закон отличался суровостью — тех, кто разбавлял и подделывал пиво, строго штрафовали, а самых отпетых — и вовсе топили в собственном пиве. Reinheitsgebot действует в Германии по сей день, являясь старейшим законодательным актом в мире, регламентирующим производство продуктов питания и защищающим права потребителя.

Так пиво, традиции его приготовления и потребления обосновались в Германии, и сегодня треть пивных заводов мира находятся в Германии, и 70% из этой трети находятся в Баварии. "Сохрани, Господи, солод и хмель!" — говаривали немцы когда-то, и эта молитва помогла им стать лидерами в потреблении пива.

Будучи лидерами в производстве пива, немцы также являются и главными его ценителями и потребителями, и Октоберфест — прямое тому подтверждение.

Все началось с бракосочетания баварского наследника престола кронпринца Людвига I и принцессы Терезы Саксонской. 12 октября 1810 года, в день, когда состоялась их свадьба, на праздничные гуляния были приглашены все жители города. Их собрали на большом лугу, в то время находившемся за чертой города. Теперь в честь принцессы его называют Луг Терезы (Theresienwiese). Для мюнхенцев в тот день были устроены гуляния с бесплатным пивом и конными скачками.

Все прошло настолько живо и весело, что Людвиг отдал распоряжение праздновать Октоберфест ежегодно. С каждым годом традиции прошлых лет сохранялись, а к ним добавлялись новые. Так, в 1811 году к скачкам добавился праздник фермеров с показом красивейших коней и быков. В 1818 были установлены карусели и качели. Тогда же поставили первые пивные ларьки. В 1881 году открылась первая и крупнейшая в мире жаровня цыплят.

По традиции, в день открытия ровно в 12 часов мэр города откупоривает бочку с пивом. Это символическое действие дает старт "пивному марафону". Затем по центральным улицам города начинает движение праздничная процессия. Во главе ее — "Muenchner Kindl", символ города, — ребенок с большим колокольчиком в руке верхом на разукрашенной лошади. Он одет в монашескую одежду желто-черного цвета.

Рядом с ним движутся кареты бургомистра Мюнхена и администрации Баварии. За ними следует вереница украшенных карет и телег с пивом из всех районов Германии, прежде всего, из Баварии. Кроме них в процессии участвуют колонна стрелков, артисты и исполнители фольклора, духовые оркестры, отряды в исторических униформах, а также представители всех земель Германии. В руках участников процессии — музыкальные инструменты разных районов страны, использующиеся с давних времен и по сей день. На ходу разыгрываются традиционные жанровые сценки, люди несут украшенные ветви и гирлянды.

Все 16 дней распития пива сопровождаются насыщенной шоу-программой. Костюмированные парады, шествия стрелков, скачки, концерты

сменяют друг друга. Близ пивных часто можно увидеть танцоров в традиционных баварских костюмах с кожаными штанами, отбивающих чечетку "шуплаттль" тяжелыми альпийскими ботинками. Также вас ждут со своими экскурсиями пивоварни города и музеи пива.

Из года в год в сентябре на Терезином лугу вырастают самые настоящие пивные дворцы, которые скромно именуются палатками. Всего их четырнадцать — это филиалы немецких пивных. Общая площадь, которую занимает данный праздник, превышает 30 гектаров. Работают свыше 200 аттракционов и концертных сцен. Во всех палатках могут одновременно разместиться около 100000 человек, а число обслуживающего персонала составляет 12000 человек.

Для любителей пива здесь воистину неописуемое раздолье — так, например, знаменитая пивоварня августинцев предлагает великолепное пиво из деревянных бочек. Кстати, основную часть из пяти тысяч сортов немецкого пива и по сей день варят монахи. Шеф-повар палатки августинцев отмечен многочисленными призами, поэтому к ним сходятся любители хорошо закусить — благо их палатка вмещает одновременно 9500 посетителей.

Самый большой и известный дворец — филиал мюнхенской пивной "Хофбройхауз". Вместе с местами на открытом воздухе он вмещает около 10000 человек. Правда, своей популярностью "Хофбройхауз" частично обязан мрачному нацистскому прошлому — в свое время здесь выступал Гитлер. Тем не менее, англичане, новозеландцы, японцы резервируют места только в "Хофбройхауз", считая ее самой немецкой пивной.

Самая знатная публика собирается в "Кэфер шенке". Это деревянное двухэтажное здание вмещает всего 900 человек. Здесь царит атмосфера богатого загородного дома. Здесь много людей в баварских национальных костюмах — мужчины в коротких замшевых брюках и толстых ботинках с гетрами, а женщины в пышных крестьянских платьях. В отличие от других мест на Терезином лугу, здесь все сидят не на длинных скамьях за общими столами, а в уютных нишах — то есть все в общем зале, но у каждой компании свой уголок. Музыка звучит большей частью интернациональная, равно как и еда не только баварская — жирная и обильная, — но и необыкновенно разнообразная. Самое оригинальное блюдо — "зуппеншнапс", хотя оно представляет из себя и не суп, и не шнапс, а нечто мясное и весьма сложное.

Пивная "Левенброй" имеет весьма необычный зал, напоминающий внутреннюю часть бочки. Ее легко найти по огромному пятиметровому

льву, возвышающемуся над зданием. Лев поднимает пивную кружку и громко рычит "Левенброй!!!".

Пивная "Жареный бык" полностью соответствует своему названию. Здесь пиво и еда абсолютно равны в правах. На глазах публики — а ее около 7000 человек — жарятся огромные куски мяса, наполняя заведение неповторимым запахом.

Пивная "Шотенхаммель" имеет репутацию молодежного заведения. Здесь собираются преимущественно студенческие компании. Здесь они делают все, чтобы подтвердить свою репутацию диких и необузданных ребят. Можно только представить здешнюю атмосферу, когда все 6000 мест заполнены.

Пивная "Винцерер френдл" отличается более спокойной, даже семейной атмосферой, которая царит здесь много лет. Многие приходят сюда с детьми, причем, по словам хозяина, те, кто приходил сюда ребенком, став взрослым, приходит сюда же.

Пивная "Фишер фрони" вмещает только 3500 человек, но она знаменита тем, что только здесь подают вяленую рыбу.

Пивная стрелков-арбалетчиков — самая старая на Терезином лугу. Свыше 100 лет назад они организовали на этом празднике тир, и конечно же, поставили рядом с ним пивную палатку. Сегодня здесь вмещаются 7500 человек. Есть и тир — 14 стендов для стрельбы из арбалета приглашают желающих проверить свою меткость.

Во всех пивных пиво подается в литровых кружках, которые называются "масами". Держат "мас" особым образом — не за ручку, а просунув руку между ручкой и самой кружкой, — так меньше устает рука. Можно только подивиться силе и выносливости официанток, умудряющихся за раз поднять до 12 "масов".

Октоберфест оказывает на посетителей какое-то особое воздействие типа наркотического. Народ обалдевает не только от пива, но и от непрерывного шума, толкотни, дразнящих запахов. По здешней традиции все забираются на скамейки и что-то орут под музыку и без нее. При этом австралийцы и новозеландцы, которых здесь любовно называют "киви", зачем-то начинают раздеваться. Позже в бюро находок отправляют не только их ботинки, но и их нижнее белье.

Кстати, в бюро находок ежегодно сдается свыше 6000 различных предметов. Целые ящики заполнены ключами, очками, часами, украшениями. Так, во время нынешнего праздника в бюро находок было принесено около 100 рюкзаков, 110 мобильных телефонов, 6 обручальных колец, 680

предметов одежды. В бюро находок были также приведены 5 собак. Однако настоящей легендой стал некий канадский охотник, умудрившийся оставить в одной пивной свою сумку, в другой ботинки, а в третьей кошелек.

В нынешнем году из-за кризиса фестиваль посетили на 300 тысяч человек меньше, чем в прошлом, то есть 5,7 миллионов человек. Зато гости выпили 6,5 миллионов литров пива — столько же, сколько и год назад.

Люди съезжаются на Октоберфест не только из разных концов Германии, но и со всего мира. При этом далеко не все знают о тонкостях этикета этого легендарного пивного праздника. В любом случае, тот, кто думает, что для участия в нем достаточно глушить пиво, горланить песни и плясать в стиле "два прихлопа, три притопа", глубоко ошибается. Октоберфест — дело тонкое, у него свои правила хорошего тона.

Женщине, отправляющейся на Октоберфест, непременно следует облачиться в настоящее баварское национальное платье "дирндлкляйд" (Dirndlkleid), — но только классического стиля, безо всяких там современных "прибамбасов". Наряд не обязательно должен быть новым, это же не свадебное платье. "Дирндлкляйд" из комиссионки вполне сойдет. Тем более что баварский наряд такого рода обычно стоит недешево.

Поверх юбки надевается передник. Бант на нем повязывается спереди. Но и тут есть свои тонкости. Если бант красуется справа, это значит, что вы замужем или у вас есть постоянный друг. Ну, что-то вроде: не трать время зря. Если же бант повязан с левой стороны, то это равносильно сигналу: мол, я женщина свободная и против новых знакомств ничего не имею.

По-настоящему раскошеливаться на костюмы для Октоберфеста приходится, однако, мужчинам. Дело в том, что их "дресс-код" обязательно включает кожаные штаны, которые должны не только сидеть, как влитые, но еще и скрипеть. В комиссионке такие найти трудно, так что приходится покупать новые. Брюки должны быть на помочах и с кожаной поперечной шлейкой. В хорошую погоду народ предпочитает короткие кожаные штаны и гетры, нынешней дождливой осенью наверняка больше будет длинных. Важная составляющая — металлическая цепочка, украшенная различными фигурками в виде охотничьих трофеев. На голове — традиционная фетровая шляпа с кисточкой.

На празднике Октоберфест пиво подается исключительно в литровых кружках, чтобы никто не вздумал ограничиться одним глотком. Пить тоже нужно по правилам. Кружку держат так: ручку зажимают между большим и указательным пальцами, а остальными пальцами поддерживают. Прямо скажем, это не особенно удобно, с непривычки может и рука забо-

леть. Но если вы хотите выглядеть профессионалом Октоберфеста, придется потерпеть.

Пиво, которое варят специально к Октоберфесту, — особого сорта. Оно темнее, но главное — по меньшей мере на один градус крепче обычного. Так что им лучше не увлекаться. К тому же за обстановкой в павильонах бдительно следят стражи порядка. И того, кто потерял над собой контроль и начинает буянить, тут же безжалостно выпроваживают за дверь.

А еще Октоберфест — это гигантская служба знакомств. Флиртовать можно сколько угодно, это даже поощряется. Но только флиртовать. Грубые приставания к девушкам исключаются. В противном случае от бравых баварских ребят пощады не жди.

В 2010 году исполнится 200 лет со дня рождения Октоберфеста. Миллионы ценителей пива из разных уголков мира обязательно соберутся на Терезином лугу и как всегда будут веселиться и пить самый древний и самый популярный напиток на земле.

Мюнхен

Александр ГАЛЯС

Браки совершаются в Одессе

Наш город дал миру многих знаменитых людей. Но, пожалуй, не меньшее количество знаменитостей повстречали тут свою любовь. Удивляться нечему: море, солнце, южное небо — какой простор для романтических чувств!

Любовь и апельсины

Одна из ярчайших семейных пар в истории мирового кинематографа — Александр Довженко и Юлия Солнцева. В 1928-м году они встретились на Одесской киностудии (тогда еще кинофабрике ВУФКУ). Довженко в ту пору только начинал свой славный кинопуть, поставив (не очень удачно) две комедийные короткометражки и (более успешно) приключенческую драму "Сумка дипкурьера". Солнцева же приехала в Одессу, будучи "звездой": к 26 годам она успела сыграть главные роли в популярнейших лентах "Аэлита" и "Папиросница из Моссельпрома". Необыкновенно красивая, да к тому же редкостно умная и эрудированная актриса имела огромный успех в среде литераторов: она была знакома с Константином Бальмонтом и Андреем Белым, перепечатывала стихи для Маяковского, у нее был роман с Николаем Асеевым, который посвятил ей цикл стихов "Провожая Юлю" и поэму "Королева экрана"... При этом семейная жизнь у "звезды" не складывалась: муж не хотел, чтобы она снималась, ревновал к "каждому столбу". Этим и объясняется, в первую очередь, ее появление на одесской студии.

Тут у Солнцевой вскоре завязался роман с украинским писателем Юрием Яновским. Однажды они собрались поехать на море, достали машину, и только отъехали, как увидели, что навстречу идет седовласый человек с поднятой рукой. Яновский растерянно проговорил: "Сашко!". Человек открыл двери машины и взял руки красавицы в свои.

— Я — Довженко, — сказал он.

— А я — Юля Солнцева, — растерянно ответила актриса.

Тогда новоиспеченный знакомец вынул ее из машины, и даже не подумав извиниться перед другом, увел с собою...

Такую версию знакомства излагает Николай Шудря якобы со слов самой Юлии Солнцевой. Но еще при ее жизни вышла книга, в которой Солнцева рассказывала совсем иное.

"В Одессе снимался "Джимми Хиггинс". Я обратила внимание на человека, который несколько раз появлялся на студии именно во время моих съемок. Он сидел где-то вдалеке, но, как мне говорили, наблюдал за мной. Я спросила однажды, кто это. Мне ответили — Довженко. Он тогда только что приехал из Берлина. Два дня спустя я остановилась около выхода из киностудии с друзьями по работе, чтобы показать им мои кинопробы из "Джимми Хиггинса". Вдруг чья-то рука сзади неожиданно взяла фотографии, и кто-то сказал: "Дайте я посмотрю". Я обернулась. Передо мной стоял Довженко. "Это хорошо, а это нехорошо", — очень решительно, уверенно говорил вон. Потом вернул фотографии (мне показалось — довольно небрежно) и, не сказав больше ни слова, исчез. Всем этим я была несколько удивлена.

Через несколько дней я посмотрела картину Довженко "Звенигора". На просмотре мы были вместе с семьей режиссера Шпиковского (я жила с ними в одной гостинице). Картину мы смотрели внимательно и не разговаривали друг с другом, но выйдя из киностудии, я тут же сказала, что потрясена увиденным. Зато на лице Шпиковского увидела недоумение и даже недовольство.

— Как это замечательно! — тем не менее, снова повторила я. — Как это талантливо, как ни на что не похоже!

— Вы с ума сошли, Юлия Ипполитовна! — ответил Шпиковский. — Бред, а не картина!

Через несколько дней я сидела у Шпиковских и пила чай (мы обыкновенно собирались у них по вечерам). И здесь появился Довженко. Все удивились. Он не был знаком с этой семьей, не бывал здесь.

— Знаете, я принес апельсины, — весело сказал он.

И стал, как фокусник, вынимать из карманов пальто, из шляпы, из-под рубашки громадные апельсины.

Все рассмеялись. И стали пить чай.

Потом Довженко сказал мне:

— Я пришел за вами.

Мы вышли от Шпиковских вместе и долго ходили в тот вечер по коридору гостиницы. Он рассказывал мне о своем детстве, о жизни в Харькове, о работе за границей.

Так мы познакомились. И стали часто встречаться".

Лилия Гинзбург, будущий классик советского литературоведения, летом 1928-го помногу общавшаяся с Солнцевой, писала своему другу: "Она производила, особенно минутами, впечатление человека не то растерян-

ного, не то одержимого, не то просто больного. С ихним Сашкой я имела случай беседовать; он не плох, но удивительно мало похож на человека, из-за которого красивая женщина может в два дня потерять рассудок. Тут какой-то другой переплет".

"Другим переплетом" могла быть только любовь. Каким-то невероятным, истинно женским даром Солнцева угадала гениальный дар своего возлюбленного. Ради него знаменитая актриса пожертвовала своей славой, "звездной" карьерой. Своему "Сашко" Солнцева стала до конца его дней надежным другом, помощницей и опорой.

В последние годы появились публикации, авторы которых пытаются доказать, что Солнцева была "приставлена" к Довженко ОГПУ, чтобы следить за "подозрительным" режиссером. Ссылаются при этом на какие-то таинственные папки из архива КГБ. Люди, распространяющие этот бред, не понимают одного: невозможно "по заданию" вести себя так, как Солнцева при жизни и — особенно — после смерти своего великого мужа. Она сделала все, чтобы нашли воплощение его кинозамыслы, чтобы издавались его книги, ставились пьесы. Рассказывают, что незадолго до смерти в частном разговоре эта женщина, славившаяся в работе жестким деспотическим характером, внезапно разоткровенничалась:

— Кроме Сашка, у меня никого не было!

Архив Юлии Солнцевой скоро должен открыться для исследователей. Наверное, тогда мы узнаем немало новых деталей из истории этой удивительной любви, которая возникла более 80 лет назад на берегу "самого синего" из мировых морей.

Поцелуй на крыше морга

Приблизительно в то же время разворачивался роман у будущего генерального конструктора Сергея Королева. Живя и учась в Одессе, он страстно влюбился в Ксению Винцентини, которую все звали Ляля. Но у красивой девушки было немало поклонников, из которых она до поры до времени никого не выделяла. Сергей делал все мыслимое и немыслимое, чтобы привлечь к себе внимание красавицы: он ходил вокруг нее вверх ногами, проплывал под идущей баржей, а однажды, забравшись на крышу морга, сделал там стойку на руках. Последний расчет оказался верным: стойка произвела на девушку такое неотразимое впечатление, и прямо тут, на крыше, она даже позволила себя поцеловать.

Уезжая из Одессы продолжать учебу в Киеве, Королев сделал Ляле предложение. Она ответила, что согласна выйти за него замуж, но только после того, как он выучится и станет "зарабатывать на жизнь". Сама же Ляля решила учиться на врача в Харькове — тогдашней украинской столице. После окончания института ее направили по распределению работать в Донбасс. Приезжая к любимой из Москвы, где он учился в МВТУ, Королев снова и снова пытался добиться от нее согласия. Но Ляля неизменно отвечала отказом, практично рассудив, что нет смысла выходить замуж, если все равно придется жить врозь, пока она не отработает необходимый срок по распределению. Королев настойчиво добивался, чтобы девушку отпустили досрочно, и летом 1931 года он увез ее в Москву уже в статусе жены.

Четыре и три равно один плюс один

Воздух нашего города, по всей видимости, прямо-таки пропитан любовными флюидами. Ими заражаются даже люди, давно и хорошо, казалось бы, знавшие друг друга. Такие, к примеру, как актриса Людмила Целиковская и режиссер Юрий Любимов. Они были знакомы друг с другом еще с театрального училища им Щукина. Когда Целиковская поступила на первый курс, Любимов перешел на выпускной. Снова судьба свела их на съемках фильма "Беспокойное хозяйство", а затем и в театре им. Вахтангова. Но существовали они как бы параллельно друг другу, разве что в одном были схожи: активно создавали и разрушали семьи. К началу 1960-х гг. Целиковская была замужем четырежды, Любимов — трижды. Их роман неожиданно для всех вспыхнул на гастролях вахтанговского театра в Одессе. Актриса Клара Лучко, которая жила с Целиковской в одной гостинце, вспоминает о том, какой бешеной популярностью пользовалась у одесситов ее коллега.

— Как-то я услышала шум на улице, — рассказывала Лучко много лет спустя. — Подошла к окну и увидела большую группу людей, они скандировали: "Лю-ся! Лю-ся!". Это поклонники Целиковской требовали, чтобы она вышла на балкон. И Люся, сияя ослепительной улыбкой, вышла...

Трудно сказать, подсказала ли актрисе женская интуиция, что очень скоро ее новый избранник станет мировой знаменитостью, но факт остается фактом: по возвращении из одесских гастролей Любимов перебрался в квартиру Целиковской, которую она унаследовала от предыдущего мужа — рано умершего академика архитектуры Алабяна.

А вскоре на основе своего выпуска педагог театрального училища им. Щукина Юрий Любимов создал Театр драмы и комедии на Таганке — один из самых знаменитых в истории мирового театра. Театроведы утверждают, что в становлении молодого коллектива Целиковская оказала своему супругу немалую помощь.

"Двойная порция" свадьбы

Пребывание в Одессе на съемках повлияло и на решение актрисы Татьяны Самойловой связать свою судьбу с однокурсником по училищу им. Щукина Василием Лановым. Это случилось летом 1955 года, когда Самойлова снималась в фильме "Мексиканец". Но роман начался еще в училище. Как вспоминала Самойлова, Лановой однажды подошел к ней и спросил: "Кто ты?". Она от неожиданности ответила: "Я — дочь папы и мамы". С этого и началась любовь, которая нашла логическое завершение в свадьбе. Чтобы справить ее, Татьяна, улучив перерыв в съемках, буквально на пару дней вырвалась из Одессы в Москву. Кстати, что любопытно, свадеб у наших молодоженов оказалось сразу две: обе мамы были тяжело больны и не выходили из дома. Поэтому первую свадьбу сыграли у Ланового, вторую — у Самойловой. После чего новобрачная супруга вернулась в Одессу, чтобы завершить съемки в своем первом фильме.

Ах, море, море

На съемках в Одессе начался и роман Олега Даля с Ниной Дорошиной. Оба работали в московском театре "Современник", только Дорошина уже была "звездой", а Даль лишь начинал свой путь к славе. К тому же актриса была на семь лет старше своего поклонника. Однако главное препятствие заключалось не в этом. У Дорошиной был бурный роман с главным режиссером "Современника" Олегом Ефремовым, который весьма ревностно относился ко всем ее ухажерам.

В Одессе Дорошина и Даль снимались в фильме "Первый троллейбус". Ефремов обещал своей возлюбленной приехать на съемки, повидаться. Но слова не сдержал, и актриса на него смертельно обиделась. Более того, ей донесли, что у обожаемого "руководителя" завелась новая пассия. По одной из легенд, вечером после съемок Дорошина с горя слегка "перебрала" и в таком состоянии отправилась купаться в море. Но в воде ей ста-

ло плохо, она начала тонуть. К счастью, ее отчаянные крики услышали находившиеся поблизости актеры, которые тут же бросились в воду. Первым доплыл Даль...

Другая версия не столь романтична. Отвергнутый Даль тривиально запил и исчез со съемок. Менять артиста, когда отснята большая часть фильма, было невозможно, и режиссер буквально умолял Дорошину "смилостивиться" над несчастным влюбленным.

Так или иначе, но роман завязался. Со слов очевидцев, Даль ухаживал очень красиво, стоял под окнами, дарил цветы, клялся в вечной любви. Вернувшись в Москву после окончания съемок, артисты расписались, но прожили вместе недолго: Дорошина так и не смогла избавиться от своего чувства к Ефремову.

Песочница и скакалочка

Примерно в то же время, когда происходили съемки "Первого троллейбуса", во дворе дома, что напротив Одесской киностудии, играли дети двух штатных режиссеров студии — Леночка Коренева и Андрюша Ташков. Отец Андрея Евгений Ташков был известен как постановщик фильма "Жажда", а вот Леночкиному папе повезло меньше: поставленная им комедия "Черноморочка" хотя и пользовалась успехом у зрителей, получила совершенно уничтожающие отзывы в прессе. Конечно, не это было причиной того, что дети в Одессе не подружились. Просто, как остроумно замечено в одной из книг, "сестра Лены помнит маленького Андрюшу, а вот сама Лена — нет. Он тогда еще в песочнице играл, а она уже прыгала через скакалочку. И все же они были где-то рядом". Тридцать лет спустя оба стали известными артистами; вот тогда они посмотрели друг на друга уже недетскими глазами...

Музыка их связала

В том же самом дворе, где Коренева и Ташков, только немного позже, гулял и юный Валерик Тодоровский, будущий режиссер и продюсер. Его отец Петр Тодоровский, в ту пору оператор Одесской киностудии, уже успевший проявить себя в таких фильмах, как "Весна на Заречной улице" и "Жажда", на досуге занимался сочинением песен. Об этом узнал руководитель вокального ансамбля Института инженеров водного транспорта (в просторечии — "Водного") и захотел с ними познакомиться. Песни ему

понравились, некоторые он отобрал для своего коллектива и пригласил автора побывать на репетиции.

— Я пришел на репетицию как раз в тот момент, когда они мои песни разучивали. И тут появилась Мира с местным композитором...

Мира к тому времени уже окончила институт, но по старой памяти продолжала петь в ансамбле. Автора и певицу познакомили. Кончилось это знакомство тем, что молодой инженер бросила инженерную работу и ступила на коварную стезю жены кинорежиссера. Сперва Мира Тодоровская просто помогала мужу, затем стала сочинять сценарии, продюсировать фильмы, а потом и сама взялась за постановку картин. Умудрившись при этом еще и вырастить сына Валерия, который успешно пошел по стопам родителей, превратившись в одного из "знаковых" персонажей современного российского кинематографа.

Счастливый брак супругов Тодоровских насчитывает уже полвека; как утверждают знатоки данного вопроса, такой срок для кинематографической семьи — почти рекордный.

Держи меня, Соломин

Обретя в Одессе семейное счастье, Петр Тодоровский, сам того не подозревая, заимел "последователя" в лице Виталия Соломина, к браку которого имеет самое непосредственное отношение...

Режиссер долго искал исполнительницу главной роли в своем фильме "Городской романс", который он собирался снимать на Одесской киностудии. Пока, наконец, не нашел подходящую кандидатуру. Ею оказалась Маша Леонидова — даже не актриса, а студентка Ленинградского художественно-промышленного училища имени Веры Мухиной. Девушка мирно училась и готовилась стать модельером, когда в ее судьбу вмешался тот самый "Его Величество Случай" — в образе Петра Тодоровского. Маша успешно прошла пробы, а вот с исполнителем главной мужской роли режиссер долго не мог определиться. Было два претендента — Евгений Киндинов и Виталий Соломин. Актрису познакомили с обоими кандидатами и предложили сделать выбор. Ей больше понравился Виталий: она чувствовала его доброжелательно-покровительственное отношение, как старшего брата. Уже начались съемки, как вдруг Тодоровский снял Соломина с роли, и героем стал Киндинов. Виталий страшно обиделся, перестал приходить в группу. Прервались и их отношения с Машей. Но как-то актера встретил зву-

кооператор картины и между делом сказал: "Что ж ты заморочил девушке голову и бросил?!".

— Виталий мне позвонил, — рассказывала много лет спустя Мария. — Я была на седьмом небе от счастья и не пыталась скрыть свою радость. Простодушно спрашивала, когда встретимся. Моя наивность, как позднее признавался Виталий, его покорила.

Осенью 1970 года Маша Леонидова стала Марией Соломиной, которую зрители наверняка помнят по целому ряду киноролей.

Воспитал себе жену

А вот режиссер Станислав Говорухин не стал ждать "милостей от природы". Он, по его признанию, "сам воспитал" свою жену Галину. Познакомился он с ней в 1965-м году, когда снимал свой первый фильм "Вертикаль". 17-летняя девушка только поступила в институт и решила подработать на Одесской киностудии. Что случилось дальше, рассказывает сама Галина Борисовна: "Вся студия только о Славе и говорила. Мне както подружка заявила: увидишь, мол, его, и сразу влюбишься. А я совсем молоденькая была, смутилась. Но заинтересовалась, конечно. И вот стою как-то в коридоре. Распахивается дверь — и вылетает легендарный Говорухин. Загорелый, спортивный — красавец! Посмотрел на меня внимательно и убежал. Через несколько дней я по делу зашла к нему в кабинет. Потом мне все та же подружка говорит: "Спрашивал, кто ты такая. Я ответила — наша ученица. А он — эта девочка будет моей женой". Однако завоевать сердце юной красавицы оказалось не так просто. Галину смущала разница в возрасте: Говорухину тогда шел 31-й год. Но потом все уладилось...

Влюбился с первого… вопроса

Говорухин имеет косвенное отношение и к браку известного актера Сергея Маковецкого. История эта давно уже стала легендарной. Но сперва короткое вступление.

Елена приехала в Одессу из Ленинграда. Она рано вышла замуж, родила сына, но брак не заладился, и после окончания института она уехала в Одессу. Работала редактором у Говорухина на фильме "Дети капитана Гранта". Сергей, в ту пору еще почти никому не известный, снимался в картине "Экипаж машины боевой".

Вот что рассказывает Елена об их встрече: "Мы стояли с Говорухиным и другими режиссерами, и они надо мной шутили, что я, мол, старая корова, никому не нужна, и что за меня трех рублей никто не даст. А я им: "Сами такие: вот будет сейчас пробегать первый попавшийся мальчик — захочу, и он на мне женится". Вдруг и впрямь пробегает мимо мальчик в шинели и сапогах. Я ему кричу: "Молодой человек, вы на мне женитесь?". Он посмотрел: "На вас? Женюсь!" — и побежал дальше..."

Теперь уже трудно сказать, что побудило артиста продолжить эту шутку. Однако в тот же день, отснявшись в своей сцене, он отправился бродить по студии, спрашивая всех встречных: "Вы не видели, где моя супруга?". А вскоре вся студия стала звать Сергея и Елену "мужем" и "женой". Оставалось только принять решение соответствовать статусу, что они и сделали, но уже в Москве. Свадьбу сыграли более чем скромную (некоторые источники утверждают, будто молодожены уложились в 12 рублей), но, как показывает практика, количество средств, затраченных на проведение свадьбы, чаще всего обратно пропорционально прочности брака. Случай Маковецкого — прекрасная иллюстрация к этому тезису: супруги без скандалов и сплетен живут уже четверть века.

Шла по улице... Невеста

Не менее спонтанно случился один из браков актера Сергея Никоненко. Актер достаточно часто снимался в Одессе, хорошо знал город, любил гулять по одесским улицам — не в последнюю очередь ввиду наличия на них большого количества красавиц. И вот во время одной из таких прогулок Никоненко увидел девушку, которая сразу же сразила его своей красотой. Недолго думая, актер подошел к ней познакомиться и тут же предложил ей выйти за него замуж. По всей вероятности, девушка узнала, кто ее внезапный жених, и сразу согласилась. После чего Никоненко увез ее в Москву. Правда, у этих молодоженов, в отличие от предыдущих, совместной жизни не получилось — брак распался через полтора года.

На съемочной площадочке, дугою выгнув бровь

Тоже на нашей киностудии, только на съемочной площадке, увидел свою будущую супругу актер Виктор Авилов. Лариса работала ассистентом режиссера. "Обычно, когда я вхожу в роль, — рассказывал впоследствии актер, — я никого и ничего не замечаю вокруг. А ее вдруг заметил. Ла-

риса очаровала меня всем, что только может быть в женщине, — обаянием, нежностью, умением слушать". Этот брак оказался на редкость счастливым. К несчастью, Авилов безвременно умер, находясь в апогее своей артистической карьеры.

"Я — Тамара, ты — Коля!"

А вот режиссер Николай Засеев-Руденко и актриса Тамара Носова, хотя познакомились благодаря кино, но не на съемочной площадке. Вместе их свела такая организация, как Бюро пропаганды советского киноискусства, которая проводила в Одессе концерты актеров кино. Николай вспоминал, что завтракал в гостинце, когда в зал вошла Тамара Носова.

— Я поразился ее красоте, — рассказывал в одном из интервью Засеев-Руденко. — Укороченная юбка развевалась, открывая стройные ноги. Роскошные белокурые волосы ниспадали на плечи. А эти изумительные серые глаза!

Было чем восхититься! Но самое поразительное: Носова направилась прямо к его столику и сказала: "Я буду завтракать с этим артистом. Меня зовут Тамара, а тебя — Коля". Так состоялось знакомство. Несколько лет они прожили в гражданском браке, Николай снял любимую женщину в своей дипломной работе — короткометражке "Афоня, горим!", но, в конечном счете, так и не смог оставить официальную семью. Говорят, что до самой смерти актриса хранила письма и фотографии своего бывшего гражданского супруга.

Ах, эти чудные… ножки

Во время съемок в Одессе повстречал жену и Дмитрий Харатьян. Артист снимался тогда у Леонида Гайдая в фильме "Частный детектив, или Операция "Кооперация". В это же время на киностудии экранизировали бабелевский "Закат", где играла 18-летняя тираспольская красавица Марина Майко.

Как потом вспоминал Харатьян: "Сначала я увидел ее ноги — она была в коротких штанишках. Обратил внимание: стройная высокая блондинка с голубыми глазами. Спросил: "Кто?". Мне объяснили. Стали с ней гулять по пляжу, разговаривать. Оригинальность нашего знакомства в том, что она вообще не знала, кто я".

В это, конечно, поверить трудно, ибо сериал о гардемаринах смотрела большая часть молодого населения страны, так что будем считать это утверждение Харатьяна еще одной актерской легендой. Так или иначе, но роман завязался, и Дмитрий обнаружил, что достоинства его новой знакомой не ограничиваются ногами. Женская мудрость Марины позволила ей терпеть все перепады настроения своего возлюбленного и сохранить их отношения.

От первого мгновенья до последнего

Но самая романтическая из всех одесских киноисторий связана с именами Олега Стриженова и Лионеллы Пырьевой.

В середине 1950-х гг. в Одессе снимались сцены из фильма "Овод", где главную роль исполнял молодой красавец Олег Стриженов. В перерыве между съемками он углядел эффектную девушку, которая восторженными глазами наблюдала за происходящим. Познакомиться с нею не составляло труда. Девушка носила эффектное имя Лионелла и "посконную" фамилию Скирда. Она мечтала стать актрисой и занималась в театральном кружке. Но на этом знакомство прервалось.

Шесть лет спустя судьба свела их в Ялте, где Лионелла, таки реализовавшая свою мечту, играла главную роль в фильме "Вольный ветер", который ставил, кстати, одессит Леонид Трауберг. Стриженов узнал, что девушка учится в ГИТИСе, и решил во чтобы то ни стало отыскать ее. Но встретились они в ресторане ВТО, после чего и вспыхнула всепоглощающая страсть. Однако Стриженов в тот момент не рискнул уйти из семьи, и Лионелла приняла предложение знаменитого режиссера Ивана Пырьева стать его женой. Брак был явно из числа тех, которые именуют "неравными", но благодаря ему актриса сыграла роль Грушеньки в монументальной экранизации "Братьев Кармазовых", которая сделала ее имя известным.

Спустя несколько лет судьба свела бывших влюбленных на съемочной площадке. Невольным "катализатором" былой страсти стал Петр Тодоровский, к тому времени перебравшийся из Одесской киностудии на "Мосфильм". Однако окончательное решение соединить судьбы пришло к Стриженову и Пырьевой в Одессе. Они участвовали в одном концерте, после которого договорились отужинать в "Лондонской". О дальнейшем Олег Стриженов написал в своей книге "Исповедь":

"Глядя на нее, я подумал, что ее избаловало мужское внимание, и что у нее появилась какая-то новая привычка становиться центром внимания.

И мне на минуту вспомнилась та одесская девочка Ли, которая стояла за веревочным оцеплением возле Оперного театра и которую не пускали дальше любопытной толпы. Невольно улыбнулся.

— Ты чему?

— Ничему. Просто смотрю на тебя и любуюсь. Ты красива как никогда.

Я не скрывал своего восхищения, чем, вероятно, доставил ей удовольствие. Она протянула ко мне свой бокал и тихо сказала:

— За нас.

Вечер прошел прекрасно и незаметно быстро".

В следующий раз они встретились на озвучании "Последней жертвы". Там, в присутствии всей съемочной группы, Стриженов сделал предложение.

Вместе они прожили более четверти века, не растеряв остроты первого чувства. В упоминавшейся уже книге Стриженов приводит несколько своих писем любимой женщине. В одном из них написано: "Я всегда тебя любил. Ты постоянно жила во мне на протяжении всей моей жизни. Ты — мой маяк, который светил мне всегда и который вел меня по дороге любви".

По горькой иронии судьбы, последнее их совместное выступление тоже прошло в Одессе, на сцене Русского театра...

"Муж"-самозванец

Не обошлось в наших историях и без курьезов.

Случилось это с актрисой Анной Самохиной, неоднократно, кстати, снимавшейся на нашей студии. Но на сей раз дело происходило в Санкт-Петербурге. К актрисе приехали одесские подруги, и они все вместе отправились в ресторан. Сидели, беседовали, как вдруг Самохина получила записку от какой-то женщины, та хочет с ней поговорить. Анна решила, что, может быть, с ней хочет познакомиться поклонница, но стесняется подойти, и вышла сама. Но женщина встретила актрису градом упреков. Что же оказалось? Муж этой женщины якобы познакомился в Одессе с актрисой, завел с ней бурный роман и в семью уже не вернулся. Как уже, надеюсь, понятно, этой актрисой, мол, была Самохина, которая, естественно, ни сном ни духом о том не ведала, а о своем якобы "любовнике" вообще впервые слышала.

Что ж, слава имеет разные стороны...

Вместо послесловия

Романтическая слава нашего города продолжает притягивать влюбленных. Во всяком случае, самая знаменитая "некрасивость" последних лет Нелли Уварова (которая на самом деле не только талантлива, но и отменно хороша собой), чтобы проверить своим чувства, отправилась со своим будущим мужем не куда-нибудь, а в Одессу. После чего приняла окончательное решение.

А вот — самая свежая история.

Певица Настя Приходько, которая представляла Россию на конкурсе "Евровидение-2009", вышла замуж за бизнесмена из Грузии по имени Нурик. А познакомились они, когда Настя выступала в Одессе...

Нина ДАНИЛОВА

И чувство глубокой благодарности

Настоящих одесситов обычно узнают по особому загару — брынзового цвета. Они всегда знают, что море рядом, никуда не денется, и откладывают походы на пляж до лучших времен. А эти времена, как известно, долго заставляют себя ждать. Но иногда в нашей жизни выпадали счастливые недельки благодаря всемогущему профсоюзу, и мы отправлялись в Затоку — дачный поселок, расположенный возле Одессы на всемирно известном солнечном Каролино-Бугазе. Большое количество пансионатов разместились на великолепных белых песчаных морских пляжах, а напротив теплый лиман с живописными камышами и изобилием рыбы. Просто идеальное место для полного отдыха и расслабления, а также для приобретения настоящего бронзового загара! Впрочем, это не для моей слишком белой кожи, которая мгновенно получала на Бугазе свекольный оттенок, несмотря на обильное применение предохраняющих кремов. Через несколько дней она начинала бурно покидать обожженные места, что неминуемо приводило к новым ожогам, и я напоминала облупленную молодую картошку.

Учитывая этот печальный опыт, когда летом в середине 80-х годов удалось вырваться в Затоку, я взяла с собой студенческие дипломные проекты, чтобы совместить отдых с дополнительным заработком и поменьше находиться на солнце. Все складывалось удачно. Дома заканчивался долгосрочный ремонт, перед отъездом на Бугаз были покрашены полы. Два дипломных проекта, заказанных выпускниками одесского института народного хозяйства, предполагали ближайшую возможность рассчитаться с ремонтными долгами. И компания подобралась хорошая — сотрудницы нашего ВЦ — Надя и Света, обе программистки. Все мы — молодые разведенки, пристроившие своих детей в летние лагеря. Правда, пансионат нам достался, мягко говоря, не высокого уровня, ну, да мы и не претендовали на что-то особенное. Приняли коллективное решение поселиться не в деревянном домике, который днем превращался в духовой шкаф без всякой регулировки, а в небольшом белом каменном корпусе с балконами-верандами. Этот корпус официально уже давно числился в ремонте, так как был в аварийном состоянии. Но, судя по всему, до ремонта ему еще нужно было разваливаться и заваливаться. Жить в нем более прохладно, с балкона можно круглосуточно любоваться морем, соседей почти не наблюдалось. Времена стояли голодноватые, поэтому посещение столовой приносило скудные радости. В местном магазинчике иногда удавалось ку-

пить что-то съедобное, и фруктами со станционного рыночка мы регулярно подкреплялись.

Каждое утро начиналось со встречи восхода солнца из-за морского горизонта. И это чудо можно было видеть просто с балкона. Море не повторялось и не приедалось, бесконечно меняя свой цвет и настроение. Его потрясающий запах пропитывал все, окна комнаты были открыты всем ветрам, а шум прибоя гармонично вошел в нашу жизнь. Длительное плавание в невероятно чистой и прозрачной морской воде, напитанность свежим воздухом и отрешенность от городской пыльной суетной жизни — это то, что нам было необходимо. Малолюдность нашего пляжа позволяла такую роскошь, как ночные купания нагишом — непередаваемое наслаждение, сопровождающееся свечением на теле морских микроорганизмов. В такие моменты кажется, что помнишь себя в эмбриональном состоянии жизни на земле.

На третий день райского блаженства в соседнюю комнату поселилась высокая стройная блондинка по имени Ляля, и наша тихая жизнь круто изменилась. Она объявила, что цель ее пребывания в Затоке — это месть блудливому мужу, кандидату наук, который отъехал в очередную сомнительную командировку. Мстить Ляля начала сразу же и занималась этим непрерывно. Где бы она не появлялась, через несколько минут откуда-то непостижимым образом возникали активные мужчины. О спокойном отдыхе с чтением романов и разгадыванием кроссвордов можно было позабыть. Естественно, мы также были вовлечены в эти бесконечные сюжеты и эпизоды "жестокой" мести. Громкий зазывный русалочий смех Ляли то подавал надежды страждущим поклонникам, то звучал издевкой для несчастных отверженных. В один и тот же день мы имели возможность наблюдать и принимать участие в нескольких спектаклях, сюжеты которых развивались стремительно и всегда трагически для соискателей настоящей любви. Пока однажды ранним утром не возник возле нашей обители молодой бронзовый мужчина с идеальной голливудской фигурой и обаятельным лицом Бельмондо, да ко всему этому еще и в белых батистовых плавках! Первые несколько минут после его появления мы не могли нормально выдохнуть из-за всей этой лепоты, но он дал нам немного времени для нормализации дыхания. Даже Ляля была не в состоянии выдавить из себя что-либо подходящее.

Выдержав эффектную паузу, наш герой широко улыбнулся, как водится, показав голливудские же белоснежные зубы, и сказал: "Привет, девчонки! Я Коля з Днепропетровска. Ну шо, побегли купаться на речку?". Ну, куда ж было от него, такого пленительного, деваться?! Разумеется, мы тут же

за ним и "побегли на речку", то есть переместились от своего корпуса на самый берег ласкового в этот день моря. Коля развлекал нас несколько дней и вовсю пользовался Лялькиной слабостью к Бельмондо — был, что называется, в полном фаворе. Совершенно невероятное сочетание отпадных внешних данных и детской доброты, наивности и провинциальности делало общение с ним неповторимым. Он поведал, что работает тренером по бодибилдингу, недавно разошелся с женой и увлекся кройкой и шитьем. Вот, например, эти уникальные белые плавки были им собственноручно выкроены и сшиты из двойного слоя батиста. Мы верили и балдели дополнительно от плавок тоже. На вопрос о том, почему он упорно называет море речкой, был получен исчерпывающий ответ: "Я ж живу подле речки, пока переучуся на море — опять обратно надо будет!". Коля пытался наладить с нами тренировки по гимнастике, гонял километры вдоль пляжа, организовывал велосипедные заезды по прибрежному шоссе. Все было бы ничего, если бы не хохот, который вызывали у нас его команды типа "Руки взад", комментарии по поводу неправильного выполнения упражнений и недостаточного темпа бега "в трусцах". На Лялю он смотрел преданным собачьим взглядом, но не как на хозяйку, а как на вожделенный кусок мясца. К нашему удивлению, привычного громкого смеха не было слышно, подруга повелась на красоту и, по ее выражению, в постели повиновалась ему со страстью, "как лялечка", — только умоляла не произносить ни слова. Комментарии ее были загадочными: "Девочки, как умеют любить бодибилдингисты — это что-то!". Отвергнутые ухажеры выдерживали разумную дистанцию и выжидали. Для нас Коля стал еще одной подружкой, мы даже позволяли ему принимать участие в своих ночных нагих фосфоресцирующих заплывах. Но этой идиллии очень скоро пришел весьма оригинальный конец.

Однажды утром на балконе я предпринимала героические усилия по параллельному написанию нескольких разделов дипломных проектов. Естественно, что при такой интенсивной светской жизни трудно было выкраивать время для всяческой рутины. Море в тот день было очень бурным, войти в воду могли только тренированные энтузиасты. Мне показалось, что за большим камнем мелькнула знакомая фигура в белых плавках, очевидно, Коля вступил в единоборство с волнами. Надя и Света нежились на утреннем солнышке на песке. Очень хотелось к ним присоединиться, но времени на дипломы оставалось все меньше. Нужно было съездить в Одессу, проведать дочь, покрасить полы по второму разу и отдать дипломникам хотя бы какие-то части работы для осмысления и переписки. Чтобы почерпнуть дополнительные силы, я выполняла упражнения

по набору энергии, пристально глядя в морскую даль и делая глубокие вдохи. Этого хватало на несколько минут для погружения в работу, после чего взгляд автоматически снова переводился с листа на бушующее море.

Вдруг я увидела в воде недалеко от берега какой-то очень странный предмет. Вначале вообще было невозможно понять, что это болтается на гребнях высоких волн. Истина открылась внезапно и была безнадежно однозначной. С балкона открывался вид на голую белую человеческую попу, которая иногда ныряла, а затем снова продолжала свой удивительный бурный танец на волнах. Конечно же, я подняла страшный крик, решив, что к нам прибило утопленника. Девочки вскочили, увидели этот уникальный пейзаж и активно поддержали мои вопли. Начал собираться народ и высказывать всяческие предположения. Из своей кельи выскочила заспанная Ляля и, увидев загадочный зад, мгновенно произвела опознание объекта и закричала: "Это же Коля, уйдите все отсюда немедленно!". И действительно, из воды появилась расстроенная голова мачо и донесся его голос: "Плавки в речку унесло! Ныряю, ныряю, но ничё не видать". Тут все начали хохотать, да так, что просто валились с ног. Напрасно сконфуженная Ляля умоляла отойти подальше и дать герою достойно доплыть до спасительного полотенца. Да он и не собирался делать это, а продолжал без устали нырять, совершенно не смущаясь произведенным эффектом. Бешеные волны не позволяли нырять глубоко, так что попой можно было любоваться сколько угодно, чем все с радостью и развлекались. Тогда поле позора покинула сама героиня, предварительно попросив нас передать, что эту задницу она больше не желает никогда видеть в лицо. И слово свое она сдержала. Тем более что в этот вечер к нам на огонек зашел молодой моряк в тельняшечке, да еще и с бидоном вина. Это было очень кстати, потому что погода выдалась довольно холодная и ветреная. Вечер проходил грустно, и нас вдруг потянуло на громкое пение. Мы сидели на балконе, натянув на себя всю теплую одежду и сверху еще одеяла, и выводили бессмертного Окуджаву:

Кто же ты есть, как тебя звать, где ты скрываешься?
Сколько уж лет только молчишь, лишь улыбаешься.
Только в толпе белой рукой чуть шевелишь,
Словно забыть старый причал мне не велишь.

Из кромешной темноты донесся ответ на призыв: "Я военный моряк из Северодвинска, зовут Витя, опоздал на последнюю электричку. Можно зайти попеть с вами?". Но петь Витя не очень любил, зато анекдоты рассказывал отлично. К нашему стыду, угощать гостя было практически не-

чем. Несколько кусков хлеба, тайком унесенного из столовой, и плитка заветного шоколада, который мне пришлось пожертвовать для такого случая. Вообще-то, шоколад я хранила для того неотвратимого периода, когда нужно будет писать особый раздел диплома, называемый "Расчет экономической эффективности". Поскольку никакой эффективности решений на ЭВМ задач народного хозяйства в те времена взять было практически неоткуда, то я высасывала ее, условно говоря, при помощи шоколада — он вдохновлял на поиски очередной завиральной идеи.

Вино полусухое и очень приятное закусывали крошечными бутербродиками из хлеба с шоколадом и развлекались почти до утра анекдотами и всякими смешными историями. В соответствии с песней "Начнет выспрашивать матрос в тельняшечке про мое прошлое и настоящее" — мы с наслаждением врали с три короба и хохотали над своими свежепридуманными биографиями зубных врачей, проктологов, проституток и милиционерш. Реакции у Вити были замечательные, чувство юмора — отменное. Но через некоторое время Ляля уже сидела у него на коленях, и очередной романчик пустился вскачь на наших глазах. Времени до рассвета оставалось немного — им нужно было торопиться. К утру совсем проголодались и замерзли. Ляля уводила моряка к себе греться, и мы, прощаясь навсегда, выразили ему благодарность за такую необычную совместную ночь. Напоследок Витя рассказал анекдот, окончание которого стало с тех пор часто употребимо в нашей жизни. Глядя на нас, дрожащих от холода, закутанных в одеяла, он сказал, что мы напоминаем чукчей, у которых до революции было два чувства — голода и холода, а после революции к этим двум неизменным чувствам прибавилось еще и чувство глубокой благодарности.

На следующий день мы услышали от Ляли заветные слова: "Девочки, как умеют любить военные моряки — это что-то!". И она пустила слезу восторга и сожаления.

После возвращения в Затоку из Одессы мне пришлось всерьез засесть за дипломные проекты — время поджимало не на шутку. Работа шла без энтузиазма, часто приходилось прибегать к энергетической подпитке от морского простора. В такие моменты иногда удается сделать то, что рекомендуют хорошие психологи, — зафиксировать ощущения радости бытия. Но при этом почему-то возникало странное чувство, как будто за мной кто-то наблюдает, причем с довольно большого расстояния.

А тем временем пляжная жизнь кипела, Ляля не теряла уплывающего времени мести. Мужики хороводились, горели и бурлили. И как-то незаметно появился армянин по имени Вартан с черными бархатными глаза-

ми, взгляд которых говорил больше, чем их хозяин. В основном, он молча сидел и внимательно наблюдал за происходящим на пляже. По-русски разговаривал с трудом, и акцент звучал очень мощный. Особенно смешила нас в его речи перестановка мужского и женского родов. Ляле он сказал: "Ты не похож на армяна", — на что получил достойную отповедь: "Этого мне еще не хватало!". Ответом послужил красноречивый испепеляющий взгляд, после которого никто из нас больше не рисковал поправлять армянскую специфику русского языка.

Возбужденная Ляля предложила нам поехать с Вартаном на его машине в Белгород-Днестровск на экскурсию в знаменитую древнюю крепость. Экскурсия закончилась обедом в ресторане, причем армянин платил за всех, и наши слабые попытки вернуть ему деньги воспринимались как жуткое личное оскорбление. Мы уже посматривали на Лялю как на героиню, от которой "поимели конкретную пользу". Но события развивались более чем странно. Вартан объявил, что завтра он опять приглашает всех нас уже в Ильичевск, а Лялю даже не обнадежил насчет ночи. После очередного обеда в ресторане чувство нашей глубокой благодарности начало уже зашкаливать. А Ляля опять не добилась успеха на армянском поприще. Наша троица динамисток призадумалась — кому-то необходимо будет расплатиться...

Вечером мы все были приглашены в его индивидуальный коттедж и получили урок неведомой здесь раньше курортной роскоши. Номер был обставлен приличной мебелью, работал цветной телевизор, пол накрыт ковром, холодильник заполнен армянскими деликатесами. Ко всему этому мы долго слушали армянскую музыку — Вартан привез с собой довольно массивный кассетный магнитофон! Вел себя хозяин по отношению к нам совершенно бесстрастно, невозможно было догадаться о его предпочтениях. Мы пили шикарный армянский коньяк, закусывали острой красной пастромой и переполнялись пресловутой глубокой благодарностью, рассчитывая все же на упорную Лялю. Между собой решили больше не позволять ему тратить на нас такие огромные деньги и ни в какие рестораны не ездить. Однако, провожая нас, он объявил о том, что завтра приглашает в ближайший прибрежный бар у старого причала на свой день рождения. Как было отказать такому галантному восточному человеку?! Тем более что Надя вдруг вспомнила, что армяне — вообще необыкновенно щедрый и практически бескорыстный народ. У нее уже были в жизни случаи, позволившие в этом убедиться. Но что-то подсказывало нам со Светой — это совсем не тот случай.

Когда подходили к нашему корпусу, мне показалось, что от него в темноте отделились две фигуры милиционеров в форме и сапогах. Впрочем, ничего особо странного в этом не было — милиция периодически проводила проверку документов отдыхающих в пансионатах. Окна нашей комнаты и балконная дверь оказались распахнуты, хотя обычно мы закрывали их, если уходили далеко. Ветер славно порезвился, и пришлось мне собирать с пола листки несчастных заброшенных дипломных проектов. Весь следующий день я наверстывала упущенное, позволяя себе прерывать работу над дипломами только на столовую и морские купания. Вартан не появлялся, на пляже шла обычная расслабленная жизнь.

К десяти вечера мы почувствовали себя страшно утомленными от ожидания обещанного дня рождения. Приготовленное подарочное сомбреро сиротливо лежало на тумбочке. Мы улеглись на кровати и начали уже подремывать, с ночного пляжа доносился воскресший смех неугомонной Ляли. И вдруг услышали знакомый глуховатый фальцет: "Добрый вечер! Армянское радио спрашивает: "Куда мы все идем?". Отвечаем: "Все идем в бар к причалу — там уже стол накрыт — не опаздываем к началу". Какое-то недоброе предчувствие начало проклевываться во мне, но делать было нечего — мы быстро собрались, надели сомбреро на многообещающую голову Ляли и побрели туда, куда велело нам армянское радио. А там оказалось многолюдно и весело, бушевала дискотека. Но в 11 часов бар внезапно закрылся к возмущению завсегдатаев, и осталась только наша компания. Вартан выглядел торжественно, но как-то мрачновато. Ужин был роскошный, звучала тихая медленная музыка. Грустный притихший бармен сидел с нами за столом. Вартан вынул небольшую фотографию, показал всем и сказал: "Это жена. Правда, он похож?". И показал на меня! Затем пригласил танцевать. И больше не отпускал. Девочкам гостеприимно сказал: "Отдыхайте здесь сколько хотите — все оплачено". При этом бармен подтверждающе кивнул головой. Вартан продолжал молча танцевать, но никакой особой тоски по жене в моем образе в нем совершенно не ощущалось.

Подруги не очень быстро оправились от шока, так как выбор был абсолютно неожиданный для всех, а уж более всего для меня. Они еще посидели и затем с радостью удалились на долгожданный покой. Я чувствовала себя мопассановской Пышкой и совершенно не была готова к такому повороту событий. Пыталась рассказать Вартану историю своей большой любви и непоколебимой верности, но он только повторял невнятным шепотом то, что все мужчины говорят в подобных ситуациях: "Не бойся, все будет хорошо, мне нужно тебя только узнать", — что меня напугало еще

больше. Когда я отказалась зайти к нему в коттедж, он поклялся женой и детьми (их, по его словам, было трое), что ему только нужно со мной о чем-то поговорить. Что-то подсказывало мне — угроза не половая, а совершенно другая.

Первый вопрос сразил меня, так как ответить на него любой женщине нелегко: умею ли я хранить секреты? Я чистосердечно задумалась. Смотря чьи секреты. Свои — точно не умею, чужие — с трудом, и то какое-то время, а государственные приходится хранить — имеется допуск на ВЦ к секретной информации. Он был удовлетворен моим ответом, особенно его последней частью. И как ни странно, я почувствовала, что его напряжение ослабло, как будто наличие секретного допуска сделало меня ему ближе и понятней. Второй вопрос был полегче первого, но удивил меня до крайности: что я все время записываю, глядя на море, сидя на балконе? Кого вообще постоянно высматриваю в морском просторе? Теперь до меня начало кое-что доходить. И я стала смеяться. Хохот нарастал до истерики. Помогла приличная доза коньяка. Очень кратко я объяснила товарищу при исполнении такой сложной и ответственной миссии глубокий смысл своей писанины и упражнений по набору энергии свободной стихии. Накопленная усталость изменила его расслабленное лицо почти до неузнаваемости. Я почувствовала, что Вартан уже был каким-то образом подготовлен к моим объяснениям и верил мне абсолютно. Он сообщил, что прислан на побережье Черного моря по особому заданию, ведет некий секретный поиск. Само собой разумеется, я должна была хранить в глубокой тайне все, что было, а особенно чего не было этой ночью. Мне было предложено в целях разумной конспирации дождаться рассвета на диване в его коттедже. Когда из спальни донесся храп хозяина, я включила лампу и собралась найти что-нибудь почитать — сон явно не входил в программу этой удивительной ночи. Ни книг, ни газет я не обнаружила, зато нашла бинокль и пистолет в кобуре, спрятанные под диванной подушкой. Теперь стало окончательно ясно, что ощущения наблюдения, ведущегося за мной издалека, были далеко не беспочвенны.

Утром я пережила еще одну сцену — нужно было посмотреть в глаза Ляле и отчитаться. Я отделалась по ее же методу: "Как умеют любить армяне — это что-то!". В этот момент припомнился пистолет под подушкой, и меня снова пронзило острое ощущение радости жизни! Мне пришлось провести на этом диване еще две последние ночи перед возвращением в Одессу. Необходимо было поддерживать легенду нашей вспыхнувшей страсти. Свет должен был гореть, а Вартан почти все время отсутствовал —

наверняка напал-таки на шпионский след на Бугазе. Перед расставанием он подарил мне букет желтых роз (думаю, что опять же больше из конспиративных соображений) и бархатный благодарный взгляд — от себя лично. Любопытство просто раздирало меня на части. Я позволила себе вопрос, на который, как считала, имела некоторое право: "Вы уже задержали, кого искали?". На что получила загадочный ответ: "Пока нет, но он уже нам точно виден". Безумно хотелось уточнить хотя бы пол этой подозрительной личности, в роли которой совсем недавно пришлось побывать самой. Но запретным сигналом послужил контрольный взгляд Вартана внутрь себя и его сердито сдвинутые брови.

В Одессе меня ждал очень неприятный сюрприз. На свежевыкрашенном полу кое-где проступали следы сапог! Милиционеры явно обыскивали дом при свете фонариков. Очевидно, ключи от квартиры были временно изъяты из моей сумки во время ночных милицейских дозоров. Пришлось шпаклевать и заново перекрашивать полы. Но чего не простишь преданным служителям, обеспечивающим безопасность и спокойствие морских границ?! Откуда им было знать, что мне пришлось пользоваться дешевой долгосохнущей краской? Все же не удалось-таки избежать половых проблем! Но самое обидное, что нельзя было ни с кем поделиться — эти секреты требовали полного молчания. А так славно было бы громко поражаться удивительным методам сотрудничества государственных органов! Из далекой Армении послали так здорово экипированного "спеца" в такую тяжелую командировку в особо опасную курортную зону!

Теперь, по прошествии стольких лет, все это кажется просто невероятным. Но через некоторое время мы узнали о еще более удивительном событии — Ляля бросила своего неверного мужа, переехала к Вите в Северодвинск и родила ему сына. Вспоминая эту забавную историю, нашу молодость и беспечное веселье, снова и снова убеждаюсь, что никто не скажет лучше Окуджавы:

Год пролетел, месяц прошел, время растаяло.
Значит, и мной на берегу что-то оставлено.
Только мелькнет море вдали — сердце болит,
Словно забыть старый причал мне не велит.

Бат-Ям, Израиль

Всякая всячина

* * *

В эту газету опасно было заворачивать съестное: колбаса теряла аромат и вкус, селедка делалась несъедобной, масло — елким, а хлеб плесневел прямо на глазах.

Трудноустройство

Труд безработного не любит. У нерадивого работа то убегает в лес, как волк, то уходит в горы, как Алитет.

* * *

Недавно выяснилось, что мини-стулья из гарнитура мадам Петуховой халтурщики из "Комплимент-шоу" сколачивали из бесхозных гробов мастера Безенчука.

* * *

Дотошными исследованиями творчества литбратьев И. Ильфа и Е. Петрова установлено, что у Васисуалия Лоханкина было отчество. Соседи кликали его Писсуарычем.

* * *

Неумеренное потребление "паленых" горячительных напитков чревато возгораниями. (Из Памятки для пожарных)

* * *

В истории успели отличиться четыре Клары. Одна украла у Карла кораллы, другая учредила Международный праздник женщин, третья сыграла свою первую роль в фильме "Молодая гвардия", четвертая изображает на эстраде тетю Соню.

* * *

Если на соперника или конкурента нельзя накопать компромат, с ним заключают компромисс.

* * *

Хотя больной давно вышел из детского возраста и не ощущал себя беременным или кормящим грудью, он, тем не менее, отказался от лекарства, прописанного ему участковым врачом.

* * *

Зооуголок: выгул и обучение хорошим манерам камышовых котов, шакалов, гиен и аллигаторов.

* * *

Таможенники были глубоко разочарованы, обнаружив партию некачественных наркотиков.

* * *

Парфюмерный магазин окрестили "Черемухой", а свадебный салон — "Персефоной".

* * *

Был настолько худ, что когда поворачивался боком, становился почти невидимым.

* * *

Не хочется быть плебеем. Может, стать плейбоем?

* * *

Студенты худучилища Ваня и Гога были большими поклонниками Ван Гога.

* * *

Никто так усердно не лижет руки новому хозяину, как слуги его предшественника.

* * *

Незнание законов рынка не освобождает от банкротства.

* * *

В чем достоинство однополых браков? Они исключают кровосмешение.

* * *

Всякое дело доводит до конца. В любое время года плотно закрывает двери и окна. Закручивает болты, пока не срывает резьбу. Сует карточку в терминал не один, а несколько раз.

* * *

Редкая псица доплывет до середины Днепра.

* * *

Зеркало: не хочу быть отраженным светом! Хочу само стать софитом, прожектором, фейерверком!

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК

"Городок" — пятый угол!

Городок по итогам

Из квартиры, торопясь, выходит Хозяин. На лестничной клетке он натыкается на кучу мешков с продуктами. Над ними спиной к Хозяину склонился Дядя деревенского вида. Хозяин спотыкается о мешок и чертыхается.

ХОЗЯИН. Черт!.. Э-э... Вы бы здесь как-то поаккуратней, что ли... Здесь же не деревня — здесь люди живут. А вы тут... Хамство какое развели! Вы к кому вообще?

ДЯДЯ. Вообще-то, я к тебе... (*Оборачивается к Хозяину.*) Дорогой племянничек.

ХОЗЯИН. Ой... Дядя Федя... Я уже забыл, как вы выглядите...

ДЯДЯ. Выгляжу я хорошо. Вот продуктов тебе из деревни привез.

ХОЗЯИН. Это спасибо!.. А чего вы в этом году решили и сами приехать? Каждый же год просто с проводником передавали. И очень удобно! Можно было самому и не ехать...

ДЯДЯ. Вижу — рад! Дай я тебя обниму! (*Обнимает.*) А пахнешь-то ты как... Как баба!

ХОЗЯИН (*морщится*)**.** Да. Чего не скажешь о вас...

ДЯДЯ. А чем должен пахнуть настоящий мужик? Немного сеном, немного навозом, а в основном, человеческим потом. Такой вот букет. Ха-ха!

ХОЗЯИН. Да, но вот если бы хоть немного больше сена...

ДЯДЯ. Так без того в итоге не получишь и этого. (*Показывает на мешки.*) А приехал я, чтобы подвести итоги. Как говаривал твой дед, колхозный бухгалтер: "Нам главное подвести итоги, пока итоги не подвели нас"...

Они затаскивают мешки в квартиру.

ХОЗЯИН. Фу!.. В этот раз всего так много... Земной вам поклон, родной мой дядя Федя!

ДЯДЯ. Так это же на двоих. Я теперь на пенсии, а кроме тебя, родни нет. Вот и решил к тебе в город переехать...

ХОЗЯИН. Как... Погодите, дядя Федя, мы тут вдвоем жить не сможем!

ДЯДЯ. А это только от тебя, Кеша, зависит — жить нам здесь вдвоем или нет...

ХОЗЯИН. Так, хорошо. Говорите. Что я могу сделать, чтобы мы здесь вдвоем не жили?

ДЯДЯ. Так ты можешь уехать, Кеша. В деревню. Живи там, ключ под крыльцом. Я не возражаю!

Хозяин садится, открыв рот. Дядя раскладывает свои вещи из мешка, Хозяин их тут же собирает.

ХОЗЯИН. Погодите, дядя Федя. Но почему это вы решили вдруг переехать в город?

ДЯДЯ. Так ты же тут не справился. Когда ты 30 лет назад из деревни уезжал, ты что обещал? Что закончишь институт, женишься, детей нарожаешь и вернешься. И что в итоге?

ХОЗЯИН. Так ведь я пытался. Но из института меня выгнали, жена от меня сбежала...

ДЯДЯ. Ну вот... Теперь моя очередь попытаться!

ХОЗЯИН. Не понял... Так вы что же, в мою квартиру еще и будущую жену приведете?! Без согласия?

ДЯДЯ. Ну как без согласия, что ты... Но я надеюсь, что какая-нибудь добрая женщина согласится.

ХОЗЯИН. Ой... Дядя Федя, у вас валидола с собой нет?

ДЯДЯ. Молодой я еще для валидола. Да не переживай ты так! Ты же теперь бобыль. Будем жить как семья! Если ты, конечно, не против.

ХОЗЯИН (*с надеждой*)**.** А если я против?

ДЯДЯ. А если ты против, — будем жить как соседи...

ХОЗЯИН. Ой... Дядя Федя, ну гляньте, квартира у меня маленькая, нам вдвоем тут тесно будет.

ДЯДЯ. Чепуха! Вот только в этой комнате может жить... (*Оглядывается вокруг и, шевеля губами, прикидывает количество.*) ...30 человек.

ХОЗЯИН. 30 человек, да? На один туалет?

ДЯДЯ. Ох, да... Про туалет я забыл... И в туалете еще четверо! В Китае и не так живут. Ты когда-нибудь был в Китае?

ХОЗЯИН. Не был. Эх... (*Безнадежно машет рукой.*) Но чувствую, что скоро все там будем... Не представляю себе. И что вы в городе будете делать? Жену искать?

ДЯДЯ. Да, жену — это обязательно. Но сначала я поступлю в институт.

ХОЗЯИН. Куда?!. Дядя Федя... Обучение в институте знаете, сколько сейчас стоит?

ДЯДЯ. Не везде! Я сюда в поезде в одном купе с профессором ехал — так он сказал, что у них не стоит.

ХОЗЯИН. Не мог он такого сказать!

ДЯДЯ. А я говорю — сказал. Он так и сказал: "В нашем институте учиться вообще не стоит!".

ХОЗЯИН. М-да... А может, вы все-таки передумаете? Ведь вы привыкли к деревне, к людям. Там все вас хорошо знают. Представляете, как они обрадуются, когда вы вернетесь?

ДЯДЯ. Не, этого я себе представить не могу.

ХОЗЯИН. Почему?

ДЯДЯ. Ну ты же сам говоришь — меня там все слишком хорошо знают. Ха-ха!

ХОЗЯИН. Дядя Федя, ну скажите, что вы пошутили... Ну, пожалуйста...

ДЯДЯ (*перебивает*). Да что ты заладил одно и то же! Тебе никто не говорил, что ты зануда? Нет? (*Тот отрицательно качает головой.*) Давай все-таки продолжим, Кеша, об итогах. Какие у тебя, племяш, итоги в семейной жизни?

ХОЗЯИН. Как в сказке. Жили долго и счастливо и развелись в один день. Сбежала от меня моя Танька месяц назад. Даже не знаю куда. Такие вот у меня итоги.

ДЯДЯ. А почему детей у тебя нет?

ХОЗЯИН. Жена ни за что не хотела беременеть. Говорила, что ее от меня и так тошнит... Ладно, дядя Федя, вы тут посидите. Пока. Тут. А я по одному делу сбегаю. У меня тут одна мысль появилась. (*Уходит.*)

Через несколько часов. Дядя сидит дома в халате. Входит радостный Хозяин с листом бумаги.

ХОЗЯИН. Дядя Федя, кричите "ура"! Я немного побегал — и вам институт нашел! Сельхоз! Вот! (*Сует ему лист.*) Стоимость пристойная, по окончании вернетесь в деревню, но главное — одиноким предоставляется общежитие!

ДЯДЯ. Я подумаю.

ХОЗЯИН. Подумаете?! Да если б я был помоложе, я бы и сам туда пошел!

ДЯДЯ. Ну, так ты уже можешь идти.

ХОЗЯИН. Стоп!.. Дядя Федя, почему я?

ДЯДЯ. Так общежитие же предоставляется одиноким! А я тут тоже даром времени не терял. И теперь как честный человек я обязан жениться!.. Сейчас она выйдет из ванной, я вас познакомлю. Ты пока собирай вещи.

ХОЗЯИН. Дядя Федя, как же так, дядя Федя, что ж я в моем возрасте опять в общагу...

ДЯДЯ. Ладно, не нуди. Пошутил я. Там в ванной Татьяна твоя. Она весь этот месяц у меня в деревне жила. Еле ее уговорил к тебе вернуться. Любит она тебя, зануду! И запомни, пока на свете есть любовь, окончательные итоги подводить рано!

Книжный развал

Владимир Тимофеевич Миненко.
Сборник материалов о художнике.
Авторы-составители Л. БУРЬЯН, Т. ЩУРОВА
Одесса, Друк, 2009

Художник книги — это человек, который должен воспринять текст рукописи как явление искусства и найти для него то единственное решение, которое сразу же представит будущему читателю своеобразие книги. Именно таким умением и обладал Владимир Миненко (1947-2006). Этот сборник — и дань памяти мастеру от людей, близко знавших его, и собрание прозы и стихов Володи Миненко, а он был не только художником, но и поэтом, прозаиком, журналистом.

И еще несколько слов о стихах и прозе Владимира Миненко. Когда-то в семидесятых годах он публиковался в "Комсомольской искре". Затем перерыв в... тридцать лет. И с 2005 года публикации альманахе "Дерибасовская — Ришельевская" — № 20, № 21, № 31 — и в газете "Всемирные одесские новости"...

Но, конечно, главное наследие В. Миненко — его художнические работы, оформление книг. Именно как о художнике о нем рассказывают А. Глущак, Г. Гармидер, В. Сыров, Г. Палатников, Н. Прокопенко. Сделанные им книги можно было узнать без подписи — столь неповторим авторский почерк мастера.

Приведу только один "неформальный" отзыв. На книге о Кире Муратовой, составленной Г. Лазаревой и оформленной В. Миненко, Кира Георгиевна оставила для Володи автограф: "Художнику-невидимке — Владимиру Миненко. Отдаю дань одаренности, профессионализму, изящности, исключительности, элегантности замысла и наполнения, проявившихся в этой книге. Икона удалась! Сама на себя залюбовалась".

Я думаю, что книгами, созданными Владимиром Миненко, будет любоваться не одно поколение читателей и почитателей книжного искусства.

Максим ИВЛЕВ
Одесский диктатор
Одесса, Optimum, 2009

Это первая книга об одной из ярких фигур гражданской войны, генерал-майоре Алексее Николаевиче Гришине-Алмазове. Участие в русско-японской войне, участие в первой мировой, боевые награды — все это не выделило бы этого человека, если бы не революция и гражданская война. И вот тут он оказался действительно в центре противостояния, вначале в Сибири, где стал военным министром, затем в Одессе, где стал военным генерал-губернатором.

Авантюрист? Истово преданный белой идее царский офицер? Судить о нем можно по мемуарам современников, а они очень противоречивы. Краевед из Санкт-Петербурга Максим Ивлев собрал огромную литературу о генерале, попытался систематизировать ее и пришел к выводу, что Гришин-Алмазов был героем, подвижником идеи.

"Умер героем. Героем, Гришин-Алмазов! Подчеркиваю — героем", — написала Тэффи. А Иван Бунин, прочитав о том, что, не желая сдаваться в плен, генерал застрелился, написал в "Окаянных днях": "Ужасная весть".

Много интересного в этой книге, ряд легенд легко рушится при сопоставлении с документами, особенно когда это касается мнимого отравления Веры Холодной, связей Гришина-Алмазова с Сиднеем Рейли, разоблачения чекиста Жоржа де Лафара... Так что отлично, что написанная в Питере документальная повесть издана в Одессе, где несомненно найдет своего читателя.

"Вокзал — несгораемый ящик

Светлана ХМЕЛЬКОВСКАЯ
Гость из прошлого
Одесса, ВМВ, 2009

...разлук моих, встреч и разлук, испытанный друг и указчик, начать — не исчислить заслуг" — эти строки Бориса Пастернака невольно вспоминаются при чтении новой книги Светланы Хмельковской. Они возникают в памяти как некий фон, или же бекграунд (распространенное нынче слово, употребляемое, кстати, и в тексте самой писательницей), на котором разворачивается повествование. Впрочем, скорее, не просто фон, а место действия, отмечающее, беспристрастно фиксирующее драматические повороты судьбы героини романа "Гость из прошлого".

Вторая книга Светланы Хмельковской в какой-то степени продолжает тему книги предыдущей — "Запах вечера". И не только сходством характеров героинь, общностью "вещей и положений", общностью отношения к жизни у женщин с разными именами в этих книгах, что, в конце концов, совершенно неважно. Важно другое. Звучавшая в первой книге тема душевного одиночества, неприкаянности души, во второй приобретает особую эмоциональную напряженность. Откровенность и безграничная искренность героини, обнаженность нервов сродни оголенным проводам. Кажется, заискрит...

Омытая берлинским дождем и согретая одесским солнцем судьба женщины — молодой, талантливой, красивой, успешной, благополучной и не счастливой, мятущейся между прошлым и настоящим, но когда это прошлое весьма "повзрослевшим" возникает в настоящем, то короткие мгновения счастья судьбу изменить не могут. Это как "Синяя птица", только у Метерлинка — поиски счастья и надежда на будущее, а у героини Светланы Хмельковской ее "Синяя птица" — гостья (вернее, гость) из прошлого!

О чем эта книга? С исповедальной доверчивостью пишет Светлана Хмельковская историю и судьбу героини. Любовь, как ожог, на исходе

школьных лет — по-юношески безоглядная и по-детски неопытная. Кажется, что две стороны одной улицы, по которой идут эти взрослеющие влюбленные, еще почти дети, как параллельные прямые, никогда не пересекутся. Но любовь развивается не по эвклидовой системе, и эти любовные параллели пересекутся, на миг, перед тем как расстаться надолго, а по сути — навсегда. Так начинается возраст любви и утрат. Возраст опыта. Расставшись с детством, не избалованным комфортом, но защищенным материнской любовью, дружбой верных подруг, уютным, теплым пространством одесского двора, Оля, героиня Светланы Хмельковской, становится женщиной внешне независимой, состоявшейся, уверенной в себе. Высокий профессионализм обеспечивает ей карьерный успех. Жизнь в Берлине с немецким мужем, по-европейски деликатно и толерантно относящимся к славянской непредсказуемости любимой жены. Жизнь, напоминающая глянцевые страницы гламурных журналов. Но душу куда поместить? Где найти пристанище чувствам, памяти, любви, сохранившимся в сердце этой элегантной преуспевающей женщины, оставшейся ранимой, беззащитной девочкой из одесского двора?

Нет, на мой взгляд, необходимости в беглых заметках, скороговоркой сообщающих читателю все драматические завязки, внезапные повороты, искушения и соблазны, очередные удары лбом в истории еще одной женской судьбы, страстно и сочно написанной Светланой Хмельковской. Разница темпераментов, разница в прожитом детстве и юности, непохожесть среды обитания, общения, привычек героини и героев, вошедших в ее жизнь, — все это не только добавляет горький привкус в само повествование от автора, но определяет мучительность выбора, каждый раз возникающего перед Олей.

Читатель сам должен пройти вслед за героиней этого романа, сочувствуя, сопереживая. Не верится, что кого-то эта искренность и откровенность оставят равнодушным.

Нужно отдать должное Светлане Хмельковской. В ее книге подкупает удивительный для молодого автора живописный взгляд на окружающее. Безусловно, здесь одесское происхождение внесло свою лепту в стилистику Хмельковской.

Красочность, сочность в передаче природы, умение ввести городской ландшафт, живописную нюансировку неба, моря, листвы служит дополнительным мотивом в передаче эмоционального состояния героини. И прежде всего, речь идет не о Берлине с его полюбившимися местами, не о парижском эпизоде, хоть и для них у Светланы Хмельковской хва-

тает средств. Конечно же, в первую очередь, речь идет об Одессе. Можно соглашаться или не соглашаться с героиней в каких-то ее оценках изменившейся в последние годы Одессы. Но взволнованное, чувственное восприятие родного города вводит Одессу в круг героев этой книги.

Пожалуй, самые драматические страницы связаны с еще одним несгораемым в памяти "ящиком", в отличие от вокзала — холодного, чужого, разлучающего (неважно, что чаще всего — это вокзалы "воздушных путей", аэропорты), — "ящиком" одесского двора, в котором родилась героиня, прошли детство, юность, пространство которого сжимается, сморщивается, как шагреневая кожа. Наконец, от той счастливой жизни, полной любви, дружбы, маминых забот и маминой нежности остается последняя частица — трагическое напоминание, что все кануло в Лету, — почтовый ящик с маминой фамилией. А мамы нет... Печальное пепелище — без пожара, руины — без землетрясения. Только Время — древний Хронос, пожирающий своих детей. Холодное в сиянии евроремонта, ставшее чужим, нынешнее пространство бывшей маминой квартиры...

Вторая книга Светланы Хмельковской подтвердила неслучайность первой книги, во второй ее литературный дар становится более уверенным и дает надежду, что эта книга не последняя в ее судьбе.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Остров сокровищ

Михаил ПОЙЗНЕР
С одесским штрих-кодом...
Одесса, Optimum, 2009

Разумеется, культовая повесть Р. Стивенсона — уже давно не новинка, да и не в Одессе вышла. В книге, недавно увидевшей свет в издательстве "Оптимум", речь идет не о приключениях искателей сокровищ, а о нашем городе. В предисловии к сборнику "С одесским штрих-кодом..." автор пишет: "В мире стандартного, однообразного, застоявшегося Одесса все-таки — Остров Сокровищ. Остров со своими, может быть, доступными только ему ценностями". Достоверность, справедливость этого утверждения Михаил Пойзнер доказывает всю свою сознательную жизнь. А она — очень содержательная. И посему его книги посвящены самым разным аспектам жизни, как говорится, Города и Мира. И проблемам гидротехники (доктор технических наук, профессор, академик), и истории флота, и краеведению, и деятелям культуры и искусства...

Но все же — больше всего у него книг, в которых живет и дышит наша одесская повседневная жизнь, а в ней Михаил участвует с первого дня рождения в доме вблизи Дюковского парка и Староконного рынка. Случилось это шестьдесят лет назад, и его нынешний юбилей фактически совпал со 115-й годовщиной основания Одессы. Чему автор и посвятил свой новый сборник.

Я бы с удовольствие пересказал здесь целые главы, но оставляю это удовольствие вам, уважаемые земляки. Тем, о которых Пойзнер полагает: "Природные одесситы — это все-таки штучный товар. Товар без государственных границ и без сроков годности", — а значит — и читателям нашего альманаха, на страницах которого Михаил Борисович, Миша, — всегда дорогой и желанный автор.

Редколлегия и многочисленные поклонники Природного одессита поздравляют его с новой книгой, юбилеем и присоединяются к высказанному в ней постулату: "Одесса — это неуходящая натура".

Феликс КОХРИХТ

Герои Георгия Кретова

Георгий КРЕТОВ
Боксерская слава Одессы
Одесса, Печатный дом, 2009

Одесские боксеры.

Одесская школа бокса...

А ведь все это не менее знаменательно для нашего города, чем общеизвестные мировые бренды — "одесская литература", "одесский юмор", "одесская оперетта"...

Многие-многие годы герои одесского бокса (тут нет никакой описки — именно герои!) находились в тени. Для широкой аудитории — аудитории хотя бы государственного масштаба, они, увы, оставались практически неизвестны. Причины тому разные. Там, "сверху", на Одессу всегда накладывали определенное табу. Не только в боксе... Не последней причиной была и пресловутая "одесская национальность"...

В профессиональной же среде хорошо знали возможности одесской школы бокса. А имена Трестина, Бондаренко, Иняткина, Сараева, Каца, Яблонского, Песина, Каретного, Бугаевского, Байрачного, Новоселова и многих других всегда были на устах спортивной общественности.

Было время, когда Одесса буквально жила боксом. Когда ходили "на Сему Трестина", как ходили "на Водяного, Зайденберга, Васю Москаленко". Наш бокс имел своего небезразличного зрителя, своих нападающих и защитников... Вспомнить только легендарного Бориса Давидовича Литвака — многолетнего председателя федерации одесского бокса.

Судейские справедливости и несправедливости в ринге мгновенно становились достоянием всего города. А несправедливостей было предостаточно! Многих одесситов, мягко говоря, "не замечали", прижимали, не пропускали... Но кто сегодня помнит этих "контролеров от власти" и те структуры, стоявшие "на страже"?! И разве только высокие пьедесталы — самоцель для настоящего человека и спортсмена?!!

Увы! Многие детали боксерской жизни Одессы сегодня утеряны. Многое вытерлось из памяти, многое сама жизнь оттеснила на задний план. К чести нашего города, нашелся человек, который смог существен-

но дополнить историю одесского спорта яркими страницами об одесских боксерах. Дополнить с любовью, душой заинтересованного человека. Кто-кто, а Георгий Михайлович Кретов — известный боксер, судья всесоюзной и национальной категории, — не понаслышке знаком с прошлым и настоящим одесского бокса.

Георгий Михайлович не позволил предать забвению имена прославленных боксеров, составивших славу и гордость Одессы.

Книга эта, как и прошлые его работы, — труд капитальный, труд всеобъемлющий. Собственно, здесь автором разборчивым почерком на фоне спортивных и других событий четко прорисованы человеческие личности. Их воля и характеры, позволившие преодолевать спортивные и жизненные трудности. А не это ли самое главное в жизни любого человека?!

Герои Г.М. Кретова легко узнаваемы, как и узнаваемы события разных лет, так или иначе оставившие заметный след в спортивной жизни нашего города.

...Вспоминаю далекие 60-е годы, когда сам тренировался в Кирхе и спортзале строительного института у знаменитого Григория Семеновича Новоселова. Помню, как с гордостью демонстрировал сверстникам фонарь под глазом — травму, полученную не на улице или в Дюковском, а в ринге! Травму, приравниваемую к награде высокого достоинства... Помню, как с замиранием следили за нашими первыми успехами. Первыми взлетами и падениями в буквальном смысле слова. Первыми мужскими шагами становления...

Да и сейчас, когда чувствуешь несправедливость, автоматически сжимаешь кулаки. Сжимаешь, как учил Новоселов...

Думается, что именно благодаря усилиям Георгия Михайловича Кретова, его страстной любви к спорту, не забудутся достижения одесского бокса, его вклад в развитие бокса как такового.

Михаил ПОЙЗНЕР

...В МОСКВЕ

Призвание — шахматист

Владимир ТУКМАКОВ
Профессия — шахматист
Москва, Типография "Новости", 2010

Среди выдающихся одесситов, внесших большой вклад в развитие самых разных направлений науки, искусства, общественной и деловой жизни, есть и шахматисты. И среди них — международный гроссмейстер, олимпийский чемпион, победитель и призер крупнейших турниров Владимир Тукмаков. Ныне он — главный тренер сборной Украины, признанный авторитет среди шахматной элиты мира.

Следует особо отметить, что Тукмаков — вовсе не обитатель, образно говоря, Башни из слоновой кости, а человек с активной жизненной позицией, патриот родного города. Он — инициатор проведения в Одессе не только высокопрофессиональных соревнований, в которых участвуют ведущие гроссмейстеры мира, но и ярких праздников шахмат, в которых принимают участие многие горожане — и мастера Игры, и дети, только постигающее ее первые секреты.

Столь же обширна и многообразна читательская аудитория, которой В. Тукмаков адресовал свою новую книгу "Профессия — шахматист", вышедшую недавно в Москве. Она словно предназначена для семейного чтения. Первая часть посвящена становлению будущего гроссмейстера, его детству и отрочеству, в ней — воспоминания об учителях, о встречах с великими шахматистами, о сложных, а то и драматичных ситуациях на жизненных и спортивных перекрестках. Вторая порадует шахматистов — в ней содержатся и разбираются, как пишет автор, избранные партии, сыгравшие важную роль в его жизни.

В предисловии к книге международный гроссмейстер Генна Сосонко (Голландия) не только дает ей высокую профессиональную оценку, но и подчеркивает высокие человеческие достоинства автора — своего

друга Владимира Тукмакова. И с этим одесситы полностью согласны — и те, кто поклоняется шахматам, и те, кто знает о них лишь из романа Ильфа и Петрова.

Феликс КОХРИХТ

Театральный роман

Михаил ЛЕВИТИН
Таиров. Серия "Жизнь замечательных людей"
Москва, Молодая гвардия, 2009

Для многих Михаил Левитин — один из знаменитых московских режиссеров, одесский юноша, покоривший театральную Москву, поставивший спектакли по Д. Хармсу, Ю. Олеше. Меньше Михаил Левитин известен как прозаик, хоть его романы и повести уже несколько лет пользуются заслуженным успехом и у критики, и у читателей. Да и наш альманах "Дерибасовская — Ришельевская" с удовольствием предоставляет ему свои страницы.

Книга, изданная в "ЖЗЛ", — не научный, не театроведческий разбор спектаклей выдающегося режиссера, создателя Камерного театра Александра Яковлевича Таирова. Это — роман. Вспомним, что Михаил Булгаков написал роман о Мольере, изданный после смерти писателя его вдовой, тоже в серии ЖЗЛ, а Михаил Левидов — блестящий роман о Джонатане Свифте, — вот в такой ряд я поставил бы книгу Михаила Левитина.

Александр Таиров и его жена, его муза, великая актриса Алиса Коонен живут в этом романе не как условные фигуры биографического очерка, а так, как велит романное пространство времени, заполненное интригами, творческими взлетами, открытиями, в конце концов — любовью.

Для Михаила Левитина "оживление" театральных фигур в своей прозе дело не новое. Он уже написал книгу о гениальном, но, увы, почти забытом режиссере Игоре Терентьеве. И вот сейчас книга о Таирове. Возможно ли такое: в 1949 году режиссера лишили театра, в 1950 году он умер, и лишь спустя 60 (!) лет о человеке, чье имя всегда стояло в одном ряду со Станиславским, Мейерхольдом, Вахтанговым, — первая книга?..

друга Владимира Тукмакова. И с этим одесситы полностью согласны — и те, кто поклоняется шахматам, и те, кто знает о них лишь из романа Ильфа и Петрова.

Феликс КОХРИХТ

Театральный роман

Михаил ЛЕВИТИН
Таиров. Серия "Жизнь замечательных людей"
Москва, Молодая гвардия, 2009

Для многих Михаил Левитин — один из знаменитых московских режиссеров, одесский юноша, покоривший театральную Москву, поставивший спектакли по Д. Хармсу, Ю. Олеше. Меньше Михаил Левитин известен как прозаик, хоть его романы и повести уже несколько лет пользуются заслуженным успехом и у критики, и у читателей. Да и наш альманах "Дерибасовская — Ришельевская" с удовольствием предоставляет ему свои страницы.

Книга, изданная в "ЖЗЛ", — не научный, не театроведческий разбор спектаклей выдающегося режиссера, создателя Камерного театра Александра Яковлевича Таирова. Это — роман. Вспомним, что Михаил Булгаков написал роман о Мольере, изданный после смерти писателя его вдовой, тоже в серии ЖЗЛ, а Михаил Левидов — блестящий роман о Джонатане Свифте, — вот в такой ряд я поставил бы книгу Михаила Левитина.

Александр Таиров и его жена, его муза, великая актриса Алиса Коонен живут в этом романе не как условные фигуры биографического очерка, а так, как велит романное пространство времени, заполненное интригами, творческими взлетами, открытиями, в конце концов — любовью.

Для Михаила Левитина "оживление" театральных фигур в своей прозе дело не новое. Он уже написал книгу о гениальном, но, увы, почти забытом режиссере Игоре Терентьеве. И вот сейчас книга о Таирове. Возможно ли такое: в 1949 году режиссера лишили театра, в 1950 году он умер, и лишь спустя 60 (!) лет о человеке, чье имя всегда стояло в одном ряду со Станиславским, Мейерхольдом, Вахтанговым, — первая книга?..

Вера ВОЛЯНСКАЯ
Между степью и морем
Москва — Екатеринбург, Домашний архив, 2009

Воспоминания кинорежиссера Веры Волянской писались для своей семьи как рассказ детям, внукам о дружном роде польских, украинских, русских интеллигентов, прошедших через все испытания XX века — революции, войны, террор... Для нас, одесситов, эти воспоминания важны потому, что мать Веры Елисеевны Волянской была дочерью Михаила Федоровича Комарова, известного украинского библиографа, чей дом в Одессе на Почтовой, 27 (ныне Жуковского, 27), посещали Михаил Коцюбинский и Иван Франко, Марк Кропивницкий и Мария Заньковецкая, Соломия Крушельницкая... А Леся Украинка приезжала сюда, как в родной дом, жила здесь.

Атмосфера Крыма предреволюционных лет (отец Веры Волянской был врачом, среди его пациентов был Максимилиан Волошин), атмосфера Одессы, живые характеры людей, вошедших в историю нашей культуры, переданы непосредственно и ярко, написаны талантливо. Нужно быть благодарными детям и внукам Веры Елисеевны, которые извлекли из домашнего архива эту рукопись, подготовили ее к печати, тщательно снабдив комментариями, сделали ее фактом культурной жизни и России, и Украины.

Читал эту книгу и все время искал, не мелькнет ли среди родичей Веры Волянской Люциан Викторович Волянский, поляк, ученый, преподававший нам в вузе. Было в нем высокое чувство достоинства, которое отличало старую интеллигенцию. И хоть не нашел этого имени, но почувствовал глубинную связь книги со всей жизнью нашего города, с судьбами людей, которые сопротивлялись разрушительной стихии безвременья.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

...В США

Стихи — в завещание

Енета С. ГЛИКСБЕРГ
Избранные стихи
США, Бостон, 2009

Имя Енеты Гликсберг, уверен, не знакомо любителям поэзии нашего города. Енета Семеновна Гликсберг (1896-1968) была учителем, преподавала русский язык. Можно было бы сказать, что стихи писала для себя, но в то же время в 1934 году она участвовала в Первом Всесоюзном съезде советских писателей... Может быть, то, что стихи навсегда оставались в ее письменном столе, связано с тем, что ее отец Шимон Гликсберг (1870-1950) был раввином в Одессе, сначала на Молдаванке, а потом стал главным городским раввином. В 1937 году он эмигрировал в Палестину и стал главой раввинатского суда в Тель-Авиве.

С такой биографией действительно в Советском Союзе трудно было бы публиковать стихи.

И тем не менее, в 1958 году, за десять лет до кончины, Енета Гликсберг пересмотрела свой архив и выбрала всего шесть стихотворений, которые передала сыну, написав: "Бесконечно дорогому сыну Александру. На вечную память от мамы небрежные строки, написанные в далекие дни молодости. 30.3.1958 года".

В этом, 2009 году, на двух языках, естественно, на русском, на котором писались стихи, и на английском, в переводе внучки — Инны Гликсберг, вышла изящная книжка одесского поэта. Кстати, одно из стихотворений 1925 года подписано с указанием точного адреса: "Улица Ясная, 10, Одесса". Так возвращается в родной город творчество его детей.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Необходимое уточнение

В 38-й книге альманаха "Дерибасовская — Ришельевская" в разделе "Публикации" помещен перевод части поэмы Бориса Нечерды "Народный роман" с украинского на русский язык. У автора публикации сохранилось десять страниц текста, и он считал, что перевод выполнен Инной Тикер, так как помнил, что она работала над переводами Бориса Нечерды. Однако выяснилось, что этот перевод поэмы принадлежит Белле Верниковой. Приносим свои извинения автору перевода и читателям.

Содержание

От редакции 3

ИСТОРИЯ, КРАЕВЕДЕНИЕ

Аполлон СКАЛЬКОВСКИЙ
Биография Одесской железной дороги 6

Олег ГУБАРЬ
Пушкинские адреса Одессы: дом Лучича 20

Олег ГУБАРЬ
Функции Одесского строительного комитета в контексте истории градостроительства Одессы 26

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ
Человек-оркестр 32

ОДЕССКИЙ КАЛЕНДАРЬ

Олег ГУБАРЬ
Улица Маразлиевская 37

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ
Стадион 42

ПРОЗА

Александр ЛОЗОВСКИЙ
Формула успеха 47

Роман КАРЦЕВ
Родился я в Одессе 63

Виктория КОЛТУНОВА
Убить Сталина 69

Светлана СОЛОДОВНИК
Дорога без начала и конца 81

ПОЭЗИЯ

Ефим ЯРОШЕВСКИЙ
Перемена погоды 118

Константин ИЛЬНИЦКИЙ
Кафедрал 125

Татьяна МАРТЫНОВА
Когда-нибудь 129

Илья РЕЙДЕРМАН
"Золотое дитя" 133

Валерий СУХАРЕВ
Растения 137

Александр КАБАНОВ
Бэтмен Сагайдачный 141

ДРАМАТУРГИЯ

Александр МАРДАНЬ
Американская рулетка (Номер четырнадцать) 144

ЖИЗНЬ – ИСКУССТВО – ЖИЗНЬ

Ирина ЕГОРОВА, Гертруда ПОЛЬДЖИГИНА
"Не спи, не спи, художник..." 193

Феликс КОХРИХТ
Но музыка уже слышна… 203

Аркадий ЛЬВОВ
Письмо, не полученное адресатом 205

Роман БРОДАВКО
Звезда еврейской эстрады 213

Людмила ЛЫС
Спасительница библиотек 218

ПУБЛИКАЦИИ

Алена ЯВОРСКАЯ
"Не тот" Бродский 228

Георгий ШЕНГЕЛИ
Замок Альманах 235
Публикация Алены ЯВОРСКОЙ

Лев МЕЖБЕРГ
Несколько благодарных слов об одесских художниках 239
Публикация Тамары МИХАЙЛИЧЕНКО

НАШИ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Татьяна ЩУРОВА
Манящие огни рампы 248

ПУТЕШЕСТВИЕ

Иван ЛИПТУГА
Губит людей не пиво, губит людей вода 265

АХ, ОДЕССА

Александр ГАЛЯС
Браки совершаются в Одессе 274

Нина ДАНИЛОВА
И чувство глубокой благодарности 287

Феликс ПОДГАЕЦ
Всякая всячина 296

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК
"Городок" — пятый угол! 299

ИЗДАНО...

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
Книжный развал 304
Вокзал — несгораемый ящик 306

Феликс КОХРИХТ
Остров сокровищ 309

Михаил ПОЙЗНЕР
Герои Георгия Кретова 310

Феликс КОХРИХТ
Призвание — шахматист 312

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
Театральный роман 313

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
Стихи — в завещание 315

Литературно-художественное издание

ДЕРИБАСОВСКАЯ — РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Одесский альманах

Книга 39

DERIBASOVSKAYA — RISHELIEVSKAYA

Odessa almanac

Book 39

Издается с 2000 года

Технический редактор Евгений Светин
Корректор Татьяна Коциевская

Оригинал-макет, верстка
ТИА "Вікна-Одеса"
Тел. 77-33-705

Подписано в печать 03.11.2009.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Формат 60x84/16
Физ. печ. л. 20,75. Усл. печ. л. 19,2
Зак. № 2. Тираж 500 экз.

www.odessitclub.org

Отпечатано в типографии издательства "ВМВ"

Издательская организация "ПЛАСКЕ" ЗАО
Регистрационное свидетельство ДК № 2149 от 08.04.05
а/я 299, г. Одесса, 65001, УКРАИНА
Тел. +38 (048) 7 385 385
E-mail: books@plaske.ua